

Андрей Николаевич Ланьков

Северная Корея: вчера и сегодня

Аннотация

Что мы знаем о Северной Корее? Что знает подавляющее большинство российских граждан об этой стране, которая расположена по соседству и даже имеет с нами небольшую общую сухопутную границу? Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что почти ничего.

Несмотря на известные трудности, автору удалось побывать в КНДР и провести там без малого год. Объединив полученные впечатления от поездки и результаты работы с обширными архивными материалами по истории Северной Кореи, автор написал книгу, в которой читатель впервые может познакомиться с непредвзятой историей КНДР.

(Примечание составителя файла: обложка взята из издания 2005 года.)

Андрей Ланьков

Северная Корея: вчера и сегодня

КРАТКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

1. ОТ АВТОРА
2. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ 1945–1948 ГГ.: РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА
3. КИМ ИР СЕН: ПОПЫТКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА
4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОВЕТСКОЙ ГРУППИРОВКИ» В КНДР (1945–1960)
5. РАЗГРОМ НЕКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КНДР (1945–1959) (Глава отсутствовала в книжной версии)
6. БОРЬБА ФРАКЦИЙ В СЕВЕРОКОРЕЙСКОМ РУКОВОДСТВЕ В 1950-Х ГОДАХ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ЕДИНОЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КИМ ИР СЕНА
7. ХО ГА И: ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
8. РЕПРЕССИВНЫЙ АППАРАТ И КОНТРОЛЬ НАД НАСЕЛЕНИЕМ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

КРАТКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Предлагаемая вашему вниманию книга вышла в 1995 году в издательстве «Восточная литература» (бывш. Главная Редакция Восточной литературы издательства «Наука»). Тираж у нее был обычный для наших бурных дней — 700 экземпляров, поэтому для большинства интересующихся Северной Кореей читателей она к сожалению осталась недоступной.

После выхода книги в свет я продолжал заниматься историей Северной Кореи и, разумеется, накопил немало нового материала, а также обнаружил ряд неточностей в издании 1995 года. В 1997–1999 годах, во время работы над новой книгой по истории Северной Кореи (уже на английском языке), я время от времени возвращался к старой рукописи и в результате сделал в ней довольно много изменений, с которыми хотелось бы ознакомить читателей. Поскольку по финансовым соображениям о переиздании книги речи идти не может, то лучшим выходом из положения стал Интернет. Сеть сделала возможным и использование иллюстраций.

1. ОТ АВТОРА

Что мы знаем о Северной Корее? Что знает подавляющее большинство российских граждан об этой стране, которая расположена совсем по соседству и даже имеет с нами небольшую (всего 14 км) общую сухопутную границу? Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что почти ничего. До середины 80-х гг. советские газеты и журналы писали о КНДР мало и почти исключительно в комплиментарном стиле, лишь иногда позволяя себе намеки на реальное положение дел. Нельзя сказать, чтобы читатели так уж верили этим хвалебным сообщениям. Само низкое качество северокорейской пропаганды приводило к тому, что любой советский человек, в руки которого попадал вышедший в КНДР журнал или книга, начинал относиться к этой стране с немалой иронией. Трудно ведь было воспринять всерьез те написанные на ломанном русском языке панегирики в честь Ким Ир Сена и его сына-наследника Ким Чжон Ира, коими заполнялись страницы подобных изданий. Тем не менее, никакой серьезной информации о том, что же в действительности происходит в Северной Корее, советский читатель не получал. После 1991 года ситуация изменилась, но не так сильно, как может показаться на первый взгляд. На смену былому комплиментарному стилю пришло огульное высмеивание Северной Кореи. Нельзя не признать, что оснований для всяческих шпилек и подколов северокорейская действительность дает немало. Однако журналистское зубоскальство — не лучший способ понять, что происходит в этой стране.

Конечно, изучать Северную Корею довольно сложно. Причина этого ясна — сам характер северокорейского общества, политика информационной самоизоляции, проводимая северокорейскими властями. Северная Корея до сих пор в очень большой степени остается замкнутой страной, страной-отшельником. Иностранцев в Корее очень мало, а положение их — весьма своеобразное, ибо они изолированы от местного населения, наверное, много больше, чем в любой другой стране. Корейские газеты и журналы заполнены патетическими речами, славящими сверхчеловеческую мудрость Вождя-отца и Руководителя-сына, но практически не отражают реальную жизнь страны. Корейские публикации на исторические темы также посвящены исключительно прославлению Вождя и, вдобавок, полностью фальсифицированы, так что описание одних и тех же событий может кардинально меняться каждые несколько лет. Даже самая безобидная статистика строго засекречена, а умышленное

искажение того немного, что-таки публикуется, очевидно даже неспециалисту.

Автору этих строк в 1984–1985 гг. удалось побывать в КНДР и провести там без малого год. Увиденное там заинтересовало меня настолько, что с тех пор я стал собирать материалы по северокорейской истории, а примерно с 1987 г. начал более основательно заниматься проблемами прошлого и настоящего этого государства. За это время автором был написан ряд статей и книга (изданная на корейском языке в Сеуле и впоследствии переведенная в Японии), посвященные северокорейской проблематике. Настоящее издание — это попытка свести наиболее интересные из этих статей воедино, чтобы сделать их более доступными для интересующихся Северной Кореей читателей.

В этот сборник вошло 9 статей по проблемам истории и современного положения Северной Кореи, изначально для самых разных советских и зарубежных изданий. Однако этот сборник — отнюдь не автоматическая перепечатка ранее написанных рукописей, все вошедшие в него статьи подверглись тщательной переработке и существенному расширению, общий объем их увеличился примерно в полтора раза. В то же время из статей убрана часть повторений, а рассказы о событиях, которым полностью или частично посвящены другие статьи, по возможности удалены или сокращены. Однако некоторые из повторов все-таки оставлены в статьях. Сделано отчасти из-за того, что без этого многие статьи потеряли бы внутреннюю связность, а отчасти — для того, чтобы читатель мог знакомиться со статьями сборника не подряд, а выборочно, так как он сочтет удобным или нужным, для чего необходимо, чтобы каждая отдельная статья сохраняла определенную долю самостоятельности.

Главной проблемой, встающей перед историком, пытающимся заниматься прошлым и настоящим Северной Кореи, является, конечно, хроническая нехватка надежных источников. КНДР — страна абсолютной, всеохватывающей секретности, СССР сталинского периода по сравнению с ней — едва ли не открытое общество. Публикуемые там материалы по новой и новейшей истории заведомо скудны и полностью фальсифицированы в угоду политическим потребностям минуты. Разумеется, смешно говорить о какой-либо архивной работе в условиях современной Северной Кореи. Вопреки общепринятым представлениям, не лучшим образом обстоят дела и с бывшими советскими архивами. Хорошо известно, что в начале 1990-х их с большими фанфарами открыли для исследователей, но куда меньше людей знает, что в середине 1990-х процесс раскрытия архивов был сначала приостановлен, а потом — без лишнего шума повернут вспять. Тем не менее, автору удалось добыть немало новых архивных документов, которые широко используются в данной книге. Немалую роль сыграли и интервью с участниками событий — дипломатами, военными, политэмигрантами, многие из которых живут в России и иных республиках бывшего СССР.

Большое значение имеют также и публикации северокорейской и советской прессы. Зачастую, несмотря на все содержащиеся в них умолчания, они содержат любопытный материал. Порою весьма важны даже не сами факты, а манера их подачи, нюансы в стиле изложения, которые зачастую более значимы, чем сама передаваемая информация. Наконец, при подготовке статей огромную помощь оказали уже опубликованные исследования по Северной Корее, принадлежащие перу как советских/российских, так и зарубежных (японских, американских и южнокорейских) исследователей.

В заключение хочется подчеркнуть, что серьезное изучение Северной Кореи только начинается. По сути все, что делается и будет еще сделано до падения кимирсеновского режима и Объединения страны, следует считать заведомо предварительной работой, которая только подготавливает настоящие исследования, от начала которых нас отделяет еще немало времени. Тем не менее, нужна и эта черновая работа, ибо без нее будет трудно разобраться в том материале, который окажется в распоряжении ученых после Объединения страны.

Настоящая книга — это лишь промежуточный этап работы, которая только начинается, поэтому автор надеется на то, что читатель будет помнить об этом обстоятельстве, о предварительном, получерновом характере предлагаемых его вниманию материалов, и проявит при их оценке определенную снисходительность.

***

Наконец, автору хотелось специально обратиться к тем участникам описываемых событий, в руки которых попадет эта книга: если у Вас есть какие-то замечания и поправки, если Вы хотите что-то добавить или Вы с чем-то не согласны, пожалуйста, пишите. Сейчас еще не поздно восстановить картину многого из того, что происходило в Корее 1940-50-х гг., эти события не должны быть забыты, и огромную помощь в этом могут оказать именно воспоминания их участников. Автор очень надеется на помощь и содействие своих будущих читателей в дальнейших исследованиях.

2. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ 1945–1948 ГГ.: РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Вот уже 46 лет на территории Корейского полуострова существуют два государства — Корейская республика на Юге и КНДР на Севере. Раскол Кореи и поныне остается одной из самых сложных проблем АТР, источником постоянной политической нестабильности в этом обширном регионе. Истоки нынешней сложной ситуации следует искать в событиях первых послевоенных лет, когда при прямой поддержке США и СССР в двух частях Корейского полуострова возникли два независимых и враждебных друг другу государства. В настоящей статье автору хотелось бы остановиться на тех событиях, что происходили на Севере Корейского полуострова в 1945–1948 гг. и предшествовали провозглашению КНДР. Главная наша цель — проследить, как формировался северокорейский государственный и партийный аппарат, как на Севере Корейского полуострова было создано «государство народной демократии».

***

Для Советского Союза война на Дальнем Востоке началась 9 августа, а уже вечером 11 августа, на исходе второго дня боев, части 25 армии пересекли китайско-корейскую границу в районе Кенхына. В течение нескольких последующих дней сопротивление японских гарнизонов к северу от 38-й параллели было подавлено. 15 августа японское командование объявило о капитуляции своих войск в Корее, хотя локальные столкновения с отдельными японскими частями и подразделениями, не подчинившимися приказу о капитуляции, продолжались еще несколько дней.

Почти все боевые действия на территории Корейского полуострова вели части 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно на эту армию и была возложена задача установления контроля над занятой территорией и создания там временной оккупационной администрации. 10 августа, то есть накануне начала боевых действий в Корее, в состав 25-й армии входили 17-й, 39-й и 88-й стрелковые корпуса, 386-я и 393-я стрелковые дивизии, и 10-й механизированный корпус, а также ряд других частей.¹ Командующим 25-й армией был генерал-полковник И. М. Чистяков, членом военного совета — генерал-майор Н. Г. Лебедев. В апреле 1947 года командующим армией вместо И. М. Чистякова был назначен генерал-лейтенант Г. П. Коротков. Из этих генералов, однако, северокорейскими делами всерьез занимался один Н. Г. Лебедев — профессиональный политработник, умный, энергичный, с большим вкусом к политической

¹ Состав 25-й армии, на основании советских публикаций 1960-х гг., см.: van Ree E. Socialism in one zone. Stalin's policy in Korea, 1945–1947. Oxford-New York-Munich, «Berg», 1989. P. 70.

деятельности.²

Кроме Н. Г. Лебедева, в первые годы после войны огромную роль в корейских делах играли еще два человека: прибывший в Корею в октябре 1945 года генерал-майор Андрей Алексеевич Романенко, который стал главой Советской гражданской администрации, и генерал-полковник Терентий Фомич Штыков, Член Военного Совета 1-го Дальневосточного фронта, который с первых же дней советской оккупации находился в Пхеньяне и оказывал определяющее влияние на выработку всех важнейших политических решений советских властей, равно как и на их проведение в жизнь. Фактически именно он являлся реальным высшим руководителем Северной Кореи в 1945–1947 гг. Это его назначение определялось причинами как формальными — он был старше по званию и должности, чем все остальные действовавшие в Корее советские генералы, так и неформальными — до войны Т. Ф. Штыков был крупным партийным функционером, работал в Ленинграде вторым секретарем обкома и был тесно связан с А. А. Ждановым, который в первые послевоенные годы занимал одно из высших мест в советской партийно-правительственной иерархии.

Вообще говоря, биография Т. Ф. Штыкова была достаточно типична для советских руководителей «сталинского призыва». Родился Штыков в 1907 г. в крестьянской семье. Подобно многим своим сверстникам, он отправился в город в поисках лучшей жизни, и вскоре стал рабочим на одном из ленинградских заводов. Там он вступил в партию (в 1929 году) и вскоре стал профессиональным партработником. К 1938 г. Т. Ф. Штыков, которому тогда был всего 31 год, уже занимал немалый пост второго секретаря Ленинградского обкома.³ К 1945 году войны Т. Ф. Штыков был генерал-полковником, то есть имел высшее звание, на которое в те времена только мог рассчитывать политработник (кроме него, во всей Советской Армии к концу войны такое звание имели всего лишь три политработника). Через Т. Ф. Штыкова осуществлялась прямая связь между советскими властями в Пхеньяне и высшим советским руководством — Ждановым и даже Сталиным в Москве.⁴ Наконец, большую роль в советской администрации играли 3 человека, о биографии которых известно очень мало: А. М. Игнатьев, Г. М. Баласанов, Г. Ф. Шабшин (Куликов). Баласанов и Куликов были сотрудниками советских разведывательных служб, а полковник А. М. Игнатьев занимался в основном проблемами корейских коммунистов и был ключевой фигурой в создании северокорейского партийного аппарата, «крестным отцом» Трудовой партии Кореи.

Заметная роль в советской политике в Северной Корее принадлежала и группе сотрудников 7-го отдела Политуправления 25-й армии. В советской армии «7-е отделы» занимались пропагандой на войска и населения противника, а случае оккупации той или иной территории советскими войсками именно они обычно отвечали за поддержание контактов с местными властями. В большинстве своем эти люди имели неплохое образование, и неплохо разбирались в местной политике. Из этих офицеров следует упомянуть Г. К. Меклера и В. В. Ковыженко (последний был по образованию японистом).

Вообще говоря, в первые послевоенные годы советская политика в Корее определялась в основном местными военными властями. Конечно, важные решения утверждались ЦК,

² Автору довелось встречаться с Н. Г. Лебедевым в 1989 и 1990 году. Во время этих бесед я был поражен тем, что несмотря на крайнюю старость, Н. Г. Лебедев сохранил блестящую память и острый, несколько иронический ум, который резко контрастировал с его крайней физической дряхлостью.

³ Данные о биографии Т. Ф. Штыкова содержатся, в частности, в составленной ЦК КПСС справке: Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), фонд 644, опись 2, дело 55, лист 117.

⁴ Впоследствии Т. Ф. Штыков был назначен послом в КНДР. В ноябре 1950 г. он был снят с должности и отозван в Москву. На него была возложена ответственность за военную катастрофу сентября-октября 1950 г. Решением Политбюро от 3 февраля 1951 г. он был понижен в воинском звании до генерал-лейтенанта и направлен на второстепенный пост заместителя председателя Калужского облисполкома. Впоследствии Т. Ф. Штыков недолгое время был советским послом в Венгрии. Умер он в 1964 г.

однако в целом решающую роль в стране играли военные. Порою высшие партийные инстанции сами не имели достаточной информации о положении дел в Северной Корее. В 1948 г. сотрудники международного отдела ЦК даже официально жаловались Суслову на то, что военные власти и «аппарат политического советника» (то есть местное представительство МГБ) плохо информируют Москву о происходящих в Корее событиях.⁵

Нетрудно заметить, что среди тех людей, которые волею обстоятельств в конце лета 1945 года оказались вершителями судеб Северной Кореи не было никого, кто до этого занимался бы вопросами международных отношений и внешней политики, не говоря уж о проблемах Кореи и стран Дальнего Востока. Насколько автор может судить из проведенных им бесед и доступных ему документов, 25-я армия готовилась к предстоящим действиям в Корее, рассматривая их как чисто военную операцию, в то время как политический ее аспект полностью игнорировался. Похоже, что так же обстояло дело и на более высоком уровне. Состояние советского практического корееведения к 1945 году было плачевным. До войны решающую роль в выработке советской политики по отношению к Корее (надо сказать, довольно пассивной) играл аппарат Коминтерна и те, довольно многочисленные, специалисты из числа советских корейцев, которые тогда работали в армии, разведке, внешнеполитических ведомствах. Однако в 1937 г. все советские корейцы были насильно выселены с Дальнего Востока. Партийные работники и военные корейского происхождения были в своем большинстве арестованы и погибли в тюрьмах. Одновременно была почти полностью разгромлена Корейская секция Коминтерна, уцелело лишь несколько человек, находившихся в это время на нелегальной работе в самой Корее, Манчжурии и Японии. Масштабные расправы прошли и в соответствующих отделах разведывательных служб, также в значительной части состоявших из советских корейцев. Поскольку тогда Корея находилась под властью Японии, всем им, как легко можно догадаться, было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Японии. Спаслись смогли только единицы, да и то лишь в результате чрезвычайно счастливого стечения обстоятельств.⁶

Несколько больше повезло тем, кто был подальше от особо опасных в те годы военно-политических проблем: партийным функционерам, администраторам, педагогам, научно-техническим специалистам. Кое-кто из них избежал расправы, и даже после переселения, уже в Средней Азии, продолжал занимать достаточно заметные посты. Многие из них впоследствии работали и в Корее, сыграли свою (зачастую немалую) роль в ее истории, но в первые месяцы после Освобождения никого из этих людей там еще не было. Правда, в составе советских войск было некоторое количество военнослужащих, корейцев по национальности. По большей части это были те корейцы, что к моменту переселения 1937 года жили вне Дальнего Востока, избежали статуса спецпереселенцев и в силу этого могли служить в армии. Однако мне не попадалось свидетельств о том, что кто-то из них привлекался советским командованием для решения сколь-нибудь серьезных политических вопросов. В отдельных случаях они могли быть переводчиками — и не более того. Похоже, что когда 25-я армия вступила на территорию Северной Кореи, в ее составе не было ни одного квалифицированного специалиста по этой стране. Отсутствовали даже и переводчики с корейского: армия готовилась воевать с японцами и корейский фактор вообще не принимался всерьез. В ходе подготовки к корейской кампании эта страна рассматривалась

⁵ Письмо секретарю ЦК М. А. Суслову. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 1440, лист 9.

⁶ Показательна в этом отношении судьба Петра Цоя (Чхве Пхе Дока), который был в 1937 году офицером-танкистом, одним из многих корейцев — кадровых офицеров Красной Армии. Он был арестован и в течение примерно 11 месяцев его допрашивали, время от времени, по обычаю тех лет, избивая и требуя признаться в шпионаже в пользу Японии. Однако П. Цой, несмотря на все издевательства, не оговорил себя. После падения Ежова было прислано распоряжение об освобождении всех арестованных офицеров, которые так и не признались в своих «преступлениях». П. Цой подпал под действие этого решения, был освобожден, прошел всю войну и впоследствии некоторое время пробыл в КНДР: сначала — в качестве советского военного советника, а потом — как один из высших военных руководителей КНА.

как театр военных действий, а не как арена будущих политических схваток. Фактически руководители 25-й армии почти ничего не знали о той стране, полновластными правителями которой они, почти неожиданно для себя, вдруг оказались.

Показательно, что даже важнейшее политическое решение — поручить оккупацию Кореи частям 25-й армии — было принято, как можно понять из воспоминаний ее командира И. М. Чистякова, только около 25 августа, то есть уже после окончания боевых действий. В этот день командующий 1-м Дальневосточным фронтом маршал К. А. Мерецков вызвал И. М. Чистякова и, сообщив ему об этом решении, предложил на выбор два возможных места будущей дислокации штаба: Хамхын и Пхеньян. И. М. Чистяков выбрал Пхеньян.⁷ Возможно, это полуслучайное решение предопределило положение будущей северокорейской столицы. Надо сказать, что чем бы ни руководствовался И. М. Чистяков в своем выборе (скорее всего, решающую роль сыграли чисто военные соображения), но с позиций сегодняшнего дня он представляется достаточно удачным: из всех городов, оказавшихся в советской зоне оккупации, Пхеньян был не только крупнейшим, но и одним из старейших. Вдобавок, этот город являлся и одной из исторических столиц Кореи, что также отчасти придавало некоторую легитимность размещившемуся там правительству. Однако, повторяем, И. М. Чистяков тогда вряд ли был осведомлен обо всех этих деталях.

Говоря о деятельности советских властей на территории Северной Кореи за весь период от их освобождения страны и до провозглашения КНДР, следует иметь в виду, что стоявшие перед ними задачи можно было разделить на две взаимосвязанные, но все-таки весьма отличающиеся друг от друга группы: экономические и политические.

В экономическом отношении советские власти должны были поддерживать функционирование северокорейской экономики, обеспечивать потребности населения в продовольствии и товарах первой необходимости, организовать проведение неотложных восстановительных работ и поддержание общественного порядка. Это было непростая задачей. Отступая, японцы нанесли корейской экономике огромный ущерб. По подсчетам советского командования, неоднократно цитировавшихся в советских публикациях, из существовавших к тому времени на территории Северной Кореи 1034 мелких и средних предприятий были выведены из строя 1015.⁸ Кроме того, большинство среднего и практически весь высший технический персонал состоял из японцев, которые либо выехали из страны к моменту вступления туда советских войск, либо не собирались в ней оставаться и в буквальном смысле слова «сидели на чемоданах».

Необходимо было и навести порядок, не в последнюю очередь — среди собственных солдат. Как ни прискорбно, но поведение советских войск в начальный период оккупации было далеко не образцовым. Многочисленные свидетели отмечают, что первые дни пребывания советских частей в Корее ознаменовались рядом, мягко говоря, неприятных происшествий, и что мародерство со стороны советских солдат было если и не массовым, то весьма распространенным явлением. Эти обвинения вполне можно было бы считать тенденциозными и продиктованными пропагандистскими соображениями, если бы они не исходили частично и от тех, кто относился к Советскому Союзу и к его корейской политике достаточно доброжелательно.⁹ Автору этих строк во время его бесед с пожилыми корейцами

⁷ И. М. Чистяков. Боевой путь 25-й армии. // Освобождение Кореи. М., «Наука», 1976. С. 44.

⁸ И. М. Чистяков. Боевой путь 25-й армии. // Освобождение Кореи. М., «Наука», 1976. С. 51.

⁹ Примером недоброжелательного источника являются рассекреченные и опубликованные сообщения американской военной разведки (North Korea Today, for American Eyes Only (G-2, American Army Forces in Korea, August, 1947) — «An Anthology of Selected Pieces from the Declassified File of Secret U. S. Materials in Korea before and during the Korean War». Seoul, National Unification Board, 1981. P. 31). Однако об инцидентах такого рода пишет, например, и Брюс Камингс, который в целом оценивает советскую политику в Корее настолько доброжелательно, что его впору назвать антиамерикански настроенным историком (см.: Cumings B. The Origins of the Korean War. Princeton, Princeton University Press, 1981, P. 388).

Другим свидетельством такого же рода является замечание Анны Стронг, которую цитирует Эрик ван Ри (van

приходилось и самому слышать о случаях мародерства со стороны советских войск в первые недели оккупации. Однако решительные меры, принятые советским командованием уже в сентябре, позволили восстановить порядок среди своих войск.

Главными задачами для советского руководства являлись, конечно, политические. Советское командование должно было провести то, что в западной и южнокорейской литературе довольно метко называется или «коммунизацией» страны¹⁰, то есть обеспечить приход к власти того режима, который бы в наибольшей степени устраивал советское руководство. Было бы преувеличением считать, что у советских оккупационных с самого начала имелся какой-то план или программа действий. Возможно, что поначалу Москва не исключала того, что оккупация Кореи будет только кратковременной. Однако начиналась Холодная война. Логика глобальной конфронтации, равно как и стремление «помочь прогрессивным силам», не оставляли творцам советской политики особого выбора: уже к началу 1946 г. стало ясно, что и интересы Советского Союза, и «прогресса» (как их понимали тогда в СССР) требовали создания в Северной Корее просоветского режима. Корея всегда воспринималась как потенциальный плацдарм для атаки на Советский Союз со стороны Японии. После 1945 г. Япония превратилась в передовую американскую базу, и это сделало создание «защитного буфера» в Северной Корее весьма актуальным. Разумеется, Советский Союз не возражал бы и против установления дружественного (желательно — коммунистического) правительства на всем Корейском полуострове. Однако было ясно, что США вряд ли допустят подобного поворота событий. Посему Советский Союз уже зимой 1945/46 гг. приступил к созданию сепаратного северо-корейского правительства. Справедливости ради надо отметить, что и американские власти на Севере занимались примерно тем же самым, и примерно в такие же сроки.

Итак, главной целью советской политики было создание дружественного СССР режима. Строго говоря, такой режим вовсе не обязательно должен был быть коммунистическим и, уж тем более, не было особой надобности копировать тогдашние советские порядки с той тщательностью, с которой это делалось во всех странах, оказавшихся под советским контролем после победы СССР во Второй мировой войне. Однако в большинстве этих государств советская сталинская политическая и экономическая система оказалась скопированной вплоть до мелочей. Особой политической необходимости в этом не было, но само это копирование вполне объяснимо. Во-первых, те, кто реально отвечал за проведение советской политики в оккупированных странах, сами считали советскую систему чуть ли не венцом творения, а в ее наибыстрейшем утверждении во всех концах Земли видели кратчайший путь к достижению всеобщего процветания. Возможно, что не все они были искренни, но выражать какие-либо сомнения на сей счет было делом весьма опасным. Во-вторых, главной опорой советских войск почти повсюду становились местные коммунисты, для которых Советский Союз служил недостижимым идеалом, а все существовавшие там формы политической и общественной организации — безусловно образцовыми и находящимися вне критики. Порою местные коммунисты были, так сказать, «большими католиками, чем папа римский», и копировали московские образцы даже более ревностно, чем хотелось их советским советникам.¹¹

Ree E. Socialism in one zone. Stalin's policy in Korea, 1945–1947. Oxford-New York-Munich, «Berg», 1989. P. 85 (footnote). Едва ли эта левая журналистка позволила бы себе критические замечания о поведении советских войск, не имея на то самых серьезных оснований.

¹⁰ Более откровенные советские военные и политики говорили о «советизации освобожденных территорий». Впрочем, в послевоенный период этот термин уже практически не применялся, он принадлежит к 1930-м годам. Термин «коммунизация» — чисто западный.

¹¹ Мельком об этих проблемах упоминает Н. Г. Лебедев в книге, вышедшей в 1965 г., то есть во времена, когда откровенные замечания на эту тему отнюдь не приветствовались. Рассказывая о событиях 1945 г., он говорит: «Кое-где выдвигались требования о введении в Корею советских порядков и другие левацкие лозунги» (Лебедев Н. Г. Заря свободы над Кореей. // Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965. С. 41).

Ситуация в Корее не была чем-то уникальным. Похожее положение существовало не только в Корее, но и во многих других государствах, оказавшихся к концу войны под контролем советских вооруженных сил. Однако обстановка, сложившаяся в Корее к 1945 г., во многом отличалась от той, что существовала в странах Восточной Европы. Во всех странах Восточной Европы к моменту прихода туда советских войск уже существовали местные коммунистические партии. В некоторых странах они представляли из себя немалую силу, в других же были малочисленны, но существовали они везде. Поэтому в Восточной Европе при осуществлении политики «советизации» советское военное и политическое руководство опиралось преимущественно на местных коммунистов и их организационные структуры. В Корее на первых порах это было почти невозможно. Коммунистическое движение в Корее было очень слабо и, вдобавок, почти не имело связей с СССР. Компартия Кореи, созданная в 1925 г., еще в 1928 г. была распущена специальным решением Исполкома Коминтерна. Причиной этого необычного шага стали раздиравшие партию фракционные распри. Немногочисленные разрозненные коммунистические группы существовали в глубоком подполье в тридцатые годы, но почти все они действовали в южной части страны. Влияние коммунистов в Северной Корее было незначительным, подавляющему большинству народа местные коммунистические лидеры были абсолютно неизвестны. Куда большим авторитетом пользовались правые националисты, но и они не представляли из себя серьезной сплоченной политической силы. В силу этого советским властям пришлось создавать себе искусственную опору. Они не могли ограничиваться поддержкой местных коммунистических групп, но были вынуждены активно формировать эти группы сами. Одновременно, советские власти старались достичь взаимопонимания с местными националистами, которых поначалу казалось возможным привлечь на свою сторону.

Главным и общепризнанным лидером националистов на Севере в 1945 г. был Чо Ман Сик, которого в то время часто называли «корейским Ганди». Чо Ман Сик родился в 1882 г., в детстве получил традиционное конфуцианское образование, но позднее перешел в христианство. Он закончил юридический факультет японского Университета Мэйдзи, в Пхеньяне же он работал директором школы и активно участвовал в националистическом движении, решительно выступая за ненасильственное сопротивление колонизаторам. В двадцатые годы Чо Ман Сик стоял у истоков движения за экономическое самоусиление, был руководителем ряда крупных националистических организаций. Особую известность он приобрел во время войны, когда японские власти попытались заставить корейцев сменить свои традиционные фамилии на японские. Чо Ман Сик демонстративно отказался это сделать.¹²

В момент, когда стало известно о капитуляции Японии, Чо Ман Сик находился вне Пхеньяна, но получив это известие, он тут же прибыл в город и днем 17 августа сформировал там орган местного самоуправления, который стал называться Южнопхенанским комитетом по подготовке независимости. Произошло это с молчаливого согласия японской администрации. Японцы понимали неизбежность ухода из Кореи и стремились обеспечить максимально возможную стабильность на те несколько дней, которые должна была занять эвакуация. В составе Комитета была 9 отделов (общий, охраны общественного порядка, пропаганды, просвещения, экономики, финансов, повседневной жизни, местного управления и иностранных дел). Кроме самого Чо Ман Сика, в Комитет поначалу входило двадцать человек, в большинстве своем представлявших различные националистические организации. Только трое его членов были коммунистами: Ли Чу Ен (зав. общим отделом), Хан Чэ Док (зав. отделом пропаганды) и Ким Кван Чжин (без конкретного поручения).¹³ В то же время за

¹² Пак Чэ Чхан. Пхеньян конгук чунби вивонхве кельсон-гва Кодан Чо Ман Сик (Создание Южнопхенанского комитета по подготовке к восстановлению государства и Чо Ман Сик). — «Пукхан», 1985, #8. С. 44.

¹³ Пукхан сасип нен (40 лет Северной Корее). Сеул, «Ырю мунхва са», 1988. С. 101.

бортом этого административного органа казались наиболее влиятельные деятели северокорейского коммунистического подполья того времени: Хен Чун Хек, Ким Ен Бом и Пак Чон Э. Как отмечает Э. ван Ри, это слабое, по сравнению с Сеулом, представительство коммунистов в самостоятельных органах местного самоуправления в целом отражало реальную особенность политической ситуации в Пхеньяне: заметно большее, чем в Сеуле, влияние правых сил.¹⁴ В свете последующих событий это может показаться парадоксальным, но Пхеньян в августе 1945 г. был оплотом правых, в то время как в Сеуле коммунисты тогда были если не ведущей, то очень заметной политической силой.

Пхеньянский комитет не был уникальным явлением: в течение второй декады августа подобные органы корейского самоуправления возникать повсеместно, как на Севере, так и на Юге Кореи. Иногда это происходило под контролем, а то и по прямой инициативе советских военных (в Наджине, Унги, Чхонджу и иных портах восточного побережья), чаще — совершенно самостоятельно, в условиях образовавшегося после ухода японцев вакуума власти, а временами — даже параллельно с еще продолжавшей функционировать колониальной администрацией. Вне зависимости от конкретных обстоятельств своего возникновения, эти комитеты появлялись достаточно спонтанно и пользовались широкой народной поддержкой. Во главе их обычно становились авторитетные деятели националистического движения, но и влияние коммунистов там было, особенно на Юге, достаточно заметным. На первых порах эти органы местного самоуправления носили самые разные названия: «комитеты по подготовке к восстановлению государственности», «комитеты обеспечения порядка», «национальные административные комитеты» и т. д. Однако вскоре, с сентября, за ними окончательно закрепилось наименование «народные политические комитеты». В южнокорейской историографии принято считать, что это название было введено в обиход советскими властями.¹⁵ Видимо, так оно и было, очень уж слово «народный» было популярно в советском политическом лексиконе тех лет («народная демократия», «народная армия» и т. п.), но нельзя полностью исключить и того, что первым этот термин употребил кто-то из корейских коммунистов, а уж потом понравившееся название закрепили за всеми вновь образующимися органами самоуправления. С октября 1945 г. народные политические комитеты стали именоваться просто «народными комитетами».¹⁶

Как только 26 августа в Пхеньян, ставший временной столицей Северной Кореи, прибыл штаб 25-й армии, депутация Южнопхенанского комитета по подготовке независимости встретила с советским командованием. Сначала члены Комитета попытались установить контакт с самим И. М. Чистяковым, но тот от обстоятельной беседы уклонился. Как сам он написал в своих воспоминаниях: «После короткого разговора я понял, что проблем тут так много, и они так сложны, что без товарищей из Военного Совета нам... не обойтись».¹⁷ Скорее всего, профессиональный военный И. М. Чистяков решил не связываться с чисто политическими делами, которые по тем суровым временам могли казаться и достаточно небезопасными. Поэтому он перепоручил контакты с северокорейцами своему комиссару Н. Г. Лебедеву. На встрече, состоявшейся 28 или 29 августа, произошла

Пак Чэ Чхан. Пхенъан конгук чунби вивонхва кельсонъ-гва Кодан Чо Ман Сик (Создание Южнопхенъанского комитета по подготовке к восстановлению государства и Чо Ман Сик). — «Пукхан», 1985, #8. С. 47.

¹⁴ van Ree E. Socialism in one zone. Stalin's policy in Korea, 1945–1947. Oxford-New York-Munich, «Berg», 1989. P. 87.

¹⁵ Пукхан сасип нен (40 лет Северной Кореи). Сеул, «Ырю мунхва са», 1988. С. 36.

¹⁶ Щетинин Б. В. Власть-народу. // Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965. С. 121 сноска.

¹⁷ И. М. Чистяков. Боевой путь 25-й армии. // Освобождение Кореи. М., 1976. С. 48.

беседа члена Военного Совета 25-й армии Н. Г. Лебедева с представителями Комитета по подготовке независимости, носившая ознакомительный характер.¹⁸ На ней руководители Комитета обратились к советскому командованию с просьбами о помощи в решении текущих дел, состоялось взаимное знакомство.

В ряде западных и южнокорейских работ содержится иная версия того, что произошло тогда: утверждается, что на встрече присутствовал генерал И. М. Чистяков, который потребовал изменить состав Комитета и ввести в него коммунистов.¹⁹ Судя по всему, здесь существуют определенные неточности. С большой долей уверенности можно утверждать, что И. М. Чистяков вовсе не участвовал во встрече 29 (28?) августа. Об этом вполне определенно говорил и он сам (в своих мемуарах), и Лебедев (в беседах со мной). Оснований не верить им в данном случае нет никаких: они могли бы умолчать о том, что произошло на встрече, но не самом участии в ней Чистякова. Сомнительно и предположение Э. ван Ри о том, что в действительности заявление И. М. Чистякова о необходимости введения в состав Комитета коммунистов могло быть сделано им во время его первой встречи с членами Комитета²⁰, ибо к тому времени у И. М. Чистякова совсем не было никакой информации о том, что происходит в стране, да, вдобавок, надо учесть и его откровенное нежелание «лезть в политику», которое достаточно хорошо чувствуется даже в мемуарах. Скорее всего, заявление с требованием преобразовать Комитет по подготовке к восстановлению государства в Народный комитет и провести в связи с этим изменения в его составе было сделано от имени советского командования (очень возможно, что даже от имени И. М. Чистякова), но не лично им, а кем-то другим, вероятнее всего — Н. Г. Лебедевым. Не исключено также, что это требование было высказано не во время встречи 29 августа, а несколько позднее, в первых числах сентября. Косвенным подтверждением последнего предположения служит то обстоятельство, что ни Н. Г. Лебедев, ни И. М. Чистяков, говоря о встрече 29 (28?) августа, не упомянули преобразование комитета среди обсуждавшихся на ней вопросов.

В то же время первая встреча с членами Комитета дала Лебедеву возможность поближе приглядеться к ним. Чо Ман Сик произвел на Н. Г. Лебедева особо неприятное впечатление. Это отношение чувствуется и в его докладе И. М. Чистякову, который впоследствии тот сам привел в своих воспоминаниях, чувствовал его и автор этих строк во время своих бесед с Н. Г. Лебедевым. Вот как, например, передает И. М. Чистяков слова Н. Г. Лебедева о поведении Чо Ман Сика: «Во время беседы Чо Ман Сик сидел в кресле неподвижно, с закрытыми глазами. Можно было подумать, что он спит. Лишь изредка, молча, еле заметно Чо Ман Сик кивал головой в знак согласия или качал головой, возражая. Вел он себя как старший по возрасту среди присутствовавших, видимо, полагая, что чем меньше будет говорить, тем выше будет его авторитет».²¹ Поведение Чо Ман Сика было вполне понятно и обычно для любого высокопоставленного пожилого корейца, будучи главой делегации и, до некоторой степени, всей местной администрации, он, в соответствии с вековыми корейскими стереотипами, мог и даже должен был вести себя только так. Однако подобное поведение не

¹⁸ Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва

Н. Г. Лебедев — советский генерал, в 1945 г. — член Военного Совета 25-й армии, позднее — глава Советской Гражданской Администрации в Северной Корее.

И. М. Чистяков. Боевой путь 25-й армии. // Освобождение Кореи. М., 1976.

¹⁹ Scalapiano R., Lee Chong-sik. Communism in Korea. Berkeley-Los Angeles-London, 1972. P. 315.

Пукхан сасип нен (40 лет Северной Кореи). Сеул, «Ырю мунхва са», 1988. С. 36.

²⁰ van Ree E. Socialism in one zone. Stalin's policy in Korea, 1945–1947. Oxford-New York-Munich, «Berg», 1989. P. 92.

²¹ И. М. Чистяков. Боевой путь 25-й армии. // Освобождение Кореи. М., 1976. С. 50.

могло вызвать симпатий у советских офицеров, привыкших к иному стилю отношений.

Тем не менее, на первых порах советская администрация не оставляла надежды привлечь на свою сторону Чо Ман Сика, который, как было ясно всем, являлся на тот момент самой популярной политической фигурой в Пхеньяне. Осенью 1945 г. советские офицеры неоднократно встречались с лидером северокорейских националистов и пытались уговорить его встать во главе формирующейся северокорейской администрации, но все эти переговоры шли очень трудно.²² Человек весьма правых взглядов, с неприязнью относившийся к коммунистам, Чо Ман Сик если и был согласен сотрудничать с советскими властями, то только на своих, довольно жестких, условиях, которые предусматривали, в первую очередь, сохранение за ним немалой автономии. Тем не менее, именно Чо Ман Сик был поставлен во главе «Административного бюро 5 провинций» — временного органа самоуправления на территории Северной Кореи, об организации которого было объявлено 8 октября 1945 г. на организованной советскими властями встрече представителей народных комитетов 5 провинций Северной Кореи. Создание этого органа было примечательно еще и потому, что оно являлось первой советской попыткой сформировать своего рода северокорейское «протоправительство».

Предпринимавшиеся на первых порах попытки привести к власти в Пхеньяне человека, не слишком тесно связанного с коммунистическим движением, имели под собой определенные основания как доктринального, так и практического характера. Во-первых, развертывающиеся тогда на Севере процессы рассматривались как «народно-демократическая», а не «социалистическая» революция. Считалось, что она должна была решать лишь национальные и общедемократические задачи, и таким образом создать условия для перехода к собственно социалистическим преобразованиям. Поэтому во главе режима на данном этапе было предпочтительнее иметь деятеля националистического направления, хотя и «прогрессивного».²³ Во-вторых, советскому командованию приходилось учитывать, что влияние коммунистов, особенно на Севере, было невелико. Поэтому представлялось весьма желательным опереться на авторитет Чо Ман Сика и других известных националистических лидеров и попытаться работать с ними. Поэтому в Северной Корее, как и в некоторых странах Восточной Европы, советские власти взяли курс на создание коалиционного режима, в котором коммунисты играли бы заметную роль, но все равно действовали бы в тесном сотрудничестве с «прогрессивными» националистами. Такой режим мог стать переходом к чисто коммунистическому режиму (именно в таком качестве он, скорее всего, и мыслился), однако этот переход мог занять не один год.

Одновременно с попытками создать какие-то зачатки новой, просоветски ориентированной местной власти, советское военное командование занялось и организацией собственного аппарата управления. На первых порах представителями советского командования на местах были военные коменданты, но они в своем подавляющем большинстве были кадровыми офицерами и ни по своему опыту, ни по подготовке никак не подходили для решения многочисленных и весьма сложных политических и хозяйственных задач. Поэтому в начале октября была создана Советская Гражданская Администрация, которая взяла на себя все текущее управление хозяйственной и политической жизнью Северной Кореи. Официально Советская Гражданская Администрация, которую мы далее

²² Интервью с Ю Сон Чхоль, 18 января 1991 г., Ташкент.

Ю Сон Чхоль — в 1941-46 гг. сотрудник советской разведки, в 1948–1956 гг. — начальник оперативного управления Генштаба Корейской Народной Армии.

²³ Эта трактовка событий 1945–1947 г. как антифеодальной, национально-освободительной, антиимпериалистической революции, которая впоследствии переросла в социалистическую получила большое распространение в советской историографии (см., например, отчасти посвященную этому вопросу работу Ф. И. Шабшиной: Ф. И. Шабшина. Социалистическая Корея. М., 1963. С. 70–71).

будем сокращенно именовать СГА, была создана 3 октября 1945 г.²⁴ Ее руководителем был назначен А. А. Романенко, но вся ее деятельность протекала под постоянным личным контролем Т. Ф. Штыкова. Несмотря на свое название, Советская Гражданская Администрация была чисто военной организацией, все ее сотрудники были кадровыми офицерами Советской Армии. В тех случаях, когда СГА требовались специалисты (например, переводчики с корейского), их находили в СССР, потом призывали в армию, и уже только после этого, в качестве военнослужащих, отправляли в Северную Корею.

15 ноября в СГА были созданы 10 департаментов, которые должны были взять на себя руководство различными сферами жизни Северной Кореи и играть роль квази-министерств. Это были департаменты промышленности, транспорта, связи, финансов, земли и леса, торговли и заготовок, здравоохранения, просвещения, юстиции и полиции, просвещения. Как пишет в своих воспоминаниях Б. В. Щетинин, сам активно участвовавший в создании СГА, количество служащих в каждом департаменте колебалось от 7 до 50. Это были почти исключительно корейцы, хотя в особых случаях допускалось и использование старых специалистов-японцев. Разумеется, отбор на службу проводили советские офицеры, которые исходили в первую очередь из того, казался ли кандидат им «прогрессивно и демократически настроенным» или нет.²⁵ Важно, что, по словам Б. В. Щетинина, «департаменты были наделены правами издавать приказы и распоряжения, обязательные для всех провинциальных народных комитетов».²⁶ Таким образом, органы местной самостоятельной администрации оказались в прямом директивном подчинении у советских оккупационных властей, стали как бы их представителями на местах.

Однако советское командование довольно быстро убедилось, что блок с местными националистами создать не удастся. Чо Ман Сик пытался использовать свое положение для того, чтобы проводить свою линию, которая все чаще и чаще противоречила планам советских властей. В обстановке нарастающих противоречий советским властям пришлось заняться поиском новых политических комбинаций. Впрочем, к концу сентября 1945 года положение на северо-корейской политической сцене существенно изменилось: на ней появились новые силы. С конца августа в Пхеньян из-за границы стали приезжать советские корейцы и жившие в эмиграции корейские коммунисты.

С начала осени 1945 г. военкоматы в советской Средней Азии стали мобилизовывать советских корейцев (главным образом тех, кто занимал более или менее заметное положение, имел неплохое образование и считался «политически грамотным») и отправлять их в Пхеньян, в распоряжение штаба 25-й армии. Кроме этого, военные приступили к поискам тех советских корейцев, которые в то время уже служили в Советской Армии. Они также отправлялись в Пхеньян. Первая группа советских корейцев прибыла туда в начале сентября 1945 г. В условиях, когда подавляющее большинство советских офицеров не имело никаких представлений о Корее, эти люди оказывались консультантами, от которых порою зависело принятие важнейших решений.²⁷ За первой группой последовали другие и к концу 1945 г. в Северной Корее находилось по меньшей мере несколько десятков советских корейцев. К моменту провозглашения КНДР их уже было уже нескольких сотен.

Одновременно с советскими корейцами в Пхеньян осенью 1945 г. стали возвращаться из эмиграции и тюрем корейские коммунисты. Как уже говорилось, коммунистическое

²⁴ Щетинин Б. В. Власть-народу. // Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965. С. 125.

²⁵ Там же, с. 126.

²⁶ Там же, с. 126.

²⁷ Интервью с Кан Сан Хо, 30 ноября 1989 г., Ленинград.

Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.

движение в Корее было слабым, основную деятельность корейские коммунисты вели в эмиграции. После роспуска Компартии Кореи в 1925 г. и почти поголовного уничтожения корейской секции Коминтерна в годы сталинских репрессий связь между различными группами корейских коммунистов была окончательно нарушена. К 1945 г. в корейском коммунистическом движении существовало три группировки, которые были почти не связаны друг с другом — яньаньская, маньчжурская (или партизанская) и внутренняя.

Во внутреннюю группировку входили те корейские коммунисты, которые не покинули страну и в тяжелейших условиях японского гнета и полицейских преследований продолжали подпольную деятельность в самой Корее (главным образом, в Сеуле и южных районах страны). Сразу же после Освобождения, в конце августа 1945 г., представители разрозненных коммунистических организаций собрались в Сеуле и объявили о воссоздании Компартии Кореи. Во главе партии встал ветеран коммунистического движения Пак Хон Ен.

Другой группировкой корейских коммунистов была так называемая «яньаньская фракция», состоящая из тех корейских коммунистов, которые находились в эмиграции в Китае, но, в отличие от Ким Ир Сена и его людей, не принимали участия в партизанской войне в Манчжурии (хотя многие из них и служили в частях Китайской Красной Армии и даже занимали там заметные посты). Поскольку с 1935 г. штаб-квартирой китайских коммунистов была Яньань, то большинство эмигрировавших в Китай в 20-30-х корейских коммунистов-интеллектуалов в конце концов оказалось там, что и определило название их фракции. Руководителем яньаньцев считался Ким Ду Бон, однако в действительности этот крупный ученый-лингвист, кажется, был почти символической фигурой и реальной практической политикой и администрированием практически не занимался. В Пхеньяне Ким Ду Бон и другие руководители «Лиги независимости» прибыли в декабре 1945 г.²⁸

Третьей группировкой корейских коммунистов была так называемая «маньчжурская» или «партизанская» фракция, во главе которой стоял Ким Ир Сен. О его биографии до 1945 г. мы говорим в другом месте, а здесь стоит лишь упомянуть, что Ким Ир Сен, в прошлом — заметный командир действовавших в Манчжурии антияпонских коммунистических сил, провел 1941–1945 г. в СССР, где он был капитаном Советской Армии. Вместе со своими бывшими партизанами, которые тоже служили в советских вооруженных силах, Ким Ир Сен прибыл во Владивосток, а оттуда на пароходе «Пугачев» добрался до Вонсана. В Пхеньяне Ким Ир Сен приехал в конце сентября 1945 г. и, надо признать, его появление там оказалось весьма кстати.²⁹

К этому времени советским властям стало ясно, что попытки наладить сотрудничество с местными националистами и лично с Чо Ман Сином не приводят к успеху и необходимо искать другую фигуру, на которую можно было бы опереться в проведении своей политики на Севере Корейского полуострова. Не исключено, что на первых порах такая фигура мыслилась как своего рода «дополнение» к Чо Ман Сику, который все равно считался бы формальным руководителем Северной Кореи. Наиболее очевидной кандидатурой мог бы показаться Пак Хон Ен, лидер Коммунистической Партии Кореи, но с точки зрения советских военных у него было несколько серьезных недостатков. Находившийся в Сеуле Пак Хон Ен был, во-первых, недостаточно хорошо известен советскому руководству, во-вторых, казался слишком ненадежным из-за своих сравнительно слабых связей с СССР, в-третьих, в прошлом (в начале 1930-х гг.) он был связан с Коминтерном, что могло не понравиться Сталину и его окружению, недолюбливавшему бывших коминтерновцев. О каком-либо кандидате из числа собственно советских корейцев, которые в подавляющем большинстве впервые прибыли в Корею и были совершенно неизвестны там, не могло быть и речи. Таким образом, появление молодого и энергичного капитана Советской Армии Ким Ир Сена, в прошлом — довольно известного командира маньчжурских партизан, а ныне — помощника коменданта города

²⁸ И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951). М., 1951. С. 56.

²⁹ Интервью с Ю Сон Чхолом, 18 января 1991 г., Ташкент.

Пхеньяна, действительно пришлось весьма кстати. Выбор пал на него, и после серии консультаций с Москвой принято решение о всяческой поддержке Ким Ир Сена как будущего лидера Северной Кореи.³⁰

Первым известным нам событием, которое могло указывать на начинающееся выдвижение Ким Ир Сена стала встреча Чо Ман Сика, Ким Ир Сена и Г. К. Меклера (в то время — подполковника, начальника 7-го отдела политотдела 25-й армии), состоявшаяся вечером 30 сентября в пхеньянском «заведении» «Хвабан», типичном для Дальнего Востока «веселом доме», который представлял из себя гибрид ресторана, увеселительного заведения и борделя высшего класса. Сам факт организации важной политической встречи в подобном месте может вызвать у западного читателя некоторое удивление, но в действительности в этом-то как раз нет ничего странного: именно в таких заведениях на Дальнем Востоке испокон веков и организовывались неофициальные встречи политиков и интеллигентов. Встреча, в которой в качестве переводчика участвовал также и майор М. Кан, была связана с предпринимавшимися в то время советским командованием попытками привести к власти на Севере Чо Ман Сика. Как вспоминает Г. К. Меклер: «Я главным образом просил Чо Ман Сика сотрудничать с советской администрацией, а он требовал помощи в «строительстве единого национального государства».³¹ Сам факт приглашения Ким Ир Сена на эту встречу показывал, что он начал привлекать все большее внимание советских военных властей.

³⁰ В начале 1993 года появились сведения о том, что в сентябре 1945 г. Ким Ир Сен был доставлен в Москву, где встретился со Сталиным. Именно тогда, якобы, его кандидатура на пост будущего главы северокорейского государства и была утверждена. Источником этой версии служит рассказ И. И. Кобаненко, бывшего сотрудника ЦК КПСС, который во время войны был офицером в штабе маршала Василевского. Около 1992 г. он встретился с южнокорейскими журналистами и рассказал о тайной встрече Сталина с Ким Ир Сеном, о которой он якобы знал как сотрудник штаба фронта: Мирок Чосон минчжучжуи инмин конххвагук (ха). Сеул, «Чунъан ильбо са», 1993. С. 202–206.

Не исключено, что встреча Ким Ир Сена со Сталиным в сентябре 1945 г. действительно имела место. Однако есть немалые основания для того, чтобы усомниться в правдивости этого рассказа. Большинство источников однозначно говорит о том, что процесс выбора кандидата на должность будущего главы северокорейского режима был хаотичным и спонтанным. О том, что решение о выдвижении Ким Ир Сена было спонтанным, автору этих строк говорили многие участники событий: генерал Н. Г. Лебедев, Ю Сон Чхоль (советский военный, который находился в 88-й бригаде и прибыл в Корею вместе с Ким Ир Сеном), Лобода (советский журналист, политработник и разведчик, связанный с 88-й бригадой), В. В. Ковыженко (офицер Политотдела 25-й армии). Об этом же, кстати, говорят и все другие данные, собранные в СССР той же самой корейской журналистской группой в СССР (См., например: Мирок Чосон минчжучжуи инмин конххвагук. Сеул, «Чунъан ильбо са», 1992. Сс. 48–56, 65–72).

Информация И. И. Кобаненко выглядит маловероятной и в свете общеполитической ситуации в Корее. Если мы предположим, что решение о выдвижении Ким Ир Сена было принято уже в сентябре, становятся труднообъяснимыми явные колебания советской политики в Корее в 1945 г. (в частности, избрание первым руководителем северокорейских коммунистов не Ким Ир Сена, а мало кому известного Ким Ен Бом). Вдобавок, слишком уж в разных «весовых категориях» находились Ким Ир Сен и Сталин осенью 1945 г. Наконец, нет никаких иных источников, которые подтверждали бы заявления И. И. Кобаненко, которые остаются изолированными.

Таким образом, версия о встрече Сталина и Ким Ир Сена не может не вызывать у автора этих строк серьезных сомнений. Однако, она не может быть и отвергнута без дополнительной проверки.

³¹ Ми рок Чосон минчжучжуй инмин конххвагук (Скрытая история КНДР). Сеул, «Чунан ильбо са», 1992. С. 52–53.

Серьезная беседа в веселом доме. Г. К. Меклер (в центре), Чо Ман Сик (по правую руку от него) и Ким Ир Сен (по левую, сосредоточенно орудует палочками) во время встречи 30 сентября. На заднем плане — девицы заведения...

В этой обстановке произошло первое публичное выступление будущего руководителя КНДР перед жителями Пхеньяна на митинге 14 октября в честь Советской Армии. Современная северокорейская казенная историография утверждает, разумеется, что сам этот митинг был созван в честь Ким Ир Сена. Влияние этих утверждений столь велико, что даже Г. К. Меклер и некоторые другие участники событий в своих воспоминаниях называют его именно «митингом в честь Ким Ир Сена». ³² Однако сообщения современных событию советских изданий и сделанные во время самого мероприятия фотографии не оставляют сомнений в том, какой характер носил митинг в действительности. По-видимому, то обстоятельство, что впоследствии митинг всегда называли именно «приветственным митингом в честь Ким Ир Сена» привело к определенной аберрации памяти у многих очевидцев. Тем не менее сам факт, что в качестве «представителя благодарного корейского народа» выступил именно Ким Ир Сен, говорит об очень многом.

Впоследствии официальная пропаганда утверждала, что в митинге участвовало 100 тыс. человек. Это, конечно, преувеличение, но не вызывает особых сомнений, что митинг был массовым, и что количество участников измерялось десятками тысяч. Открывший митинг И. М. Чистяков представил собравшимся Ким Ир Сена как «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя». ³³ Это, конечно, было некоторым преувеличением: многие из собравшихся о Ким Ир Сене до этого времени и не слышали, а для большинства он был полуполулегендарным героем, почти фольклорным персонажем. После этого Ким Ир Сен, одетый в позаимствованный специально для этого случая у М. Кана штатский костюм, но с орденом Красного Знамени на груди (впоследствии в Северной Корее все снимки этого выступления издавались в отретушированном виде, без иностранного ордена на груди Великого Вождя Корейского Народа) произнес речь в честь Советской Армии. Речь эта была написана в политотделе 25-й армии по-русски и переведена на корейский кем-то из советских офицеров-корейцев (возможно, Чон Тон Хеком). В силу этого в речи было много специфических оборотов, используемых в советских политических материалах на корейском языке, но мало знакомых или даже вовсе непонятных большинству слушающих пхеньянцев, на которых они производили странное впечатление. ³⁴ Одновременно с Ким Ир Сеном с

³² Там же, С. 54, 88 и др.

³³ В некоторых южнокорейских работах утверждается, что от имени советского командования на митинге выступал Н. Г. Лебедев. Однако более надежными представляются в этом отношении сообщения советских изданий того времени.

³⁴ По воспоминаниям Пак Киль Рена, автором перевода был известный поэт Чон Тон Хек (Ми рок Чосон

речью на митинге выступил и Чо Ман Сик, который, будучи главой Временного Административного комитета 5 провинций, являлся формальным руководителем местной администрации. Следует обратить внимание и на то, что председателем митинга был новоизбранный руководитель Северокорейского бюро Компартии Кореи Ким Ен Бом.³⁵ Это еще раз указывало на статус Ким Ир Сена как одного из трех высших лиц Северной Кореи, но еще даже не «первого среди равных» (таковым на тот момент, скорее всего, мог считаться Чо Ман Сик).

Ким Ир Сен выступает на митинге 14 октября. Впоследствии эта фотография неоднократно переиздавалась в КНДР — но без советских генералов за спиной Вождя и с заретушированным советским орденом на его костюме

К моменту своего выступления на митинге Ким Ир Сен уже занимал один немаловажный пост, о чем, впрочем, собравшиеся в подавляющем большинстве еще не знали. 13 октября в Пхеньяне было создано Северокорейское бюро Компартии Кореи, которое подчинялось располагавшемуся в Сеуле ЦК Компартии во главе с Пак Хон Еном и должно было координировать деятельность коммунистов в районах, оказавшихся под советским контролем. Подчиненное положение бюро было подчеркнуто направленной после его создания в Сеул телеграммой, в которой выражалась «поддержка правильной линии т. Пак Хон Ена». Официально о создании бюро было объявлено лишь через неделю, 20 октября. Причины этой задержки не ясны.

С совещанием 13 октября связана и другая загадка. Начиная с 1958 г. северокорейская историография стала утверждать, что совещание состоялось 10 октября. Впоследствии этот день стал одним из северокорейских официальных праздников. Не ясно, чем был вызван пересмотр даты.³⁶ Надо отметить и то, что в современной официальной северокорейской

минчжучжуй инмин конхвагук (Скрытая история КНДР). С. 88).

³⁵ Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва

³⁶ Изменения в официальной датировке совещания тщательно прослежены в статье Со Дон Мана: Со Дон Ман. 'Чосон конхсандань пук чосон пунгук' 10 воль 10 иль чхань соль чучжань-е тэхае. «Екса пипхен», #30, 1995.

Со Дон Ман выдвинул предположение, что разницей в датах вызван тем, что в действительности состоялось не одно, а несколько совещаний северокорейских коммунистов. Это предположение выглядит правдоподобным. Со Дон Ман также предполагает, что по каким-то причинам (возможно, из-за сопротивления представителей сеульского руководства) на встрече 10 октября предложение о создании бюро было отвергнуто, и Ким Ир Сему

историографии (начиная с 1956 г.) умышленно искажается название этого важного органа, с создания которого там не без оснований начинают отсчет истории правящей Трудовой партии Кореи. Современные северокорейские историки называют его «Организационное бюро компартии Северной Кореи» (Пук чосон конъсанданъ чочжик вивонхве), вместо правильного «Северокорейское бюро компартии Кореи» (Чосон конъсанданъ пук чосон пунгук). Причина этого позднейшего переименования вполне понятны: таким образом затушевывается зависимость этого органа от сеульского ЦК Компартии Кореи, во главе которого тогда стоял Пак Хон Ен, впоследствии объявленный американским и японским шпионом и павший жертвой репрессий.

Председателем бюро избрали Ким Ен Бома, который еще в 30-е гг. был направлен в Корею Коминтерном для нелегальной работы (разумеется, об этом назначении позднейшая северокорейская историография не упоминает, а представляет дело так, как будто Ким Ир Сен стал главой северокорейской партийной организации в момент ее создания). Честно говоря, не совсем понятно, чем объяснить такое возвышение Ким Ен Бома, человека, который по складу своего характера явно не подходил для подобной работы. По воспоминаниям дочери А. И. Хегая Майи Хегай, отношение к Ким Ен Бому в кругах корейской правящей элиты было в конце 40-х гг. откровенно ироническим, хотя и добродушным, да и сам он, любитель холодной лапши и старинной архитектуры, отнюдь не стремился к вершинам власти. Видимо, кратковременное возвышение Ким Ен Бома — человека милого, спокойного и отнюдь не склонного к участию в политических интригах — следует просто списать на ту неразбериху, что царила в те первые недели после Освобождения. Что же до будущего «Великого Вождя и Солнца Нации», то Ким Ир Сен сначала просто вошел в состав бюро в качестве одного из его членов, а через 2 месяца сменил Ким Ен Бома на посту председателя, став, таким образом, высшим руководителем северокорейских коммунистов. Формальное решение о назначении Ким Ир Сена руководителем северокорейского бюро было принято на проходившем 17–18 декабря 1945 г. Третьем расширенном пленуме Исполкома Северокорейского бюро Компартии Кореи, хотя, разумеется, фактически все было решено в кабинетах советских политиков и генералов существенно раньше.³⁷

О создании Компартии официально было объявлено уже после того, как 13 октября было опубликовано соответствующее распоряжение советских военных властей, разрешивших создание партий. Вслед за созданием Северокорейского бюро Компартии последовало возникновение и других партий. Так, 3 ноября 1945 г. Чо Ман Сик создал свою партию, получившую название Демократической. На первых порах Чо Ман Сик рассчитывал, по-видимому, превратить ее в реальную политическую организацию преимущественно националистического направления, но подобное развитие событий никак не входило в планы советской администрации. Под давлением военных властей первым заместителем председателя партии стал старый соратник Ким Ир Сена, участник партизанского движения в Манчжурии и офицер 88-й бригады Цой Ен Ген, который в свое время был учеником Чо Ман Сика. Главой секретариата Демократической партии стал другой коммунист-партизан Ким Чхэк. Таким образом, партия эта с момента своего возникновения оказалась под надежным контролем.³⁸ Другой партией, возникшей в первые месяцы после Освобождения, стала партия Чхондоге-Чхонъуданъ (Партия молодых друзей небесного пути), которая объединила сторонников специфического корейского религиозного учения Чхондоге. Партия эта была

удалось провести его только 13 октября. После падения южнокорейской группировки в 1953–1956 гг. произошло возвращение к 10 октября, то есть дате первой (неудачной) попытки создать Оргбюро. С этим предположением Со Дон Мана согласиться труднее. В любом случае проверка обеих гипотез — дела будущего.

³⁷ П. Крайнов. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948. С. 70–71.
Интервью с Ф. И. Шабшиной, 23 января 1992 года, Москва.

³⁸ Пукхан сасип нен (40 лет Северной Кореи). Сеул, «Ырю мунхва са», 1988. С. 38.

создана 5 февраля 1946 г. с согласия советских военных властей.³⁹

Не следует считать, что утверждение новой власти на Севере шло гладко, хотя, по-видимому, с самого начала формирующийся режим пользовался поддержкой значительной части населения. Тем не менее, не обходилось и без кризисов. Наиболее серьезным из них стали события в г. Синьчжу на самой корейско-китайской границе, где 23 ноября произошли студенческие волнения под антикоммунистическими лозунгами, подавленные местными силами безопасности при участии советских войск.⁴⁰ Несколько позже, в марте 1946 г., студенческие волнения произошли и в Хамхыне, крупном городе на северо-восточном побережье страны.

К началу 1946 г. Ким Ир Сен, ставший в декабре 1945 г. руководителем северокорейских коммунистов, возглавил и формирующийся государственный аппарат страны. Давно назревавший конфликт между советским командованием и националистическими группировками в народных комитетах разразился в самом начале 1946 г., когда в Корее стали известны результаты Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии. На этом совещании было, в частности, решено установить над Кореей совместный протекторат великих держав (сроком на пять лет). Это решение вызвало массовые протесты националистов и их сторонников как на Севере, так и на Юге страны. Националисты увидели в решении о протекторате попытку оттянуть предоставление стране независимости, заменить бывшее японское господство новым, советско-американским. Примерно также восприняло это решение и большинство корейцев, так что демонстрации против протектората были невиданно многочисленными. На первых порах против протектората на Юге выступили даже коммунисты, но через несколько дней, получив новые распоряжения из Москвы, они совершили поворот на 180 градусов.

В Пхеньяне решение о протекторате привело к своего рода правительственному кризису и к окончательному разрыву между советской администрацией и националистами. Когда в начале января советское командование обратилось к Административному Комитету 5 провинций с требованием выразить поддержку решениям Московского совещания, входившие в состав комитета националисты наотрез отказались это сделать. Чо Ман Сик, который был председателем комитета, в знак протеста против решений Московского совещания о протекторате подал в отставку, вслед за ним так же поступили и почти все другие члены комитета, стоявшие на националистических позициях. Через несколько дней (если не часов) Чо Ман Сик был арестован.⁴¹ Созданная им правонационалистическая Демократическая партия потеряла какое-либо самостоятельное значение после того, как в феврале 1946 г. вместо Чо Ман Сика (обвиненного не только в «связях с южнокорейскими реакционерами», но и в «тайном сотрудничестве с японцами») под советским давлением ее председателем стал Цой Ен Ген, в прошлом — маньчжурский партизан и близкий друг Ким Ир Сена, который, как мы помним, был введен в состав руководства партии именно с целью контроля над Чо Ман Сиком.⁴² Таким образом, произошел окончательный разрыв между

³⁹ Пукхан чхонълам (Северокорейское обозрение). Сеул, 1985. С. 1123.

⁴⁰ Чо Тон Ен. Нэ-га кеккын Синьчжу хаксэнъ пангонъ ыйгон (Воспоминания об антикоммунистическом выступлении студентов Синьчжу). — Пукхан, 1985. #8. С. 50 и сл.

Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук (Скрытая история КНДР). Сеул, «Чунъан ильбо са», 1992. С. 163–170.

⁴¹ Не ясно, кто же технически осуществил арест Чо Ман Сика. Н. Г. Лебедев в беседе с автором этих строк однозначно утверждал, что это сделали «сами корейцы» (Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва). С другой стороны, сомнительно, что в начале 1946 г. «сами корейцы» могли кого-нибудь арестовать вообще и уж тем более — без ведома советских властей.

⁴² И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951). М., 1951. С. 58.

П. Крайнов. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948. С. 176.

Другая некоммунистическая партия Северной Кореи — Чхондоге-Чхонудан (Партия молодых друзей

коммунистами и советским командованием — с одной стороны и националистами — с другой.

Надо сказать, что ушедшие в нелегальную оппозицию правые националисты не смирились с происходящим на Севере и попытались организовать сопротивление советским властям и формирующемуся под их покровительством коммунистическому режиму. Активную поддержку им оказывали и их единомышленники с Юга. Опубликованные в последнее время в Южной Корее материалы показывают, что именно им принадлежит сомнительное первенство в деле развязывания террористических операций. Уже в феврале 1946 г. руководство только что сформированного в Сеуле при Временном правительстве Корейской Республики (официально не признававшееся право-националистическое правительство в изгнании, которое осенью 1945 г. вернулось в Корею) Отдела политической разведки отправило на Север группу своих агентов с целью организации убийства ряда крупнейших руководителей северокорейского режима во главе с Ким Ир Сеном. Покушения на всех этих деятелей действительно произошли весной 1946 г., но ни одно из них не увенчалось успехом. В частности, попытка убить Ким Ир Сена 1 марта 1946 г. во время его выступления на митинге была сорвана благодаря мужеству и находчивости советского офицера Я. Т. Новиченко, которому удалось схватить брошенную южнокорейским агентом в Ким Ир Сена гранату.⁴³ Весной того же года засланные с Юга террористы организовали ряд атак на других северокорейских руководителей.⁴⁴

Советские документы говорят о появлении в разных частях страны листовок, отдельных акциях неповиновения. В целом, однако, новый режим (вопреки утверждениям южнокорейских пропагандистов) не встретился с серьезным сопротивлением. Большинство жителей Северной Кореи если и не стали его сторонниками, то, по крайней мере, не были готовы активно выступать против него. Это становится особенно очевидным, если сравнить положение на Севере с ситуацией на Юге, где левая оппозиция уже к концу 1946 г. развернула настоящую гражданскую войну против местных властей. В акциях протеста на Юге участвовали сотни тысяч, если не миллионы корейцев, а многие тысячи уходили в горы и вступали в партизанские отряды коммунистов. Ничего подобного на Севере не происходило. Было бы упрощением списывать это только на эффективность северокорейского репрессивного аппарата (и Юг в те времена был далеко не образцом демократии, а тамошняя полиция едва ли отличалась особой гуманностью). Скорее всего, популярность северокорейского режима была реальной. Он казался (а на том этапе и действительно был) гораздо более эффективным и гораздо менее коррумпированным, чем его соперник в Сеуле. Земельная реформа, новое законодательство (очень демократическое на бумаге), немалые усилия по развитию национальной культуры и образования — все это заставляло корейцев верить в то, что новые люди в Пхеньяне действительно стремятся улучшить жизнь большинства народа. Вдобавок, политическую напряженность снимало и то, что недовольные всегда могли «проголосовать ногами», перейдя через 38-ю параллель на Юг.

Отставка Чо Ман Сика и националистических лидеров привела к распаду

небесного пути), которая, впрочем, была заметно менее влиятельна, сохранила тогда определенную самостоятельность. Разгром ее руководства и превращение в марионеточную организацию произошли несколько позднее, весной 1948 г.

⁴³ Литература о подвиге Я. Т. Новиченко весьма обширна. «Взгляд с другой стороны», о подготовке покушения см.: Ми рок Чосон минчжучжуй инмин конххвагук (Скрытая история КНДР). Сеул, «Чунъан ильбо са», 1992. С. 318–323.

Пукхан минчжу тхониль ундонъ са. Пхеньандо пхен (История демократического движения за объединение в Южной Корее. Провинция Пхеньандо). Сеул, «Пукхан енгусо», 1990. С. 289.

⁴⁴ В начале 1990-х гг. южнокорейские журналисты нашли и проинтервьюировали всех здравствовавших в тот момент участников террористической группы, засланной на Север весной 1946 г.

Мирок Чосон минчжучжуи инмин конххвагук. Сеул, «Чунъан ильбо са», 1992. С. 313–324.

«Административного бюро 5 провинций», однако советские власти не оставляли попыток создать в Северной Корее протоправительство. На месте Административного бюро 5 провинций в феврале 1946 г. был создан Временный народный комитет Северной Кореи, главой которого был назначен Ким Ир Сен. Из 17 членов комитета 12 были членами Компартии Кореи, а двое представляли Демократическую партию, которая после устранения Чо Ман Сика перестала быть самостоятельной политической организацией и превратилась в марионеточную псевдопартию. В состав Временного народного комитета входило 10 департаментов и 3 бюро, которые выполняли функции министерств и были созданы на базе соответствующих департаментов СГА.⁴⁵

После создания этого комитета руководство СГА заявило, что в целом оно выполнило свою задачу и что отныне власть в стране переходит в руки местных административных органов, а соответствующие учреждения СГА берут на себя по преимуществу консультативные функции. Объявлялось, что под контроль Временного народного комитета передаются департаменты СГА, суд и прокуратура.⁴⁶ Заявление это во многом носило пропагандистский характер и не совсем соответствовало истине: фактический контроль над принятием текущих решений еще некоторое время оставался в руках СГА (в частности, именно советскими властями была подготовлена и весной 1946 г. успешно проведена радикальная аграрная реформа). В то же самое время бесспорно, что и молодой северокорейский государственный аппарат с этого времени постепенно начинал играть возрастающую роль в жизни страны.

Весной 1946 г. была создана Компартия Северной Кореи, которая превратилась в самостоятельную организацию, независимую от сеульского ЦК. Это обеспечивало пхеньянскому руководству большую свободу рук, а советским властям — лучший контроль над происходящим. Бывшее Северокорейское бюро Компартии Кореи стало ЦК Компартии Северной Кореи. Судя по всему, переход от Бюро к Компартии происходил постепенно, а не был результатом какого-то одного решения. В некоторых южнокорейских работах, в частности, говорится, что решение о создании самостоятельной Компартии было принято уже в декабре 1945 г. Однако это не так, ибо, как отметил Ким Чхан Сун, вплоть до 29 января 1946 г. северокорейская официальная печать употребляла только термин «Северокорейское бюро», потом некоторое время использовалась нейтрально-расплывчатая формула «коммунистические организации северной части [страны]», и лишь с 17 апреля в ней появился термин «Компартия Северной Кореи».⁴⁷ Скорее всего, создание независимой Компартии произошло не одномоментно, а представляло из себя довольно растянутый во времени процесс. Косвенные доказательства в пользу этого предположения можно найти в советском документе от 20 мая 1946 г., в котором говорится: «Коммунистическая партия... составляет часть компартии Кореи, однако в настоящее время, в связи с разделом Кореи на советскую и американскую зоны оккупации является КАК-БЫ (выделено мной — А. Л.) самостоятельной политической партией в Северной Корее».⁴⁸ Ясно, что и для автора

⁴⁵ Пукхан чхечже сурип квачжонъ (Процесс формирования северокорейской [политической] структуры). Сеул, Кенънам тэхаккъ кыктонъ мунчже енгусо, 1991. С. 76.

⁴⁶ 10 департаментов (кор. кук) соответствовали департаментам СГА и даже перечислялись в таком же порядке. 3 бюро (кор. пу, это были бюро пропаганды; планирования; общих вопросов) не имели аналогов в советской военной структуре и, по-видимому, именно поэтому получили особое наименование.

⁴⁷ Содержащаяся у И. Кравцова цифра «11 бюро» является, скорее всего, ошибочной (И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951). М., 1951. С. 87.).

⁴⁸ Щетинин Б. В. Власть-народу. // Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965. С. 126.

⁴⁷ Ким Чхан Сун. Чосон нододанъ-ый чханъданъ (Основание Трудовой партии Кореи) — «Пукхан», 1989, #11.

⁴⁸ Из «Справки о политических партиях и общественных организациях в советской зоне оккупации Кореи». РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 205.

документа — офицера 25-й армии, и, следовательно, весьма информированного человека — статус компартии Севера на тот момент казался неясным.

Вернувшиеся из Китая коммунисты из яньаньской группировки, во главе которых стоял Ким Ду Бон, в своем большинстве не вступили в Компартию Северной Кореи, а на базе созданной еще в Яньани «Лиги Независимости» образовали 16 февраля 1946 г. собственную Новую Народную Партию. По своей программе эта партия была довольно близка к коммунистам, хотя по сравнению с ними была несколько более умеренна во многих вопросах, что, как отмечают южнокорейские исследователи, способствовало ее авторитету среди относительно зажиточных слоев, в том числе и среди интеллигенции.⁴⁹ Появившиеся в последнее время сведения заставляют предполагать, что само создание этой партии с менее радикальной, чем у коммунистов, программой было задумано советскими властями. Партия эта должна была стать противовесом Демократической партии, которая к тому времени уже была по сути разгромлена, но все равно еще воспринималась как потенциальная угроза. Считалось, что Новая Народная партия может привлечь к себе крестьянство, мелкую буржуазию, интеллигенцию, и таким образом отвлечь их от Демократической партии и, говоря шире, правых националистов в целом.⁵⁰

Как известно, доктрина «народно-демократической революции», которой руководствовались советские военные администраторы и местные коммунисты, требовала объединения всех легальных политических организаций в единый блок, который бы признавал «направляющую и руководящую роль» коммунистической партии. Подобные блоки под разными названиями были созданы во всех странах, оказавшихся после окончания войны под советской оккупацией. Не стала исключением и Северная Корея. 22 июля 1946 г. в Пхеньяне был основан Единый Демократический Национальный Фронт, объединивший все партии страны на платформе признания руководящей роли коммунистов. После создания Единого фронта все существующие в стране партии оказались под жестким формальным контролем коммунистического руководства (а, фактически, также и советских властей).

Почти сразу же после этого произошло и объединение Новой Народной и Коммунистической партий. К сожалению, мы сейчас мало знаем о тех действиях, которые предпринимались советской администрацией, чтобы ускорить объединение партий, хотя эти действия, бесспорно, оказали на развитие ситуации решающее влияние. Весьма вероятно, что распоряжение о слиянии партий было получено Ким Ир Сеном от советских властей во время его тайной поездки в Москву и переговоров со Сталиным в июле 1946 г., но утверждать это со всей определенностью сложно: документы об этом важнейшем визите пока недоступны. В любом случае, нет сомнений в том, что вопрос о слиянии партий (от кого бы ни исходила инициатива), в Москве обсуждался всерьез.⁵¹

Формально дела обстояли следующим образом: 23 июля 1946 г., через день после создания Единого Демократического фронта, состоялось заседание бюро Центрального комитета Новой Народной партии. На нем заместитель председателя партии Чхве Чхан-ик официально внес предложение об объединении партий. Как и следовало ожидать, Центральный Комитет послушно проголосовал за это предложение. После этого Ким Ду Бон обратился к Ким Ир Сёну с письмом, в котором содержалось официальное предложение об объединении обеих партий. 24 июля в 8:30 утра собрался пленум ЦК Компартии, который, конечно, без особых дебатов принял соответствующее решение. Всего лишь через час, в 9:30,

⁴⁹ Пукхан хендэ са (Современная история Северной Кореи). Сеул, «Кондончхе», 1989. С. 109.

⁵⁰ Мирок Чосон минчжучжуи инмин конъхвагук (ха). Сеул, Чунъан ильбо са, 1993. С. 81–82.

⁵¹ О тайном визите Ким Ир Сена и Пак Хон Ена в Москву летом 1946 г. рассказывала, в частности, Ф. И. Шабшина, муж которой, А. И. Шабшин, был участником бесед: Интервью с Ф. И. Шабшиной, 23 января 1992 года, Москва.

Ким Ир Сен официально выразил свое согласие. 27 июля состоялась встреча представителей ЦК обеих партий, а 28 — заседание специально созданной комиссии по объединению. Наконец, 29 июля 1946 г. на совместном пленуме ЦК Новой народной партии и Компартии Северной Кореи было официально объявлено об их объединении и принято соответствующее заявление. В течение следующего месяца было проведено слияние провинциальных, уездных, городских парторганизаций.⁵²

В целом создание единой левой партии было вполне стандартным политическим ходом, к которому левые силы и советская администрация прибегали после войны практически повсеместно. Единые партии были созданы в Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, то есть во всех странах «народной демократии». Единственным исключением была Албания, где сливаться коммунистам было не с кем (за отсутствием иных левых партий), однако и там Коммунистическая партия сменила свое название на более нейтральное — «Партия Труда». Однако всюду слияния партий произошли только в 1948 году. Исключением были две «разделенные» страны — Восточная Германия и Северная Корея, где слияние левых партий произошло полутора-двумя годами раньше, в 1946 г.

28-30 августа 1946 г. в Пхеньяне прошел первый съезд объединенной партии, которая получила название Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК). В момент создания партия насчитывала около 170 тысяч членов (134 тысячи из в Компартии и 35 тысяч — из Новой Народной Партии).⁵³ Почетным председателем Первого съезда был избран Сталин. На съезде состоялись выборы ЦК и руководящих органов новой партии. Первым председателем ЦК ТПСК стал, однако, не Ким Ир Сен, как можно было бы ожидать, а бывший лидер Новой Народной партии Ким Ду Бон.⁵⁴ Ким Ир Сен, потеряв (временно) высший партийный пост, остался, однако, главой исполнительной власти — Временного Народного Комитета Северной Кореи. Можно предположить, что назначение Ким Ду Бона председателем ТПСК было сделано, чтобы успокоить яньаньцев и подчеркнуть их равенство с представителями советской и партизанской группировок. Ким Ир Сен был избран его заместителем, но довольно быстро выяснилось, что реальный контроль над партийными делами находится в руках Ким Ир Сена и его ближайших помощников из числа маньчжурских партизан и советских корейцев (в первую очередь — А. И. Хегая, обладавшего большим опытом партийно-административной деятельности), в то время как сам Ким Ду Бон остается лишь символической фигурой.⁵⁵ Отчасти это может быть объяснено постоянной поддержкой Ким Ир Сена советским властями,⁵⁶ а отчасти — и явным нежеланием самого Ким Ду Бона

⁵² РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 205, листы 121–131.

См. также: Пукхан хендэ са (Современная история Северной Кореи). Сеул, «Кондончхе», 1989. С. 113–115.

⁵³ П. Крайнов. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948. С. 174.

Впрочем, вопрос о численности ТПСК в это время не ясен, в существующих материалах даются самые разные цифры, от 170 до 370 тысяч. Мы остановились на цифре в 170 тыс. потому, что она происходит из современного событиям и хорошо информированного, но некорейского источника.

1 марта 1946 г. 7-е управление Главного Политуправления вооруженных сил СССР оценивало численность северокаорейских организаций Компартии в 30 тысяч человек (РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 1004, лист 41). 20 мая советские военные (видимо, опираясь на информацию северокаорейского руководства) уже считали, что в северокаорейских организациях компартии 43 тысячи членов (РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 205, лист 25)

⁵⁴ А. Пигулевская. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952. С. 57.

⁵⁵ Интервью с Кан Сан Хо, 30 ноября 1989 г., Ленинград.

⁵⁶ При знакомстве с публикациями тех лет бросается в глаза, что советская печать постоянно подчеркивала особую роль Ким Ир Сена как «вождя корейского народа», в то время как Ким Ду Бона — его формального начальника — упоминала достаточно редко и вскользь.

заниматься текущей административной деятельностью.

Несколько позже слияние левых партий произошло и на Юге, но вплоть до 1949 г. ТПК Северной и Южной Кореи оставались самостоятельными партиями, хотя и действовали в тесном контакте: нелегальные поездки лидера южнокорейских коммунистов Пак Хон Ена в Пхеньян были частым явлением, первая из них состоялась, возможно, еще в октябре 1945 г.⁵⁷, а в 1946–1948 гг. в связи с усилением антикоммунистической кампании на Юге большинство руководителей Трудовой Партии Южной Кореи перешло на Север. Впрочем, и Ким Ир Сен также поддерживал контакты не только с командованием 25-й армии. Летом 1946 г. состоялся секретный визит Ким Ир Сена и Пак Хон Ена в Москву и их тайная встреча со Сталиным, на которой обсуждались перспективы политической ситуации в Корее (в частности, необходимость формального объединения Коммунистической и Новой Народной партий).⁵⁸

С лета 1946 г., когда стало ясно, что принятый на Московском Совещании план установления над Кореей совместной опеки и формирования единого общекорейского правительства окончательно сорвался, на Севере началось формирование независимого государства. Аналогичные процессы пошли и на Юге, где пришедшая к власти при прямой поддержке американских оккупационных властей группировка Ли Сын Мана также стала проводить линию на создание «своего» государства в южной части полуострова. В то же самое время оба формирующихся режима не признали друг друга и выдвинули претензии на право считаться единственным законным правительством на всей территории Корейского полуострова.

Сущность политики, которая проводилась Советской Гражданской Администрацией в Корее — иногда прямо, а иногда — через полностью контролировавшуюся ею в то время систему народных комитетов, невозможно понять, если не обратиться к ряду постулатов советского официального марксизма тех лет и в первую очередь — к теории «народно-демократической революции». Происходившие в Корее события воспринимались именно как «народно-демократическая» революция, которая лишь потом должна будет перерасти в «социалистическую». Теория «народно-демократической революции» предусматривала, что вслед за созданием «народно-демократической власти» на основе единого фронта в стране должен быть проведен определенный набор общедемократических реформ: ликвидация помещичьего землевладения, частичная национализация промышленности и особенно банковско-кредитных учреждений, установление равноправия мужчин и женщин, провозглашение общедемократических свобод (впрочем, объявленные свободы по большей части оставались на бумаге или понимались как право народа действовать в поддержку нового режима, но никак не выступать против него). В то же время «народно-демократическая» революция не предусматривала чисто социалистических преобразований. Частная собственность на этом этапе могла сохраняться, о коллективизации сельского хозяйства не было и речи. В большинстве своих действий советская администрация следовала предписаниям теории народно-демократической революции.

5 марта 1946 г. был опубликован и с этого же дня вступил в силу Закон о земельной реформе. Издан он был от имени Народного комитета Северной Кореи и подписан Ким Ир Сеном, однако, по воспоминаниям В. П. Ковыженко, закон разрабатывался в СГА и его реальными авторами были два консультанта по аграрным отношениям, специально приглашенные из Ленинграда.⁵⁹ Закон предусматривал конфискацию и перераспределение

⁵⁷ Ми рок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук (Скрытая история КНДР). Сеул, Чунъан ильбо са, 1992. С. 105.

⁵⁸ Интервью с Ф. И. Шабшиной, 23 января 1992 года, Москва.

⁵⁹ Интервью с В. П. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 года.

В. П. Ковыженко — советский военный и дипломат. В 1946–1947 гг. служил в Политотделе 25-й Армии.

всех земель, принадлежавших японским физическим и юридическим лицам, всех земель, владельцы которых сами не занимались земледелием, а сдавали их в аренду, и, наконец, что было самым важным, всех земельных владений площадью свыше 5 чонбо (1 чонбо * 0,99 га). Конфискованные земли должны были распределяться среди беднейшего крестьянства. Контроль над проведением реформы формально возлагался на народные комитеты, но на практике они действовали в самом тесном контакте (и, скорее всего, под практическим руководством) органов СГА и военных властей на местах (полный текст Закона о земельной реформе см., напр.: ⁶⁰).

Реформа должна была быть завершена, как предусматривал 17 пункт Закона, не позднее чем в марте 1947 г. Однако на практике провести ее удалось много быстрее и основные мероприятия были закончены уже в конце марта 1946 г., перед началом полевых работ (скорее всего, такой темп реформы и предусматривался — хотя и не декларировался — изначально). Успешное проведение реформы не могло не способствовать укреплению позиций нового режима на Севере и росту его популярности на Юге, где земельный вопрос стоял тогда очень остро.

В августе 1946 г. началась и национализация промышленности. Как и земельная реформа, это важнейшее мероприятие было от начала и до конца подготовлено СГА, хотя и проводилось от имени местных властей. ⁶¹ Формально национализации подлежали только предприятия японских фирм и сотрудничавших с японскими властями корейских капиталистов, так что национализация могла считаться частью «народно-демократической» программы. Однако в условиях колониальной Кореи подавляющее большинство крупных и средних предпринимателей не могло не сотрудничать с японскими властями, так что фактически национализирована оказалась вся крупная и почти вся средняя промышленность. Эти мероприятия привели к тому, что экономические структуры Севера и Юга стали все более отличаться друг от друга. В то время как на Юге сохранялась капиталистическая рыночная экономика, Север постепенно переходил к плановому хозяйству советского типа (первый народнохозяйственный план был принят в феврале 1947 г.). ⁶² Декабрь 1947 г. ознаменовался проведением денежной реформы, которая привела к введению на Севере собственной валюты и еще большему разрыву экономик Севера и Юга. ⁶³

⁶⁰ Пукхан хендэ са (Современная история Северной Кореи). Сеул, «Кондончхе», 1989. С. 353–354.

⁶¹ Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва

⁶² П. Крайнов. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948. С. 193.
Пукхан чхонъям (Северокорейское обозрение). Сеул, «Пукхан енгусо», 1985. С. 290.

⁶³ Ф. И. Шабшина. Социалистическая Корея. М., 1963. С. 95.
Интервью с Ким Чханом, 15 января 1991 г., Ташкент
Ким Чхан — специалист по финансовым вопросам, в 1945–1956 гг. на работе в КНДР, занимал ряд высших постов в банковских учреждениях.

Уличная сцена в Пхеньяне, 1948 г.

5 сентября 1946 г. Временный народный комитет принял решение о проведении 3 ноября выборов в волостные, уездные и городские народные комитеты. Это был еще один важный шаг на пути складывания на Севере собственной государственной структуры. Существовавшие до этого народные комитеты даже формально не были выборными органами. Они создавались местными политическими активистами из числа коммунистов и националистов и, получили одобрение советских властей, приступали к своей деятельности. Хотя уже с февраля 1946 г. все важнейшие законодательные акты в Северной Корее издавались от имени народных комитетов, юридический статус этих органов был не ясен и даже, отчасти, сомнителен. С проведением выборов народные комитеты могли уже с некоторой долей правдоподобия претендовать на статус законных местных органов власти, выбранных демократическим путем. В то же время разгром единственной влиятельной антикоммунистической организации — Демократической партии и существование полного контроля над ситуацией со стороны советских военных властей и комитетов ТПСК делал выборы пустой формальностью, гарантируя ТПСК уверенное большинство на всех уровнях.

Чтобы исключить какие-либо «случайности» в ходе выборов, были приняты и дополнительные меры как политического, так и административного характера. На выборах ТПСК выставила своих кандидатов от имени Единого демократического национального фронта, куда входили также контролируемые ею и советскими военными властями партии и общественные организации. Таким образом, в каждом округе был только один кандидат, представлявший Единый фронт — то есть, фактически, все легально действующие партии и организации. Избиратель мог выбрать одну из трех альтернатив: голосовать за официального кандидата; голосовать против него (не имея при этом возможности поддержать какую-либо другую кандидатуру); не голосовать вообще. Идея была скопирована с незабвенного «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», просуществовавшего в Советском Союзе почти полвека. Вдобавок, хотя выборы и считались тайными, но для голосовавших «за» и голосовавших «против» были установлены разные урны (белые и черные соответственно). Это означало, что фактически голосование не было тайным, и власти могли легко выявлять строптивых и брать их на заметку.⁶⁴ Уклонение от участия в выборах в подобной ситуации тоже было небезопасным: ведь было ясно, что человек уклоняется не от участия в выборах вообще, а от голосования за официального кандидата.

Не удивительно, что выборы прошли в условиях воистину «небывалой активности». В голосовании, по официальным данным, приняли участие 99,6 % зарегистрированных

⁶⁴ Пукхан хендэ са (Современная история Северной Кореи). Сеул, «Кондончхе», 1989. С. 281.

избирателей, из которых 97 % проголосовало за предложенных свыше кандидатов. Среди избранных 3549 депутатов 50,1 % были беспартийными, 31,8 % представляли ТПСК, 10,0 % — реформированную и обезглавленную Демократическую партию и 8,1 % — партию Чхондоге-Чхонъудань.⁶⁵ Нет особых сомнений, что места были распределены заранее, как это происходило во время «выборов» в Советском Союзе (для выборов 1947 года, как мы увидим, этому предположению есть и документальное подтверждение). Однако показательно, что руководство ТПСК и советские власти сочли необходимым дать обеим некоммунистическим партиям столь заметное представительство. До установления фактической монополии ТПСК на власть было еще далеко.

Хотя и в своей речи на заседании избирательной комиссии накануне выборов, и в выступлениях, посвященных их итогам, Ким Ир Сен говорил о том, что выборы должны способствовать скорейшему выполнению решений Московского совещания и созданию общекорейского правительства, на деле их проведение означало дальнейшую легитимизацию сепаратного северокорейского государства. 17 февраля 1947 г. в Пхеньяне открылся I Съезд народных комитетов, которые символизировали местную законодательную власть (излишне говорить, что реальная власть принадлежала партийному аппарату, как это и предусматривали сталинские представления об обществе и государстве). От имени съезда было сформировано новое северокорейское правительство и избран Народный комитет Северной Кореи — своего рода протопарламент. Главой правительства остался Ким Ир Сен. Местными органами власти стали городские, уездные, провинциальные народные комитеты, система которых была законодательно признана в начале 1947 г.⁶⁶

Разумеется, все эти мероприятия проводились с согласия или, чаще, по прямой инициативе советских властей. Так, решение о проведении I Съезда народных комитетов принадлежит Т. Ф. Штыкову (он сделал на этот счет подробные записи в своем дневнике). 19 декабря он обсудил свой план с двумя другими советскими военными — маршалом К. А. Мерецковым и генералом А. А. Романенко. Было решено, что на съезд направят 1153 депутата, которых надлежало избрать тайным голосованием. Они, в свою очередь, и должны были избрать Народный Комитет Северной Кореи, в который надо было включить 231 человека. О том, что на деле представляло из себя эти «выборы», ясно из того, что советские генералы тут же распределили между партиями места на съезде. Было решено, что Трудовая Партия получит 35 % мест, Партия Чхондоге и Демократическая партия — по 15 %, и, наконец, 35 % составят «беспартийные депутаты». Позаботились генералы и о женщинах, которых должно было быть 15 %. Было обговорено даже социальное происхождение депутатов: рабочих — 40 человек, крестьян — 50 человек, интеллигентов — 45 человек, торговцев — 10 человек, предпринимателей — 7 человек, религиозных деятелей — 10 человек, ремесленников — 10 человек. Короче говоря, генералы следовали советской модели, когда итоги выборов заранее определялись партийными инстанциями, а потом на места спускалась разнарядка с указанием сколько представителей тех или иных возрастных, и профессиональных групп следует «избрать».⁶⁷

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951). М., 1951. С. 101.

⁶⁷ В этой связи я не могу не вспомнить анекдот начала 1980-х гг.: «Можно ли предсказать результаты выборов в Верховный Совет СССР в 2000 г.? — Нет! — Почему? — В ЦК КПСС списки депутатов подготовлены только до 1999 г.!»

Данные из дневника Т. Ф. Штыкова частично опубликованы Чон Хен Су:

Чон Хен Су. 'Штыков ильги'-га мальханын пукхан чонъгвон-ый сонълип квачжонъ. «Екса пипхен», # 30, 1995. О подготовке I Съезда см. сс. 145–146.

Выборы 13 мая 1947 года. На избирательном участке.

Одновременно с созданием государственных и партийных структур и экономическими реформами на Севере началось формирование собственных вооруженных сил и служб безопасности. Первые подразделения северокорейской армии были созданы еще в 1946 г. под непосредственным руководством советских военнослужащих. На первых порах открытое формирование собственных вооруженных сил на Севере могло бы привести к осложнениям в отношениях с американской оккупационной администрацией на Юге, поэтому создавались они в целях маскировки под вид полицейских подразделений и частей железнодорожной охраны.⁶⁸ Даже северокорейский флот вначале создавался под такой же вывеской, в качестве морских патрульных сил. В любом случае, к февралю 1948 г. северокорейская армия уже не только реально существовала, но и обладала довольно серьезным военным потенциалом, вполне достаточным для того, чтобы доставить немало хлопот своему южному соседу.⁶⁹ Официально же о создании собственной северокорейской армии было объявлено только 8 февраля 1948 г. Случилось это после того как 3 февраля в Москве Советское Политбюро приняло решение «РАЗРЕШИТЬ (курсив мой — А. Л.) Народному Комитету Северной Кореи создать Департамент национальной обороны и в день окончания сессии Народного Собрания провести в городе Пхеньяне митинг и парад корейских национальных войск».

Значительное число младших корейских офицеров прошло подготовку в СССР и Китае, генералы же в большинстве своем были выходцами из партизан или же бывшими офицерами вооруженных сил Компартии Китая. Советских корейцев в армии было довольно мало, причем почти все они находились на нестроевых должностях — результат репрессий 1937 г.,

⁶⁸ Еще одним доказательством старой истины о том, что по-настоящему своевременные идеи всегда носятся в воздухе, служит то обстоятельство, что точно так же маскировалась подготовка собственных вооруженных сил и на Юге (началась она там еще в конце 1945 г.): Bruce Cumings. The Origins of the Korean War. Princeton, Princeton University Press, 1981, с. 170–172.

⁶⁹ Ан Чхан Гиль. Инмингун чханъгон квачжонъ-гва пальжон-е кванхан энгу (Исследование о создании и развитии Народной Армии). // Пукхан, 1990, #10.

которые привели к гибели почти всех строевых советских офицеров-корейцев. Во главе Генерального штаба встал бывший маньчжурский партизан Кан Гон, служивший вместе с Ким Ир Сеном в 88-й бригаде.⁷⁰

Северокорейская полиция и служба безопасности также возникла еще в 1946 г., когда в составе Временного народного комитета Северной Кореи было образовано бюро безопасности, во главе которого на первых порах встал Цой Ен Ген. Впрочем, фактически на местах отряды по поддержанию общественного порядка действовали и ранее (именно силами таких отрядов были, например, в ноябре 1945 г. подавлены массовые антикоммунистические студенческие выступления в Синьйчжу).⁷¹ Вскоре, однако, контроль над службой безопасности оказался в руках приехавшего из СССР в 1947 г. Пан Хак Се.⁷² Почти сразу после приезда он возглавил созданный в Бюро безопасности Отдел политической охраны государства, который и стал первым учреждением политической полиции и контрразведки на Севере. Впоследствии Пан Хак Се на протяжении всей своей жизни оставался одним из руководителей северокорейского репрессивного аппарата. В отличие от большинства своих коллег — руководителей спецслужб в иных сталинистских режимах — Пан Хак Се не погиб от руки своих же коллег, а дожил до весьма преклонных лет и умер в 1992 году.

Советские власти оказывали северокорейскому руководству разнообразную поддержку и помощь в решении возникающих проблем, самой острой из которых была, пожалуй, кадровая. В условиях колониального режима корейцы, как правило, не могли получить высшего и среднего специального образования. Немногочисленные квалифицированные специалисты-корейцы были в своем большинстве выходцами из привилегированных слоев, представители которых весьма неодобительно относились к происходящему на Севере и уже с весны 1946 г. стали уезжать в оккупированную американцами Южную Корею, что еще более обостряло нехватку кадров. Было, правда, и встречное движение: миграция левых интеллигентов на Север, где, как они надеялись, «их таланты будут поставлены на службу народу». Некоторые из тех, кто перешел тогда на Север, впоследствии оставили немалый след в культурной и научной жизни Севера (балерина Чхве Сын Хи, историки Пэк Нам Ун и Пак Си Хен), однако большинство их очень скоро, уже в середине 1950-х гг., стало жертвами репрессий, которые последовали за падением группировки Пак Хон Ена. В любом случае, приток квалифицированных кадров на Север был меньше их оттока оттуда.

В немалой степени помогли решению кадровых проблем советские корейцы, которые приезжали на Север в значительных количествах и там занимали в первую очередь посты, требующие специальной подготовки. С 1946 г. началось обучение корейских студентов в советских вузах. Уже в 1947/48 гг. в советские вузы было принято 120 корейских студентов и 20 аспирантов. Большое значение имело создание в Пхеньяне университета имени Ким Ир Сена (лето 1946 г.) и ряда других вузов, занятия в которых начались с середины сентября того же года и шли при активном участии советских преподавателей. Летом 1946 г. СГА также открыла в Пхеньяне Высшую школу кадровых работников, где преподаватели — советские корейцы обучали будущих северокорейских руководителей по программам, довольно близким к тем, что использовались в советской системе партийной учебы. Вдобавок, с 1948 г. существовала и школа для корейских руководящих работников в Нагорном, под Москвой, где в условиях повышенной секретности проводилась ускоренная идеологическая подготовка

⁷⁰ Интервью с Кан Сан Хо, 31 октября 1989 г., Ленинград

Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.

⁷¹ Чо Тон Ен. Нэ-га кеккын Синьйчжу хаксэн пангон ыйгон (Воспоминания об антикоммунистическом выступлении студентов Синьйчжу). — «Пукхан», 1985. #8. С. 52–53.

⁷² Интервью с Кан Сан Хо, 30 ноября 1989 г., Ленинград

высших северокаорейских кадров.

В сентябре 1947 г. в Кандоне под Пхеньяном было создано Кандонское политическое училище, готовившее кадры для нелегальной деятельности на юге страны. Директором этого училища стал советский кореец Пак Пен Юль.⁷³ В 1946–1948 гг. Трудовая партия оставалась на Юге одной из важнейших политических сил и пользовалась, как это признавали даже ее противники, массовой поддержкой. Трудовая партия имела разветвленную систему нелегальных комитетов, действовавших по всей стране. Уже с 1947 г. руководство партии, действовавшее в тесном контакте с северокаорейскими властями и советским командованием, сделало ставку на вооруженные методы борьбы с южнокаорейским режимом, всемерное развертывание партизанского движения.

Особую роль в поддержке партизанского движения и, шире, вообще нелегальной оппозиции играла деятельность Кандонского политического училища. На первых порах в училище принимались руководители провинциального и уездного уровня, которые после трехмесячной подготовки забрасывались в Южную Корею. Часть обучавшихся в училище (по данным южнокаорейского историка Ким Нам Сика — около 60 человек) предназначалась для руководства партизанским движением и поэтому они наряду с общеполитическими предметами изучали и то, что могло понадобиться будущему партизанскому командиру, в первую очередь — военное дело. Особенно активно стали заниматься подготовкой партизанских командиров в училище с конца 1948 г., когда партизанское движение на Юге, и до этого довольно сильное, еще более активизировалось. В это время училище была реорганизовано. В нем создали три отделения: политическое, готовившее специалистов по ведению разведывательных операций, военное, в котором учились будущие командиры партизан, и смешанное. Организовано было училище по военному образцу, его слушатели были разделены на отделения, взводы и роты. В сентябре 1949 г. в училище было уже около 1200 человек. Ученики пользовались псевдонимами, называть свои настоящие имена и рассказывать о своей биографии друг другу не рекомендовалось.⁷⁴

Важным симптомом углубляющегося раскола Кореи стало постепенное прекращение любых контактов между двумя частями страны. Вплоть до конца декабря 1945 г. передвижение людей и грузов между советской и американской зонами оккупации почти не ограничивалось, однако впоследствии и американо-южнокаорейские, и советско-северокаорейские власти, опасаясь проникновения нежелательных лиц и идей, стали постепенно ограничивать свободу пересечения 38-й параллели, которая шаг за шагом превращалась в тщательно охраняемую государственную границу. Впрочем, торговля через 38-ю параллель, хотя и носила контрабандный характер, но продолжалась вплоть до начала Корейской войны, причем в довольно значительных масштабах.⁷⁵

Таким образом, к концу 1947 г. на севере Корейского полуострова фактически уже существовало отдельное государство со всеми необходимыми атрибутами: со своим правительством, финансами, законодательством, армией и полицией. Аналогичные процессы происходили и на Юге, так что окончательное конституирование двух государств и раскол Кореи были совершенно неизбежны. Более того, еще до окончательного оформления обеих государств в обеих частях страны началась подготовка к вооруженному конфликту. Как

⁷³ Интервью с Пак Пен Юлем, 25 января 1990 г., Москва

Пак Пен Юль — учитель, в 1947–1959 гг. — на работе в КНДР, в 1947–1950 гг. директор Кандонского политического училища.

⁷⁴ Интервью с Пак Пен Юлем, 25 января 1990 г., Москва

Ким Нам Сик. Намноданъ (Трудовая партия Южной Кореи). Сеул, «Хангук сынъгонъ энгувон», 1979. С. 466–468.

⁷⁵ Чан Хва Су. 38 миль мук сичжор-ый намбук мульча кеек (Товарообмен между Севером и Югом в эпоху контрабандной торговли через 38 параллель). — «Пукхан», 1985, #8. С. 62–68.

сообщает бывший начальник оперативного управления северокорейского Генштаба Ю Сон Чхоль, северокорейские генералы начали планировать войну с Югом уже в 1947 г.⁷⁶

На этой фотографии, сделанной в мае 1947 г., видно совмещение того, что всего лишь через год с небольшим станет несовместимым: портреты Сталина и Ким Ир Сена — с одной стороны, и флаг «тхэгыкки», будущий символ сеульского правительства — с другой

Принятый на I съезде ТПСК партийный устав требовал проведения съездов партии ежегодно (пункт 9 первой редакции Устава). Однако характерной чертой всей истории ТПК стало игнорирование предусмотренной уставом очередности съездов. Фактически за полвека существования ТПК ни один из ее съездов не был проведен в сроки, предписываемые уставом. Начало этой традиции была положено в 1948 г., когда 27 марта, с более чем полугодовым опозданием против положенного срока, начал свою работу очередной, II съезд ТПК, заседавший в течение 4 дней. Съезд этот стал последним крупным мероприятием ТПСК, проведенным до официального провозглашения КНДР. Сейчас, при внимательном чтении материалов съезда, нельзя не обратить внимание на ряд содержащихся в них моментов, в которых внимательный наблюдатель уже тогда мог бы угадать приближение Корейской войны. С отчетным докладом ЦК на съезде выступал Ким Ир Сен, оставшийся еще заместителем Председателя ТПК (главой партии считался Ким Ду Бон). Говоря о Северной Корее, Ким Ир Сен впервые назвал ее новым термином — «база демократии» (минчжу кичжи) — словосочетание, заставляющее вспомнить о китайских «революционных базах», районах, контролируемых коммунистами в годы гражданских войн.⁷⁷

Из проводившихся северокорейскими властями в конце 1947 — начале 1948 гг. мероприятий по подготовке к провозглашению независимого северокорейского государства особое символическое значение имела разработка северокорейской Конституции, о начале работы над которой было объявлено в конце осени 1947 г. Этот шаг означал, что

⁷⁶ Интервью с Ю Сон Чхолем. 19 января 1991 года, Ташкент.

⁷⁷ Пукхан хендэ са (Современная история Северной Кореи). Сеул, «Конъдонъххе», 1989. С. 290.

провозглашение отдельного северокорейского государства можно было считать решенным вопросом. 18 ноября III сессия Верховного народного собрания Северной Кореи приняла официальное постановление о начале разработке Конституции и избрала Временную конституционную комиссию с Ким Ду Боном во главе. В начале февраля проект Конституции, основой для которого послужила советская Конституция 1936 г. (с поправками, продиктованными концепцией «народно-демократической революции»), был, опять-таки по советскому образцу, опубликован для «всенародного обсуждения». Кстати сказать, решение не принимать Конституцию в феврале, а провести ее «всенародное обсуждение» было принято по указанию советского Политбюро (решение советского Политбюро от 3 февраля).

Однако, помимо стандартного спектакля со «всенародным обсуждением», проект Конституции прошел более серьезную проверку. Он был отправлен на экспертизу в Москву, где сотрудники ЦК КПСС внимательно изучили его. Сотрудники отдела внешней политики ЦК КПСС предложили более дюжины поправок. В целом проект получил негативную оценку: «Основной недостаток проекта временной конституции Корейской Народно-Демократической Республики заключается в том, что он неполно, а иногда и неправильно отражает существующие социально-экономические отношения и уровень развития народной демократии в стране. Редакция большинства статей неудовлетворительная». ⁷⁸ Однако последнее слово принадлежало высшей инстанции — советскому Политбюро, а точнее — самому Сталину. Как видно из дневника Т. Ф. Штыкова (копия в архиве автора) в ночь с 23 на 24 апреля на «ближней даче» состоялось продолжительное совещание по вопросам корейской политики, в котором участвовали Сталин, Молотов, Жданов и сам Штыков. Речь шла, в том числе, и о новой Конституции. По каким-то причинам Сталин не согласился с критикой проекта, и предложил лишь частичные поправки. 24 апреля Политбюро в целом утвердило представленный Пхеньяном проект, внося в него лишь три поправки (статья 2 и статья 14 были переписаны в Москве полностью, статья 6 — дополнена). Соответствующее решение, подписанное лично Сталиным, и было передано в Пхеньян.

Официальное одобрение Конституция получила 28 апреля 1948 г., когда в Пхеньяне открылась Специальная сессия Верховного народного собрания (указание принять Конституцию было за три дня до этого дано советским Политбюро). В июле следующая, V сессия «постановила», что в период до Объединения страны Конституция будет действовать только в ее северной части. После этого стало окончательно ясно, что северокорейское руководство не собирается признавать существующую на Юге администрацию и считает себя единственной законной властью на территории всего Корейского полуострова. Поскольку руководство провозглашенной 15 августа 1948 г. в Сеуле Корейской республики заняло точно такую же, если не даже более непримиримую позицию, то ситуация еще более накалилась. Ведь в условиях взаимного непризнания война между Севером и Югом становилась с точки зрения обоих государств делом вполне законным и конституционным, это была бы всего лишь своего рода полицейская акция по наведению порядка и восстановлению юрисдикции законной власти на территории, захваченной кучкой изменников при поддержке иностранных государств.

25 августа 1948 г. в Корею были проведены выборы в Верховное народное собрание. Эти выборы по своей организации следовали к советской модели, что видно хотя бы из того, что в них, по официальным сообщениям, приняло участие 99,97 % зарегистрированных избирателей. В то же время определенные отличия от «выборов без выбора» еще существовали: на 212 депутатских мест от Северной Кореи претендовали 227 человек, то есть кандидатов было все-таки чуточку больше, чем мест. ⁷⁹

⁷⁸ Замечания и заключение по проекту временной конституции Корейской народно-демократической республики. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 1173, лист 51).

⁷⁹ Ким Нам Сик. Намноданъ (Трудовая партия Южной Кореи). Сеул, «Хангук сынъгонъ енгувон», 1979. С. 403.

Однако напомним еще раз, что КНДР создавалось не как сепаратное северокорейское государство. С самого начала КНДР четко заявила, что считает себя единственной законной властью на всей территории Корейского полуострова. Об этом недвусмысленно говорила и Конституция, в соответствии с которой даже столицей страны считался не Пхеньян, а Сеул (положение, существовавшее до 1972 г.). Одним из главных обвинений, высказывавшихся северокорейской пропагандой против сеульского режима было как раз проведение им в мае 1948 г. сепаратных парламентских выборов. В этих условиях было решено придать выборам 25 августа видимость общекорейских и таким образом противопоставить их незаконным и сепаратным майским выборам в Южной Корее. Еще 24 апреля соответствующие рекомендации были приняты советским Политбюро и направлены в Пхеньян.

На прошедшей в Пхеньяне конференции находившихся на Севере представителей южнокорейских политических группировок было объявлено, что выборы на Юге будут нелегальными и пройдут в два этапа. Сначала в каждом уезде следовало избрать по 7–8 представителей, которые потом, собравшись в северокорейском г. Хэчжу, и должны были бы избрать в ВНС 360 депутатов от южнокорейских провинций. Разумеется, «нелегальные» выборы в Южной Корее едва ли следует принимать всерьез, но и считать их полностью фикцией тоже, пожалуй, не следует, ибо левые силы действительно провели там немалую работу. Активисты левых организацией обычно собирали голоса, обходя дома избирателей. Конечно, посещали они в основном тех, кто симпатизировал левым (в противном случае они могли попросту нарваться на донос), так что об объективности собранных голосов говорить никак не приходится, но, тем не менее, в этой своеобразной «избирательной кампании» участвовало немало людей. На основании собранных материалов было избрано около 1100 выборщиков, которые, собравшись в Хэчжу 21–26 августа, и избрали 360 депутатов.⁸⁰

2 сентября 1948 г. в Пхеньяне открылась I сессия Верховного народного собрания I созыва, в работе которой участвовали 572 депутата. Сессия 8 сентября окончательно утвердила Конституцию, а на следующий день, 9 сентября, официально провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику. Любопытно и симптоматично, что даже само это название было предложено ген. Н. Г. Лебедевым, который отверг предлагавшийся корейцами вариант «Корейская народная республика» (напомним, что Китайской Народной Республики в то время еще не существовало).⁸¹

Главой первого Кабинета министров КНДР был назначен Ким Ир Сен, Председателем же Президиума ВНС, то есть главой законодательной власти, остался Ким Ду Бон. В кабинет вошло 19 человек — 17 министров, Председатель кабинета и три его заместителя, двое из которых по совместительству занимали и министерские посты.

Провозглашением Корейской республики и КНДР завершился период формирования на Корейском полуострове двух враждебных друг другу государств, началась эпоха раскола Кореи, отмеченная кровавой бурей 1950–1953 гг. и десятилетиями взаимной подозрительности и напряженности, затянувшимися до наших дней. Осенью 1948 г. началась новая эпоха Корейской истории.

3. КИМ ИР СЕН: ПОПЫТКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА

⁸⁰ Там же, с. 405–407.

⁸¹ Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва

Косвенным указанием на то, что память не подвела Н. Г. Лебедева, является то обстоятельство, что в первой Программе ТПК, принятой в августе 1946 г. конечной целью партии провозглашается создание именно «народной республики» (первую редакцию Программы см.: Пукхан хендэ са. Енгу-ва чаре. (Современная история Северной Кореи. Исследования и материалы). Сеул, «Кондончхе», 1989, с. 419.

Личность правителя всегда оказывает немалое влияние на судьбу страны — с этим, пожалуй, не решится спорить даже самый убежденный сторонник исторического детерминизма. В особой степени относится это к диктатурам, особенно таким, в которых власть правителя практически не ограничена ни традицией, ни влиянием сильных зарубежных «покровителей», ни каким-то, пускай и слабым, общественным мнением. Одним из примеров такой диктатуры является Северная Корея — государство, во главе которого 46 (а фактически — 49) лет стоял один и тот же человек — «Великий Вождь, Солнце нации, Маршал Могучей Республики» Ким Ир Сен. Он возглавил это государство в момент его создания, и, судя по всему, «Могучая Республика» ненадолго переживет своего бессменного руководителя.

Полвека находиться на высшем государственном посту — редкость в современном мире, отвыкшем от долгих монархических правлений, и уже один этот факт делает биографию Ким Ир Сена вполне достойной изучения. Но надо помнить, что Северная Корея — государство во многих отношениях уникальное, что не может не привлекать еще больше внимания к личности ее руководителя. Вдобавок, биография Ким Ир Сена почти неизвестна советскому читателю, который до недавнего времени был вынужден довольствоваться лишь краткими и весьма далекими от истины справками «Ежегодников БСЭ» и других подобных изданий.

Говорить и писать о биографии северокорейского диктатора действительно трудно. В детстве Ким Ир Сен — сын скромного сельского интеллигента — не привлекал к себе ничьего особого внимания, в молодости ему — партизанскому командиру — совсем незачем было афишировать свое прошлое, а в зрелые годы, став правителем Северной Кореи и оказавшись в неизбежной круговерти интриг, он тоже был вынужден, с одной стороны, оберегать свою жизнь от посторонних взглядов, а с другой — собственными руками и руками своих официальных историографов творить себе новую биографию, которая сплошь и рядом расходилась с реальной, но зато куда более соответствовала требованиям политической ситуации. Ситуация эта часто менялась — менялась и официальная версия биографии «Великого Вождя, Солнца Нации». Поэтому то, что корейские историки писали о своем лидере в 50-е гг. мало похоже на, то что они пишут сейчас. Прорваться через завалы противоречивых и по большей части весьма далеких от истины утверждений официальной северокорейской историографии весьма сложно, а то и просто невозможно, надежных же документов, касающихся биографии Ким Ир Сена, особенно в молодые годы, сохранилось очень немного. Таким образом, человек, которому в современном мире принадлежит рекорд продолжительности пребывания на высшем государственном посту, и поныне во многом остается загадочной фигурой.

Рассказ о жизни Ким Ир Сена в силу этого будет сплошь и рядом полон неясностей, недомолвок, сомнительных и ненадежных фактов. Тем не менее, за последние десятилетия усилиями южнокорейских, японских и американских ученых (среди последних надо назвать в первую очередь профессора Со Дэ Сука в США и профессора Вада Харуки в Японии) удалось установить многое. Советские специалисты — как ученые, так и практические работники — зачастую были куда более информированы, чем их зарубежные коллеги, но по понятным причинам им до недавнего времени приходилось хранить молчание. Тем не менее, автору данной статьи в ходе проводимых им разысканий также удалось собрать определенный материал, который вместе с результатами работ зарубежных исследователей лег в основу данной статьи. Особую роль среди собранного материала играют записи бесед с теми участниками рассматриваемых событий, которые в настоящее время живут в нашей стране.

***

О семье Ким Ир Сена и его детстве известно немного. Хотя корейскими

пропагандистами и официальными историографами написаны десятки томов на эту тему, но в них едва ли возможно отделить истину от позднейших пропагандистских наслоений. Родился Ким Ир Сен 15 апреля 1912 года (дата иногда ставится под сомнение) в Мангендэ — небольшой деревне под Пхеньяном.⁸² Чем занимался его отец Ким Хен Чжик (1894–1926) — сказать с определенностью трудно, так как за свою короткую жизнь Ким Хен Чжик сменил не одно занятие. Чаще всего в появлявшихся время от времени в советской печати биографических справках о Ким Ир Сене его отца называли сельским учителем. Это и звучало хорошо (учитель — профессия благородная и, с официальной точки зрения, вполне «благонадежная»), и не было лишено оснований — временами Ким Хен Чжик действительно преподавал в начальных школах. Но в целом отец будущего Великого Вождя относился к той низовой (по сути — маргинальной) корейской интеллигенции, которая то учительствовала, то находила себе какую-нибудь конторскую службу, то как-то иначе зарабатывала на жизнь. Сам Ким Хен Чжик, помимо преподавания в школе, занимался и траволечением по рецептам дальневосточной медицины.

Семья Ким Ир Сена была христианской. Протестантизм, проникший в Корею в конце XIX века, получил немалое распространение на севере страны. Христианство в Корее воспринималось во многом как идеология модернизации, и, отчасти, современного национализма, поэтому и не удивительно, что очень многие корейские коммунисты. Отец Ким Ир Сена сам окончил основанную миссионерами школу, и поддерживал связи с христианскими миссиями. Разумеется, сейчас тот факт, что отец Ким Ир Сена (как, впрочем, и его мать) был не просто верующим протестантом, но и христианским активистом, всячески замалчивается, а его связи с религиозными организациями объясняются лишь стремлением найти легальное прикрытие для революционной деятельности. Мать Ким Ир Сена — Кан Бан Сок (1892–1932) была дочерью местного протестантского священника. Кроме Ким Ир Сена, настоящим именем которого было Ким Сон Чжу, в семье было еще двое сыновей.⁸³

Как и большинство семей низовой корейской интеллигенции, Ким Хен Чжик и Кан Бан Сок жили небогато, временами просто нуждаясь. Северокорейская историография утверждает, что родители Ким Ир Сена — особенно его отец — были заметными руководителями национально-освободительного движения. Впоследствии официальные пропагандисты стали заявлять, что Ким Хен Чжик был вообще главной фигурой во всем антиколониальном движении. Разумеется, это не так, но отношение к японскому колониальному режиму было в этой семье, безусловно, враждебным. В частности, по сравнительно недавно опубликованным данным японских архивов, Ким Хен Чжик действительно принимал участие в деятельности небольшой нелегальной

⁸² Впрочем, в одной из ранних полуофициальных биографий Ким Ир Сена, изданных в Японии при северокорейской поддержке еще в 1964 г., говорится, что родился он в доме своей матери в Чхинчжоне, хотя и вырос в Мангендэ (см. Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханъиль чончжэнь (Ким Ир Сен и антияпонская война в Маньчжурии). Сеул, 1992, с. 26). Эта информация заслуживает внимания, так как в начале 60-х фальсификация биографии Ким Ир Сена в Северной Корее, хотя уже и шла полным ходом, но еще не зашла так далеко, как сейчас. Поэтому в целом более ранние свидетельства представляются и более надежными, хотя, разумеется, возможны и исключения.

⁸³ Наиболее подробная информация о детстве и юности Ким Ир Сена и его семье, очищенная от пропагандистских наслоений и по возможности проверенная, содержится в книге Со Дэ Сука, профессора Гавайского Университета (Suh Dae-suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York, «Columbia University Press», 1988). Немалый интерес представляет и вышедшая в Японии в начале 80-х гг. книга проживающего в СССР корейского эмигранта, укrywшегося под псевдонимом Лим Ын (Lim Un. The Founding of a Dynasty in North Korea. Tokyo, «Jiyu-sha», 1982). Впрочем, в настоящее время имя автора книги называется уже почти открыто — это Хо Чжин (Хо Ун Бэ), один из северокорейских студентов невозвращенцев, оставшихся в СССР в конце 50-х гг. Наконец, следует назвать книгу японского корееведа и советолога Вада Харуки (корейский перевод: Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханъиль чончжэнь (Ким Ир Сен и антияпонская война в Маньчжурии). Сеул, 1992).

националистической группы, созданной весной 1917 г.⁸⁴ Северокорейские историки утверждают, что Ким Хен Чжик даже был арестован за свою деятельность и провел некоторое время в японской тюрьме, но не ясно, насколько эти утверждения соответствуют истине.

По-видимому, именно желание уехать из оккупированной захватчиками страны, соединенное со стремлением избавиться от постоянной нужды, заставило родителей Ким Ир Сена, подобно многим другим корейцам, в 1919 или 1920 г. переехать в Маньчжурию, где маленький Ким Сон Чжу начал учиться в китайской школе. Уже в детстве Ким Ир Сен в совершенстве овладел китайским, на котором свободно говорил всю жизнь (до старости, по слухам, его любимым чтением оставались классические китайские романы). Правда, на некоторое время он возвращался в Корею, в дом деда, но уже в 1925 г. покинул родные места, чтобы вновь вернуться туда через два десятилетия. Однако и переезд в Маньчжурию, похоже, не слишком улучшил положение семьи: в 1926 г. в возрасте 32 лет умер Ким Хен Чжик и 14-летний Ким Сон Чжу осиротел.⁸⁵

Уже в Гирине, в старших классах школы Ким Сон Чжу вступает в подпольный марксистский кружок, созданный местной нелегальной организацией китайского комсомола. Кружок был почти сразу же раскрыт властями, и в 1929 г. 17-летний Ким Сон Чжу, который был самым младшим из его членов, оказался в тюрьме, где провел несколько месяцев. Официальная северокорейская историография, разумеется, утверждает, что Ким Ир Сен был не просто участником, но и руководителем кружка, что однако, полностью опровергается документами.⁸⁶

Вскоре Ким Сон Чжу вышел на свободу, но с этого момента его жизненный путь круто изменился: не окончив, по-видимому, даже школьного курса, молодой человек ушел в один из многочисленных партизанских отрядов, действовавших в тогдашней Маньчжурии, чтобы сражаться с японскими захватчиками и их местными сторонниками, бороться за лучший мир, более добрый и справедливый, чем тот, который он видел вокруг себя. В те годы это был путь, по которому шли многие и многие молодые люди Китая и Кореи, те, кто не хотел или не мог подлаживаться к захватчикам, делать карьеру, служить или спекулировать.

Начало 30-х гг. было временем, когда в Маньчжурии разворачивалась массовое антияпонское партизанское движение. Участие в нем принимали и корейцы, и китайцы, представители всех действовавших там политических сил: от коммунистов до крайних националистов. Молодой Ким Сон Чжу, который еще в школьные годы был связан с комсомольским подпольем, вполне естественно оказался в одном из созданных Компартией Китая партизанских отрядов. О раннем периоде его деятельности известно мало. Официальная северокорейская историография утверждает, что с самого начала своей деятельности Ким Ир Сен возглавлял созданную им Корейскую Народно-Революционную Армию, которая действовала хотя и в контакте с частями китайских коммунистов, но в общем вполне самостоятельно. Эти утверждения, разумеется, не имеют никакого отношения к действительности. Никакой Корейской Народно-Революционной Армии просто никогда не существовало, миф о ней — это лишь часть кимирсеновского мифа, возникшая к концу 1940-х гг. и окончательно утвердившаяся в северокорейской «историографии» десятилетием позже⁸⁷. Корейская пропаганда всегда стремилась представить Ким Ир Сена в первую

⁸⁴ Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханъиль чончжэнь (Ким Ир Сен и антияпонская война в Маньчжурии). Сеул, 1992. С. 28

⁸⁵ Suh Dae — suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York, Columbia University Press, 1988. P. 6

⁸⁶ Ibid., P. 7.

Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханъиль чончжэнь... Сс. 41-42

⁸⁷ Подробный анализ того, как северокорейской пропагандой была изобретена Корейская Народно-Революционная Армия, содержится в упоминавшейся выше работе Вада Харуки (сс. 136–141). В связи с этим

очередь национальным корейским вождем, и поэтому старалась скрыть те связи, которые в прошлом существовали между ним и Китаем или Советским Союзом. Поэтому северокорейская печать не упоминала ни членство Ким Ир Сена в Китайской Компартии, ни его службу в Советской Армии. В действительности же Ким Ир Сен вступил в один из многочисленных партизанских отрядов китайской компартии, членом которой он и стал вскоре после 1932 г. Примерно в это же время он принимает и тот псевдоним, под которым ему предстоит войти в историю — Ким Ир Сен.

Молодой партизан, по-видимому, показал себя неплохим военным, так как продвигался он по службе неплохо. Когда в 1935 г., вскоре после того, как ряд партизанских отрядов, действовавших близ корейско-китайской границы, был объединен во Вторую отдельную дивизию, в свою очередь входившую в состав Объединенной Северо-Восточной Антияпонской Армии, Ким Ир Сен был политкомиссаром 3-го отряда (примерно 160 бойцов), а уже 2 года спустя мы видим 24-летнего партизана на посту командира 6-й дивизии, которую обычно так и называли «дивизией Ким Ир Сена». Конечно, название «дивизия» не должно вводить в заблуждение: в данном случае это грозно звучащее слово означало лишь сравнительно небольшой партизанский отряд в несколько сотен бойцов, действовавший близ корейско-китайской границы. Тем не менее, это был успех, который показывал, что молодой партизан обладал и некоторым военным дарованием, и качествами лидера.⁸⁸

Самой известной из операций 6-й дивизии стал рейд на Почхонбо, после удачного проведения которого имя Ким Ир Сена получило определенную международную известность. В ходе этого рейда около 200 партизан под командованием Ким Ир Сена пересекли корейско-китайскую границу и утром 4 июня 1937 г. внезапно атаковали пограничный городок Почхонбо, уничтожив местный жандармский пост и некоторые японские учреждения. Хотя современная северокорейская пропаганда и раздула масштабы и значение этого рейда до невозможности, вдобавок приписав его совершение никогда не существовавшей Корейской Народно-Революционной Армии, но и в действительности этот эпизод был немаловажен, ибо партизанам почти никогда не удавалось пересекать тщательно охранявшуюся корейско-маньчжурскую границу и проникать на собственно корейскую территорию. И коммунисты, и националисты действовали на китайской территории. После рейда на Почхонбо, слухи о котором распространились по всей Корее, о «полководце Ким Ир Сене» заговорили всерьез. О рейде и его организаторе стали писать газеты, а японская полиция включила его в число особо опасных «коммунистических бандитов».

В конце 30-х гг. Ким Ир Сен встретил свою жену — Ким Чжон Сук, дочь батрака из северной Кореи, которая в 16 лет вступила в партизанский отряд. Правда, похоже, что Ким Чжон Сук была не первой, а второй женой Ким Ир Сена. Его первая жена — Ким Хе Сун — тоже воевала в его отряде, но в 1940 г. попала в плен к японцам. Впоследствии она жила в КНДР и занимала различные ответственные посты среднего уровня. Справедливы ли эти слухи — сказать сложно, но, как бы то ни было, официальная северокорейская историография утверждает, что первой женой Ким Ир Сена была именно Ким Чжон Сук, мать нынешнего «наследного принца» Ким Чжон Ира. Судя по воспоминаниям тех, кто встречался с ней в 40-е гг. это была тихая женщина невысокого роста, не очень грамотная, не

приведем только один курьезный факт. В вышедшей в 1948 г. вторым изданием книге Хан Чэ Дока, который был тогда одним из главных организаторов кампании прославления Ким Ир Сена, уже говорилось о КНРА, но в содержащихся в приложении документах о партизанской деятельности Ким Ир Сена этот термин, естественно, не упоминался (в те времена в Северной Корее еще не решались напрямую фальсифицировать исторические источники). Поэтому в специальном примечании говорилось: «Вместо слов «Объединенная Антияпонская Северо-восточная Армия» (части китайских коммунистов и националистов, в которых воевал Ким Ир Сен — А. Л.) следует читать «Корейская Народно-Революционная Армия» (см. с. 137).

⁸⁸ Наиболее подробный рассказ о партизанской карьере Ким Ир Сена содержится в книге Вада Харуки (Указ. соч., с. 112, сс. 145–148).

владеющая иностранными языками, но приветливая и жизнерадостная. С ней Ким Ир Сену довелось прожить самое бурное десятилетие своей жизни, в течение которого он из командира маленького партизанского отряда превратился в правителя Северной Кореи.⁸⁹

К концу 30-х гг. положение маньчжурских партизан резко ухудшилось. Японские оккупационные власти решили покончить с партизанским движением и с этой целью в 1939–1940 гг. сосредоточили в Маньчжурии значительные силы. Под натиском японцев партизаны несли тяжелые потери. К тому времени Ким Ир Сен был уже командиром 2-го оперативного района 1-й армии, ему подчинялись партизанские части в провинции Цзяндао. Его бойцам не раз удавалось наносить ответные удары по японцам, но время работало против него. К концу 1940 г. из числа высших руководителей 1-й армии (командующий, комиссар, начальник штаба и командиры 3 оперативных районов) в живых остался только один человек — сам Ким Ир Сен, все же остальные были убиты в боях. Японские каратели с особой яростью развернули охоту на Ким Ир Сена. Положение становилось безвыходным, силы таяли на глазах. В этих условиях в декабре 1940 г. Ким Ир Сен вместе с группой своих бойцов (около 13 человек) прорывается на север, переходит Амур и оказывается в Советском Союзе. Начинается период его эмигрантской жизни в СССР.⁹⁰

Надо сказать, что долгое время как среди корееведов, так и среди самих корейцев циркулировали слухи о якобы произошедшей в СССР «подмене» Вождя. Утверждалось, что настоящий Ким Ир Сен — герой Почхонбо и командир Антияпонской объединенной армии погиб или умер около 1940 г., а с этого времени под именем Ким Ир Сена действовал уже другой человек. Слухи эти зародились в 1945 г., когда Ким Ир Сен вернулся в Корею и многие поразились молодости бывшего партизанского командира. Свою роль сыграло и то, что псевдонимом «Ким Ир Сен» с начала 20-х гг. пользовалось несколько партизанских командиров. Убежденность в якобы произошедшей подмене была в то время на Юге так велика, что эта версия без всяких оговорок попала даже в американские разведывательные донесения.⁹¹ Чтобы бороться со слухами, советские военные власти даже организовали показательную поездку Ким Ир Сена в его родную деревню, в которой его сопровождали корреспонденты местной печати. Сильно отдающая романами Дюма-отца гипотеза, которую по политико-пропагандистским соображениям особо поддерживают некоторые южнокорейские специалисты, едва ли имеет отношение к действительности. Мне приходилось беседовать с теми, кто в свое время провел рядом с Ким Ир Сеном годы эмиграции, а также и людьми, отвечавшими за находившихся на советской территории партизан и в силу этого часто встречавшимися с будущим Великим Вождем еще во время войны.⁹² Все они единодушно отвергают эту версию как несерьезную и лишнюю

89 Suh Dae-suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader ... p. 50–51.

Запись беседы с Н. Г. Лебедевым. Москва, 13 ноября 1989 г.

Н. Г. Лебедев — советский генерал, в 1945 г. — член Военного Совета 25-й армии, позднее — глава Советской Гражданской Администрации в Северной Кореи.

⁹⁰ В своих более ранних публикациях я датировал переход Ким Ир Сена на советскую сторону концом 1941 г. исключительно на основании беседы с Н. Г. Лебедевым (Москва, 13 ноября 1989 года), хотя в некоторых западных работах назывались другие даты. Однако появившиеся в последнее время в Китае публикации подтверждают эту дату.

⁹¹ Смотрите, например, одно такое донесение в сборнике изданных в Южной Корее американских материалов:

North Korea Today, for American Eyes Only (G-2, American Army Forces in Korea, August, 1947) — «An Anthology of Selected Pieces from the Declassified File of Secret U. S. Materials in Korea before and during the Korean War». Seoul, National Unification Board, 1981.

⁹² Запись беседы с И. Г. Лободой, ноябрь 1990 г., Москва

И. Г. Лобода — известный советский журналист, в 1944–1945 гг. служил на Дальнем Востоке, курировал 88-ю бригаду, где в это время находился Ким Ир Сен.

Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 18 января 1991 г., Ташкент

оснований. Такого же мнения придерживается и крупнейшие специалисты по корейскому коммунистическому движению Со Дэ Сук и Вада Харуки.⁹³ Наконец, опубликованные недавно в Китае дневники Чжоу Бао-чжуна также опровергают большинство аргументов, которыми пользуются сторонники теории «подмены». Таким образом, легенда о корейской «железной маске», весьма напоминающая авантурные романы, едва ли может считаться достоверной, хотя, безусловно, извечная привязанность людей ко всяческим тайнам и загадкам неизбежно будет временами способствовать очередному оживлению разговоров на эту тему и даже появлению соответствующих «сенсационных» журналистских публикаций.

К началу 40-х на советскую территорию перешло уже немало маньчжурских партизан. Первые случаи таких переходов известны уже с середины 30-х годов, а после 1939 г., когда японцы резко увеличили размах своих карательных операций в Маньчжурии, уход остатков разбитых партизанских отрядов на советскую территорию стал нормальным явлением.⁹⁴ Перешедших обычно подвергали кратковременной проверке, а потом их судьбы складывались по-разному. Некоторые из них поступали на службу в Красную Армию, другие же, приняв советское гражданство, вели обычную жизнь крестьян или, реже, рабочих. Поэтому переход Ким Ир Сена и его людей через Амур в конце 1940 г. не был чем-то необычным или неожиданным. Подобно другим перебежчикам, Ким Ир Сен оказался на некоторое время интернирован в проверочном лагере. Но поскольку к тому времени имя его пользовалось уже определенной известностью (по крайней мере, среди «тех, кому положено»), то процедура проверки не затянулась и уже через несколько месяцев двадцатидевятилетний партизанский командир становится слушателем курсов при Хабаровском пехотном училище, на которых учится до весны 1942 г. Пожалуй, впервые после десяти лет опасной партизанской жизни, полной скитаний, голода, усталости Ким Ир Сен смог отдохнуть, почувствовать себя в безопасности. Жизнь его складывалась удачно. В феврале 1942 г. (по некоторым данным — в феврале 1941 г.) Ким Чжон Сук родила сына, которого назвали русским именем Юра и которому через десятилетия суждено было стать «Любимым Руководителем, Великим Продолжателем Бессмертного Чучхейского Революционного Дела» Ким Чжон Иром.⁹⁵

Летом 1942 г. советское командование приняло решение сформировать из перешедших на советскую территорию маньчжурских партизан специальную часть — 88-ю отдельную стрелковую бригаду, которая располагалась в поселке Вятск (Вятское) близ Хабаровска. Именно в эту бригаду летом 1942 г. получил назначение молодой капитан Советской Армии Ким Ир Сен, которого, впрочем, тогда чаще называли по китайскому чтению его именных иероглифов — Цзинь Жичэн. Командиром бригады стал известный маньчжурский партизан Чжоу Баочжун, который в Советской Армии получил звание подполковника. Большинство бойцов бригады составляли китайцы, так что основным языком боевой подготовки был китайский. Бригада состояла из четырех батальонов, а ее численность, по разным оценкам, составляла от 1000 до 1700 человек, из которых примерно 200–300 были советскими военнослужащими, направленными в бригаду в качестве инструкторов и контролеров.

Ю Сон Чхоль — в 1941–46 гг. сотрудник советской разведки, в 1948–1956 гг. — начальник оперативного управления Генштаба Корейской Народной Армии.

Запись беседы с Ю Сон Чхолем, 29 января 1991 г., Ташкент.

⁹³ Suh Dae — suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader... P. 15.

Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханьиль чончжэнь... (фактически — вся книга)

⁹⁴ Сапожников Б. Г. Из истории советско-корейской дружбы // Освобождение Кореи. М., «Наука», 1976. С. 164 и сл.

⁹⁵ Наш рассказ о службе Ким Ир Сена в Советской Армии основан на интервью с Ю Сон Чхолем (служил в 88-й бригаде), И. Г. Лободой (во время войны курировал политработу в 88-й бригаде), Г. К. Плотниковым (работал с документами 88-й бригады, в настоящее время недоступными историкам).

Партизаны-корейцы, большая часть которых еще в 30-е годы воевала под командованием Ким Ир Сена или вместе с ним, входили в первый батальон, командиром которого и стал Ким Ир Сен. Корейцев этих было немного, по оценкам Вада Харуки, от 140 до 180 человек.⁹⁶

Потекла обычная монотонная и довольно тяжелая жизнь части, находящейся во время войны в глубоком тылу, жизнь, хорошо знакомая многим и многим советским сверстникам Ким Ир Сена. Как ясно из рассказов людей, которые в тот период служили вместе с Ким Ир Сеном или имели доступ к материалам 88-й бригады, она, несмотря на свой специфический состав, вовсе не была частью спецназначения в современном понимании. Ни по своему вооружению, ни по организации, ни по боевой подготовке она принципиально не отличалась от обычных частей Советской Армии. Правда, временами некоторые бойцы бригады отбирались для выполнения разведывательно-диверсионных операций в Маньчжурии и Японии. Советская литература тех лет много говорила об акциях японских диверсантов на советском Дальнем Востоке: взрывах поездов, плотин, электростанций. Надо сказать, что советская сторона отвечала японской полной взаимностью и, судя по воспоминаниям ветеранов 88-ой бригады, не только разведывательные, но и диверсионные рейды в Маньчжурию были обычным делом. Однако подготовку к этим рейдам вели не в Вятске, а в других местах и отобранные для участия в этих акциях бойцы покидали 88-ую бригаду. Сам Ким Ир Сен за время войны ни разу не покинул расположение своей бригады и не побывал ни в Маньчжурии, ни, тем более, в самой Корее.⁹⁷

Ким Ир Сену, которому пришлось воевать с семнадцати лет, похоже, нравилось та тяжелая, но упорядоченная жизнь кадрового офицера, которую он вел в эти годы. Некоторые из тех, кто служил вместе с ним в 88-ой бригаде, сейчас вспоминают, что уже тогда будущий диктатор производил впечатление человека властолюбивого и «себе на уме», но вполне возможно, что это восприятие продиктовано последующими событиями, которые не добавили у многих советских сослуживцев Ким Ир Сена симпатии к бывшему батальонному командиру. Как бы то ни было, и Ким Ир Сен был весьма доволен службой, и начальство не жаловалось на молодого капитана. За время жизни в Вятске у Ким Ир Сена и Ким Чжон Сук родилось еще двое детей: сын Шура и дочь. Детей называли русскими именами, и это, пожалуй, говорит о том, что в те годы для Ким Ир Сена возвращение на родину представлялось по меньшей мере проблематичным. По воспоминаниям, Ким Ир Сен в это время достаточно ясно видит свою будущую жизнь: служба в армии, академия, командование полком или дивизией. И как знать, повернись история чуть иначе, очень может быть, что где-нибудь в Москве жил бы сейчас пожилой отставной полковник или даже генерал-майор Советской Армии Ким Ир Сен, а его сын Юрий работал бы в каком-нибудь московском НИИ и в конце восьмидесятых, подобно большинству столичных интеллигентов, скорее всего, с энтузиазмом участвовал бы в многолюдных шествиях «Демократической России» и подобных организаций (а потом, можно предположить, кинулся бы в бизнес, но едва ли бы там преуспел). В тот момент никто не мог предсказать, какая судьба ждет командира первого батальона, так что подобный вариант, пожалуй, казался наиболее вероятным. Однако жизнь и

⁹⁶ Различные оценки численности бригады, основанные на позднейших воспоминаниях служивших там китайских бойцов, см. Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва Манчжу Ханъиль чончжэнь..., с. 271, 277.

⁹⁷ Запись беседы с И. Г. Лободой, ноябрь 1990 г., Москва

И. Г. Лобода — известный советский журналист, в 1944–1945 гг. служил на Дальнем Востоке, курировал 88-ю бригаду, где в это время находился Ким Ир Сен.

Запись беседы с Г. К. Плотниковым, 1 февраля 1990 г.

Г. К. Плотников — советский офицер и военный историк, специалист по военным аспектам корейской проблемы.

Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 18 января 1991 г., Ташкент

Ю Сон Чхоль — в 1941–46 гг. сотрудник советской разведки, в 1948–1956 гг. — начальник оперативного управления Генштаба Корейской Народной Армии.

Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 29 января 1991 г., Ташкент.

история повернулись иначе.

В быстротечной войне с Японией 88-ая бригада не принимала никакого участия, так что утверждение современной официальной северокорейской историографии о том, что Ким Ир Сен и его бойцы сражались в боях за освобождение страны, является стопроцентной выдумкой. Вскоре после окончания боевых действий 88-ая бригада была расформирована, а ее солдаты и офицеры получили новые назначения. В большинстве своем они должны были ехать в освобожденные города Маньчжурии и Кореи, чтобы стать там помощниками советских комендантов и обеспечить надежное взаимодействие советских военных властей с местным населением и органами власти. Самым крупным из занятых советскими войсками городов был Пхеньян, а самым высокопоставленным из корейцев-офицеров 88-ой бригады — Ким Ир Сен, так что нет ничего удивительного в том, что именно он был назначен помощником коменданта будущей северокорейской столицы и вместе с рядом бойцов своего батальона выехал туда. Первая попытка добраться до Кореи сухопутным путем не удалась, так как Андонский железнодорожный мост на границе Китая и Кореи был взорван. Поэтому в Корею Ким Ир Сен прибыл в конце сентября 1945 г. на пароходе «Пугачев» через Владивосток и Вонсан.⁹⁸

В последнее время в южнокорейской печати появились утверждения о том, что роль Ким Ир Сена как будущего лидера была predetermined еще до его отъезда в Корею (рассказывают даже о его тайной встрече со Сталиным, якобы произошедшей в сентябре 1945 г.). Эти утверждения выглядят достаточно сомнительными, хотя я бы и не стал отмечать их без дополнительной проверки. В частности, они полностью противоречат тому, что рассказывали мне во время интервью участники событий — В. В. Кавыженко и И. Г. Лобода.⁹⁹ Поэтому все-таки вероятнее, что когда Ким Ир Сен приехал в Пхеньян, ни он сам, ни его окружение, ни советское командование не имели еще никаких особых планов относительно его будущего.

Однако появление Ким Ир Сена пришлось весьма кстати. К концу сентября советское командование поняло, что его попытки опереться в проведении своей политики в Северной Корее на местные правонационалистические группировки во главе с Чо Ман Сиком терпят крах. К началу октября советское военно-политическое руководство как раз начало искать ту фигуру, которая могла бы встать во главе формирующегося режима. Из-за слабости коммунистического движения на севере Кореи делать ставку на местных коммунистов было невозможно: среди них не было фигур, пользовавшихся в стране мало-мальской популярностью. Действовавший на Юге руководитель компартии Кореи Пак Хон Ен тоже не вызывал у советских генералов особых симпатий: он казался непонятным и слишком самостоятельным, да, вдобавок, и недостаточно тесно связанным с Советским Союзом. В этих условиях появление Ким Ир Сена в Пхеньяне показалось советским военным властям очень своевременным. Молодой офицер Советской Армии, партизанское прошлое которого пользовалось в Северной Корее определенной известностью, был, по их мнению, лучшим кандидатом на вакантный пост «вождя прогрессивных сил Кореи», чем тихий интеллигент-подпольщик Пак Хон Ен или кто-либо еще.

⁹⁸ Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 29 января 1991 г., Ташкент.

⁹⁹ Запись беседы с В. В. Кавыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

В. В. Кавыженко — востоковед, дипломат, партийный работник. В 1945–47 гг. находился на работе в Корее.

Запись беседы с И. Г. Лободой, ноябрь 1990 г., Москва

И. Г. Лобода — известный советский журналист, в 1944–1945 гг. служил на Дальнем Востоке, курировал 88-ю бригаду, где в это время находился Ким Ир Сен.

Рассказы о якобы имевшей место тайной встрече Ким Ир Сена и Сталина появились в южнокорейских изданиях после 1992 года. Тогда группа южнокорейских журналистов встретила И. И. Кобаненко, бывшим офицером штаба фронта, который и рассказал, что в сентябре 1945 года Ким Ир Сен тайно посещал Сталина (опубликовано в: Мирок Чосон минчжучжуи инмин конхвагук. Часть 2. Сеул, Чунъан ильбо са, 1993, сс. 202–206).

Поэтому всего лишь через несколько дней после приезда в Корею именно Ким Ир Сена советскими военными властями было предложено (а, точнее сказать, приказано) появиться на торжественном митинге, который 14 октября проводился на пхеньянском стадионе в честь армии-освободительницы, и произнести там короткую приветственную речь. На митинге выступил командующий 25-й армией генерал И. М. Чистяков, который и представил собравшимся Ким Ир Сена как «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя». После этого на трибуне появился Ким Ир Сен в только что одолженном у одного из знакомых штатском костюме и произнес в честь Советской Армии соответствующую речь. Появление Ким Ир Сена на людях стало первым признаком его начинающегося восхождения к вершинам власти. Несколькими днями раньше Ким Ир Сен был включен в состав Северокорейского бюро Компартии Кореи, которым тогда руководил Ким Ен Бом (фигура, впоследствии себя ничем особо не прославившая).

Следующим шагом на пути к власти стало назначение Ким Ир Сена в декабре 1945 г. председателем Северокорейского бюро Компартии Кореи. В феврале по решению советских военных властей Ким Ир Сен возглавил Временный народный комитет Северной Кореи — своего рода временное правительство страны.¹⁰⁰ Таким образом, уже на рубеже 1945 и 1946 гг. Ким Ир Сен формально стал высшим руководителем Северной Кореи.¹⁰¹ Хотя сейчас задним числом многие говорят о властолюбии и коварстве Ким Ир Сена, по отзывам людей, часто встречавшихся с ним в конце 1945 г., он был удручен таким поворотом судьбы и принял свое назначение без особого энтузиазма. В это время Ким Ир Сен предпочитал простую и понятную ему карьеру офицера советской армии странной и запутанной жизни политика. Например, В. В. Кавыженко, который в то время был начальником 7-го отдела политотдела 25-й армии и часто встречался с Ким Ир Сеном, вспоминает:

«Я хорошо помню, как я зашел к Ким Ир Сена как раз после того, как ему предложили стать во главе народных комитетов. Он был очень расстроен и сказал мне: «Я хочу полк, потом — дивизию, а это-то зачем? Ничего я не понимаю, и заниматься этим не хочу».¹⁰²

Отражением хорошо известных военных пристрастий Ким Ир Сена является то обстоятельство, что в марте 1946 г. советские власти рассматривали его в качестве кандидата на пост военного министра объединенной Кореи. В то время еще шли трудные переговоры с американцами о создании единого корейского правительства. Неизвестно, насколько серьезно относилась советская сторона к переговорам, но в их преддверии был составлен список возможного общекорейского правительства. Ким Ир Сена в нем отводилось место заметное, но не первостепенное военного министра (главой правительства должен был стать известный южнокорейский политический деятель левого толка).¹⁰³

¹⁰⁰ И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корею (1945–1951). М., 1951. С. 87.

¹⁰¹ Более подробный рассказ о формировании КНДР и политической деятельности Ким Ир Сена в 1945–1948 гг. можно найти в недавно вышедшей статье «Северная Корея в 1945–1948 гг.: от Освобождения до провозглашения КНДР», которая входит в состав данного сборника.

¹⁰² Запись беседы с В. В. Кавыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

¹⁰³ Список членов правительства см.: Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории, фонд 17, опись 128, дело 61.

Ким Ир Сен и генерал Чистяков. 1947 г.

Таким образом, на вершине власти в Северной Корее Ким Ир Сен оказался, скорее всего, совершенно случайно и едва ли не против своей воли. Окажись он в Пхеньяне чуть позже или попади он вместо Пхеньяна в какой-нибудь иной крупный город — и судьба его повернулась бы совсем иначе. Впрочем, едва ли Ким Ир Сена в 1946 и даже в 1949 г. можно назвать правителем Кореи в точном смысле слова. Определяющее влияние на жизнь страны оказывали тогда советские военные власти и аппарат советников. Именно они принимали важнейшие решения и составляли важнейшие документы. Достаточно сказать, что до середины 1950-х гг. все назначения офицеров на должности выше командира полка в обязательном порядке согласовывались с советским посольством.¹⁰⁴ Как уже говорилось, даже многие ранние выступления самого Ким Ир Сена были написаны в политотделе 25-ой армии, а потом переведены на корейский язык. Ким Ир Сен был лишь номинальным главой страны. Отчасти сохранилось это положение и после 1948 г., когда на севере Корейского полуострова была официально провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Тем не менее, с течением времени Ким Ир Сен, по-видимому, начал потихоньку входить во вкус власти, равно как и приобретать необходимые для правителя навыки.

¹⁰⁴ Запись беседы с Сим Су Чхолом. Ташкент, 17 января 1991 г.

Сим Су Чхоль — советский учитель, в 1947–1962 гг. находился в КНДР, служил в северокорейской армии на разных должностях. В 1950–1960 гг. — зам. начальника управления кадров Генштаба.

К 1947–1948 гг. портреты Ким Ир Сена часто встречались на улицах корейских городов

Как и большинство высших руководителей Северной Кореи, Ким Ир Сен вместе с женой и детьми поселился в центре Пхеньяна, в одном из небольших особняков, которые раньше принадлежали высокопоставленным японским офицерам и чиновникам. Однако жизнь Ким Ир Сена в этом доме в первые годы после возвращения в Корею едва ли можно было назвать счастливой, ибо она была омрачена двумя трагедиями: летом 1947 г. его второй сын Шура утонул, купаясь в пруду во дворе дома, а в сентябре 1949 г. во время родов умерла его жена Ким Чжон Сук, с которой он прожил десять самых тяжелых лет своей жизни и теплое отношение к которой он сохранил навсегда. По воспоминаниям тех, кто встречался тогда с Ким Ир Сеном в Пхеньяне, он мучительно переживал оба несчастья.¹⁰⁵

Тем не менее, бурные события, разворачивающиеся вокруг Ким Ир Сена, не оставляли много времени для скорби. Главными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться ему в те первые годы существования КНДР были раскол страны и фракционные конфликты в самом северокорейском руководстве.

Как известно, по решению Потсдамской конференции Корея оказалась разделенной по 38-й параллели на советскую и американскую зоны оккупации, и в то время, как советские военные власти делали все, чтобы привести к власти на Севере выгодную им группировку, контролировавшие Юг американцы с не меньшей энергией занимались тем же самым. Результатом их усилий стал приход к власти на Юге правительства Ли Сын Мана. И Пхеньян, и Сеул выдвигали претензии на то, что именно их режим является единственно законной властью на полуострове и не собирались идти на компромиссы. Напряженность возрастала, вооруженные столкновения на 38-й параллели, засылка на территорию друг друга разведывательно-диверсионных групп стали к 1948–1949 гг. обычным явлением, дело явно шло к войне.

По сообщению Ю Сон Чхоля, который с 1948 г. был начальником Оперативного отдела северокорейского Генштаба, подготовка плана удара по Югу началась на Севере еще до официального провозглашения КНДР.¹⁰⁶ Однако факт подготовки этого плана в

¹⁰⁵ Интервью с Кан Сан Хо, 30 ноября 1989 г., Ленинград

¹⁰⁶ Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 18 января 1991 г., Ташкент
Запись беседы с Ю Сон Чхолом, 29 января 1991 г., Ташкент.

северокорейском Генштабе сам по себе значит немного: с незапамятных времен штабы всех армий заняты тем, что составляют как планы обороны от потенциального противника, так и планы нападения на него, такова рутинная практика. Поэтому куда более важным представляется вопрос о том, когда, как и почему принимается политическое решение о начале войны.

В случае с Корейской войной окончательное решение было принято, по-видимому, в апреле 1950 г., во время тайного визита Ким Ир Сена в Москву и его бесед со Сталиным. Однако этому визиту предшествовали долгие обсуждения ситуации, которые шли как в Москве, так и в Пхеньяне.

Ким Ир Сен не был единственным сторонником военного решения корейской проблемы. Большую активность проявляли представители южнокорейского подполья во главе с Пак Хон Еном, которые переоценивали левые симпатии южнокорейского населения и уверяли, что после первого же военного удара на Юге начнется всеобщее восстание и режим Ли Сын Мана падет. Убеждение это было столь глубоким, что даже подготовленный план нападения на Юг, по сообщению одного из его авторов — бывшего начальника Оперативного управления Генштаба КНДР Ю Сон Чхоля, не предусматривал боевых действий после падения Сеула: считалось, что вызванное занятием Сеула всеобщее восстание мгновенно покончит с лисынмановским правлением.¹⁰⁷ Из числа советских руководителей активным сторонником военного решения проблемы был Т. Ф. Штыков, первый советский посол в Пхеньяне, который периодически отправлял в Москву сообщения соответствующего содержания. Поначалу Москва относилась к этим предложениям безо всякого энтузиазма, однако упорство Ким Ир Сена и Штыкова, равно как и изменения в глобальной стратегической ситуации (победа коммунистов в Китае, появление у СССР атомного оружия) сделали свое дело: весной 1950 года Сталин согласился с предложениями Пхеньяна.¹⁰⁸

Конечно, сам Ким Ир Сен тоже не только не возражал против планируемого нападения. С самого начала своей деятельности в качестве руководителя КНДР он уделял много внимания армии, мотивируя это тем, что мощная северокорейская армия может стать главным орудием объединения. Вообще партизанское и армейское прошлое Ким Ир Сена не могло не привести к тому, что он стал переоценивать роль военных способов решения политических проблем. Поэтому он принял самое активное участие в подготовке планов войны с Югом, которая началась внезапным ударом северокорейских войск ранним утром 25 июня 1950 г. На следующий день, 26 июня, Ким Ир Сен выступил по радио с обращением к народу. В нем он обвинил правительство Южной Кореи в агрессии, призвал к отпору и сообщил, что северокорейские войска начали успешное контрнаступление.

Как известно, на первых порах ситуация благоприятствовала Северу. Хотя всеобщего восстания на Юге, на которое так надеялись в Пхеньяне, все-таки не произошло, лисынмановская армия воевала неохотно и неумело. Уже на третий день войны пал Сеул, а к концу августа 1950 г. под контролем Севера находилось более 90 % территории страны. Однако внезапный американский десант в глубоком тылу северян резко изменил соотношение сил. Началось отступление северокорейских войск и к ноябрю ситуация стала

¹⁰⁷ Указ. записи

¹⁰⁸ Здесь мы не можем останавливаться на истории подготовки Корейской войны во всех деталях, тем более, что в последние годы эта проблема стала темой множества публикаций. Заметим только, что после 1990 года в исследованиях на эту тему произошел качественный скачок, вызванный частичным рассекречиванием советских документов и дипломатической переписки между Москвой и Пхеньяном в период подготовки к нападению на Юг. В 1994 году правительство России передало правительству Республики Корея большое количество документов о подготовке к войне. Сейчас эти документы постепенно вводятся в научный оборот корейскими историками (см., например, большую и обстоятельную, хотя и несколько хаотичную, монографию Пак Мен Рима: Пак Менъ Рим. Хангук чончжэнь-ый пальбаль-гва кивон (Начало и истоки Корейской войны). Сеул, «Нанам», 1999).

прямо противоположной: теперь уже южане и американцы контролировали более 90 % территории страны. Ким Ир Сен вместе со своей ставкой и остатками вооруженных сил оказался прижат к корейско-китайской границе. Однако положение изменилось после того, как на территорию страны вступили китайские войска, направленные туда по настоятельной просьбе Ким Ир Сена и с благословения советского руководства. Китайские части быстро оттеснили американцев к 38-й параллели и позиции, которые с весны 1951 г. занимали войска противостоящих сторон, оказались в итоге почти такими же как те, с которых они начинали войну.

После налетов американской авиации основным жилищем северокорейских горожан стали землянки (Синийчжу, 1952)

Таким образом, хотя внешняя помощь и спасла КНДР от полного разгрома, итоги войны были обескураживающими и Ким Ир Сен как высший руководитель страны не мог не видеть в этом угрозы для своего положения. Необходимо было как-то обезопасить себя. В условиях успешно развивающегося контрнаступления в декабре 1950 г. в небольшой деревне близ китайской границы состоялся III Пленум ЦК ТПК второго созыва. На этом пленуме Ким Ир Сен сумел решить важную задачу — объяснить причины сентябрьской военной катастрофы и причем сделать это так, чтобы полностью снять себя ответственность за нее. Как всегда в таких случаях и делается, нашли козла отпущения. Им оказался бывший командующий 2-й Армией Му Чжон (Ким Му Чжон), герой гражданских войн в Китае, который и был объявлен виновным во всех военных неудачах, разжалован и вскоре эмигрировал в Китай.

В конце 1950 г. Ким Ир Сен вернулся в разрушенную столицу. Американская авиация постоянно бомбила Пхеньян, поэтому правительство КНДР и ее военное командование расположились в бункерах, причудливая сеть которых была выбита в скальном грунте холма Моранбон, на глубине нескольких десятков метров под землей. Хотя тяжелая позиционная война и тянулась еще два с половиной года, но роль северокорейских войск в ней была весьма скромной, они действовали лишь на второстепенных направлениях и обеспечивали охрану тыла. Основную тяжесть боев взяли на себя китайцы, и фактически с зимы 1950/51 гг. война приобрела характер американо-китайского конфликта на корейской территории. В то же время китайцы не вмешивались во внутренние дела Кореи и не пытались навязывать Ким Ир Сэну линию поведения. В определенной степени война даже развязала Ким Ир Сэну руки, так как существенно ослабила советское влияние.

К тому времени Ким Ир Сен уже, видимо, полностью освоился со своей новой ролью и постепенно превратился в опытного и крайне честолюбивого политика. Говоря об особенностях индивидуального политического стиля Ким Ир Сена, следует отметить неоднократно проявлявшееся им умение лавировать, использовать противоречия как противников, так и союзников. Ким Ир Сен не раз показывал себя мастером политической интриги, очень хорошим тактиком. Слабости же Ким Ир Сена связаны в первую очередь с его недостаточной общей подготовкой, ведь он не только никогда не учился в вузе, но и не имел возможности заняться самообразованием, а все основные представления о социальной

и экономической жизни ему пришлось черпать частью из традиционных воззрений корейского общества, частью — из материалов политзанятий в партизанских отрядах и 88-й бригаде. В результате получалось, что Ким Ир Сен знал, как захватить и усилить свою власть, но не знал, как воспользоваться полученными возможностями.

Однако задача, стоявшая перед Ким Ир Сеном в начале 1950-х гг., как раз требовала того искусства лавирования, которым он обладал в полной мере. Речь идет о ликвидации фракций, существовавших с самого основания КНДР в северокорейском руководстве. Дело в том, что северокорейская элита изначально не была единой, в нее входило 4 группировки, весьма отличающихся друг от друга как по своей истории, так и по составу. Это были: 1) «советская группировка», состоявшая из советских корейцев, направленных для работы в государственных, партийных и военных органах КНДР советскими властями; 2) «внутренняя группировка», в которую входили бывшие подпольщики, действовавшие на территории Кореи еще до Освобождения; 3) «яньаньская группировка», членами которой были вернувшиеся из эмиграции в Китай корейские коммунисты; 4) «партизанская группировка», к которой относился сам Ким Ир Сен и другие участники партизанского движения в Маньчжурии 30-х гг. Группировки эти с самого начала относились друг к другу без особой симпатии, хотя в условиях жесткого советского контроля фракционная борьба открыто проявиться не могла. Единственный путь к полновластию для Ким Ир Сена лежал через уничтожение всех группировок, кроме его собственной, партизанской, и в избавлении от тотального советского и китайского контроля. Решению этой задачи он и посвятил свои основные усилия в 50-е гг.

Об уничтожении фракций в Корее речь идет в другой части книги, и здесь нет смысла вновь подробно останавливаться на всех перипетиях этой борьбы.¹⁰⁹ В ее ходе Ким Ир Сен проявил немалое умение и коварство, ловко сталкивая своих соперников лбами. Первой жертвой стали бывшие подпольщики из внутренней группировки, расправа над которыми прошла в 1953–1955 гг. при активной поддержке или благожелательном нейтралитете двух других фракций. Далее, в 1957–1958 гг., удар был нанесен по яньаньцам, но они оказались более крепким орешком. Когда в августе 1956 г. Ким Ир Сен вернулся из поездки за рубеж, на состоявшемся пленуме ЦК он был подвергнут острой критике со стороны нескольких представителей «яньаньской группировки», которые обвинили Ким Ир Сена в насаждении в Корее культа личности. Хотя смутьяны были тут же изгнаны с заседания и посажены под домашний арест, им удалось бежать в Китай и вскоре оттуда прибыла совместная советско-китайская делегация с Микояном и Пэн Дэхуаем во главе. Эта делегация не только потребовала восстановить в партии репрессированных яньаньцев, но даже пригрозила возможностью отстранения самого Ким Ир Сена от руководства страной. Судя по имеющимся данным, это была не пустая угроза — план снятия Ким Ир Сена был действительно предложен китайской стороной и всерьез обсуждался.¹¹⁰ Хотя все уступки, на которые пошел Ким Ир Сен под этим давлением, и были временными, но сам по себе этот эпизод надолго остался в его памяти, и поныне он часто рассказывает об этом посещающим Пхеньян иностранным делегациям. Урок был нагляден. Ким Ир Сена вовсе не устраивало положение марионетки, которую всемогущие кукловоды могут в любой момент убрать со сцены, и поэтому с середины 50-х гг. он начинает осторожно, но все более настойчиво дистанцироваться от своих недавних покровителей. Глобальная чистка партийного руководства 1958–1962 гг., хотя и не такая кровавая как сталинские чистки (жертвам часто давали выехать из страны), привела к полной ликвидации некогда могущественных «советской» и «яньаньской» фракций и сделала Ким Ир Сена полновластным хозяином

¹⁰⁹ См. статью «Борьба фракций в северокорейском руководстве в 1950-х гг. и становление режима личной власти Ким Ир Сена» в этой книге.

¹¹⁰ Статья о кризисе 1956 г., основывающаяся на новых материалах из советских архивов, входит в состав данного сборника.

Северной Кореи.

Первые годы после подписания перемирия ознаменовались серьезными успехами северокаорейской экономики, которая не только быстро ликвидировала ущерб, нанесенный войной, но и стала стремительно продвигаться вперед. Решающую роль в этом сыграла помощь СССР и Китая, которая была весьма внушительной. По южнокорейским данным, в 1945–1970 годах советская помощь КНДР составила 1146 миллионов долларов США (364 миллиона долларов — кредиты на крайне льготных условиях, 782 миллиона долларов — безвозмездная помощь). По тем же данным, китайская помощь равнялась 541 миллиону долларов (436 миллионов — кредиты, 105 миллионов — безвозмездно).¹¹¹ Цифры эти можно оспаривать, но тот факт, что помощь была весьма и весьма серьезной — бесспорен. Опираясь на эту массивную поддержку, северная экономика развивалась быстро и успешно, на какое-то время оставив Юг далеко позади. Только к концу шестидесятих годов Южной Корее удалось ликвидировать экономическое отставание от Севера.

Однако внешнеполитическая ситуация, в которой приходилось действовать Ким Ир Сену, серьезно изменилась из-за начала советско-китайского конфликта. Этот конфликт сыграл в политической биографии Ким Ир Сена и истории КНДР двойную роль. С одной стороны, он создал для северокаорейского руководства, которое сильно зависело от поступающей из СССР и Китая экономической и военной помощи, ряд проблем, а с другой — немало помог Ким Ир Сену и его окружению в решении сложнейшей из стоявших перед ними задач — в освобождении от советского и китайского контроля. Если бы не раздоры, вспыхнувшие между Москвой и Пекином в конце 50-х, Ким Ир Сену едва ли удалось бы установить собственную единоличную власть в стране, ликвидировать фракции и стать абсолютным и никем не контролируемым диктатором.

Однако не следует забывать, что экономически Северная Корея чрезвычайно зависела как от Советского Союза, так и от Китая. Зависимость эта, вопреки настойчивым уверениям северокаорейской пропаганды, так и не была преодолена на протяжении всей северокаорейской истории. Поэтому перед Ким Ир Сеном стояла сложная задача. С одной стороны, он должен был, маневрируя между Москвой и Пекином и играя на их противоречиях, создавать возможности для проведения независимого политического курса, а с другой — делать это так, чтобы ни Москва, ни Пекин не прекратили жизненно важную для КНДР экономическую и военную помощь. Задача эта могла быть решена только при искуснейшем лавировании между двумя великими соседями. И надо признать: в этом Ким Ир Сен и его окружение весьма преуспели. На первых порах Ким Ир Сен склонялся к союзу с Китаем. Этому было ряд объяснений: и культурная близость двух стран, и более тесные связи каорейских революционеров с китайским руководством в прошлом, и недовольство Ким Ир Сена критикой Сталина и его методов управления, развернувшейся в СССР. К концу 1950-х годов стало явным, что экономическая политика КНДР все в большей степени ориентируется на китайскую. Вслед за китайским «большим скачком» в КНДР началось движение «Чхоллима», которое, безусловно, было лишь каорейской копией китайского образца. В конце 1950-х гг. попал в Северную Корею и стал там основным экономическим лозунгом китайский принцип «опоры на собственные силы» (в каорейском произношении «чарек кэнсэн», в китайском «цзыли гэншэн», иероглифы одинаковы), а также многие принципы идеологической работы и культурной политики.

На первых порах эти сдвиги в целом не выходили за рамки политики нейтралитета. Печать КНДР не упоминала о советско-китайском конфликте, каорейские делегации, в том

¹¹¹ Оценки размеров помощи в долларах неизбежно условны, так как и рубль, и юань не являлись конвертируемыми валютами. Указанные цифры приводятся в: Пукхан 40 нен. Сеул, «Ырю мунхваса», 1988, с. 460. В целом они хорошо соотносятся с данными известного советского экономиста-каорееведа Н. Е. Бажановой, которая указывает, что в 1945–1972 годах советская помощь КНДР составила 567, 12 млн. рублей. Если учесть официальный курс рубля, то мы получим цифру, достаточно близкую к южнокорейской оценке. (см. Н. Е. Бажанова. Внешнеэкономические связи КНДР: в поисках выхода из тупика. Москва, «Восточная литература», 1993).

числе и самого высокого уровня, равно посещали и Москву, и Пекин, развивались экономические связи с обеими странами. В июле 1961 г. в Пекине Ким Ир Сен и Чжоу Эньлай подписали действующий и поныне «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и КНР», который закрепил союзнические связи обеих стран. Однако лишь неделей раньше аналогичный Договор был заключен и с Советским Союзом, а в действие оба Договора вообще вступали одновременно, так что нейтралитет КНДР проявился и здесь. В то же самое время во внутренней печати КНДР все реже упоминался Советский Союз, все меньше говорилось о необходимости учиться у него. Постепенно свертывалась деятельность Общества корейско-советской дружбы, которое в свое время было одной из самых влиятельных организаций в КНДР.

После XXII съезда КПСС, на котором не только прозвучала критика китайских руководителей, но и развернулась новая атака на Сталина, произошло резкое сближение КНР и КНДР. В 1962–1965 гг. Корея полностью солидаризировалась с позицией Китая по всем важнейшим вопросам. Основными пунктами разногласий между Советским Союзом и Кореей стали новые идеологические установки КПСС, принятые после XX съезда и не получившие поддержки и понимания в ТПК: осуждение Сталина, принцип коллективного руководства, тезис о возможности мирного сосуществования. Концепция мирного сосуществования была воспринята Ким Ир Сеном как проявление капитулянтства, а в развертывании критики Сталина он не без основания увидел угрозу собственной неограниченной власти. В эти годы «Нодон синмун» неоднократно выступала со статьями, в которых выражалась поддержка позиции Китая по многим вопросам. Так, резкая критика позиции СССР в советско-китайском конфликте содержалась в привлекшей внимание иностранных наблюдателей редакционной статье «Защитим социалистический лагерь», напечатанной в «Нодон синмун» 28 октября 1963 г. (и перепечатанной всеми основными корейскими газетами и журналами). Советский Союз обвинялся в том, что он использовал свою экономическую и военную помощь как средство политического давления на КНДР. 27 января 1964 г. «Нодон синмун» осудила «одного человека» (т. е. Н. С. Хрущева — А. Л.), ратующего за мирное сосуществование, 15 августа того же года в редакционной статье этой газеты выражалась солидарность с возражениями КПК против планировавшегося тогда созыва всемирного совещания коммунистических и рабочих партий. В этой статье впервые содержалось прямое, без обычных прежде иносказаний («одна страна», «одна из коммунистических партий» и т. п.), осуждение действий СССР и КПСС. Руководство КНДР безоговорочно поддержало Китай во время китайско-индийского пограничного конфликта в 1962 г., а также осудило «капитулянтство» СССР во время Карибского кризиса. Таким образом, в 1962–1964 гг. КНДР вместе с Албанией стала одним из немногих ближайших союзников Китая, почти полностью солидаризировалась с его позицией по всем важнейшим международным проблемам.

Эта линия вызвала серьезные осложнения: Советский Союз в ответ резко сократил направляемую в КНДР помощь, что поставило некоторые отрасли северокорейской экономики на грань краха, а также сделало практически небоеспособной корейскую авиацию. Кроме того, начавшаяся в Китае «культурная революция» тоже заставила северокорейское руководство пересмотреть свои позиции. «Культурная революция» сопровождалась хаосом, который не мог не насторожить тяготеющее к стабильности северокорейское руководство. Вдобавок, в те годы во многих китайских хунвэйбиновских публикациях появились нападки на корейскую внутреннюю и внешнюю политику, и на Ким Ир Сена лично. Уже в декабре 1964 г. «Нодон синмун» впервые выступила с критикой «догматизма», а 15 сентября 1966 г. она осудила «культурную революцию» в Китае как проявление «левого оппортунизма» и «троцкистской теории перманентной революции». С тех пор северокорейская печать время от времени выступала с критикой как «ревизионизма» (читай: советского варианта марксизма-ленинизма), так и «догматизма» (читай: китайского маоизма) и представляла северокорейский подход как некую «золотую середину» между этими двумя крайностями.

Приезд в Пхеньян советской партийно-правительственной делегации во главе с А. Н. Косыгиным в феврале 1965 г. ознаменовал собой окончательный отказ КНДР от однобокой пропекинской ориентации, и с середины 60-х гг. руководство КНДР стало проводить политику последовательного нейтралитета в советско-китайском конфликте. Порою непрерывное лавирование Пхеньяна вызывало немалое раздражение и в Москве, и в Пекине, но Ким Ир Сёну удавалось вести дело так, что это недовольство ни разу не приводило к прекращению экономической и военной помощи.

Окончательное закрепление нового статуса корейско-китайских отношений, который мог быть оценен как развитие союзнических отношений при сохранении нейтралитета КНДР в советско-китайском конфликте, произошло в ходе визита в КНДР в апреле 1970 г. Чжоу Эньлая. Показательно, что тогдашний премьер Госсовета КНР выбрал именно Северную Корею для своей первой зарубежной поездки после бурных лет «культурной революции». В течение 1970–1990 гг. Китай был вторым по значению (после СССР) торговым партнером КНДР, и в 1984 г. на КНР приходилась примерно 1/5 часть всего товарооборота Северной Кореи.¹¹²

К этому времени все высшие посты в стране находились в руках старых соратников Ким Ир Сёна по партизанской борьбе, которым он доверял если не полностью, то куда больше, чем выходцам из других фракций, а сам Ким Ир Сён наконец-то обрел вся полноту власти. Наконец-то он добился того, чего желал еще с начала 50-х гг.: отныне он мог править полностью единолично, не оглядываясь ни на внутреннюю оппозицию, ни на мнение могущественных союзников-покровителей.

Ким Ир Сён беседует с солдатом. 1950-е годы

Поэтому нет ничего удивительного в том, что как раз с рубежа 50-х и 60-х гг. в жизни Северной Кореи происходят немалые изменения, на место осуществлявшегося ранее прямого копирования советских образцов приходит утверждение своих методов организации производства, культурных и моральных ценностей. Начинается пропаганда идей «чучхе», подчеркивание превосходства всего корейского над всем зарубежным.

Впервые термин «чучхе» прозвучал в речи Ким Ир Сёна «Об искоренении догматизма и формализма в идеологической работе и об установлении чучхе», произнесенной 28 декабря 1955 г., хотя впоследствии, уже в начале 1970-х гг. северокорейская казенная историография стала утверждать, что, дескать, сама теория «чучхе» была выдвинута Вождем еще в конце

¹¹² Ли Кенсук. Веге: хенмен хванген чосон-ыль вихан чхонрек (Внешняя политика Северной Кореи: решительная борьба за создание революционной ситуации) — «Пукхан 40 нен» («40 лет Северной Кореи»), Сеул, «Ырю мунхваса», 1988, с. 452.

двадцатых. Документы, подтверждающие эту теорию, не заставили себя долго ждать: после 1968 г. было издано несколько речей, якобы произнесенных Ким Ир Сеном в молодости и, разумеется, содержащих слово «чучхе». Что же до более поздних речей Вождя, произнесенных им на самом деле и ранее опубликованных, то в них просто внесли исправления и стали печатать в «дополненном» виде. Хотя объяснению термина «чучхе» уже посвящена не одна сотня томов, для любого северокорейца все довольно однозначно: «чучхе» — это то, что написал Великий Вождь и его наследник. С 60-х гг. северокорейская пропаганда не устает подчеркивать превосходство истинно корейских идей «чучхе» (иногда их еще называют «кимирсенизмом») над марксизмом и вообще любыми иностранными идеологиями. На практике же выдвижение идеологии «чучхе» имело для Ким Ир Сена в первую очередь практическое значение, так как давало основания освободиться от иностранного (советского и китайского) влияния в области идеологии. Впрочем, можно предположить, что честолюбивому Ким Ир Сэну также доставляло немалое удовольствие сознавать себя теоретиком международного масштаба. Впрочем, к концу жизни Ким Ир Сена универсалистский компонент «чучхе» стал менее ощутим, и все большую роль в нем стал играть традиционный корейский национализм. Порою этот национализм принимал довольно комические формы — достаточно вспомнить шумиху вокруг «обнаружения» в начале 1990-х годов могилы мифического основателя корейского государства Тангуна. Как и следовало ожидать, могила сына небесного божества и медведицы была обнаружена именно на территории Пхеньяна!

На первых порах отход от просоветской ориентации в начале 60-х гг. сопровождался и резким ужесточением политики в отношении Южной Кореи. По-видимому, на Ким Ир Сена и на его окружение в середине 1960-х гг. произвели большое впечатление успехи южновьетнамских повстанцев, поэтому освободившись от в немалой степени сдерживавшего их советского контроля они, похоже, решили попытаться развернуть на Юге активное антиправительственное партизанское движение по южновьетнамскому образцу. До начала 60-х гг. подобные намерения, если они и возникали, пресекались Москвой, но теперь ее позиция была объявлена «ревизионистской». При этом ни Ким Ир Сен, ни его советники совершенно не учитывали, что политическая обстановка в Южной Корее совсем иная, чем во Вьетнаме, и что население Юга отнюдь не готово выступить против своего правительства с оружием в руках. Крупные волнения в Южной Корее начала 60-х, проходившие под общедемократическими и, отчасти, националистически-антияпонскими лозунгами, похоже, были восприняты Пхеньяном и лично Ким Ир Сеном чуть ли не как признак готовности южнокорейцев к коммунистической революции. Снова, как и в конце 40-х гг., когда шло планирование нападения на Юг, северокорейская верхушка приняла желаемое за действительное.

В марте 1967 г. в корейском руководстве произошли немалые перемены. Были сняты с постов и репрессированы многие деятели, руководившие разведывательными операциями на Юге. Это означало серьезную перемену в стратегии по отношению к Югу. От рутинной разведывательной деятельности северокорейские спецслужбы перешли к активной кампании по дестабилизации сеульского правительства. Снова, как и двумя десятилетиями ранее, на южнокорейскую территорию стали забрасываться обученные на Севере «партизанские» группы. Самый известный инцидент такого рода произошел 21 января 1968 г., когда подготовленная группа из 32 северокорейских спецназовцев попыталась взять штурмом Голубой Дом — резиденцию южнокорейского президента в Сеуле, но потерпела неудачу и была почти вся перебита (лишь двоим ее бойцам удалось бежать, а один попал в плен).

Одновременно с этим Ким Ир Сен, видимо, не без влияния тогдашней трескучей антиамериканской риторики Пекина, пошел и на резкое обострение отношений с США. Всего лишь через два дня после неудачного налета на Голубой Дом, 23 января 1968 г. корейские сторожевики захватили в нейтральных водах американское разведывательное судно «Пуэбло». Едва успела американская дипломатия урегулировать этот инцидент и добиться освобождения захваченных членов экипажа (на переговоры ушел почти год), как

последовало новое происшествие такого же рода: 15 апреля 1969 г. (между прочим, как раз в день рождения Великого Вождя) северокорейскими истребителями был сбит над Японским морем американский разведывательный самолет ЕС-121, весь его экипаж (31 человек) погиб. Несколько ранее, в октябре-ноябре 1968 г. на Юге Корейского полуострова шли настоящие бои между южнокорейской армией и северокорейскими частями спецназначения, которые организовали тогда самое большое за все послевоенное время вторжение на территорию Юга (со стороны Севера в рейдах участвовало около 120 человек). Возможно, что Ким Ир Сен всерьез воспринял тогдашнюю пекинскую воинственную демагогию (в духе: «третья мировая война будет концом мирового империализма!») и собирался использовать возможный крупный международный конфликт для того, чтобы решить корейский вопрос военным путем.

Однако к началу 1970-х гг. стало ясно, что никакой серьезной поддержки в южнокорейском обществе северокорейская политика не находит, и что ни на какое коммунистическое восстание там рассчитывать не приходится. Осознание этого факта привело к началу секретных переговоров с Югом и подписанию знаменитого Совместного Заявления 1972 г., которое ознаменовало начало определенных контактов между руководством обеих корейских государств. Это, впрочем, не означало, что руководство КНДР отказалось от использования военных и квазивоенных методов в отношениях со своим южным соседом и главным врагом. Для северокорейских спецслужб и впоследствии осталось характерно то, что они сочетали рутинную и понятную деятельность по сбору информации с террористическими акциями, направленными на дестабилизацию обстановки на Юге. К самым известным акциям такого рода можно отнести «рангунский инцидент», когда 9 октября 1983 г. три северокорейских офицера, нелегально проникшие в столицу Бирмы, попытались взорвать южнокорейскую правительственную делегацию во главе с тогдашним президентом Чон Ду Хваном. Сам Чон Ду Хван уцелел, но 17 человек из состава южнокорейской делегации (включая министра иностранных дел и заместителя министра внешней торговли) были убиты, а 15 — ранены. Покушавшиеся попытались скрыться, но были задержаны.

Несколько позднее, в ноябре 1987 г., северокорейские агенты взорвали южнокорейский авиалайнер над Андаманским морем (опять близ той же Бирмы). Одному из агентов удалось покончить с собой, но его напарница Ким Ен Хи была задержана. Цель этой акции была неожиданно проста — с ее помощью северокорейские власти рассчитывали отвратить зарубежных туристов от поездки в Сеул на приближающиеся Олимпийские Игры. Разумеется, никаких результатов эти акции не принесли. Более того, стремительное экономическое развитие Юга, который к тому времени оставил Север далеко позади, превратилось в серьезную проблему для северокорейского руководства. Контраст между двумя Кореями и в уровне жизни, и в степени политических свобод был к концу правления Ким Ир Сена грандиозным и продолжал возрастать. Одной из важнейших задач режима стала в этих условиях борьба за сохранение информационной изоляции, и северокорейские власти делали все, от них зависящее, чтобы скрыть от своего населения правду о Юге. Не исключено, впрочем, что не только простые северокорейцы, но и руководство страны было лишено доступа к объективной информации о жизни Южной Кореи. К 1990 г. Южная Корея была классическим образцом успешного экономического развития, в то время как Север становился воплощением неудач и провалов. Разрыв в уровне ВВП на душу населения к тому времени был примерно десятикратным и продолжал возрастать. Однако мы можем только гадать о том, насколько сам Ким Ир Сен был осведомлен о степени отставания его удела.

1960-е гг. были отмечены серьезными переменами и в северокорейской экономике. В промышленности с начала этого времени утверждается «тэанская система работы», полностью отрицающая даже самые робкие формы хозрасчета и материальной заинтересованности. Экономика военизируется, централизованное планирование становится всепроникающим, целые отрасли реорганизуются по военному образцу (у горняков, например, даже вводится деление на взводы, роты и батальоны, устанавливаются звания,

аналогичные военным). Похожие реформы проходят и в сельском хозяйстве, где их именуют обычно «метод Чхонсанли». Название это дано в честь небольшой деревни близ Пхеньяна, в которой Ким Ир Сен провел в феврале 1960 г. 15 дней, «руководя на месте» работой местного кооператива. Приусадебные участки, равно как и рыночная торговля, объявляются «буржуазно-феодалным пережитком» и ликвидируются. Основой экономической политики объявляется автаркия, «революционный дух опоры на собственные силы», а идеалом — полностью самообеспечивающаяся и жестко контролируемая производственная единица.¹¹³

Однако все эти мероприятия не привели к улучшению экономической ситуации. Наоборот, на смену экономическим успехам первых послевоенных лет, достигнутых во многом за счет не только советской и китайской экономической помощи, но и копирования экономического опыта СССР, пришли провалы и неудачи. Система, которая установилась в КНДР после того, как Ким Ир Сен получил возделенную полноту власти, оказалась в итоге существенно менее эффективной, чем старая, навязанная извне в конце 40-х гг. В этом проявилось одно из важнейших свойств Ким Ир Сена, о котором уже говорилось здесь: он всегда был силен в тактике, но не в стратегии, в борьбе за власть, но не в управлении страной. Его победы часто, слишком часто оборачивались поражениями. С 70-х годов экономика КНДР оказывается в состоянии стагнации, рост прекращается, жизненный уровень большинства населения, и без того достаточно скромный, начинает быстро снижаться. Тотальная секретность, окутывающая в КНДР всю экономическую статистику, не позволяет судить о динамике развития корейской экономики. Большинство южнокорейских экспертов полагало, что хотя в 70-е гг. темпы экономического развития заметно снизились, но в целом оно продолжалось до середины 1980-х, когда началось снижение ВВП.¹¹⁴ В то же время ряд информированных советских специалистов в частных беседах с автором высказывал мнение, что экономический рост в Северной Корее полностью прекратился уже к 1980 г. В конце 1980-х гг. спад промышленного производства принял такие масштабы, что это обстоятельство было вынуждено признать даже северокорейское руководство.

В этих условиях стабильность северокорейского общества обеспечивается только жестким контролем над населением в сочетании с массовой идеологической обработкой. И по размаху деятельности репрессивных органов, и по массовости идеологического воздействия режим Ким Ир Сена, пожалуй, не имеет себе равных в мире.

Упрочение режима своей единоличной власти Ким Ир Сен сопровождал интенсивной кампанией самовосхваления. После 1962 г. северокорейские власти стали всегда сообщать, что в очередных выборах приняло участие зарегистрированных избирателей, причем все проголосовало в поддержку выдвинутых кандидатов. С этого же времени культ Ким Ир Сена в Корее приобретает такие формы, которые производят на неподготовленного человека подавляющее впечатление. С особой силой восхваление «Великого Вождя, Солнца Нации, Железного Всепобеждающего Полководца, Маршала Могучей Республики» начинается с 1972 г., когда с чрезвычайной помпой было отпраздновано его шестидесятилетие. Если до этого пропаганда личности Ким Ир Сена в общем не выходила за те рамки, в которых удерживалось восхваление И. В. Сталина в СССР или Мао Цзэдуна в Китае, то после 1972 г. Ким Ир Сен стал, безусловно, самым прославляемым руководителем современного мира. Все достигшие совершеннолетия корейцы были обязаны носить значки с портретом Ким Ир Сена, эти же портреты помещаются в каждом жилом и служебном помещении, в вагонах метро и поездов. Склоны прекрасных корейских гор исчерчены здравицами в честь Вождя, которые высекаются в скалах многометровыми буквами. По всей стране памятники ставили только Ким Ир Сену и его родным, причем эти огромные статуи часто становились объектом религиозного поклонения. В день рождения Ким Ир Сена (а этот день с 1974 г. стал главным государственным праздником страны) все корейцы обязаны возложить к подножию одного из

¹¹³ Пукхан сосачжон (Малый словарь по Северной Корее). Сеул, 1990, с. 101

¹¹⁴ Пукхан чонъям (Северокорейское обозрение). Сеул, 1983, с. 294.

этих памятников букет цветов. Изучение биографии Ким Ир Сена начинается в детском саду и продолжается в школах и вузах, а труды его заучиваются корейцами наизусть на специальных собраниях. Формы воспитания любви к Вождю чрезвычайно разнообразны и даже перечисление их заняло бы слишком много времени. Упомяну лишь о том, что все места, в которых побывал Ким Ир Сен, отмечены специальными мемориальными досками, что даже скамеечка, на которую он как-то присел в парке, является национальной реликвией и тщательно оберегается, что дети в детских садах обязаны перед обедом хором благодарить Ким Ир Сена за свое счастливое детство. Имя Ким Ир Сена упоминается практически в любой корейской песне, а герои фильмов совершают невероятные подвиги, вдохновляемые своей любовью к нему.

Обязательный ритуальный поклон перед памятником Ким Ир Селу

«Огнеподобная верность Вождю» является, как утверждает официальная пропаганда, главным достоинством любого гражданина КНДР. Пхеньянские обществоведы даже разработали специальную философскую дисциплину — «суренгван» (в несколько вольном переводе — «вождеведение»), которая специализируется как раз на изучении особой роли вождя во всемирно-историческом процессе. Вот как формулируется эта роль в одном из северокорейских вузовских учебников: «Народные массы, не имеющие вождя и лишенные его руководства, не в состоянии стать истинным субъектом исторического процесса и играть творческую роль в истории... Присущие коммунистам партийность, классовость, народность получают свое наивысшее выражение именно в любви и верности вождю. Быть верным вождю означает: проникнуться пониманием того, что именно вождю принадлежит абсолютно решающая роль, укреплять значение вождя, в любых испытаниях верить только вождю и без колебаний следовать за вождем».¹¹⁵

К сожалению, мы мало знаем о том, как складывалась личная жизнь Ким Ир Сена с конца пятидесятых. С течением времени он все более отгораживал себя от иностранцев, да и от большинства корейцев. Времена, когда Ким Ир Сен мог запросто зайти в советское посольство поиграть в бильярд, давно прошли. Конечно, верхушка северокорейской элиты что-то знает о личной жизни Великого Вождя, но по понятным причинам эти люди не стремились делиться той информацией, которой они обладали, с корреспондентами или учеными. Вдобавок, южнокорейская пропаганда постоянно распространяла информацию, которая должна была представить лидера Северной Кореи в максимально невыгодном свете. Очень часто эта информация была правдивой, однако к ней все равно приходится относиться с немалой осторожностью. Однако некоторые сообщения, видимо, можно считать справедливыми. К числу наиболее пикантных относится, например, информация (неоднократно подтверждавшаяся высокопоставленными перебежчиками) о наличии у Вождя и его сына специальной группы женской прислуги, в которую отбирают только молодых, красивых и незамужних женщин. Называется эта группа вполне подобающе и

¹¹⁵ Чхорхак (Философия). Пхеньян, 1983, с. 261, с. 275.

многозначительно — «Радость». Часто недоброжелатели Ким Ир Сена пытались представить этих женщин как своего рода гарем Вождя и его наследника (известного любителя женского пола). Отчасти это могло быть и правдой, но в целом группа «Радость» — институт вполне традиционный. Во времена династии Ли для работы в королевских дворцах отбирались сотни молодых женщин. Требования к кандидаткам во дворцовые прислужницы в те времена были примерно такие же, как сейчас — к пресловутой группе «Радость» претендентки должны быть девственны, красивы, молоды, хорошего происхождения. И служанкам королевского дворца столетия назад, и служанкам дворцов Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира в наши дни запрещалось вступать в брак. Однако в старые времена это не означало, что все дворцовые служанки были наложницами короля. То же самое более информированные (и менее предубежденные) перебежчики говорят о служанках Ким Ир Сена. Отбор в группу «Радость» проводится местными органами власти, все ее члены официально имеют звания офицеров Министерства охраны государства — северокорейской политической полиции.

Несмотря на возросшую после 1960 г. изоляцию, Великий Вождь продолжал время от времени появляться перед народом почти до самой своей смерти. Хотя и у него был помпезный дворец на окраине столицы, перед которым бледнели дворцы арабских шейхов, равно как и множество великолепных резиденций по всей стране, но Ким Ир Сен предпочитал не запереться в их пышных стенах. Характерной чертой его деятельности являлись частые поездки по стране. Роскошный поезд Великого Вождя (Ким Ир Сен органически не переносил самолетов и предпочитал железную дорогу даже при поездках за границу), сопровождаемый, разумеется, многочисленной и надежной охраной, появлялся то там, то здесь, Ким Ир Сен часто приезжал на предприятия, в деревни, посещал учреждения, воинские части, школы.

Разъезды эти не прекращались до самой смерти Ким Ир Сена, даже тогда, когда Вождю уже было за 80. Впрочем, это не удивительно: ведь специально на поддержание его здоровья работал целый НИИ — так называемый Институт долголетия, разместившийся в Пхеньяне и занимающийся исключительно самочувствием Великого Вождя и его семьи, а также специальная группа, отвечающая за закупки для них высококачественных продуктов за рубежом.¹¹⁶

В семидесятые и восьмидесятые годы главными доверенными лицами Ким Ир Сена, его первыми помощниками в управлении страной, являлись бывшие партизаны, некогда воевавшие вместе с ним против японцев в Маньчжурии. Это дало японскому историку Вада Харуки основание назвать Северную Корею «государством бывших партизан». Действительно, в состав ЦК ТПК, избранного на последнем съезде ТПК в 1980 г. (Ким Ир Сен, подобно Сталину, не утруждал себя регулярным созывом партийных съездов, и даже после его смерти его сын был «избран» главой партии без созыва съезда или конференции) вошло 28 бывших партизан и лишь по одному представителю трех некогда могущественных группировок — советской, яньаньской и внутренней. В составе же Политбюро бывших партизан было 12, то есть большинство. Однако время брало свое, и к началу 1990-х гг. мало кто из бывших партизан был еще жив. Впрочем, им на смену зачастую стали все чаще приходить их дети, что придавало северокорейской верхушке замкнутый, почти что кастово-аристократический характер.

Характер этот усиливался и тем обстоятельством, что с шестидесятых годов Ким Ир Сен стал активно продвигать по служебной лестнице своих родственников. Это, возможно, было результатом принятого тогда Кимом решения о передаче власти по наследству своему старшему сыну. В результате Северная Корея все больше напоминала личную диктатуру семьи Ким Ир Сена. Достаточно сказать, что на сентябрь 1990 г. к клану Ким Ир Сена

¹¹⁶ О деятельности этого института рассказывает перешедший на Юг бывший советник северокорейского посольства в Конго Ко Ен Хван в своих, производящих весьма серьезное впечатление, мемуарах (Ко Ен Хван. Пхеньян-ый 25 сиган (25 часов Северной Кореи). Сеул, Кореон, 1992. с. 111–123), говорят о нем и иные перебежчики.

относилось 11 из 35 членов высшего политического руководства страны. Кроме самого Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира тогда в этот клан входили; Кан Сон Сан (премьер Административного Совета, секретарь ЦК), Пак Сон Чхоль (вице-президент КНДР), Хван Чан Еп (секретарь ЦК по идеологии, и фактический создатель идей чучхе, впоследствии, в 1997 году, бежавший в Южную Корею), Ким Чун Рин (секретарь ЦК ТПК, зав. отделом общественных организаций), Ким Ен Сун (секретарь ЦК, зав. международным отделом), Кан Хи Вон (секретарь пхеньянского горкома, вице-премьер Административного Совета), Ким Таль Хен (министр внешней торговли), Ким Чхан Чжу (министр сельского хозяйства, вице-премьер Административного Совета) Ян Хен Соп (президент Академии общественных наук, председатель Верховного Народного Собрания).¹¹⁷ Из этого списка хорошо видно, что родственники Ким Ир Сена занимают значительную часть ключевых постов в северокорейском руководстве. Эти люди выдвинулись исключительно благодаря своим личным связям с Великим Вождем и могут рассчитывать на сохранение своего положения только пока Ким Ир Сен или его сын находятся у власти. К ним надо добавить детей, внуков и иных родственников бывших маньчжурских партизан, доля которых в руководстве тоже очень велика и которые тоже тесно связаны с семьей Кимов. Фактически верхний эшелон власти оказался в Северной Корее занят представителями нескольких десятков семейств, среди которых семья Кимов является, безусловно, самой важной. К концу девяностых годов у власти находились представители второго, а то и третьего поколения этих семейств. Вся их жизнь прошла в условиях гигантских привилегий, и в практически полной изоляции от основной массы населения страны. Фактически к концу правления Ким Ир Сена Северная Корея превратилась в аристократическое государство, в котором «знатность» происхождения играла едва ли не решающую роль в доступе к должностям и богатству.

Однако и принадлежность к клану родственников Ким Ир Сена еще не означает гарантию неприкосновенности. Уже многие из членов этого клана оказались изгнанными со своих постов и ввергнутыми в политическое небытие. Так, летом 1975 г. неожиданно и бесследно исчез Ким Ен Чжу — единственный оставшийся в живых родной брат Великого Вождя, который до этого почти полтора десятилетия входил в число наиболее влиятельных руководителей страны и на момент своего исчезновения был секретарем ЦК, членом Политбюро и Вице-премьером Административного Совета. По слухам, причиной его внезапного падения послужило то, что он не слишком одобрительно отнесся к начинающемуся возвышению своего племянника Ким Чжон Ира. Однако жизнь Ким Ен Чжу сохранили. В начале 1990-х годов постаревший и, очевидно, ставший безопасным, Ким Ен Чжу вновь появился на северокорейском политическом Олимпе и вскоре опять вошел в состав высшего руководства страны. Несколько позднее, в 1984 г., точно так же пропал другой высокопоставленный родственник Ким Ир Сена — Ким Пен Ха, который долгое время был главой Министерства политической охраны государства, то есть занимал наиважнейший в условиях любой диктатуры пост шефа службы безопасности.

Еще в конце 1950-х или в начале 1960-х гг. Ким Ир Сен снова вступил в брак. Его женой стала Ким Сон Э, о биографии которой почти ничего не известно. Не ясна даже дата их бракосочетания. По-видимому, исходя из того, что их старший сын Ким Пхен Ир — ныне заметный дипломат — родился около 1954 г., вторая женитьба Ким Ир Сена произошла около этого времени, но некоторые источники указывают на существенно более поздние даты.¹¹⁸

¹¹⁷ По материалам газеты «Чосон ильбо» от 21 октября 1992 г.

¹¹⁸ В частности, «Биографический словарь Северной Кореи» называет в качестве даты бракосочетания Ким Ир Сена и Ким Сон Э 1963 г. (Пукхан инмень сачжон. (Биографический словарь Северной Кореи) Сеул, 1990, с. 457) Схожей точки зрения придерживается и Со Дэ Сук в своей известной биографии Ким Ир Сена

В то же время в своей статье о Ким Пхен Ире Ю Ен Ок говорит о том, что брак был заключен в середине 50-х, основываясь на возрасте старшего сына Ким Ир Сена от второго брака. Действительно, возраст Ким Пхен Ира известен довольно точно, а предположение о предшествовавшей браку продолжительной связи маловероятно (см. Ю Ен Ок. Пукхан квонрек сынъгье-ый пенсу Ким Пхенъ Иль (Ким Пхен Ир — переменная величина в задаче о наследовании власти в Северной Корее), «Пукхан», 1991, #7, с. 87).

По слухам, в свое время Ким Сон Э была секретаршей начальника личной охраны Ким Ир Сена.¹¹⁹ Однако, первая дама Северной Кореи почти не появлялась перед публикой, а ее влияние на политическую жизнь казалось минимальным. Хотя корейцы и знали, что у Вождя есть новая жена (об этом мельком упоминалось в печати), но и в пропаганде, и в массовом сознании она даже отдаленно не занимает такого места, как Ким Чжон Сук, которая и много времени спустя после своей смерти оставалась боевой подругой Вождя, его главной соратницей. Отчасти это связано, видимо, с личными чувствами самого Ким Ир Сена, а отчасти — и с той ролью, которая, по его мысли, была уготована единственному оставшемуся в живых сыну Ким Ир Сена и Ким Чжон Сук — родившемуся в 1942 г. в Хабаровске Юрию, который получил корейское имя Ким Чжон Ир, и который, кстати сказать, не слишком жаловал свою мачеху и своих сводных братьев. Конечно, к постоянно появляющимся в западной и южнокорейской печати слухам о раздорах в семье Ким Ир Сена следует относиться с осторожностью, слишком уж очевидно, что их распространение выгодно южнокорейской стороне. Однако сообщения о напряженности, которая уже давно существует между Ким Чжон Иром и его мачехой, приходят из столь разных источников, что им приходится доверять. О конфликтах такого рода приходилось и слышать и автору этих строк во время его откровенных бесед с северокорейцами.

Примерно с конца 60-х гг. у Ким Ир Сена возникла мысль сделать сына своим наследником, установив в КНДР нечто вроде монархии. Помимо понятных личных пристрастий, это решение могло быть продиктовано и трезвым политическим расчетом. Посмертная судьба Сталина и, в меньшей степени, Мао научили Ким Ир Сена, что для нового руководства критика мертвого диктатора — один из лучших способов завоевать популярность. Передавая власть по наследству, Ким Ир Сен создавал ситуацию, в которой и последующий режим был бы заинтересован во всяческом укреплении престижа Отца-Основателя (в самом буквальном смысле слова).

Около 1970 г. начинается стремительное продвижение Ким Чжон Ира по служебной лестнице. После назначения Ким Чжон Ира, которому тогда был всего 31 год, в 1973 г. заведующим отдела пропаганды ЦК ТПК и введения его в феврале 1974 г. в состав Политбюро, намерения Вождя-отца передать власть по наследству стали явными. Как еще в 1976 г. свидетельствовал Кон Тхак Хо, занимавший тогда заметный пост в северокорейской службе безопасности, а потом перешедший на Юг, к тому времени в северокорейской политической элите уже существовала почти полная уверенность в том, что преемником Ким Ир Сена станет именно Ким Чжон Ир. Слабые протесты против этого, раздававшиеся в начале и в середине 70-х годов среди высшего чиновничества, окончились, как и следовало ожидать, исчезновением или опалой недовольных. В 1980 г. на VI съезде КПК Ким Чжон Ир был провозглашен наследником своего отца, «продолжателем великого чучхейского революционного дела», а пропаганда начала восхвалять его сверхчеловеческую мудрость с той силой, с какой раньше она воспевала только деяния его отца. В течение 1980-х гг. происходила постепенная передача контроля над важнейшими областями жизни страны в руки Ким Чжон Ира и его людей (или тех, кого пока такими считают). Наконец, в 1992 г. Ким Чжон Ир был назначен Верховным Главнокомандующим северокорейскими вооруженными силами и получил звание Маршала (одновременно сам Ким Ир Сен стал Генералиссимусом).

Однако к концу жизни Ким Ир Сена пришлось действовать в непростой обстановке. Крах социалистического содружества и распад СССР переворот стали для северокорейской экономики тяжелым ударом. Хотя и раньше отношения между Москвой и Пхеньяном отнюдь не отличались особой сердечностью, но стратегические соображения и наличие общего противника в лице Соединенных Штатов, как правило, заставляло забывать о взаимной неприязни. Однако окончание Холодной войны означало, что Советский Союз, а позднее — Российская Федерация перестали считать КНДР своим идеологическим и военно-

политическим союзником в борьбе против «американского империализма». Напротив, процветающая Южная Корея казалась все более заманчивым торгово-экономическим партнером. Результатом этого стало произошедшее в 1990 г. официальное установление дипломатических отношений между Москвой и Сеулом.

С исчезновением СССР стало ясно, что советская помощь играла в северокорейской экономике куда большую роль, чем была готова признать пхеньянская пропаганда. «Опора на собственные силы» оказалась мифом, который не пережил прекращения льготных поставок советского сырья и оборудования. Новое правительство в Москве не собиралось тратить на поддержку Пхеньяна сколь-либо заметные ресурсы. Поступление помощи прекратилось около 1990 г., и результаты этого сказались очень быстро. Начавшийся в 1989–1990 г. в экономике КНДР спад был столь существенным и очевидным, что его даже не удалось скрыть. Впервые за всю послевоенную историю северокорейские власти заявили о том, что ВВП КНДР в 1990–1991 гг. снизился. Китай, хотя и оставался формально социалистическим и даже оказывал КНДР ограниченную помощь, также нормализовал в 1992 г. отношения с Южной Кореей.

В отчаянной попытке найти какие-то источники внешних поступлений, Ким Ир Сен попытался использовать «ядерную карту». Работы над ядерным оружием велись в Северной Корее по меньшей мере с восьмидесятых годов, и в 1993–1994 годах Ким Ир Сен попытался прибегнуть к ядерному шантажу. Политическая интрига всегда была родной стихией Великого Вождя. Преуспел он и в этот, последний для себя, раз. Северной Корее удалось добиться того, что ее извечные враги — «американские империалисты» согласились, в обмен на свертывание ядерной программы, оказать КНДР экономическую помощь. Шантаж удался. Эта дипломатическая победа оказалась, однако, последним успехом старого мастера. 8 июля 1994 года, незадолго до намеченной встречи с южнокорейским президентом (она должна была стать первой в истории встреч глав двух корейских государств) Ким Ир Сен скоропостижно скончался в своем роскошном дворце в Пхеньяне. Причиной его смерти стал сердечный приступ. Как и ожидалось, новым главой северокорейского государства стал его сын, Ким Чжон Ир. Благодаря усилиям Ким Ир Сена Северная Корея не только уцелела в годы общего кризиса социализма, но и стала первым коммунистическим режимом с наследственной властью.

Как и следовало ожидать, Ким Чжон Ир сохранил культ своего отца и после его смерти. Всекорейская минута молчания в 5-ю годовщину со дня смерти Ким Ир Сена (1999)

***

Ким Ир Сен прожил долгую и необычную жизнь: сын христианского активиста,

партизан и партизанский командир, офицер Советской Армии, марионеточный правитель Северной Кореи, и наконец, Великий Вождь, неограниченный диктатор Севера. Уже сам факт, что при такой биографии он сумел уцелеть и, в конце концов, умереть своей смертью в весьма преклонном возрасте, показывает, что Ким Ир Сен был человеком не только везучим, но и неординарным. Хотя последствия его правления для Кореи оказались, скажем прямо, плачевными, едва ли следует демонизировать покойного диктатора. Его честолюбие, жестокость, беспощадность — очевидны. Однако бесспорно и то, что он был способен и на идеализм, и на самоотверженные поступки — по крайней мере в молодости, пока его окончательно не втянула в свои жернова машина власти. Скорее всего, во многих случаях он искренне верил в то, что его действия направлены на благо народа, на процветание Кореи. Однако, увы, о человеке судят не столько по его намерениям, сколько по результатам его действий, а у Ким Ир Сена эти результаты оказались плачевны, если не катастрофичны: миллионы убитых на войне и погибших в тюрьмах, разоренная экономика, искалеченные поколения.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОВЕТСКОЙ ГРУППИРОВКИ» В КНДР (1945–1960)

В первые годы истории северокорейского государства огромную роль в его формировании и развитии играли многочисленные советские корейцы — советские граждане корейского происхождения. Они были направлены туда советскими партийными, военными и государственными органами и с конца сороковых до начала шестидесятых годов занимали важные позиции в северокорейском государственном аппарате. Данная статья посвящена обстоятельствам приезда советских корейцев в КНДР, их деятельности там и появлению так называемой «советской группировки» в руководстве Северной Кореи.

Статья основана на материалах, которые автор обнаружил в советских архивах, а также на беседах с самими советскими корейцами. Эти беседы по большей части происходили в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда многие из них были еще живы. К сожалению, в последние годы ушли от нас многие свидетели и участники описываемых событий. Правда, частичное открытие архивов привело к тому, что исследователи получили доступ ко многим новым материалам, касающимся, в том числе, и истории «советской группировки» в КНДР. В данной статье используются документы из собраний Архива внешней политики РФ (материалы МИДа) и Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (материалы ЦК КПСС).

Имена собственные в статье приведены в соответствии с транскрипцией А. А. Холодовича. В том случае, если то или иное имя традиционно транскрибировалось в советских документах иначе, эта традиционная транскрипция указывается в скобках после первого упоминания данного лица. Также в скобках при первом упоминании указываются и русские имена советских корейцев.

***

Советский Союз был многонациональным государством, на территории которого проживало около 130 национальностей. Многие из этих национальных меньшинств состояли из потомков иммигрантов, по тем или иным причинам переселившихся в Российскую Империю или Советский Союз. Кроме корейской, в СССР имелись значительные немецкие, польские, греческие, турецкие, болгарские и венгерские общины. Среди этих общин корейская диаспора была едва ли не самой многочисленной. Иммиграция корейцев на российский Дальний Восток началась в конце 1860-х гг., а к 1900 г. приобрела массовый

характер. Ко времени Октябрьской революции на российском Дальнем Востоке проживало около 100 тысяч этнических корейцев, в большинстве своем — российских подданных.

Правительство Советского Союза, также как и правительства других стран с подобной национальной структурой, часто использовало фактор национальных меньшинств в своей внешней политике. После Второй мировой войны многие советские граждане соответствующего этнического происхождения были отправлены на свою «историческую родину», чтобы содействовать установлению там социалистического строя. Бывшие советские граждане составили заметную часть новых руководящих элит во многих «странах народной демократии» а также в «новых» республиках СССР — достаточно вспомнить Польшу или Эстонию. Таким образом, участие советских корейцев в создании северокорейского государства не было изолированным, единичным феноменом. Однако, ни в одной из стран Восточной Европы (за исключением, возможно, прибалтийских республик) советские граждане не играли такой заметной роли, как в Корее.

Это определялось прежде всего уникальностью политической ситуации, сложившейся в Северной Корее в первые годы после освобождения страны. В Восточной Европе советские военные власти могли опереться на местных коммунистов-подпольщиков, влияние которых в некоторых странах было весьма значительным. В таких странах Москва использовала советских граждан соответствующей национальности только для обеспечения более надежного контроля над ситуацией или для передачи советского опыта. В Северной Корее коммунистическое движение до 1945 г. было крайне слабым, а немногочисленные местные коммунисты были практически неизвестны населению. Поэтому советскому руководству пришлось «импортировать» заметную долю опытных и идеологически надежных кадров из-за рубежа, в первую очередь — из СССР.

В зависимости от времени и обстоятельств их прибытия в Корею, советских корейцев с некоторой долей условности можно разделить на четыре «волны». Первая «волна» состояла из тех, кто был нелегально направлен в Корею еще до Освобождения страны. Вторая «волна» включала тех, кто приехал в Корею после Освобождения, в 1945–1946 гг. в качестве солдат и офицеров Советской Армии. Третья «волна» состояла из тех, кого советские власти отправили в Корею в качестве учителей и консультантов в 1946–1948 гг. (в отличие от своих предшественников, они были гражданскими лицами, отобранными и направленными в КНДР по партийной линии). Вторая и третья «волны» были самыми многочисленными и политически влиятельными. Последняя, четвертая «волна» имела наименьшее политическое значение — она состояла из советских граждан корейского происхождения, которые приехали в Северную Корею по различным (часто — личным) причинам во время и после Корейской войны.

Первая группа — советские корейцы, нелегально прибывшие в страну до Освобождения, была самой малочисленной. С середины 1920-х советская разведка и органы Коминтерна начали направлять советских корейцев для подпольных операций в Корее. Кадровых проблем не было: огромное большинство российских корейцев поддержало Октябрьскую революцию. Среди корейцев Дальнего Востока в 1920-е гг. было много активистов Коммунистической партии и Комсомола, которые мечтали о романтике подпольной деятельности на земле своих предков, о борьбе за ее освобождение от японских колонизаторов и местных «помещиков и капиталистов».

В начале 1920-х гг., когда советско-корейская и советско-китайская границы еще сохраняли определенную прозрачность, некоторые молодые корейцы отправлялись для «революционной работы» в Корею по собственной инициативе. Так, группа так называемых «анархо-синдикалистов», включавшая Лаврентия Кана (Кан Чин), Бориса Кима (Ким Чин), Михаила Хана (Хан Пин), покинула СССР в середине 1920-х гг. По мнению Хана Пина, которого можно рассматривать как идеолога этой группы, советская власть делала слишком мало для мировой революции и, особенно, для революции в Корее. Приблизительно в 1926–1927 гг. эти молодые люди отправились в Манчжурию и Корею для подпольной работы.¹²⁰

¹²⁰ В беседе с автором Канъ Санъ-хо рассказал о слухах, что отправка этой группы могла быть организована

Некоторые из них погибли в японских тюрьмах, в то время как другие, среди которых были Хан Пин и Кан Чин, участвовали в коммунистическом движении на Юге. После Освобождения они оказались в КНДР, где позже стали жертвами репрессий.

С середины 1920-х отправка советских корейцев для подпольной работы в Корее и Манчжурии стала обычной практикой Коминтерна. Задачами нелегалов были пропаганда коммунистических идей и установление связей с местным коммунистическим подпольем. Детали деятельности Коминтерна едва ли станут известны до того, как будут полностью открыты архивы Коминтерна и спецслужб, однако уже сейчас ясно, что в течение двух предвоенных десятилетий в Корею были направлены десятки, если не сотни, человек, только немногие из которых дожили до 1945 г.

Среди уцелевших необходимо упомянуть Пака Чонь-э (в советских материалах 1940-х гг. ее называли Пак Ден Ай) и Кима Ень-бома, пожалуй, наиболее известных представителей «первой волны», которые сыграли важную роль в послевоенном развитии КНДР. Пак Чонь-э (Вера Цой) закончила учительский техникум в Ворошилове (ныне Уссурийск) и уехала в Москву продолжать образование.¹²¹ Там ее приняли в одну из коминтерновских школ и вскоре вместе с Кимом Ень-бомом отправили в Корею (вероятно, около 1931 г.). В конспиративных целях они выдавали себя за супружескую пару, хотя позже их брак из фиктивного стал реальным.¹²² Впоследствии Пак Чонь-э была арестована японцами и вместе со своим мужем провела несколько лет в тюрьме. В октябре 1945 г. Ким Ень-бом стал первым руководителем Северокорейского бюро Компартии Кореи и занимал этот пост до декабря (факт, не упоминаемый в современных северокорейских изданиях, которые, разумеется, настаивают на том, что с самого начала формальным главой коммунистов Севера был Ким Ир Сен).¹²³ Впрочем, Ким Ень-бом быстро оказался оттеснен на третий план, и вплоть до своей преждевременной смерти в 1947 г. особой роли в политике не играл. Этого нельзя сказать о его жене: до конца 1960-х гг. Пак Чонь-э входила в число 4–5 ведущих руководителей ТПК, являлась членом Политбюро (1946–1966) и секретарем ЦК, а также доверенным лицом Ким Ир Сена. Пак Чонь-э с самого начала порвала связи с советской группировкой и не переставала подчеркивать свою личную преданность будущему Великому

Коминтерном, но по причинам конспирации представлена как независимая акция. Однако, собрание «характеристик» корейских политиков, составленное Центральным комитетом КПСС в 1946 г., констатирует: «Хан Бин... В 1926 году во Владивостоке был исключен за фракционную деятельность из ВЛКСМ. Через Маньчжурию прибыл в Корею, организовал «МЛ группу». Около 6 лет провел в заключении. Затем вместе с Цой Чан Иком эмигрировал в Китай». «Кан Дин... В 1927 году за фракционную деятельность был исключен из ВЛКСМ. Вместе с Хан Бином прибыл в Корею. 10 лет был в заключении» (Характеристики на общественно-политических деятелей Северной и Южной Кореи. Послано Т. Ф. Штыковым Суслову, Центральный Комитет. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) фонд 17, опись 128, дело 61). Если Хан Пин и Кан Чин все же были посланы в Корею Коминтерном, вероятнее всего, это было бы упомянуто в их «характеристиках». В конечном счете, Хан Пин играл заметную роль среди корейской коммунистической эмиграции в Китае. Впоследствии, в 1957–1958 гг., во время репрессий против «яньаньской группировки», он фигурировал как один из главных обвиняемых.

¹²¹ То, что Пак Чонь-э училась в Ворошиловском учительском техникуме, подтверждается документом 1946 г. (Характеристики на общественно-политических деятелей Северной и Южной Кореи. Послано Т. Ф. Штыковым Суслову, Центральный Комитет. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 61). В этом же документе говорится, что Ким Ень-бом был послан в Корею в 1931 г. Настоящая фамилия Пак Чонь-э — Чхве, традиционно транскрибируемая в России как Цой, но известно только ее русское имя Вера (у нее должно было быть и настоящее, не конспиративное, корейское имя).

¹²² Интервью с Кань Сань-хо, Ленинград, 7 марта 1990 г.
В 1945–1959 гг. Кань Сань-хо, советский учитель, журналист и партийный деятель, работал в КНДР, где был, в частности, директором Высшей партийной школы и заместителем министра внутренних дел.

¹²³ Ким Хак-чжун. Пук хан 50 нен са (50 лет истории Северной Кореи). Сеул, «Тонъя чхульпханса», 1995. С. 92, 99.

Вождю (что, впрочем, не спасло ее в 1968 г. от опалы, в результате которой она на два десятилетия исчезла с политической сцены).¹²⁴

Осенью 1937 г. все корейцы были депортированы с Дальнего Востока, где они жили с конца XIX века, и выселены в Среднюю Азию. Официально утверждалось, что корейцы, будучи этнически близки к японским подданным Корейского полуострова, представляют из себя «политически ненадежный элемент» и, следовательно, им нельзя разрешать жить близ границы с контролируемой японцами Манчжурией. На своем новом месте жительства, в Средней Азии, корейцы столкнулись с различными ограничениями, затрагивающим, в первую очередь, свободу передвижения. Советские корейцы, принадлежавшие к интеллектуальной и политической элите, стали жертвами репрессий, суровых даже по меркам 1937 г. Многие тысячи корейских учителей, ученых, партийных работников, военных были казнены или умерли в лагерях.

В конце 1930-х гг. была практически прекращена и отправка в Корею сотрудников Коминтерна. С этого времени подготовка советских корейцев для последующей подпольной работы на «исторической родине» стала прерогативой разведывательных служб. Задачи агентов тоже изменились: они в меньшей степени стали заниматься организацией коммунистического движения, но в большей — операциями по сбору секретной информации. Впрочем, совсем уж четкой грани между разведывательными и политическими задачами не было и в более ранний период.

В 1940 г. школа военной разведки, размещавшаяся под Москвой, организовала специальные годовые курсы для подготовки разведчиков из среды советских корейцев. В 1942 г. курсы закончили шесть человек (сведения о количестве выпускников 1941 г. отсутствуют). Выпускники школы нелегально работали в Корее и Манчжурии. В конечном счете, большинство из них оказалось в 88-й бригаде, вместе с Ким Ир Сеном и его партизанами. Наиболее известным из этих выпускников был Ю Сонъ-чхоль (Ю Сен Чер), впоследствии ставший начальником Оперативного управления северокорейского Генерального штаба.¹²⁵ Пак Чханъ-ок, будущий лидер «советской группировки», был также послан в Корею советскими спецслужбами незадолго до освобождения страны.¹²⁶

Вторая, и более многочисленная, «волна» советских корейцев в КНДР состояла из тех, кто попал в Северную Корею в качестве солдат и офицеров Советской Армии в первые месяцы после Освобождения.

После депортации в Среднюю Азию советские корейцы не могли служить в армии и привлекались на военную службу только в исключительных случаях. Однако эти ограничения не распространялись на тех из них, кто до 1937 г. жил за пределами Дальнего Востока, и таким образом избежал депортации. В 1941–1942 гг. многие советские корейцы, проживавшие вне Средней Азии, были призваны в армию и приняли участие в войне. Некоторые из офицеров-корейцев, арестованных в 1937 г., также были освобождены перед войной и вернулись в войска. Кроме того, офицеры-корейцы служили на Дальнем Востоке в «седьмых отделах» политуправлений соединений и частей. «Седьмые отделы» отвечали за «спецпропаганду» — пропаганду среди солдат и гражданского населения противника, а также на территориях, занятых советскими войсками. Самым заметным среди действовавших на Дальнем Востоке офицеров-спецпропагандистов был майор Михаил Кан, который позже оказывал значительное влияние на советскую политику в Северной Корее. Среди

¹²⁴ Биографические данные о Пак Чжонъ-э (Пак Ден Ай) см.:

Пукхан инмень сачжон (Биографический словарь Северной Кореи). Сеул, «Чунъанъ ильбо са», 1990. С. 175–176; Suh Dae-sook. Korean Communism 1945–1980: A Reference Guide to the Political System. Honolulu, «University of Hawaii Press», 1980.

¹²⁵ Интервью с Ю Сонъ-чхолем, 18 и 29 января 1991 г., Ташкент.

¹²⁶ Интервью с Пак Ир Саном (сын Пак Чханъ-ока). Санкт-Петербург, 4 февраля 2001

спецпропагандистов было несколько заметных корейских поэтов и писателей, включая, в частности, Чо Ки-чхона (в 1940-х гг. упоминался советской печатью как Чо Ги Чен) и Чонъ Тонъ-хека. Чо Ки-чхон вплоть до своей ранней смерти в 1951 г. был ключевой фигурой в северокорейской литературной элите и оказал огромное влияние на судьбы северокорейской литературы.¹²⁷

Командование 25-й армии, которая в августе 1945 г. разгромила японские войска в Северной Корее, подготовилось к военной кампании на территории полуострова, но оказалось совершенно не готово к управлению теми территориями, которые вдруг оказались под его властью. Даже имевшиеся в частях офицеры корейского происхождения, хорошо владевшие языком, участвовали в войне как «обычные» военнослужащие (например, Чонъ Санъ-чжин был капитаном морской пехоты). В интервью с автором все участники августовских сражений говорили о полном отсутствии в частях переводчиков с корейского. Имевшиеся в частях переводчики владели только японским, и поначалу это затрудняло общение с местным населением, особенно с простыми корейцами, которые не знали языка колонизаторов.¹²⁸ Советские военные власти в самом буквальном смысле слова не имели общего языка с теми, кем им пришлось управлять.

В этой обстановке в армии начали активно искать солдат и офицеров, говоривших по-корейски (то есть этнических корейцев — других знатоков языка тогда в СССР практически не было). В конце августа первая группа советских корейцев, примерно 12 человек, была послана в Пхеньян, в распоряжение штаба 25-й армии. К августу 1945 г. все члены этой первой группы уже были военнослужащими Советской Армии. Группу возглавляли майор Михаил Кан и капитан О Ки-чхан. Их главными целями было содействие общению советских военных и местного населения, обеспечение всех видов переводов, и ведение среди местного населения пропагандистской работы. Кан и его группа, в частности, выпускали газету на корейском языке «Чосон синмун». Среди ее редакторов и авторов было несколько корейских писателей, включая уже упоминавшихся выше Чо Ки-чхона и Чонъ Тонъ-хека.¹²⁹

«Группа Михаила Кана» состояла из спецпропагандистов и теоретически отвечала в первую очередь за перевод и публикацию агитационных материалов. Однако, в ситуации, когда большинство советских офицеров и генералов знали о Корее крайне мало, военнослужащие-корейцы редко ограничивались переводческой деятельностью в узком смысле. Они действовали как консультанты, оказывали существенное влияние на принятие важнейших политических решений. Не удивительно, что первые годы существования КНДР с легкой руки Хо Ун-бэ были впоследствии названы «правлением переводчиков».¹³⁰

В 1945-46 гг. Михаил Кан был, вероятно, самым важным лицом среди советских корейцев, воплощением «правления переводчиков». Правда, Кан покинул Северную Корею в 1948 г. и не играл никакой роли в последующих событиях. Однако в 1945 г. М. Кан имел высшее военное звание среди всех находившихся в Северной Корее советских корейцев и сам факт того, что в советских войсках есть майор-кореец, поражал местное население: тем

¹²⁷ О роли Чо Ки-чхона в северокорейских литературных кругах, см. интересное исследование Брайана Майерса: Brian Myers. *Han Sol-ya and North Korean Literature: The Failure of Socialist Realism in the DPRK*. Ithaca: Cornell University Press, 1994, pp. 40, 50–51.

¹²⁸ Интервью с Н. Г. Лебедевым, 13 ноября 1989 г., Москва.

Н. Г. Лебедев — советский генерал, в 1945 г. Член военного совета 25-й армии, позже возглавлял Советскую гражданскую администрацию в Северной Корее.

¹²⁹ В наши дни много материалов посвящены деятельности этой группы. См., например: Lim Un. *The Founding of a Dynasty in North Korea*. Tokyo, «Jiyu-sha», 1982. P. 143–144; Мирок Чосон минчжучжуй инмин конххвагук (История КНДР в рассекреченных документах). Сеул, «Чунъанъ ильбо са», 1992. С. 178–181.

¹³⁰ Lim Un. *The Founding of a Dynasty in North Korea*...

более, что в японской армии, с порядками которой они были знакомы лучше, «майор» было более редким и более высоким званием, чем в советских частях.

Вскоре, в сентябре или октябре, в Пхеньян прибыли и другие советские корейцы-офицеры: Чонъ Хак-чун, Чхве Чонъ-хак, Чхве Хынъ-гук, Чонъ Санъ-чжин, Валентин Цой (Чхве).¹³¹ Однако, к сентябрю 1945 г. стало ясно, что нужды советских военных требуют гораздо больше переводчиков и консультантов, чем в это время имелось во всех вооруженных силах. Поэтому военные решили воспользоваться теми кадровыми ресурсами, которые предоставляла корейская община Средней Азии. Приблизительно в это же время ЦК ВКП(б) собрал информацию о количестве советских корейцев — членов партии. Их насчитывалось 3853, причем подавляющее большинство жило в Казахстане (1719) и Узбекистане (1926). Оставшиеся две сотни корейцев-коммунистов, рассеянные по стране, вероятно, состояли из тех, кто на момент насильственного переселения в 1937 г. находился за пределами Дальнего Востока.¹³²

В сентябре-октябре 1945 г. первая группа советских корейцев была отобрана в Средней Азии специально присланными из Москвы офицерами. Отобранные немедленно призывались в армию и отправлялись в Корею. Особое внимание уделялось тем, кто имел хорошее образование и считался «политически и морально надежным», — учителям и тем партийным работникам среднего и низшего звена, которым удалось пережить 1937 г. Большинство призванных были рядовыми и лишь немногие — в частности А. И. Хегай и Канъ Санъ-хо — являлись офицерами запаса и по призыве в армию получили соответствующие звания.¹³³ После прибытия в Корею многие из них служили в седьмом управлении, а большинство работало переводчиками в советской гражданской администрации.

Документ того времени (докладная записка, направленная в 1946 г. в ЦК ВКП(б)) свидетельствует, что, в Северную Корею в сентябре — ноябре 1945 г. прибыло 128 советских корейцев.¹³⁴ Однако не ясно, были ли включены в это число солдаты и офицеры, приехавшие вместе с майором Каном в августе. Вероятнее всего — нет, так как в докладной записке упоминается «группа советских корейцев, направленных в Северную Корею из Средней Азии в сентябре — ноябре 1945 г.». Все те, чьи имена упоминаются в документе, были, как известно из других материалов, призваны в армию после августа. Таким образом, мы можем полагать, что в начале 1946 г. в Северной Корее было уже около 140 советских корейцев.

Весной 1946 г. уже начинала складываться государственная структура КНДР. Нехватка квалифицированных кадров во вновь образованных учреждениях была чудовищной. Советская военная администрация и ее северокорейские подопечные остро нуждались в людях с организаторскими навыками и хорошим образованием, которые могли бы помочь создать новый государственный аппарат (конечно, построенный по советской модели). Такую потребность ощущало и само северокорейское руководство: в апреле 1946 г. Ким Ир Сен напрямую просил советские власти отправить в Пхеньян больше советских корейцев.¹³⁵ С

131 Ibid

132 Материалы находятся в РЦХИДНИ фонд 17, опись 128, дело 988, лист 1–4.

133 Мирок Чосон минчжучжуый инмин конъхвагук... С. 178.
Интервью с Канъ Санъ-хо. Ленинград, 31 октября 1990 г.

134 Докладная записка Суслову, секретарю Центрального комитета КПСС. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 55, лист 5.

135 Одно такое письмо Ким Ир Сена было послано в советское Министерство иностранных дел, откуда его переслали в ЦК ВКП(б). См.: Копия письма Ким Ир Сена генералу Романенко. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 205, лист 5.

весны 1946 г. советские корейцы, приехавшие в Корею в 1945 г., начали переходить на работу в местные административные органы. При этом они сохраняли советское гражданство и до 1948 г. формально считались советскими военнослужащими.¹³⁶

Важные изменения произошли летом и осенью 1946 г. До этого времени советские корейцы посылались на Север как военнослужащие, а после — уже как гражданские лица. С лета 1946 г. партийные органы стали активно заниматься отбором кандидатов на работу в Северной Корее. С конца 1946 г. решения об отправке советских корейцев в Пхеньян принимались ЦК партии, хотя учитывались и запросы военных. В конце 1946 г. гражданские лица «третьей волны» начали приезжать в Северную Корею. В отличие от своих предшественников, они не были ни сотрудниками разведки, ни военнослужащими. Большинство новоприбывших составляли учителя и другие гражданские специалисты, набранными партийными органами Средней Азии по полученным из Москвы разнарядкам. На деле разница между теми, кто приехал в качестве военнослужащих в 1945 г. и прибывшими позднее их гражданскими коллегами не была слишком большой. В Корее и те и другие выполняли, по сути, одинаковые задачи.

Вначале считалось, что важнейшей задачей гражданских специалистов «третьей волны» будет преподавание русского языка. 11 декабря 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об организации с 1 января 1947 г. при педагогических институтах Алма-Аты и Ташкента шестимесячных курсов для 100 слушателей из числа этнических корейцев, уже имевших высшее образование (по 50 при каждом институте). Целью курсов была подготовка учителей русского языка для учебных заведений Северной Кореи.¹³⁷ По воспоминаниям Пак Пенъ-юля, бывшего слушателя курсов, отбор производился под двойным контролем — и партийных, и военных органов.¹³⁸ Именно из числа выпускников этих курсов в основном и отбирались кандидаты на последующую работу в Корее.

10 октября 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение об отправке в Пхеньян первой группы специалистов в составе 37 советских корейцев. Годом позже, 27 октября 1947 г., Политбюро приняло решение послать в Корею 34 учителя русского языка (вместе с членами их семей — 107 человек). В марте 1948 г. было принято еще одно аналогичное решение и третья группа — 22 человека (63 — с членами семей) отправилась в Северную Корею.¹³⁹ Те, кто вначале приехал в Корею без семей, позже обращались за разрешением пригласить членов своих семей к себе. Такие разрешения обычно давались (по крайней мере, в доступных материалах нет ни одного случая отказа), хотя они должны были быть формально одобрены ЦК ВКП(б).¹⁴⁰

Есть основания считать, что помимо упомянутых выше трех случаев, Политбюро не направляло в Пхеньян других значительных групп советских корейцев. В этом случае мы можем подсчитать, что в 1946–1948 гг. в Северную Корею было отправлено около 100 специалистов из числа советских корейцев, а также члены их семей. В это число не входят те, кто был послан в Корею военными в 1945-начале 1946 гг. Также как их предшественники из

¹³⁶ Интервью с Кань Санъ-хо, Ленинград, 30 ноября, 1990 г.

¹³⁷ Решения советского Политбюро по вопросам, связанным с Кореей. Решение Политбюро от 11 декабря 1946 г. Копия документа находится в коллекции автора.

¹³⁸ Интервью с Пак Пенъ-юлем. Москва, 25 января 1990 г.

¹³⁹ Решения советского Политбюро по вопросам, связанным с Кореей. Решение Политбюро от 2 марта 1948 г. Копия документа находится в коллекции автора.

¹⁴⁰ Например, такое разрешение было выдано жене и двум детям Ли Санъ-нама (6 апреля 1948 г., РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 1143, лист 167), жене и трем детям Ким Сынъ-хва, жене и трем детям Афанасия Огая (7 мая 1948 г., РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 1143, лист 168)

числа военнослужащих, корейцы «третьей волны» в своем большинстве формально оставались советскими гражданами до середины 1950-х гг.

Как уже упоминалось, в соответствии с первоначальным планом главной задачей гражданских групп должно было стать преподавание русского языка, и в первые месяцы после своего приезда новоприбывшие действительно работали в учебных заведениях. Однако острая нехватка квалифицированных кадров и образованных людей в целом была настолько сильна, что большинство из них вскоре было переведено на партийную и государственную работу. Так, Нам Иль (Нам Ир) в прошлом преподаватель Самаркандского педагогического института вскоре стал заместителем главы Отдела образования Временного народного комитета (фактически, заместителем министра образования Северной Кореи). Во время Корейской войны Нам Иль возглавлял Генеральный штаб и впоследствии заменил опального Пак Хон-еня на посту министра иностранных дел КНДР. Пак Пенъ-юль, который также прибыл в Корею в 1947 г. как учитель, вскоре стал главой Кандонского политического училища — главного центра подготовки южнокорейских партизан и подпольщиков.¹⁴¹

Однако с самого начала предполагалось, что не все советские корейцы станут учителями. Например, в январе 1947 г., когда дело уже явно шло к созданию самостоятельного северокорейского государства, Т. Ф. Штыков (будущий первый советский посол в КНДР, а тогда — член Военного Совета округа, курировавший корейские дела) специально просил ЦК найти двух подходящих советских корейцев для последующего назначения секретарями председателя Народного комитета Северной Кореи (Ким Ту-бонъ) и первого секретаря Трудовой партии Южной Кореи (Пак Хон-ень). К тому времени у самого Ким Ир Сена уже был секретарь из советских корейцев. Мы можем предположить, что их присутствие считалось необходимым как для контроля над деятельностью местной администрации, так и для помощи ей.¹⁴²

5. РАЗГРОМ НЕКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КНДР (1945–1959)

Подобно некоторым другим бывшим социалистическим странам, КНДР является государством, в котором формально существует многопартийная система. Помимо правящей, Трудовой партии, в КНДР есть еще две организации, именующиеся политическими партиями. Это Социал-Демократическая партия (до 1981 г. именовалась Демократической партией) и партия Чхондоге-чхонъуданъ (в буквальном переводе на русский — «Партия молодых друзей небесного пути»). К настоящему времени они давно уже существуют только на бумаге, играя роль вывесочных организаций, которые предназначены почти исключительно для внешнепропагандистских целей.

Такое положение существует уже почти 40 лет. Однако в свое время некоммунистические партии, пусть и на протяжении весьма короткого периода своей истории, были реальной и весьма весомой политической силой. В настоящей статье мы хотим рассказать, как северокорейскому руководству удалось подчинить и постепенно ликвидировать некоммунистические партии, фактически утвердив в стране однопартийную систему, сохранив при этом, однако, формальную многопартийность. Статья посвящена в основном событиям 1945–1960 гг., то есть тому периоду, когда и происходило подчинение «непролетарских» партий. Главными источниками для нас послужили материалы советского посольства в Пхеньяне за 1945–1958 гг., которые до недавнего времени не были доступны

¹⁴¹ Интервью с Пак Пенъ-юлем. Москва, 25 января 1990 г.

¹⁴² Докладная записка П. Струнникова (зав. отделом кадров ЦК) А. А. Кузнецову (секретарь ЦК ВКП(б)). 26 ноября 1947 г. РЦХИДНИ, фонд 17, опись 127, дело 1482, лист 152.

исследователям, а также публикации южнокорейских ученых.

***

Как известно, традиционный марксизм-ленинизм считал возможным сохранения многопартийности в тех обществах, которые только вступили на путь строительства социализма. Теория «народной демократии», которая давала концептуальное обоснование практической политике советских властей и местных коммунистических партий в тех странах, что в результате Второй мировой войны оказались под прямым советским контролем, также не исключала того, что в таких государствах с их сложной классовой структурой могут существовать различные некоммунистические партии, которые, однако, должны со временем быть включены в состав руководимого коммунистами Единого фронта. Теоретическим обоснованием этого подхода было то обстоятельство, что в таких обществах сохранялись непролетарские классы (мелкая буржуазия, например, или некооперированное крестьянство), и что эти классы имели определенные специфические интересы, которые и выражались некоммунистическими партиями. Если же подходить к вопросу более трезво и практически, то некоммунистические партии, включенные в систему Единого фронта и подчиненные коммунистам, были с точки зрения новых властей весьма полезными инструментами, так как с их помощью можно было оказывать воздействие на те общественные слои, которые могли особо критически относиться к новому строю. В целом, в концепции «народной демократии» многопартийность рассматривалась как явление вполне допустимое, а во многих случаях — даже желательное. Корея не составляла в этом отношении исключения. Более того, антиколониальный характер проводившихся там в 1945–1946 годах преобразований предполагал, что они могут рассчитывать на широкую и разностороннюю поддержку со стороны представителей всех общественных классов и в силу этого создание целого ряда политических партий было весьма логичным.

История северокорейских политических партий началась 12 октября 1945 г., ровно через два месяца после того, как советские войска пересекли корейскую границу. В этот день советские военные власти опубликовали декрет, официально разрешавший создавать политические партии. Вероятнее всего, решение это было специально приурочено к организованному Политотделом 25-й армии совещанию руководства местных коммунистических организаций, на котором была фактически создана Компартия Северной Кореи, однако приказом от 12 октября воспользовались не только коммунисты, но и представители других политических течений.

В той хаотичной обстановке, которая царила в Корее осенью 1945 г., процесс образования различных групп и партий шел стихийно и неупорядоченно. Количество партий и близких к ним по характеру объединений в Южной Корее измерялось в то время сотнями. На Севере же советское командование сразу попыталось взять этот процесс под контроль. В этом, как можно предположить, советские власти руководствовались как теоретическими, так и практическими соображениями. С теоретической точки зрения подразумевалось, что каждая партия должна представлять определенный класс или, по меньшей мере, заметную социальную группу. Поскольку количество классов было не очень большим, то и партий также не должно было быть «слишком много». С практической же точки зрения было ясно, что контролировать несколько крупных партий будет проще, чем множество мелких. Вместо десятков партий, которые были столь обычны для Юга конца сороковых годов, на Севере возникло всего лишь четыре, причем две из них (Коммунистическая и Новая Народная) были марксистскими, почти не отличались друг от друга по платформе и очень скоро, в июля-августе 1946 г., слились в единую Трудовую Партию Северной Кореи.

Первая из некоммунистических партий Северной Кореи — Демократическая (кор. Минчжудань) была основана 3 ноября 1945 года. Создателем ее стал Чо Ман Сик, который на тот момент был, по-видимому, наиболее авторитетным деятелем националистического движения в северной части Кореи. На первых порах Чо Ман Сик рассчитывал, по-видимому,

превратить новую партию в реальную политическую организацию правонационалистического направления, но подобное развитие событий не входило в планы советской военной администрации. Поэтому по настоянию советских властей первым заместителем Чо Ман Сика в этой партии стал Цой Ен Гон (Чхве Ен Гон) — бывший ученик Чо Ман Сика и, в то же самое время, соратник Ким Ир Сена и заметный участник партизанского движения в Маньчжурии. Во главе секретариата также оказался бывший партизан-коммунист Ким Чхэк. Таким образом, партия эта с момента своего возникновения оказалась под контролем коммунистов и советских властей.¹⁴³ Тем не менее, для многих более или менее антикоммунистически настроенных националистов Демократическая партия была единственной легальной политической организацией, в рамках которой они могли действовать.

Другой политической организацией, образовавшейся в первые месяцы после Освобождения, стала партия Чхондоге-Чхонъуданъ (Партия молодых друзей небесного пути), которая объединила сторонников специфического корейского религиозного учения Чхондоге (Тонхак), возникшего во второй половине XIX века как реакция на проникновение католицизма и усиление иностранного влияния. Партия эта была создана 5 февраля 1946 г. с согласия советских военных властей.¹⁴⁴ Во главе партии, которую мы далее для краткости будем именовать Чхонъуданъ, встал известный религиозный деятель Ким Даль Хен. Движение Чхондоге не без оснований воспринималось многими в то время как уникальная корейская религия, для которой были характерны как крестьянский эгалитаризм, так и весьма враждебное отношение к иностранцам. Чхондоге и Тонхак сыграли решающую роль в двух наиболее заметных антияпонских и, шире, антииностранных выступлениях новой истории Кореи: крестьянском восстании 1894–1895 гг. и Январском восстании 1919 г.

На протяжении примерно 2 месяцев Демократическая партия была практически единственной заметной политической силой, не находившейся в прямом подчинении у советских властей, хотя, разумеется, и не выступавшей против них открыто. Однако продолжалось это недолго: жесткий антикоммунизм и откровенный национализм Чо Ман Сика — с одной стороны, стремление советской администрации к инкорпорированию всех политических и общественных организаций в состав Единого фронта — с другой, рано или поздно должны были привести к столкновению.

Неизбежный конфликт разразился в конце декабря 1945 года, когда в Корею стали известны результаты проходившего в Москве совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая. Совещание это, как известно, решило установить над Кореей на переходный период совместную опеку 4 держав. Решение об опеке вызвало резкие протесты националистов, видевших в этом оскорбление национального достоинства и попытку установить в стране новую, хотя и слегка замаскированную, форму колониального режима.

В конце декабря 1945 г. руководители Советской Гражданской администрации Н. Г. Лебедев и А. А. Романенко пригласили Чо Ман Сика на встречу и предложили ему и руководимой им Демократической партии присоединиться к готовившемуся тогда рядом северокорейских политических партий и общественных организаций заявлению в поддержку решений Московского совещания. Чо Ман Сик, по свидетельству переводившего беседу Пак Киль Ена, не дал сразу никакого определенного ответа и сказал, что решение по вопросу подобной важности может быть им принято только после совещания с руководством партии. 2 января собрался пленум ЦК Демократической партии. Поскольку настроение руководства националистов было вполне понятно, ни Цой Ен Ген, ни Ким Чхэк, на самом деле являвшиеся коммунистами и введенные в руководящий орган партии для контроля над его деятельностью, в работе пленума не участвовали. 24 голосами из 31 пленум осудил решения

¹⁴³ Пукхан сасип нен (40 лет Северной Кореи). Сеул, «Ырю мунхва са», 1988. С. 38.

¹⁴⁴ Пукхан чхонълам (Северокорейское обозрение). Сеул, «Пукхан енгусо», 1985. С. 1123.

Московского совещания министров иностранных дел и призвал население Северной Кореи к борьбе против опеки. Советское руководство на протяжении последующих нескольких дней пыталось уговорить Чо Ман Сика отказаться от его позиции и выступить-таки в поддержку Московского совещания, но ничего добиться не смогло.¹⁴⁵

Решающие события развернулись на открывшемся в 11 часов утра 5 января 1946 г. заседании Народного политического комитета провинции Ю. Пхеньян. В состав этого комитета, сформированного в августе-сентябре 1945 г. и игравшего роль своего рода протоправительства, входило по 16 представителей коммунистического и националистического движения. Все 16 депутатов-коммунистов приняли участие в заседании. Националистов, большая часть которых состояла в Демократической партии, было существенно меньше, так как многие из них, предчувствуя, в каком направлении развернутся дальнейшие события, сочли за благо не только не явиться на заседание, но и вообще покинуть Пхеньян и бежать в Южную Корею. Кроме того, на заседании присутствовали советские генералы и старшие офицеры, незадолго до этого прибывший в Корею представитель советских спецслужб Г. М. Баласанов, а также ряд переводчиков из числа советских военнослужащих.

В нашем распоряжении имеются два рассказа о происшедшем — генерала Н. Г. Лебедева (интервью с автором настоящей статьи, состоялось 13 ноября 1989 года в Москве) и Пак Киль Ена¹⁴⁶, которые отличаются лишь некоторыми, не очень существенными, деталями. Сначала на заседании слово было предоставлено представителям коммунистов, которые, разумеется, в соответствии с указаниями советского командования выразили поддержку решениям Московского совещания. Выступивший после этого Чо Ман Сик в очередной раз решительно высказался против установления опеки и заявил о своей отставке. Пак Киль Ен вспоминает, что на это решение его спровоцировали советские представители, один из которых сказал: «Если [Вы против опеки], то подавайте в отставку!»¹⁴⁷ Н. Г. Лебедев же утверждает, что решение это было принято Чо Ман Сиком самим, в знак протеста против опеки. После этого, как вспоминает Н. Г. Лебедев, Чо Ман Сик передал полномочия по ведению заседания кому-то другому из членов своей партии, но и тот тут же демонстративно сложил с себя полномочия. После этого все представители Демократической партии покинули зал, а вслед за ними ушли с работы и их сторонники из числа служащих Комитета. Пак Киль Ен не упоминает о передаче полномочий, а говорит только о том, что националисты покинули заседание. Единственным оставшимся националистом был Хон Ки Су, симпатизировавший коммунистам, который и довел заседание до конца.

Чо Ман Сик был арестован в начале 1946 г., сразу же после своей отставки. В течение довольно долгого времени он содержался под домашним арестом в пхеньянской гостинице «Коре». Показательно, что, по словам Пак Киль Ена, командующий 25-й армией И. М. Чистяков, отдавая приказ об аресте Чо Ман Сика, сказал, что это необходимо для того, чтобы Чо Ман Сик «обдумал» свою позицию и выступил в защиту решений Московского совещания.¹⁴⁸ Похоже, что даже после отставки Чо Ман Сика советские власти отнюдь не сразу отказались от идеи сотрудничества с ним и его Демократической партией. 2 апреля 1946 г. Ким Ир Сен вместе с двумя своими старыми соратниками — Ким Чхэком и Цой Ен Геном, которые в то время формально числились в Демократической партии (Цой Ен Ген, вдобавок, был и учеником Чо Ман Сика), посетил находящегося под домашним арестом Чо

¹⁴⁵ Пирок Чосон минчжучжуй инмин конххвагук. Санъ. (Тайная история КНДР. Часть 1). Сеул, «Чунъанъ ильбо са», 1992. С. 193–195.

¹⁴⁶ Интервью Пак Киль Ена опубликовано в: Пи рок Чосон минчжучжуй инмин конххвагук. Санъ...

¹⁴⁷ Указ. соч., с. 196.

¹⁴⁸ Указ. соч., с. 197.

Ман Сика и еще раз предложил ему выступить в поддержку Московского совещания и созданной на основе его решений советско-американской двусторонней комиссии. Чо Ман Сик отказался.¹⁴⁹

Впоследствии Чо Ман Сик из комфортабельного отеля был переведен в «обычную» тюрьму. В 1950 г. правительство КНДР попыталось обменять его на двоих руководителей коммунистического подполья, захваченных в Сеуле южнокорейской службой безопасности, но эти переговоры окончились ничем. Начавшаяся вскоре война решила судьбу человека, который в первые месяцы после Освобождения имел вполне реальные шансы стать правителем Северной Кореи: в середине октября 1950 г. (по одним данным — 15, а по другим — 18 числа), во время отступления северян и всего лишь за несколько дней до занятия Пхеньяна американскими войсками, бывший лидер северокорейских националистов был расстрелян вместе с рядом других политических заключенных, содержащихся в пхеньянских тюрьмах.¹⁵⁰

Однако арест Чо Ман Сика не привел к формальной ликвидации Демократической партии. Когда 29 января 1946 г. было опубликовано совместное Заявление политических партий и организаций Севера, то самое, подпись под которым месяцем раньше отказался поставить Чо Ман Сик, то от имени Демократической партии Кореи его подписал Цой Ен Ген. 5 февраля 1946 г. Цой Ен Ген созвал в Пхеньяне экстренное совещание активистов Демократической партии, которое, как легко догадаться, осудило действия Чо Ма Сика и других противников решений Московского совещания.¹⁵¹ 24 февраля 1946 г. в Пхеньяне открылся I съезд Демократической партии. На нем Чо Ман Сик был объявлен «реакционером», «американским и японским агентом», а все деятели из его окружения, еще остававшиеся в руководстве партии, были лишены постов и, во многих случаях, репрессированы (если, конечно, они не успели своевременно бежать на Юг).¹⁵²

8 февраля 1946 г. в Пхеньяне было объявлено о создании Временного народного комитета Северной Кореи, своего рода северокоорейского протоправительства, во главе которого встал Ким Ир Сен. Среди 17 членов первого северокоорейского кабинета было и двое представителей Демократической партии — Чхве Ен Гон и Кан Рян Ук (первый занял немаловажный пост главы Департамента безопасности, в то время как второй стал главой секретариата). Однако реальные связи и Чхве Ен Гона, и Кан Рян Ука с Демократической партией были более чем отдаленными. О Чхве Ен Гоне уже говорилось выше, а протестантский священник Кан Рян Ук был... одним из ближайших родственников Ким Ир Сена по материнской линии, и его возвышение стало, пожалуй, самым ранним примером продвижения родственников Ким Ир Сена на руководящие посты (впоследствии, в восьмидесятые годы, численность членов кимирсеновского клана в северокоорейском руководстве будет измеряться десятками).¹⁵³ Тем не менее, необходимый декор коалиционного правительства и Единого фронта был соблюден.

Подчиненный статус Демократической партии был закреплён в июле 1946 года, когда в

¹⁴⁹ Указ. соч., с. 215–216.

¹⁵⁰ Указ. соч., с. 331–334.

¹⁵¹ Ким Ен Бок. Хэбань чикху пукхан инмин вивонхве-ый чочжик-ква хвальдонь (Организация и деятельность народных комитетов в Северной Корее после Освобождения). — «Хэбань чонху са-ый инсик. Но. 5». Сеул, «Хангильса», 1989. С. 196.

¹⁵² Кравцов И. Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951). М., 1951. С. 58.
Крайнов П. Борьба корейского народа за независимость. М., 1948. С. 176.

¹⁵³ Erik van Ree. Socialism in One Zone: Stalin's Policy in Korea, 1945–1947. Oxford/New York/Munich, Berg, 1989. P. 150.

Северной Корее в соответствии с предписаниями теории «народно-демократической революции» был формально создан Единый фронт (он официально именовался Единый демократический национальный фронт — ЕДНФ). В состав фронта вошли Демократическая партия, партия Чхонъуданъ и ряд общественных организаций. И формально, и по сути руководился фронт коммунистами.

Чистка партийного руководства, проведенная в феврале — марте 1946 года, стала первым шагом на пути превращения Демократической партии, которая смогла просуществовать в качестве самостоятельной политической силы меньше трех месяцев, в марионеточную организацию. Однако многие из ее рядовых членов и низовых руководителей тогда еще не осознали тогда этого факта. В 1945–1948 гг. в Демократическую партию часто шли те, кто был до определенной степени недоволен существующим режимом и видел в этой партии как бы легально дозволенную оппозицию. В определенном смысле подобная ситуация устраивала и северокорейские власти: вступив в Демократическую партию, недовольные оказывались под жестким контролем, и вероятность из участия в каких-либо реальных антиправительственных актах существенно снижалась. Поскольку в то время северокорейский режим был еще достаточно слаб и не имел в своем распоряжении достаточно разветвленного полицейского аппарата, Демократическая партия с тайными членами ТПК во главе способствовала нейтрализации недовольных. Эта ее роль вполне осознавалась северокорейским руководством. Например, осенью 1949 г. Чан Ви Сам (заместитель заведующего отделом ЦК ТПК) сказал советскому дипломату: «В партиях (Демократической и Чхонъуданъ — А. Л.) осталось немало скрытых врагов КНДР, однако благодаря тому, что руководство партии твердо поддерживает политику КПК, деятельность партии не вызывает беспокойства».¹⁵⁴

Окончательный подчинение Демократической партии произошло в 1948 г. Первым этапом стала продолжавшаяся примерно полгода чистка партии, в ходе которой из нее были удалены «реакционные элементы», то есть те, кто мог стать катализатором недовольства. Структура партии была окончательно переделана по тому образцу, который был принят тогда в ТПК и в коммунистических партиях вообще и который, похоже, воспринимался многими в Пхеньяне как единственно возможный: в партии были введены партийные билеты, установлена строгая иерархия комитетов. Официально закреплены были новые порядки в декабре 1948 г. решениями III съезда Демократической партии, который также принял новую партийную программу и устав.¹⁵⁵

Численность Демократической партии в предвоенный период была весьма заметной, в начале 1949 г. в ней было 180 тысяч членов.¹⁵⁶ Среди них были как и потенциальные оппозиционеры, так и те, кто просто по наивности или в порыве националистического энтузиазма потянулся к красивым лозунгам Демократической партии. Многим и многим этот шаг стоил потом карьеры, обрекал их семьи на нищенское существование, голод и дискриминацию: в соответствии с введенным в середине 60-х гг. делением всего населения Северной Кореи на 51 квазисословную группу, бывшие члены Демократической партии относились к так называемым «враждебным слоям населения», и были ограничены в своих правах (не могли жить в крупных городах, учиться в престижных вузах, занимать ответственные посты и т. д.).

¹⁵⁴ Запись беседы Бякова И. С. (секретарь посольства) с Чан Ви Самом (заместитель заведующего отделом ЦК КПК) 15 октября 1949 года. Архив внешней политики российской федерации (далее — АВПРФ), ф. 0102, оп. 9, п. 44, д. 9.

¹⁵⁵ Запись беседы В. К. Лисикова с Ким Сен Юром (председатель Пхеньянского городского комитета Демократической Партии Северной Кореи) 8 мая 1956 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 12, д. 6, п. 68.

¹⁵⁶ Запись беседы Игнатьева с Тэм Сэн Эном (социал-демократическая партия) 9 февраля 1949 года. АВП, ф. 0102, оп. 5, п. 11, д. 8.

Некоммунистические партии были представлены в первых «выборных» органах северокорейского государства (излишне повторять, что слово «выборные» в данном случае может использоваться только в кавычках, ведь выбор у избирателя был один: или голосовать за официального кандидата, или не голосовать вовсе). Когда в феврале 1947 г. было сформировано Народное собрание Северной Кореи, то некоторые представители некоммунистических партий были даже введены в состав Президиума, где они символизировали собой Единый фронт. Из 9 членов президиума 2 формально принадлежало к Демократической партии (старый партизан-коммунист Чхве Ен Гон и родственник Ким Ир Сена пастор Кан Рян Ук), а один — к партии Чхонъуданъ (Ким Даль Хен). Однако президиум был чисто формальным органом, который не обладал ни малейшей реальной властью. В составе же сформированного Народным собранием правительства оказался только один деятель Демократической партии — Хон Ки Су, в прошлом — заметный националист, соратник Чо Ман Сика, рано перешедший на сторону ТПК (как-то в разговоре с автором этих строк Н. Г. Лебедев назвал его «нашим националистом»). Видимо, он должен был, в соответствии с постулатами теории национально-демократической революции, символизировать собой Единый фронт и поддержку, которую оказывают коммунистам «прогрессивные национально-патриотические силы».

О том, что многие тогда еще не усвоили новых правил политической игры, свидетельствует эпизод, произошедший на I сессии Народного собрания. Естественно, реальной властью этот «парламент» не обладал, и фактически его единственной задачей было штамповать решения, подготовленные в кабинетах ЦК Трудовой партии. На первых порах, однако, это понимали не все. Депутат от партии Чхонъуданъ Ким Юн Голь неожиданно заявил, что «хотя после образования народных комитетов и выпущено много законов, много примеров и того, что они не исполняются как надо» и привел в пример несколько известных ему лично случаев нарушений закона, допущенных в ходе земельной реформы. Выступление было достаточно безобидным, но явно не соответствовало общему тому торжественновосторженному тону заседания, которому суждено было на десятилетия стать стереотипным для любых северокорейских официальных мероприятий. Реакция последовала незамедлительно. Крупный деятель Трудовой партии Чхве Чхан Ик, будущая жертва кимирсеновских репрессий, который как раз на этом съезде был избран Генеральным прокурором, обрушился на строптивого депутата, сказав, что «поднимать шум из-за убитого во время больших дел муравья» на деле означает — «препятствовать демократическим реформам» в Северной Корее. Разумеется, после этого прокурорского оклика Ким Юн Голь мгновенно опомнился и к концу работы съезда выступил с покаянной речью. Не исключено, что этот маленький инцидент был вообще единственной попыткой проявить какую-то самостоятельность, предпринятой депутатом северокорейского парламента за всю историю существования этого «законодательного» органа, и не случайно, что подобная «неразумная инициатива» была проявлена именно представителем одной из некоммунистических партий.

157

Пхеньянский автобус. Январь 1954 года...

Однако, если приручение Демократической партии было к 1948 г. в целом завершено, то о другой некоммунистической организации — партии Чхонъуданъ этого еще никак нельзя было сказать. Этой партии удалось не только остаться самостоятельной, но и превратиться в заметную политическую силу: к концу 1947 г. в ее составе, по утверждениям некоторых ее бывших руководителей, насчитывалось 610 тыс. чел.¹⁵⁸ Конечно, эта цифра крайне преувеличена (вообще страсть к гигантским преувеличениям такого рода была весьма характерна для партии Чхонъуданъ и, шире говоря, для всего корейского национализма). По крайней мере, когда в феврале 1949 г. советский дипломат напрямую поинтересовался у Ким Дон Дю, заместителя председателя партии Чхонъудан, тем, какова же ее численность, прямого ответа не последовало. По данным советского посольства, в партии на тот момент было около 200 тысяч членов.¹⁵⁹ Несколько лет спустя, вспоминая о событиях 1946-47 гг. в беседе с советским дипломатом, тогдашний руководитель партии Ким Даль Хен также называл эту цифру.¹⁶⁰

Партия Чхонъуданъ считалась независимой организацией, но поддерживала постоянные контакты с находившимся в Сеуле руководством секты Чхондоге, сторонников которой она объединяла. Руководство же это ориентировалось на лисынмановский режим и крайне негативно относилось к Северу. Именно в кругах сеульского руководства и возникла идея использовать партию Чхонъуданъ как орудие в борьбе с северокорейским режимом. 29 января 1948 г. на совещании руководства секты в Сеуле было принято решение организовать в Пхеньяне 1 марта, в годовщину произошедшего в 1919 г. антияпонского восстания, массовую демонстрацию под лозунгами создания общекорейского правительства, допуска в Северную Корею представителей Комиссии ООН и вывода с территории страны советских и американских войск. Эти лозунги полностью соответствовали тогдашней официальной

¹⁵⁸ Пукхан минчжу тхон'иль ундон' са. Пхеньяндон пхен (История демократического движения за объединение в Южной Корее. Провинция Пхеньяндон). Сеул, «Пукхан энгусо», 1990. С. 449.

¹⁵⁹ Запись беседы Игнатъева с Ким Дон Дю (заместителем председателя партии Ченудан) 18 февраля 1949 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 5, п. 11, д. 8.

¹⁶⁰ Запись беседы А. М. Петрова с Ким Дар Хеном (председатель ЦК партии Ченудан) 30 мая 1956 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 12, д. 6, п. 68.

позиции сеульского режима и находились в явном противоречии с требованиями Пхеньяна. Там же было подготовлено и соответствующие документы: официальное обращение вождей секты к единоверцам на Севере и письмо руководству партии Чхоньудань. В середине февраля оба эти документа были нелегально переправлены на Север. Доставка их была поручена 2 женщинам-связным, так как считалось, что они привлекут меньше подозрений.

17 февраля 1948 г. в Пхеньяне состоялось секретное совещание руководителей партии Чхоньудань. Большая часть их высказалась за то, чтобы в соответствии с решением Сеула провести демонстрацию. Особую позицию занял только сам основатель и руководитель партии Ким Даль Хен, который в то время был также заместителем председателя Президиума Народного собрания Северной Кореи. В своем выступлении на совещании он сказал, что демонстрация может привести к кровопролитию и массовым преследованиям сторонников Чхондоге и что письмо продиктовано полным незнанием сеульским руководством реальной ситуации на Севере.¹⁶¹ По сути дела Ким Даль Хен был прав, хотя то, что известно об этом человеке, заставляет усомниться в том, что во время этих и последующих событий он руководствовался столь гуманистическими соображениями. Скорее Ким Даль Хен попросту стремился сохранить за собой то весьма привилегированное место, которое к тому времени ему уже дал новый режим.

Как бы то ни было, несмотря на колебания Ким Даль Хена, подготовка к демонстрации была начата. Она шла в глубокой тайне, однако все планы оппозиции были в конце концов сорваны предательством ее руководителя: 23 февраля Ким Даль Хен сообщил органам безопасности о планах выступления и помог им в аресте направленной из Сеула связной. С 25 по 28 февраля по всей территории страны были проведены массовые аресты всех сколько-либо заметных деятелей партии Чхоньудань. За эти 3 дня по южнокорейским (видимо, преувеличенным) данным было арестовано более 17 тысяч человек, в той или иной степени причастных или могущих быть причастными к планировавшемуся выступлению. Фактически в результате партия оказалась обезглавленной и ни о каком выступлении после этого уже не могло быть и речи.¹⁶²

После событий марта 1948 г. партия Чхоньудань разделила судьбу Демократической: в результате интенсивных чисток из нее были изгнаны все неблагонадежные (с точки зрения северокорейского режима) элементы и она превратилась в чисто марионеточную организацию, совершенно лишенную политического лица и не способную ни к каким реальным самостоятельным действиям. Ким Даль Хен сохранил за собой пост ее руководителя и все связанные с ним привилегии, хотя едва ли он мог играть в пхеньянских коридорах власти какую-либо иную роль, кроме роли «свадебного генерала».

После разгрома легального аппарата и его подчинения руководству ТПК, ряд антикоммунистически настроенных активистов партии Чхоньудань предприняли попытку создать нелегальную организацию, которая бы объединила в своих рядах тех сторонников секты, которые не признавали северокорейского режима и стремились оказывать ему активное сопротивление. Эта организация получила название «Ренъухве» («Общество друзей добрых духов»). Ячейки общества занимались не только пропагандой, но и проводили боевые (скорее, террористические) операции. Особенно активной стала вооруженная борьба после начала Корейской войны, летом и осенью 1950 г. Например, только в уезде Чунъхва пров. Ю. Пхеньян, в котором местная организация «Ренъухве» пользовалась большим влиянием и отличалась особой воинственностью, боевиками было проведено 4 похищения оружия и военной формы, 5 нападений на полицейских или солдат и офицеров КНА (главным образом отставших от своих частей или прибывших домой на побывку), а также налет на уездный призывной пункт. В октябре 1950 г., во время наступления на этот район американских войск, боевики «Ренъухве» совершили налеты на воинские склады и

¹⁶¹ Пукхан минчжу тхонъиль ундонъ са. Пхенъандо пхен...С. 452.

¹⁶² Указ. соч., с. 455.

правительственные учреждения и оказали поддержку наступающим.¹⁶³

В то же время, несмотря на все усилия и некоторые успехи, сторонники и руководители «Ренъухве» не смогли развернуть в Северной Корее массового партизанского движения, которое было бы по своему размаху даже отдаленно похоже на то, которое коммунистам удалось организовать на Юге. Ночные убийства подвыпивших офицеров, которые были едва ли не самым распространенным типом боевых акций северокорейских оппозиционеров, разумеется, не идут ни в какое сравнение с масштабными операциями южнокорейских партизан-коммунистов, порою захватывавших целые уезды и ведших форменные сражения с правительственными частями.

Официальные же структуры партии Чхонъуданъ тем временем изо всех сил старались продемонстрировать новому режиму свою полезность. При этом Ким Даль Хен проявил немалое чутье и понял, что его партия нужна Пхеньяну в первую очередь для пропагандистской работы на Юге. 26 января 1949 г. во время встречи с известным советским дипломатом — полковником Игнатьевым Ким Даль Хен хвастался: «В ЦК Партии Чхонъуданъ Южной Кореи работают наши люди, деятельность которых направляет ЦК Чхонъуданъ Северной Кореи и лично я. От них я каждую декаду лично получаю донесение (достал и показал донесение). Вот такое донесение. В этом донесении пишется, что в ближайшем будущем районы Тайгу (Тэгу — А. Л.) и Бусан (Пусан — А. Л.) станут освобожденными районами. Далее просят средств... Средства для работы на юге мы направляем следующим образом: покупаем в Северной Корее золото и золотые вещи и реализуем их на юге Кореи. На это нам дал согласие Ким Ир Сен».¹⁶⁴ За этим рассказом хорошо, даже слишком хорошо чувствуется отчаянное стремление любой ценой доказать собственную нужность и значимость.

Любопытно, что через полтора месяца Ким Дон Дю — заместитель Ким Даль Хена — говорил о влиянии партии в Южной Корее куда менее категорично, хотя тоже подчеркивал, что такое влияние существует. Впрочем, десятилетие спустя и сам Ким Даль Хен признавал, что в 1949 году он отнюдь не контролировал всю деятельность сторонников религии Чхондоге на Юге. В 1956 г., вспоминая о предвоенной обстановке, он сказал, невольно опровергая собственные высказывания семи-восьмилетней давности, о которых сам, скорее всего, давно забыл: «Имевшиеся до 1950 г. НЕБОЛЬШИЕ (выделено мною — А. Л.) связи с югом полностью были прерваны войной».¹⁶⁵

К началу войны обе некоммунистические партии уже находились под жестким контролем. Во главе одной из них стоял тайный член Трудовой партии Цой Ен Ген, многие из заметных фигур в окружении которого тоже нелегально состояли в ТПК. Степень проникновения «агентов влияния» в партию Чхонъуданъ была, видимо, несколько ниже, но и там их, конечно, хватало. Немалое количество осведомителей действовало на всех уровнях. Почта партийных организаций и их руководителей перлюстрировалась молодой корейской тайной полицией. Кстати сказать, с перлюстрацией корреспонденции связан один забавный и показательный эпизод, произошедший на рубеже 1948 и 1949 г. и отраженный в материалах советского посольства. При перлюстрации почты в провинции Северная Пхеньян не успевшие еще набраться опыта сотрудники тайной полиции нечаянно заменили содержимое вскрытых пакетов, так что руководители местного отделения Демократической партии и партии Чхонъуданъ получили документы друг друга. Тогда руководители относительно более независимой партии Чхонъуданъ предложили Демократической партии совместно направить в адрес правящей Трудовой партии протест против проверки ее сотрудниками партийных

¹⁶³ Подробный, хотя зачастую и сильно приукрашенный рассказ о деятельности «Ренъухве» см. Указ. соч., с. 480–519.

¹⁶⁴ Запись беседы Игнатьева с Ким Даль Хеном 26 января 1949 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 5, п. 11, д. 8.

¹⁶⁵ Запись беседы А. М. Петрова с Ким Дар Хеном 30 мая 1956 года...

документов на почте. Но в ответ деятели Демократической партии (возможно, тайные члены ТПК) заявили, что поскольку не установлено, кто именно проверял эти пакеты, то они не считают нужным предъявлять протест.¹⁶⁶

Тем не менее, с началом войны репутация «непролетарских» партий как не слишком надежных подтвердилась. Это было неизбежно, ибо вступление в какую-либо из этих партий, с одной стороны, показывало, что человеку отнюдь не безразлична политика, а с другой — ясно говорило, что он отнюдь не согласен с линией властей и правящей Трудовой партии. Разумеется, центральные органы обеих партий во время осеннего отступления были эвакуированы на север, в район китайской границы (штаб-квартира Демократической партии располагалась в г. Канге) и там принимали некоторое участие в пропагандистских акциях пхеньянских властей, но вот рядовые члены и, особенно, низовые активисты этих партий очень часто выступали на стороне Сеула. В результате значительная их часть во время отступления южнокорейских войск зимой 1950-51 гг. ушла на юг. Кроме того, когда на территории, вновь оказавшейся под контролем Севера, в 1951 г. была проведена перерегистрация членов Демократической партии, многие из них больше не встали на учет. В результате численность партии существенно сократилась и к концу войны не превышала 10 тысяч человек. Абсолютно аналогичная картина наблюдалась и в партии Чхонъудань.¹⁶⁷

Воздушная тревога в Пхеньяне. 1951 г.

После окончания войны ситуация, в которой действовали обе некоммунистические партии, существенно изменилась. Пхеньянский режим вышел из войны экономически ослабленным, но политически — неизмеримо усилившимся. Отныне власть опиралась на сильную армию и полицию, куда менее зависела от прямой иностранной политической поддержки, и, наконец, действовала в новой социально-психологической атмосфере, когда большинство населения либо искренне поддерживало существующий строй, либо уже набралось достаточно опыта для того, чтобы вести себя тихо. Укреплению режима способствовало и то, что во время войны практически вся территория страны побывала сначала под северокорейской, а потом под южнокорейской оккупацией, так что сторонники обоих режимов могли попросту уйти в ту часть страны, порядки которой были им больше по сердцу. Оппозиция фактически сама себя отправила в изгнание.

После войны пхеньянский режим более не нуждался в декоративных «непролетарских» партиях. Косвенный контроль над потенциальной оппозицией был заменен прямым. Задача объединения страны, в выполнении которой обе партии должны были играть особую роль, была на неопределенное время снята с повестки дня. Наконец, в отличие от стран Восточной Европы, Северная Корея не привлекала к себе особого внимания международного

¹⁶⁶ Указ. запись

¹⁶⁷ Указ. запись, см. также: Запись беседы В. К. Лисинова с Ким Сен Юром 8 мая 1956 года...

сообщества, и в силу этого, равно как и в силу отсутствия демократических традиций, перед ней не стояла та задача сохранения демократического фасада, которая вынуждала многие социалистические страны Восточной Европы достаточно бережно относиться к символической многопартийности. Наконец, руководство КНДР, воспитанное в духе догматического советского марксизма 1940-50-х гг., воспринимало наличие у себя в стране нескольких партий как показатель определенной «незрелости» социальной структуры. Они считали, что в «настоящей» социалистической стране может быть только одна партия — пролетарская (то есть коммунистическая), так как там не осталось непролетарских классов. Поэтому первые послевоенные годы стали временем наступления на «непролетарские» партии и окончательного их превращения в эфемерные структуры, в вывески. Надо отметить, что этот подход встретил определенные, хотя и очень робкие, протесты со стороны советских дипломатов, которые иногда советовали своим северокорейским собеседникам проводить более осторожную в отношении «непролетарских» партий и не стремиться к их скорейшей ликвидации.

Сельский рынок. Середина 1950-х годов.

Около 1954 г. была прекращена выплата государственных дотаций партии Чхонъуданъ, в то время как Демократическая партия тогда еще продолжала получать государственную материальную поддержку.¹⁶⁸ Этот избирательный подход был, как представляется, вызван, во-первых, тем, что Демократическая партия воспринималась как партия торговцев, кустарей и христиан (преимущественно — католиков), которых тогда было еще довольно много и которые пользовались некоторым влиянием, в то время как партия Чхонъуданъ состояла в основном из крестьян сравнительно отсталых районов. Вторая причина, как кажется автору, была связана с тем, что обе партии с точки зрения северокорейского руководства были важны в основном как каналы, по которым можно было поддерживать связи с Югом, а 1950-е гг. в Южной Корее стали эпохой быстрой христианизации и заметного сокращения влияния религии Чхондоге. Поэтому Демократическая партия, формально прохристианская, была важнее для Пхеньяна, нежели партия Чхонъуданъ.

¹⁶⁸ Там же.

Разумеется, численность обеих партий быстро сокращалась. Этому способствовала политика, которую по распоряжению ЦК ТПК проводило их руководство. Считалось, что Демократическая партия — эта партия «мелкобуржуазных элементов» предпринимателей, торговцев, кустарей и работников культа, главным образом, католиков. Представители трудящегося населения, рабочие и крестьяне, в соответствии с официальными представлениями, никак не могли быть членами этой партии. Поэтому, как в мае 1956 г. рассказывал советскому дипломату председатель Пхеньянского городского комитета Демократической Партии Северной Кореи Ким Сен Юр: «Как только член Демократической партии поступает на завод или вступает в сельскохозяйственный кооператив, то с ним проводится работа, чтобы он вышел из партии». ¹⁶⁹ Отметим, что «работу» эту проводили сами же деятели Демократической партии, которые, таким образом, боролись за ослабление своего влияния, создавая ситуацию, в своем роде уникальную в мировой политической истории. Разумеется, в послевоенный период прием в партию более не проводился. На вопрос советского дипломата о том, наблюдается ли рост численности организации Демократической партии в Пхеньяне, Ким Сен Юр ответил, что они принимают в партию только наиболее влиятельных людей, из числа торговцев, промышленников и работников культа, чтобы «через них проводить свое влияние на неорганизованные мелкобуржуазные и религиозные массы». ¹⁷⁰ Проще говоря, партия продолжала служить своего рода приманкой для потенциальных недовольных, которые, вступив в ее ряды, оказывались под контролем властей.

Важным показателем того, что значение Демократической партии в глазах властей существенно снизилось, стал уход Цой Ен Гена из ее руководства. В конце 1955 г. этот проверенный соратник Ким Ир Сена один из тех немногих, кому доверял будущий Великий Вождь, покинул свой пост руководителя Демократической партии и открыто вошел в состав руководства ТПК. Пикантность ситуации заключалась в том, что бывший руководитель «буржуазной партии» сразу стал одним из высших коммунистических руководителей. Это обстоятельство не укрылось от внимания современников и некоторые из лидеров ТПК, являвшиеся противниками Цой Ен Гена, попытались протестовать против его внезапного перехода в ТПК, но без особого успеха — соответствующее решение было принято самим Ким Ир Сеном. Переход Цой Ен Гена в высшие органы ТПК показывал, что с точки зрения северокорейского руководства роль Демократической партии к тому времени была уже столь мала, что держать там политического деятеля серьезного калибра более не следовало.

О том, что представляла из себя Демократическая партия в середине 1950-х гг., достаточно ясно свидетельствует такой красноречивый факт. В ноябре 1957 г. сотрудник советского посольства встретился с Нам Он Еном (Нам Семен Тимофеевич), который в то время был заместителем начальника управления информации при Кабинете министров, то есть заместителем руководителя одной из северокорейских разведывательных служб. Он сообщил о реорганизации северокорейской разведки и рассказал, что планируется создать Главное разведывательное управление при Кабинете министров, в состав которого должны были войти действовавшие до этого разрозненно северокорейские разведывательные службы. Из беседы выяснилось, что в тот момент главой одной из северокорейских разведывательных служб — Управления информации был Тен Сон Он, который официально считался заместителем председателя ЦК Демократической партии Северной Кореи. Он же должен был стать и вторым лицом в новом разведывательном органе. На недоуменный вопрос советского дипломата Нам Он Ен ответил: «[Тен Сон Он] был раньше заместителем Цой Ен Гена в Демократической партии, но сейчас он там фактически не работает, да и не имеет ничего общего с Демократической партией, т. к. он старый коммунист и так же, как и Цой Ен Ген

¹⁶⁹ Запись беседы В. К. Лисикова с Ким Сен Юром 8 мая 1956 года...

¹⁷⁰ Там же.

был в Демократической партии по заданию ЦК Трудовой партии Кореи». ¹⁷¹ Весьма характерно и это объяснение, и то, что один из лидеров псевдопартии на деле был высокопоставленным сотрудником спецслужб.

Примерно также обстояли дела и в партии Чхонъуданъ. В мае 1956 г. Ким Дал Хен встретился с советником посольства А. М. Петровым и рассказал о сложившейся в партии ситуации. Ким Даль Хен признал, что во время войны многие из членов партии ушли на Юг, и что численность партии сильно уменьшилась. Из его рассказа следовало, что в партии около 3 тысяч членов, а число сторонников Чхондоге составляет примерно 50 тысяч человек. ¹⁷² Однако, похоже, Ким Даль Хен преувеличивал и на этот раз, так как в августе 1956 г. заведующий орг. отделом партии Чхонъуданъ Пак Син Док назвал куда более скромные цифры: по его данным летом 1956 г. в партии Чхонъуданъ было 1742 члена (на 50 человек меньше, чем в предшествующем году), а число сторонников Чхондоге Пак Син Док оценивал в 6-10 тысяч человек. ¹⁷³

Главной проблемой партии Чхонъуданъ были финансовые трудности, так как после войны она перестала получать правительственные дотации. Роль вывесочной партии требовала сохранения непропорционально большого управленческого аппарата, в котором летом 1956 г. насчитывалось 200 человек (около 30 человек в ЦК и по 6–7 в каждой из провинций). Таким образом, получалось, что каждый восьмой член партии был освобожденным функционером — доля для нормальной партии немыслимо высокая. Однако после 1954 г. содержать этот аппарат стало весьма трудно. Основные доходы партии давала принадлежащая ей типография и железодельная мастерская.

В то же время партия Чхонъуданъ была все же несколько более независимой, чем Демократическая. Разумеется, обе партии представляли из себя достаточно фиктивные организации, но во главе партии Чхонъуданъ, в отличие от Демократической, все-таки не стояли агенты тайной полиции. Поэтому в 1956 г. Ким Дал Хен еще говорил о возможности и даже желательности проведения съезда партии, в то время как функционеры Демократической партии подчеркивали, что созыв съезда их партии не планируется. Ким Дал Хен в мае 1956 г. сказал, что проведение съезда Чхонъуданъ намечено на октябрь 1956 г. ¹⁷⁴ Однако история распорядилась иначе. В августе на пленуме ЦК ТПК произошло неудачное выступление против Ким Ир Сена, за которым последовал острый политический кризис, осложненный вмешательством СССР и Китая. По-видимому, именно эти события и не дали руководству партии Чхонъуданъ осуществить свои намерения и созвать съезд.

Провал августовского выступления привел к существенному ужесточению внутривластного режима в КНДР. Прежние нормы политической и общественной жизни, скопированные со сталинских образцов, стали казаться излишне либеральными. В новых условиях даже полностью контролируемые псевдопартии более не устраивали северокорейское руководство, которое в 1958 г. задумало нанести по ним окончательный удар и покончить с партиями как таковыми, оставив от них только одни вывески. В условиях укрепления кимирсеновского тоталитаризма «непролетарские партии» вообще оказались не у дел во внутренней политике. В косвенном контроле над потенциальными недовольными более не было надобности, ибо на смену ему пришел контроль прямой: жесткий полицейский режим подавлял любые проявления недовольства силой, уничтожая или

¹⁷¹ Запись беседы Огнева Ю. И. (атташе посольства) с зам. начальника управления информации при Кабинете Министров КНДР Нам Он Еном 6 июня 1957 года. АВП, ф. 0102, оп. 13, д. 6, п. 72.

¹⁷² Запись беседы А. М. Петрова с Ким Дар Хеном 30 мая 1956 года...

¹⁷³ Запись беседы Курбацкого Н. П. (атташе) с Пак Син Доком (зав. орг. отделом партии Ченудан) 21 августа 1956 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 12, п. 68, д. 6.

¹⁷⁴ Запись беседы А. М. Петрова с Ким Дар Хеном 30 мая 1956 года...

отправляя в лагеря и «специальные районы» как реальных врагов режима, так и его потенциальных недоброжелателей. Для внешнепропагандистских целей вполне было достаточно иметь вывески и аппарат в несколько десятков человек, которые бы в большинстве своем (если не поголовно) являлись тайными членами ТПК и сотрудниками спецслужб.

К уничтожению остатков «непролетарских» партий приступили в конце 1958 г. Об этих планах Ким До Ман вполне откровенно говорил первому секретарю советского посольства Б. К. Пименову еще летом 1958 г. По словам Ким До Мана, в руководстве обеих партий существуют недовольные, и с этим надо покончить. Ким До Ман сказал: «Мы намерены наиболее реакционно настроенных из них, человек 20, арестовать, а с остальными вести воспитательную работу. Мы считаем, что многочисленные и не играющие никакой политической роли непролетарские партии и группы, входящие в ВДОФ, отмирают. Это естественный процесс, и мы не думаем, что эти партии надо искусственно поддерживать».¹⁷⁵ Подобно другим советским дипломатам, Б. К. Пименов не согласился с этим и сказал, что «непролетарские» партии чрезвычайно нужны для проведения правильной политики по отношению к Югу.

К ликвидации партий приступили осенью 1958 г. При этом использовались те методы, которые к тому времени были уже хорошо отработаны в борьбе с недовольными внутри самой ТПК. Руководство обеих партий решили обвинить в «заговоре» (напомним, что за несколько месяцев до этого Ким До Ман ни о каком заговоре не говорил, а честно признал, что все готовящиеся мероприятия предназначены для подавления потенциального очага недовольства). Когда конкретно было подготовлено дело о «заговоре» — не ясно, но советским дипломатам стало известно о нем в начале ноября 1958 г. 7 ноября заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК Ким До Ман, будучи на приеме в советском посольстве, сообщил, что в Демократической партии и партии Чхонъуданъ раскрыт «реакционный заговор». 10 ноября посольство получило и официальный документ, в котором сообщалось об этом «заговоре».

В партии Чхонъуданъ основные обвинения были выдвинуты против Ким Даль Хена. Разумеется, его объявили «прислужником японского империализма». Кроме того, было заявлено, что Ким Даль Хен вместе с Ли Сын Епом и Пак Хон Еном (бывшие руководители коммунистического подполья на Юге, которые были уничтожены Ким Ир Сеном в 1953 г. по абсурдному обвинению в шпионаже в пользу США — А. Л.) задумывал «убийства членов Трудовой партии и членов их семей», а также был связан с группировкой Чхве Чхан Ика (один их руководителей ТПК, выступивший в 1956 г. против насаждения культа личности Ким Ир Сена и поплатившийся за это жизнью — А. Л.). Не спасло Ким Даль Хена и то обстоятельство, что в 1948 г. он отказался поддержать план массовых антиправительственных демонстраций и сообщил о нем властям, фактически предав многих своих товарищей. В 1958 г. ему было предъявлено обвинение в том, что именно он был организатором неудавшегося выступления. Как официально заявлялось, Ким Даль Хен и его соратники «маскируясь под демократических деятелей, в действительности же замыслили свергнуть наш народно-демократический строй и установить власть реакционных помещиков и капиталистов, совершали антисоветские, антикоммунистические действия». Короче говоря, обвинения были составлены потому же образцу, по которому готовились политические обвинения в СССР в 1930-е гг. В Демократической партии главным обвиняемым стал Хон Ги Хван, который к 1958 г. оставался, пожалуй, единственным заметным деятелем этой партии, не являвшимся прямым агентом ТПК. Его также обвинили в шпионской деятельности и «связях с американским империализмом».

Параллельно с этим было объявлено о «раскрытии заговора» в Комитете по ускорению мирного объединения страны. В состав этой организации входили южнокорейские

¹⁷⁵ Запись беседы Ким До Мана (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК) и Б. Пименова (первый секретарь). 20 августа 1956 г. АВПРФ, ф. 0102, оп. 14, п. 75, д. 9.

политические деятели, захваченные северокорейцами в период кратковременной оккупации Сеула летом 1950 г. и согласившиеся ради спасения своей жизни сотрудничать с Пхеньяном. В 1958 г. ряд деятелей этого комитета (Чо Со Аном, Ом Хан Себ, Ким Як Су и др.) были обвинены в том, что они вместе с некоторыми руководителями Демократической партии и партии Чхонъуданъ «по указке американцев пытались создать реакционную группировку, направленную против ТПК».

После этих обвинений судьба Ким Даль Хена, Хон Ки Хвана и других была предрешена. В феврале 1959 г. они находились под следствием и с помощью следователей признавались в своих «преступлениях». ¹⁷⁶ Сколько человек всего было арестовано по этому делу — не известно. 16 февраля Указом президиума Верховного Народного Собрания депутатских полномочий были лишены 15 депутатов северокорейского «парламента», которых обвинили в том, что они участвовали в заговоре. ¹⁷⁷ Разумеется, реальное количество арестованных было много большим, ибо далеко не все они были депутатами ВНС. Жертвами репрессий стали также рядовые работники обеих партий и приравненных к ним «непролетарских» организаций (например, практически был уничтожен Союз буддистов Кореи). К сожалению, в доступных на настоящий момент материалах нет сведений о дальнейшей судьбе арестованных, но даже если кого-то из них и оставили в живых (на всякий, так сказать, случай), то с политической арены они исчезли.

11 февраля 1959 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК Ким До Ман признал в беседе с советским дипломатом, что к тому моменту Демократическая партия и партия Чхонъуданъ фактически прекратили свое существование на местах и от них остался только небольшой центральный аппарат. На выборах 16 марта 1959 г., впервые за всю историю существования КНДР, кандидаты от Демократической партии и партии Чхонъуданъ не выдвигались. Примерно с этого времени исчезают упоминания партий и из бумаг посольства.

***

Таким образом, некоммунистические (или, как их принято называть в советской литературе «непролетарские») партии к концу пятидесятых годов прекратили свое существование. Однако формальной ликвидации обеих партий, о которой, похоже, всерьез задумывались в руководстве ТПК в 1950-е гг., все же не произошло. Сами партии исчезли, но их вывески и небольшой аппарат был сохранен. Почему это произошло? Пока ответ на этот вопрос может носить довольно гадательный характер. Представляется, что партии были спасены новой активизацией политики по отношению к Югу. В 1960-е гг. северокорейцы вновь предприняли ряд масштабных, хотя и окончившихся полной неудачей, попыток поднять на Юге восстание или развернуть там партизанскую борьбу. Видимо, в связи с этими планами в Пхеньяне и решили сохранить партии (точнее, их вывески) с тем, чтобы использовать их впоследствии в пропагандистской борьбе с Сеулом. В результате на протяжении всей последующей истории КНДР, вплоть до настоящего времени, в стране формально сохранялась многопартийная система. Однако обе «непролетарские» партии — Чхонъуданъ и Демократическая (впоследствии переименованная в Социал-Демократическую) существовали только на бумаге и в виде небольших центральных офисов, предназначенных только для глаз редких иностранных или южнокорейских посетителей, а также для выполнения некоторых, также в основном фиктивных, задач в рамках Единого фронта (задачи эти сводятся в основном к подписанию разнообразных коллективных

¹⁷⁶ Запись беседы Юлина А. М. с заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК Ким До Маном 11 февраля 1959 года. АВПРФ, ф. 0102, оп. 15, п. 81, д. 8.

¹⁷⁷ Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с зав. юридическим отделом Президиума ВНС КНДР Цой Хак Реном 16 марта 1959 года. АВПРФ, ф. 0541, оп. 15, д. 8, п. 81.

заявлений и деклараций).

В целом историю северокорейских «непролетарских» партий можно разделить на четыре периода. На первом, продолжавшемся всего лишь несколько месяцев, до февраля 1946 года, они представляли из себя реальные политические группировки. На втором, который завершился к концу 1948 г., к руководству партий были приведены формальные или фактические агенты властей, из них были удалены все те, кто могли бы стать противниками существующего строя, однако и на этом этапе однако партии сохраняли массовый характер и имели разветвленный местный аппарат. На третьем этапе, завершившемся к 1957–1958 годам, партии лишились подавляющего большинства своих членов и реального низового аппарата. Наконец, на четвертом, самом долгом этапе, который продолжается вплоть до настоящего времени и который не рассматривается в данной статье, партии продолжали свое существование в виде фиктивных центральных организаций.

6. БОРЬБА ФРАКЦИЙ В СЕВЕРОКОРЕЙСКОМ РУКОВОДСТВЕ В 1950-Х ГОДАХ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ЕДИНОЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КИМ ИР СЕНА

К сожалению, история Северной Кореи после 1945 г. и, особенно, после окончания Корейской войны и поныне недостаточно хорошо изучена как нашей, так и мировой историографией. Развитие исследований до недавнего времени сдерживалось в первую очередь недостатком материалов. После 1990 г. ситуация стала заметно улучшаться, но большинство новых материалов относится к первым годам после Освобождения страны, к периоду от падения колониального режима (1945 г.) до начала Корейской войны (1950 г.), в то время как последующий период 1953–1965 гг. во многом остается «белым пятном» северокорейской истории. Между тем, пятидесятые годы — это важнейший период развития КНДР, эпоха, когда происходило формирование той политической и социально-экономической структуры, которая в целом существует в этой стране и поныне.

В настоящей статье вкратце рассматривается история политической борьбы в северокорейском руководстве в 1945–1960 гг. и формирование режима единоличной власти Ким Ир Сена. Поскольку настоящая статья во многом перекликается со статьей о кризисе 1956 года, которая тоже входит в состав настоящего сборника, в ней сделаны необходимые сокращения, и основное внимание уделяется тем событиям, которые предшествовали драматическому выступлению оппозиции на августовском (1956) Пленуме ЦК ТПК, в частности — ликвидации «внутренней группировки», а также событиям конца пятидесятых годов.

***

Путь к абсолютной власти был для Ким Ир Сена долг и труден, в борьбе за то, чтобы стать единоличным диктатором, ему пришлось проявить немало ума, выдержки и изворотливости. Борьба эта растянулась на многие десятилетия, но наиболее важным, тяжелым и, по сути, решающим ее периодом стали пятидесятые годы, когда группировке Ким Ир Сена пришлось иметь дело с наиболее могущественными и опасными соперниками, устранить которых с политической арены было не так-то просто.

Как известно, после разгрома Японии в августе 1945 г. территория Кореи в соответствии с Потсдамскими договоренностями оказалась расчлененной по 38-й параллели: северная часть страны вошла в советскую зону оккупации, в то время как на юге высадились американские войска. Естественно, что в условиях начинавшейся «холодной войны» обе великие державы сделали все для того, чтобы в находящихся под их управлением районах

пришли к власти выгодные им политические силы. При активной поддержке и под постоянным контролем советской оккупационной администрации в Северной Корее началось строительство «нового общества», которое, разумеется, было ничем иным как несколько модифицированной применительно к корейским условиям копией Советского Союза начала пятидесятых годов. В этом отношении советская политика в Северной Корее принципиально мало отличалась от той, которая проводилась в находившихся под советским контролем странах Восточной Европы.

Однако на советскую тактику оказывало немалое влияние то обстоятельство, что в Северной Корее, в отличие от большинства восточноевропейских государств, поначалу было практически невозможно опираться на местных коммунистов. Корейское коммунистическое движение было в целом очень слабо, а в Северной Корее коммунистов вообще практически не было.

Первые коммунистические группы появились в Корее (и среди корейцев в Китае и России) вскоре после 1917 г., однако отношения между этими группами были весьма напряженными. Вся ранняя история корейского коммунистического движения была заполнена столкновениями различных фракций, которые ожесточенно боролись за признание своего формального лидерства со стороны Коминтерна. В 1925 г. при посредничестве Коминтерна была создана нелегальная Компартия Кореи, но просуществовала она недолго. Большинство ее руководителей было арестовано японской полицией буквально через несколько месяцев, а сама Компартия была в 1928 г. распущена специальным решением Исполкома Коминтерна. Причиной этого, весьма необычного, решения стали фракционные дразги, которые не прекращались и после формального объединения соперничающих коммунистических групп.¹⁷⁸

В силу этого перед советскими военными властями с первых же недель оккупации со всей остротой встал «кадровый вопрос» в Северной Корее почти не было местных коммунистов, которых можно было бы назначать на ответственные посты. В этой обстановке советское военно-политическое руководство оказалось вынужденным делать ставку не столько на немногочисленных местных коммунистов, которые, вдобавок, зачастую казались ему недостаточно надежными, сколько на возвращающихся в Северную Корею из-за границы эмигрантов (предпочтение при этом, понятно, отдавалось тем, кто прибывал в Корею из СССР). В силу этого формировавшаяся под прямым руководством советских властей политическая элита КНДР изначально оказалась весьма разнородной, в нее вошли представители нескольких группировок, весьма отличающиеся по своему жизненному и политическому опыту, и действовавших до 1945 г. в совершенно разной обстановке. В сочетании с традиционно характерной для корейской политической жизни фракционностью, это обстоятельство делало в перспективе неизбежной острую борьбу в северокорейской верхушке.

В руководстве КНДР середины сороковых годов четко выделялись 4 фракции: «местная», «яньаньская», «советская» и «партизанская». До 1945 г. эти группировки действовали изолированно и не поддерживали друг с другом почти никаких контактов, так что большинство их руководителей впервые узнало о существовании друг друга лишь в 1945–46 гг.

Политическая история Северной Кореи в 1945–1960 гг. — это, в первую очередь, история борьбы группировок, история того, как Ким Ир Сен и его сторонники (изначально — сравнительно малочисленные) сумели потеснить и уничтожить остальные группировки и установить в стране режим неограниченной личной власти Великого Вождя. Во многих отношениях для Ким Ир Сена 1945–1960 гг. были тем же, чем для Сталина — период 1924–

¹⁷⁸ Литература, посвященная ранней истории коммунистического движения в Корее, не очень обширна. Помимо южнокорейских публикаций, можно назвать работы Р. Скалапино и Ли Чон-сика, а также Со Дэ-сука: Dae-sook Suh. *The Korean Communist Movement, 1918–1948*. Princeton, Princeton University Press, 1967; Robert Scalapino & Chong-sik Lee. *Communism in Korea*. Berkley, The University of California Press, 1972.

1936 г. И Сталин в 1924, и Ким Ир Сен в 1945 были лишь «первыми среди равных», они действовали в окружении куда более авторитетных политических деятелей, и были вынуждены постоянно учитывать наличие оппозиции как внутри, так и за пределами партии. К 1936 г. Сталин, и к 1960 г. Ким Ир Сен стали неограниченными диктаторами, каждое слово которых было законом для всех их подданных.

Что же представляли из себя 4 группировки? В «местную» группировку входили те корейские коммунисты, которые в годы японского колониального режима вели нелегальную работу в самой Корее. В августе 1945 г., сразу после Освобождения Кореи, в Сеуле было объявлено о восстановлении Компартии Кореи и избраны ее временные руководящие органы. Во главе воссозданной Компартии оказался ветеран корейского коммунистического движения Пак Хон Ен — один из основателей Компартии Кореи 1925 г. В начале 1930-х гг. Пак Хон Ен недолго жил в СССР, однако вскоре он вернулся в Корею, где неоднократно арестовывался японскими властями, но, выйдя из тюрьмы, вновь возвращался к революционной деятельности. К 1945 г. он был бесспорным лидером всего коммунистического движения в Корее.¹⁷⁹ В то же время надо помнить, что первоначально и сам Пак Хон Ен, и почти все лидеры «внутренней» группировки действовали в Сеуле.

Влияние и авторитет воссозданной компартии стали быстро расти. На первых порах «сеульская» партия была (или, скорее, считалась) общенациональной, то есть ей подчинялись как коммунисты Юга, так и (формально) коммунисты Севера, однако уже в начале 1946 г. Ким Ир Сен при молчаливой поддержке советских властей вывел партийные организации Севера из подчинения Сеулу. К концу 1945 г. Компартия была одной из самых влиятельных политических сил на Юге, и ее влияние не смог подорвать даже ограничения, налагаемые на ее деятельность американской военной администрацией (которая активно поддерживала амбиции правых националистов во главе с Ли Сын Маном, будущим президентом Южной Кореи).

«Яньаньскую» группировку составили те деятели корейского коммунистического движения, которые в 20-30-е гг. покинули страну и уехали в Китай, который тогда, наряду с СССР, был одним из важнейших центров корейской коммунистической эмиграции. Первоначально они в основном находились в Шанхае, но впоследствии, по мере расширения японской агрессии в Китае, многие эмигранты оказались в маленьком городке Яньань, где в те годы располагалась штаб-квартира китайской компартии. Там, в Яньани, в 1942 г. была создана «Лига независимости» (полное название: «Северокитайская Лига независимости Кореи») — наиболее крупная из всех существовавших за рубежом корейских коммунистических организаций. Лидером и «Лиги независимости», и всей яньаньской фракции стал известный ученый-лингвист Ким Ду Бон. Ким Ду Бон, однако, во многом сторонился практической политики. Первый глава северокорейского государства так и остался в корейской истории скорее как выдающийся лингвист, а не как политик. Поэтому практическими делами яньаньской фракции руководил Чхве Чхан-ик, ветеран коммунистического движения.¹⁸⁰ Кроме интеллигентов-эмигрантов, в яньаньскую группировку входили многие корейцы, воевавшие в частях китайской Компартии, в рядах 8-й и Новой 4-й Армий. Наиболее известным из этих корейских военных был генерал Ким Му Чжон (более известный под своим псевдонимом Му Чжон), которому суждено было сыграть немалую роль на первых этапах Корейской войны.

«Советская» группировка состояла из многочисленных советских корейцев, которых советское командование с осени 1945 г. стало направлять на работу в КНДР. На первых порах все они служили в органах советской оккупационной администрации, но уже с 1946 г. начался массовый переход советских корейцев на работу в учреждения формирующегося

¹⁷⁹ Подробное исследование политической и публицистической деятельности Пак Хон Ена см.: Пак Чонъ-со: нь. Пак Еон Ен рон. Сеул, Инган саранъ, 1992.

¹⁸⁰ Сим Чи-ен. Итхечжин хекменьга-ый чосанъ: Ким Ду-бонъ энгу. Сеул, Инган саранъ, 1993. С. 74–86.

северокорейского режима. Надо сказать, что между «яньаньской» и «советской» группами существовало немаловажное отличие: если большую часть «яньаньцев» составляли люди, родившиеся и долго жившие в самой Корее, то среди приехавших в Пхеньян советских корейцев почти не было тех, кто в свое время эмигрировал в СССР из Кореи по политическим причинам, спасаясь от преследований японской полиции. У этого обстоятельства есть простое и печальное объяснение: в ходе репрессий 1937 г. почти все жившие в СССР корейские политические эмигранты были обвинены в шпионаже в пользу Японии и уничтожены. Поэтому «советская» группировка состояла из людей, которые не только выросли в СССР, но до этого времени в Корее никогда не бывали и никаких связей с ней не поддерживали (у тех, кто такие связи поддерживал, было куда меньше шансов пережить 1937 г.). Исключением были советские корейцы, отправленные в Корею по линии Коминтерна или разведывательных служб, но их количество было очень невелико. В большинстве своем советские корейцы до прибытия в КНДР были школьными учителями, однако некоторую часть этой группировки составляли те немногие корейцы — партийные работники среднего и низшего звена, которым удалось уцелеть в годы сталинских репрессий и насильственного переселения с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Количество направленных в КНДР советских корейцев было весьма значительным — несколько сот человек, в своем большинстве занявших в Северной Корее заметные посты.¹⁸¹

«Партизанская» группировка состояла из бывших участников партизанского движения в Маньчжурии во главе с Ким Ир Сеном. Как известно, после захвата Маньчжурии Японией в 1931 г. на оккупированной территории началось партизанское движение, в котором принимали участие как китайцы, так и жившие на этой территории корейцы. В течение нескольких лет партизаны наносили оккупантам немалый урон, но к концу 1930-х гг. положение партизан заметно ухудшилось: японцам удалось нанести партизанским отрядам ряд тяжелейших поражений и фактически сломить вооруженное сопротивление. Немногие уцелевшие партизаны с боями отступили на советскую территорию, где из них летом 1942 г. была сформирована 88-я отдельная бригада. Командиром 1-го (корейского) батальона этой бригады (остальные батальоны состояли преимущественно из китайцев) был назначен Ким Ир Сен, один из известных партизанских командиров, перешедший советско-китайскую границу в конце 1940 г.

Располагавшаяся в лагере под Хабаровском 88-я бригада никакого участия в боевых действиях в Маньчжурии и Корее не принимала, но после победы над Японией ее солдаты и офицеры были направлены в Маньчжурию и Корею, чтобы в качестве советских военнослужащих обеспечивать связи между местным населением и советскими войсками. Так, Ким Ир Сен прибыл в Пхеньян как помощник советского коменданта города. Однако молодой капитан Советской Армии, в прошлом — маньчжурский партизан, быстро привлек внимание советских генералов, которые как раз тогда начали искать наиболее подходящего кандидата на пост руководителя формирующегося под советским контролем северокорейского государства. Робкие попытки наладить сотрудничество с националистами провалились, и с конца 1945 г. советские военные власти явно сделали ставку на Ким Ир Сена. Уже в декабре 1945 г. Ким Ир Сен был назначен секретарем северокорейского бюро Компартии Кореи, которое на первых порах подчинялось находившемуся в Сеуле ЦК с Пак Хон Еном во главе.¹⁸²

¹⁸¹ К сожалению, сейчас не представляется возможным сказать, сколько же всего советских корейцев было направлено на работу в КНДР. Хо Ун-бэ, писавший под псевдонимом Лим Ын, сообщает, что на 1 января 1949 г. в Пхеньяне находилось 428 советских корейцев (Lim Un. *The Founding of a Dynasty in North Korea*. Tokyo, Jiyusa, 1982. P. 146). Разумеется, цифра эта будет уточняться по мере появления новых документов, однако она, скорее всего, не очень далека от истины.

Цифра эта может показаться не очень большой, но следует учесть, что в своем большинстве эти люди относились к высшему эшелону северокорейского руководства и их влияние на северокорейскую политику было весьма существенным.

¹⁸² Suh Dae-sook. Kim Il Sung. *The North Korean Leader*. New York, 1988. P. 71.

На начальном этапе коммунистические организации Севера формально подчинялось сеульскому ЦК. Подобное положение не могло не вызывать беспокойства у советских военных властей: ведь получалось, что руководство коммунистическим движением осуществлялось с территории, находящейся под американским контролем. Кроме того, и отношение к Пак Хон Ену в советских военно-политических кругах было достаточно настороженным: бывший коминтерновец, весьма слабо связанный в прошлом с СССР, казался слишком независимым и ненадежным для того, чтобы доверять ему руководство всем коммунистическим движением в Корее. Поэтому северокорейское бюро начало постепенно дистанцировать себя от сеульского центра. Можно быть почти уверенным в том, что эта стратегия была выработана советскими военными, которые тогда были абсолютными хозяевами положения в Северной Корее, однако она была на руку и Ким Ир Сёну (а также и всей партизанской группировке).¹⁸³

В течение весны 1946 г. с формальной зависимостью северокорейского бюро Компартии Кореи от сеульского ЦК было покончено. К апрелю-маю в Пхеньяне уже действовала отдельная Компартия Северной Кореи, в руководство которой вошли в основном представители «партизанской» и «советской» группировок. Вошли в нее также и те, крайне немногочисленные, корейские коммунисты, которые или действовали на территории Северной Кореи до 1945 г., или прибыли туда в первые месяцы после Освобождения, и которые в силу этого были тесно связаны с «внутренней» группировкой. Сеульское ЦК продолжало руководить коммунистическими организациями в южной части страны, которые были превращены в отдельную Коммунистическую партию Южной Кореи.

Зима 1945/1946 гг. стала временем массового возвращения корейских эмигрантов из Китая. Надо сказать, что советские военные власти явно относились к «янянцам» с определенным подозрением, что, скорее всего, было отражением уже существовавшей скрытой напряженности в отношениях между Москвой и китайскими коммунистами. В частности, советские власти сорвали предпринятую в октябре 1945 г. попытку ввести на территорию Кореи сформированные в Китае корейские коммунистические части.¹⁸⁴

Большинство «янянцев» вернулось в Корею в конце 1945 г., но, за некоторыми исключениями, они в Компартию Кореи не вступили. Вместо этого в феврале 1946 г. на базе «Лиги независимости» ими была создана Новая народная партия, программа которой была в целом марксистской, но, по сравнению с программой коммунистов, отличалась заметно меньшим радикализмом требований. В Северной Корее, таким образом, возникла аномальная ситуация: в ней фактически существовало две марксистские партии, что нарушало принцип «одна страна — одна партия» всегда существовавший в коммунистическом движении. Понятно, что советское руководство (и лично Сталин) летом 1946 г. приказали организовать слияние обеих партий.¹⁸⁵ В августе 1946 г. Новая народная партия объединилась с

¹⁸³ Иногда можно встретить утверждения, что кандидатура Ким Ир Сёна поддерживалась советскими военными, в то время как находившиеся в Сеуле дипломаты (в первую очередь — Шабшин) выступали против нее и склонялись к тому, что следует поддерживать Пак Хон Ена. Не исключено, что эти утверждения справедливы, но следует помнить и том, что Ф. И. Шабшина — вдова Шабшина и человек весьма информированный (один из ведущих советских специалистов по Корее), в разговоре со мной категорически опровергала эти утверждения (Интервью с Ф. И. Шабшиной, 23 января 1992 года, Москва).

¹⁸⁴ Подробное изложение событий, основанное на интервью с их участниками, см.: Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук. Сеул: Чунан ильбо са, 1992. С. 148–155.

¹⁸⁵ В настоящее время есть все основания утверждать, что решение о слиянии партий было принято (или, точнее, доведено до корейских лидеров) летом 1946 г., во время тайного визита Ким Ир Сёна и Пак Хо Ена в Москву: Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук. Сеул: Чунан ильбо са, 1992. С. 235–241.

Появившаяся в последнее время информация показывает, что само создание Новой народной партии в феврале 1946 г. могло быть специально задумано советскими властями и северокорейскими левыми как способ подорвать популярность независимой и потенциально оппозиционной право-националистической Демократической партии. Именно этим может объясняться умеренность программы Новой народной партии.

Компартией, образовав Трудовую партию Северной Кореи. Формальным ее руководителем стал Ким Ду Бон, но реальная власть сосредоточилась в руках Ким Ир Сена.¹⁸⁶ Создание отдельной и независимой от Сеула Компартии Северной Кореи, а потом и ее преемницы — Трудовой партии Северной Кореи стало важным шагом на пути к установлению режима единоличной власти Ким Ир Сена. Возникновение самостоятельной партии означало, что коммунистические организации Севера выводились из под контроля более авторитетного сеульского центра. Ким Ир Сен становился хозяином положения на той территории, которая неизбежно превращалась в главную базу коммунистического движения в стране.

Анализ состава ЦК, избранного на Первом съезде ТПСР, позволяет сделать весьма любопытные наблюдения о расстановке сил внутри партии в этот период. В состав первого ЦК входило 43 человека, а в состав его Постоянного комитета (орган, аналогичный позднему Политбюро) — 13 человек.

Табл. 1. Фракционный состав ЦК ТПСР первого созыва (1946 г.)

	Советская фракция	Яньаньская фракция	Внутренняя фракция	Партизанск. фракция	Неизв.
Пост. ком. ЦК	3	6	2	2	0
ЦК в целом	8	15	10	4	6

Таблица составлена по данным Вада Харуки, но с изменениями: Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва манчжу ханиль чончжэн. Сеул: Чханчжак-ква пипхенса, 1992. С. 310–312.¹⁸⁷

Из списка хорошо видно, что в это время роль бывших партизан была еще не очень велика. В своем большинстве они не имели ни опыта, ни образования, необходимого для деятельности на заметных государственных постах, и поэтому неизбежно оказались поначалу оттерты на второй план. Обращает на себя внимание и то, что сравнительно слабо были представлены в высшем эшелоне ЦК старые подпольщики, наиболее заметные из которых в этот момент действовали в Сеуле и в созданную в Пхеньяне Трудовую Партию Северной Кореи не вошли. В то же время советская и, особенно, яньаньская группировки, как можно видеть из таблицы, были представлены в руководящем органе новой партии очень обильно. Любопытно отметить, что 22 члена первого состава ЦК (ровно половина) впоследствии были репрессированы.¹⁸⁸ Впрочем, реальное количество репрессированных

См.: Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук (ха). Сеул: Чунъан ильбо са, 1993. С. 78–83.

¹⁸⁶ Литература об объединении партий сейчас весьма обширна. Можно назвать: Сим Чи-ен. Итхечжин хекменъга-ый чосанъ: Ким Ду-бонъ энгу. Сеул, Инган саранъ, 1993. Сс. 118–124.

Ряд новых материалов, касающихся закулисных маневров в руководстве обеих партий и действий советской стороны, опубликован в: Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук (ха). Сеул: Чунан ильбо са, 1993. С. 223–228.

¹⁸⁷ Внесенные нами в таблицу изменения связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, Пак Чжон Э отнесена не к «внутренней», а к «советской» группировке. Во-вторых, мы не согласны с решением Вада Харуки отнести всех тех членов ЦК, которые до 1945 г. находились на территории Северной Кореи, к «внутренней» группировке. Большинство этих людей (а их в составе ЦК насчитывалось 15), до 1945 г. не имели никаких контактов с нелегальным коммунистическим движением, и их путь к власти начался уже после Освобождения. Некоторые из них были первыми северокорейскими технократами, другие представляли из себя партийных работников более традиционного типа. Однако, они вступили в партию они уже после Освобождения, и единственной партией, которую они знали, была для них именно партия Ким Ир Сена, которому они, подобно партизанам, были обязаны своей карьерой. И по жизненному опыту, и по мировоззрению они не имели с «внутренней» группировкой ничего общего.

¹⁸⁸ Подсчет по: Пукхан инмен сачжон (Биографический словарь Северной Кореи). Сеул, 1990.

больше, так как во многих случаях люди, о которых переставала упоминать северокаорейская печать, также становились жертвами репрессий, о которых просто не объявлялось открыто.

Несколько позднее в результате слияния ряда левых партий Юга в Сеуле была создана Трудовая партия Южной Кореи, руководителем которой стал Пак Хон Ен. Действовала эта партия нелегально. После того как 7 сентября 1946 г. американские военные власти отдали приказ об аресте ее лидеров во главе с Пак Хон Еном, большая часть партийного руководства в 1946–1947 г. перешла на Север и находилась в Пхеньяне¹⁸⁹.

Собранные в последние годы материалы позволили уточнить время перехода, который, скорее всего, произошел 6 октября. См.:

«Чунъан ильбо», 5 мая 1995

Чон Хен Су. 'Штыков ильги'-га мальханын пукхан чонъгвон-ый сонълип квачжонъ. «Екса пипхен», # 30, 1995. С. 154.]. По мере обострения отношений между Севером и Югом и приближения Корейской войны, тактика южнокорейских коммунистов становилась все более жесткой: политические забастовки, восстания, партизанские операции стали обычными методами их деятельности.

В 1946–1949 гг. на территории Северной Кореи действовали фактически две сети партийных организаций: северокаорейская и южнокорейская. Последняя, впрочем, была не очень многочисленной, и играла роль тыловой базы южнокорейского подполья. На территории Севера находилась, в частности, школа, которая готовила кадры для партизанских и диверсионных операций, многочисленные склады, мастерские, типографии и радиостанции — словом, вся сложная инфраструктура, без которой невозможно ведение интенсивной партизанской войны. Однако тот факт, что южнокорейские партийные организации действовали на территории, где хозяином положения был Ким Ир Сен и «его» партия, и что они во многом зависели от военно-технической, материальной и финансовой помощи, предоставляемой правительством Ким Ир Сена (или — советским властями через правительство Ким Ир Сена), означало немалую реальную зависимость южан от северного руководства.

Окончательное подтверждение новый, зависимый, статус южнокорейских коммунистов получил в июне 1949 г., когда произошло слияние Трудовых партий Севера и Юга в единую Трудовую партию Кореи (ТПК). Председателем новой партии стал Ким Ир Сен, в то время как Пак Хон Ен, который еще 4 годами ранее был бесспорным лидером всех корейских коммунистов, должен был удовлетвориться достаточно скромным постом заместителя председателя партии. Другим заместителем Ким Ир Сена стал Хо Га И, неформальный лидер советских корейцев, великолепный организатор и знаток партийной бюрократии.

189 На протяжении долгого времени было известно, что сам Пак Хон Ен окончательно перешел на Север вскоре после неудачи октябрьского восстания 1946 г. Ян Хан Мо. Намнодан-ый моллак-гва Пак Хон Ен-ый чхвеху (Гибель Трудовой партии Южной Кореи и конец Пак Хон Ена). — «Пукхан», 1985, #8

Семья новая и старая: Пак Хон Ен вместе с дочерью от первого брака Вивой (гражданкой СССР, на снимке слева) и второй женой Леной. Фотография из семейного архива Вивы Пак

До конца сороковых годов все непростые политические маневры производились, скорее, по инициативе советских властей, а не Ким Ир Сена и его окружения. Едва ли можно сомневаться в том, что все три важнейшие события этого периода истории ТПК — обособление Компартии Северной Кореи, слияние левых партий в Трудовую Партию на Севере и слияние левых партий на Юге — были результатами прямых распоряжений советских властей.¹⁹⁰ По-видимому, советские власти выступили инициаторами и слияния Трудовых партий Севера и Юга в 1949 г.¹⁹¹ Поскольку в тот момент Ким Ир Сен

¹⁹⁰ Роль советских властей в слиянии Трудовых партий Севера и Юга хорошо показывает цитата из официального документа, меморандума на имя А. А. Жданова, секретаря ЦК. Цитата эта довольно велика, но ее стоит привести целиком:

«Для содействия и ускорения решения вопроса объединения компартии, Народной партии и Новой народной партии в Южной Корее, генерал-лейтенант тов. Сорокин (начальник Политуправления Приморского округа, в подчинении у которого находилась 25-я армия — А. Л.) предлагает провести следующие мероприятия:

1. Отправить от имени лидеров демократических партий Северной Кореи письмо Е Ун Хену с требованием проводить в дальнейшем твердую линию в вопросе объединения левых партий в Южной Корее. В случае если это письмо не окажет должного воздействия на Е Ун Хена, лидером объединенной партии в Южной Корее вместо него подготовить Хо Хона.

2. Опубликовать в печати решения компартии и Новой народной партии, одобряющие исключение из рядов этих партий в Южной Корее раскольников, оппозиционеров, противодействующих объединению левых партий в Южной Корее, как пособников реакции и врагов демократии.

3. Открыть широкую пропагандистскую кампанию с целью разоблачения деятельности реакции на юге Кореи.

Лидера Новой народной партии в Южной Корее Пэк Нам Уна решением ЦК Новой народной партии отозвать для работы в Северной Корее»

(РЦХИДНИ, фонд 17, опись 128, дело 205)

Из документа очевидна степень советского контроля. Любопытно, что из текста видно, что первоначально руководителем объединенной партии на Юге должен был стать не Пак Хон Ен, а Е Ун Хен (или же Хо Хон). Иначе говоря, и на Юге должен был быть разыгран тот же сценарий, что и на Севере, где формальным главой партии стал не лидер коммунистов Ким Ир Сен, а руководитель Новой Народной партии Ким Ду Бон.

¹⁹¹ В апреле 1948 г. В. В. Ковыженко (тогда — полковник, служивший в 25-й армии) направил письмо в ЦК КПСС, в котором мимоходом говорит: «в будущем, когда придет время для объединения Трудовой партии

воспринимался в Москве как идеальный «наш человек в Пхеньяне», его интересы и интересы советских властей в целом совпадали. Основная цель всех этих разделений и слияний была достаточно ясна: во-первых, — создать единую общекорейскую коммунистическую партию, во-вторых, — обеспечить руководящее положение в этой партии за Ким Ир Сеном, который в силу ряда причин представлялся наиболее приемлемым для СССР кандидатом на этот пост. К концу 40-х гг. обе эти задачи были успешно решены.

Нельзя не заметить, что в 1945–1946 гг. партизанская группировка была наименее влиятельной и, казалось, что большинство ее членов, несмотря на их бесспорные заслуги перед корейским коммунистическим движением, имеет весьма мало шансов на заметную карьеру (не говоря уж об установлении собственной монополии на власть). Бывшие партизаны, во-первых, в своем большинстве не имели достаточного образования. В то время как среди ведущих членов остальных группировок высшее образование было обычным явлением, если не нормой, очень немногие партизаны смогли окончить даже среднюю школу, а некоторые из них были просто неграмотны.¹⁹² Не имели они, во-вторых, и настоящей известности в стране. Во внутренней и яньаньской группировках было немало людей, которые на протяжении долгого времени находились в центре политической и культурной жизни колониальной Кореи, деятели, имена которых к 1945 г. немало значили для корейской интеллигенции. Напротив, большинство партизан было выходцами из бедных крестьянских семей Маньчжурии и Северной Кореи, и их имена едва ли были известны кому-либо за пределами их родных деревень.¹⁹³ В-третьих, у партизан не было и практического опыта, который был бы полезен в условиях строительства социалистической Кореи (в этом отношении советские корейцы, бывшие профессиональные управленцы и чиновники, были вне конкуренции). Конечно, партизаны имели некоторый военный опыт, но даже и он был достаточно ограничен и не всегда применим к условиям регулярной армии.

Однако, несмотря на эти очевидные недостатки, именно партизаны в конце концов вышли победителями из фракционной борьбы. Решающую роль в этом сыграло то, что советские власти сделали ставку на Ким Ир Сена, и превратили бывшего капитана Советской Армии в правителя Северной Кореи. После этого Ким Ир Сен начал последовательную борьбу за укрепление своей власти, и его опорой в этой борьбе были преданные ему бывшие партизаны. Впрочем, не только личная преданность (роль которой нельзя ни отрицать, ни преуменьшать), но и вполне материальные и карьерные интересы заставляли партизан группироваться вокруг будущего Великого вождя. Бывшим партизанам без поддержки сверху было бы невозможно конкурировать в борьбе за посты и влияние с «яньаньцами» или с советскими корейцами, многие из которых обладали и образованием, и немалым административным опытом. Ким Ир Сен также знал, что всегда может рассчитывать на

Северной и Южной Кореи» (письмо В. В. Ковыженко Л. С. Баранову, 20 апреля 1948 г. Архив автора). Из этого видно, что идея слияния существовала уже тогда, за год с лишним до того момента, когда объединение партий действительно произошло.

¹⁹² По подсчетам Вада Харуки, ведущего эксперта по истории корейского партизанского движения в Маньчжурии, из 36 партизан, о социальном происхождении которых имеются сведения, 30 было выходцами из низов (крестьяне и низшие городские слои). Показательно, что только об одном из партизан известно, что он имел законченное высшее образование, да и количество бывших партизан, учившихся в средней школе, было невелико — семь (большинство при этом курса не закончило). Как отмечает Вада Харуки, «Подавляющее большинство партизан составляли люди, которые до момента вступления в партизанские отряды не имели возможности получить какое-либо образование». См.: Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва манчжу ханиль чончжэн. Сеул: Чханчжак-ква пипхенса, 1992. С. 302–303.

¹⁹³ Вада Харуки удалось выявить сведения о месте рождения 35 партизан. 20 из них происходило из отдаленных (и отсталых) северо-восточных провинций Северная и Южная Хамген, еще 8 родилось в Маньчжурии, и 2 — в иных районах Китая. Ни один из партизан не был рожден в Сеуле, и единицы происходили из наиболее развитых и политически значительных провинций центральной Кореи: Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва манчжу ханиль чончжэн. Сеул: Чханчжак-ква пипхенса, 1992. С. 301–302.

безусловную поддержку своих товарищей по оружию. В шестидесятые годы члены партизанской группировки почти монополизировали высшую власть в стране, и, позднее, передали свои привилегии по наследству своим детям. Можно быть уверенным в том, что полная победа изначально слабой партизанской группировки была бы немыслимо, если бы не сознательная линия Ким Ир Сена на карьерное выдвижение в первую очередь своих бывших соратников.

К концу сороковых годов Ким Ир Сен стал руководителем северокорейской партии и государства, печать все чаще стала именовать его «Вождем» (кор. сурен) — термин, ранее применявшийся по отношению к Ленину и Сталину. Однако лидерство Ким Ир Сена в конце 40-х гг. было весьма условным. С одной стороны, его жестко ограничивали советские представители и советники, без консультации с которыми не могло быть принято ни одно сколь-либо важное решение.¹⁹⁴ С другой стороны, Ким Ир Сему приходилось считаться с наличием в руководстве КНДР и ТПК 4 группировок и лавировать между ними при проведении тех или иных решений. Ким Ир Сен стремился к полноте власти, но получить ее он мог, лишь отделившись от советского контроля и нейтрализовав своих возможных противников из трех «чужих» группировок. На протяжении 50-х гг. Ким Ир Сему удалось справиться с этими двумя труднейшими задачами и стать полновластным правителем Северной Кореи. То, каким образом Ким Ир Сен сумел выйти из под советского контроля — тема отдельного исследования. Здесь же нам хотелось бы сосредоточиться на том, как Ким Ир Сему и его окружению удалось разделаться с многочисленными и опасными конкурентами из других фракций тогдашнего северокорейского руководства и сосредоточить в своих руках неограниченную власть.

Различие 4 фракций было весьма четким. Конечно, возможны были и некоторые сложные случаи, когда один и тот же человек мог быть отнесен сразу к нескольким группировкам. Такой неоднозначной фигурой была, например, Пак Чжон Э (Вера Цой). Она долго жила в СССР, потом была заброшена для нелегальной работы в Корею, установила там связи с местными подпольщиками, но после Освобождения одной из первых стала ориентироваться на партизан Ким Ир Сена. Она, таким образом, может быть отнесена сразу к трем фракциям. Однако эта и еще несколько подобных ситуаций нетипичны, в целом грани между фракциями были весьма четкими и принадлежность человека к той или иной конкретной группировке обычно не вызывала сомнений ни у него самого, ни у окружающих. Это был не его выбор, а естественная производная его биографии, того, откуда в 1945–1948 гг. он прибыл в Корею, и того, что он делал до 1945 г.

До конца 1940-х гг. противоречия между 4 основными фракциями загонялись вглубь. Немалую роль играли в этом и советские власти, которые не без основания опасались обострения фракционной борьбы, и, выдвигая на первый план Ким Ир Сена и «советскую» группировку, в то самое время старались обеспечивать некоторое равновесие сил. Это равновесие очень хорошо заметно при анализе состава ЦК ТПК второго созыва, сформированного в марте 1948 г., в котором существовало чуть ли не арифметическое равенство всех 4 группировок. Особенно ярко это проявилось в его высшем, наиболее важном эшелоне, то есть в его Постоянном Комитете (так тогда называлось Политбюро). В состав Постоянного Комитета вошло 15 человек. Три группировки (советская, яньаньская и внутренняя) имели там по четыре представителя, а партизанская — три, так что равенство было просто идеальным.¹⁹⁵

¹⁹⁴ Запись беседы с Н. Г. Лебедевым. Москва, 13 ноября 1989 г.

Н. Г. Лебедев — советский генерал, в 1945 г. — член Военного Совета 25-й армии, позднее — глава Советской Гражданской Администрации.

Косвенным указанием на то, что память не подвела Н. Г. Лебедева, является то обстоятельство, что в первой Программе ТПК, принятой в августе 1946 г. конечной целью партии провозглашается создание именно «народной республики» (первую редакцию Программы см.: Пукхан хендэ са. Енгу-ва чаре. (Современная история Северной Кореи. Исследования и материалы). Сеул, «Кондончхе», 1989, с. 419.

¹⁹⁵ Список политбюро (с включением в него избранных позднее членов) приведен в: Dae-sook Suh. Korean

Тем не менее, отношения между группировками уже с самого начала не были идиллическими. Представители каждой из фракций, связанные общим прошлым, общими взглядами и привычками, держались особняком, у каждой фракции был свой круг неформального общения, свои признанные и полупризнанные лидеры. Так, среди «советской» группировки на первый план довольно быстро выдвинулся А. И. Хегай, в доме которого постоянно собирались советские корейцы. Взаимная настороженность между фракциями тоже давала себя знать с самого начала. Представители «местной» группировки относились с подозрением к «янаньцам» и «советским» как к эмигрантам, не имевшим отношения к собственно подпольной борьбе. «Партизаны» недолюбливали «советских», считая их как бы и вовсе ненастоящими корейцами, а те, в свою очередь, свысока относились «партизанам» как к людям малообразованным и не имеющим никакого опыта хозяйственного и административного руководства. Список этих противоречий можно было бы продолжать довольно долго, даже сейчас, спустя полвека, в ходе бесед с участниками тех событий автору не раз приходилось ощущать, каких заметных масштабов достигала эта взаимная неприязнь или, по меньшей мере, отчуждение в корейском руководстве рубежа 40-х и 50-х годов.¹⁹⁶ Питательной почвой для этих разногласий служила корейская политическая культура, для которой всегда была характерна тяга к фракционности, дроблению. Ким Ир Сен умело воспользовался этими разногласиями.

Напряженность в отношениях группировок периодически прорывалась уже в первые годы существования КНДР. Так, один из советских корейцев рассказывал мне, что уже в 1947 г. он слышал о том, что в своем кругу многие из бывших партизан не только очень зло отзывались о выходцах из СССР и Китая, но и говорили, что со временем надеются отделаться от этих людей.¹⁹⁷ В то же время тогда такие мысли приходилось держать при себе: фракционная борьба жестко пресекалась.

Некоторые из советских дипломатов и военных с самого начала осознавали, что фракционность является серьезной потенциальной угрозой для стабильности нового режима. Подтверждением этому стало письмо, которое 20 апреля 1948 г. В. В. Ковыженко направил в ЦК КПСС. В настоящее время копия этого письма находится в архиве автора. В то время В. В. Ковыженко, впоследствии — известный дипломат, был работником Политуправления 25-й армии. В своем письме В. В. Ковыженко коротко обрисовал фракционный состав северокорейского руководства. Он выделил четыре группировки в тогдашнем руководстве ТПК: 1) бывшие подпольщики (руководителем их он считал Пак Хон Ена); 2) вернувшиеся из Китая эмигранты-партизаны (к ним, помимо Ким Ир Сена и Чхве Ен Гона, он также относил и Ким Му Чжона); 3) советские корейцы; 4) вернувшиеся из Китая эмигранты-интеллигенты во главе с Ким Ду Боном. По-видимому, письмо В. В. Ковыженко является первым официальным документом, в котором о существовании группировок в ТПК заявлено с полной четкостью. Следует отметить, что В. В. Ковыженко ни в коем случае не относит Ким Ир Сена и его партизан к советской группировке (как довольно долго делали зарубежные наблюдатели). Другая любопытная черта письма: хотя оно и было написано за полтора года до формального объединения Трудовых партий Севера и Юга, они фактически рассматриваются как единая организация. В. В. Ковыженко даже упоминает мимоходом о предстоящем их объединении как о деле, в принципе, решенном.

Письмо заполнено подробными описаниями конфликтов и интриг между фракциями,

Communism, 1945–1980: A Reference Guide to the Political System. Honolulu, The University of Hawaii Press, 1981.

¹⁹⁶ Интервью с Ким Чханом. Ташкент, 15 января 1991 г.
Интервью с Ю Сон Гором, 22 января 1991 года, Ташкент.

¹⁹⁷ Запись беседы с Ю Сон Гором. Ташкент, 22 января 1991 г.
Ю Сон Гор — советский учитель (впоследствии — офицер милиции), в 1945–1960 гг. находился на работе в КНДР, где занимал ряд заметных постов в армии.

которые уже к 1948 г. достигли немалого размаха. При этом особое внимание уделяется кампании против выходцев с Юга и лично против Пак Хон Ена, отношения к которому в официальном уже тогда было натянутым. По словам В. В. Ковыженко: «Уже в конце 1946 г. стало заметно это охлаждение Ким Ир Сена, имеющего слабость прислушиваться к лстецам и подхалимам, по отношению к Пак Хон Ену и его товарищам из Южной Кореи». Можно привести только один их множества эпизодов, о которых идет речь в письме. Еще в 1946 г. Шабшин, в те времена — сотрудник советской военной разведки, активно общавшийся с Пак Хон Еном и высоко его ценивший, написал (под корейским псевдонимом) статью под названием «Пак Хон Ен — великий патриот корейского народа». Однако официальные корейские газеты отказывались печатать эту статью, ссылаясь на то, что она вызовет неудовольствие Ким Ир Сена. Только после «определенного нажима» (выражение Ковыженко) со стороны советской военной администрации, в которой Шабшин играл немалую роль, статью напечатали. Тем не менее, ее название было изменено на более безобидное «Пак Хон Ен — один из видных деятелей Кореи». Рассказывает В. В. Ковыженко и о слежке, которую люди Ким Ир Сена вели за выходцами с Юга.

По поводу причин всех этих разногласий, В. В. Ковыженко замечает: «В основе всех недоразумений и натянутых отношений между этими группами лежат не какие-либо принципиальные расхождения по важнейшим политическим вопросам (в этом отношении между руководством обеих партий имеется достаточное единство взглядов), а личные интересы — борьба за руководящие посты, при общей склонности корейских деятелей к групповщине и всевозможным взаимным интригам, что усугубляется недостатком опыта и политической зрелости». В. В. Кавыженко говорит, что он обсуждал ситуацию с советскими генералами — Н. Г. Лебедевым и А. А. Романенко, а также с полковником Игнатьевым, но принятые теми меры оказались неэффективными: отношения между группировками продолжали ухудшаться.

Хотя, как мы видим, некоторые акции Ким Ир Сена и его сторонников и вызывали в Москве беспокойство, но в целом до 1950 г. интересы советских властей и Ким Ир Сена в целом совпадали. Однако в начале 50-х гг. положение Кореи существенно изменилось. Корейская война, начавшаяся летом 1950 г. внезапным нападением Севера на Юг, вопреки ожиданиям северокорейского руководства, разделявшимися Москвой и Пекином, не привела к объединению страны под знаменами КНДР. Наоборот, только вступление на территорию Корейского полуострова китайских частей (т. н. «китайских народных добровольцев») спасло северян от полного разгрома. Естественно, что присутствие на Севере китайских войск, которые взяли на себя основную тяжесть ведения военных действий, привело к усилению там китайского влияния за счет советского, которое заметно слабело, хотя все равно осталось значительным. В то же время, Ким Ир Сен в условиях войны окончательно завершил консолидацию своей власти, и более не нуждался в советской поддержке. Наоборот, можно предположить, что постоянный советский контроль стал все более раздражать его. К счастью для Ким Ир Сена, новая ситуация позволяла ему начать постепенное освобождение от этого контроля.

Первым признаком того, что Ким Ир Сен изменил свою линию поведения, стало устранение А. И. Хегая, лидера «советской» группировки, бывшего советского партработника, который одно время даже занимал пост Первого Секретаря ТПК (сам Ким Ир Сен был Председателем партии). Для Ким Ир Сена А. И. Хегай был одним из символов советского контроля, от которого так хотелось отделаться. О роли А. И. Хегая в создании ТПК и о его трагической судьбе речь идет в другом месте, сейчас же достаточно сказать, что в ноябре 1951 г. он был снят со своего поста, а летом 1953 года погиб. Официально было сообщено о его самоубийстве, однако ряд обстоятельств заставляет предполагать, что в действительности он был убит.¹⁹⁸

¹⁹⁸ Подробные данные о жизни и деятельности А. И. Хегая читатель может найти в статье, которая включена в настоящую книгу.

Одновременно с этим Ким Ир Сен нанес удар и по яньаньской группировке. 21 декабря 1950 г., то есть сразу же после того, как китайское вмешательство спасло КНДР от полного разгрома, в Канге, у китайской границы, собрался экстренный пленум ЦК ТПК. В ходе Пленума Ким Ир Сен возложил на ряд северокорейских руководителей ответственность за недавние поражения. Среди обвиненных был и Му Чжон, наиболее известный из яньаньских генералов. Все «виновные» были исключены из партии, но вскоре те из них, кто принадлежал к «партизанской группировке» были реабилитированы и впоследствии сделали немалую карьеру. Исключением стал Му Чжон, которому пришлось вернуться в Китай, где он вскоре умер.¹⁹⁹ В конце войны Ким Ир Сен устранил и другого заметного лидера яньаньцев — Пак Ир У. По слухам, непосредственной причиной падения этого видного политика, доверенного лица Мао в Корее, стали его резкие критические высказывания в адрес Ким Ир Сена. Вероятно, однако, что Ким Ир Сен также стремился нейтрализовать человека, который явно метил в реальные лидеры «яньаньской группировки».²⁰⁰

Расправа с А. И. Хегаем и Пак Ир У ослабила позиции и советских, и китайских корейцев, но в тех условиях Ким Ир Сен не мог начинать серьезную атаку против них: слишком велик был риск прямого вмешательства Москвы или Пекина. Первый свой удар «партизаны» нанесли по «местной» группировке, которая не имела особых связей ни в Китае, ни в СССР и поэтому не могла рассчитывать на защиту извне. Более того, судя по воспоминаниям некоторых советских дипломатов, в Москве с некоторым подозрением относились к Пак Хон Ену и его сторонникам — бывшим коминтерновцам, долгое время работавшим в условиях сначала японской, а потом американской оккупации. Лишенные внешней поддержки, бывшие подпольщики становились наиболее удобными и безопасными жертвами, к борьбе с которыми можно было привлечь не только «партизан», но и представителей других группировок. Кроме того, в конце 1952 г., когда война уже явно завершалась, вопрос о контроле над партизанскими и подпольными группами на Юге был уже не так важен, поэтому возможное негативное влияние расправы с «местной» группировкой на отношения с нелегальными организациями Юга и с партизанским движением там можно было до определенной степени игнорировать.

Сигналом к атаке на «местную» группировку стала большая речь, с которой Ким Ир Сен выступил на декабрьском (1952 г.) пленуме ЦК ТПК. Хотя в речи (по крайней мере, в том ее варианте, что публикуется сейчас в открытых корейских изданиях) почти не было прямых упоминаний деятелей «местной» группировки, но многочисленные обличения фракционизма имели вполне определенную направленность.²⁰¹ Куда более конкретно на этом пленуме высказывался Пак Чхан Ок, секретарь ЦК ТПК, который после отстранения А. И. Хегая претендовал на роль ведущего деятеля «советской» группировки (и, увы, отличался немалой активностью во фракционных интригах). В своих выступлениях он жестко критиковал многих бывших руководителей Трудовой Партии Южной Кореи.²⁰²

15 января 1953 г., то есть непосредственно после декабрьского пленума, Пак Чхан Ок жаловался первому секретарю советского посольства В. А. Васюкевичу на конфликты и грызню группировок. По его словам, в конце 1952 г. эти конфликты заметно обострились. О положении дел в руководстве ЦК ТПК он сказал: «Работать крайне трудно. Те или иные мероприятия партии и правительства проводятся медленно, под большим нажимом... Ряд

¹⁹⁹ Suh Dae-sook. Kim Il Sung. The North Korean Leader. New York, 1988. P. 122–123. Подробнее о судьбе Му Чжона см.: Мирок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук. Сеул: Чунан ильбо са, 1992. С. 135–148.

²⁰⁰ О падении Пак Ир У, в частности, см.: Suh Dae-sook. Kim Il Sung. The North Korean Leader. New York, 1988. P. 142.

²⁰¹ Ким Ир Сен. Сочинения. Пхеньян, 1980-. Т. 7. С. 386.

²⁰² Пукхан чонлам (Северокорейское обозрение). Сеул, 1983. С. 294.

партийных и государственных работников не доверяет сообщениям корейского радио. Усилились пережитки сектантства и группировщины, «недовольные» стараются привлечь на свою сторону колеблющихся и т. п. ... Положение дел было таково, что необходимо было этот вопрос поставить на V пленуме ЦК, что и было сделано Ким Ир Сеном в его докладе. ... При постановке этого вопроса на Пленуме ЦК преследовались следующие три цели: во-первых, серьезно предупредить всех фракционеров, что партия будет вести решительную борьбу против любых проявлений фракционной деятельности в партии; во-вторых, отколоть от фракционеров колеблющихся, менее устойчивых членов партии и в-третьих, дать возможность партийным организациям поднять на должную высоту критику и самокритику и этим самым улучшить работу партийных организаций, поднять на более высокий уровень работу партийного и государственного аппарата.²⁰³

После декабрьского пленума положение «местной» группировки ухудшилось, а вскоре начались и аресты. В самом начале 1953 г. по Пхеньяну распространились слухи о якобы имевшей место неудачной попытке государственного переворота. Вслед за этим стало известно об аресте ряда руководителей «местной» группировки. Это были в большинстве своем люди, связанные с проводившейся на Севере подготовкой партизанских отрядов и диверсионных групп, предназначенных для действий в Южной Корее. Именно их и обвинили в подготовке переворота.

В конце марта или в начале апреля со своих постов были сняты лидер внутренней группировки (а в свое время — и всего корейского коммунистического движения) министр иностранных дел Пак Хон Ен и министр государственного контроля Ли Сын Еп. Ли Сын Еп был тут же арестован по абсурдному, но вполне в сталинских традициях выдержанному обвинению в «шпионаже в пользу США», а Пак Хон Ена ненадолго оставили на свободе.

4 апреля 1953 г. первый секретарь советского посольства В. А. Васюкевич по поручению советского посла посетил Пак Чхан Ока, чтобы выяснить ситуацию после недавних арестов и уточнить, кто именно из числа выходцев из Южной Кореи по-прежнему входит в состав правительства. По-видимому, посол хотел знать, кого из тогдашнего пхеньянского руководства отныне следует считать «живыми трупами», обреченными падению или смерти в ближайшем будущем. Пак Чхан Ок, который, подобно многим руководителям других группировок, был весьма рад низвержению внутренней группировки, сообщил требуемые сведения. В тот момент в партийном и государственном аппарате, а также в различных общественных организациях находилось на руководящих постах более 500 членов Трудовой Партии, в разное время прибывших из Южной Кореи: 82 человека на руководящей партийной работе, 237 человек в органах народной власти и 186 человек в различных кооперативных и общественных организациях и органах печати. Пак Чхан Ок даже в этой связи постарался уколоть своего главного противника — А. И. Хегая, к тому времени уже мертвого. Пак Чхан Ок заметил, что именно А. И. Хегай некогда назначил на руководящие посты «слишком много» бывших подпольщиков. Однако, по словам Пак Чхан Ока «в связи с раскрытием заговорщицкой группы во главе с Ли Сын Епом ЦК ТПК принимает меры к более тщательному изучению указанных руководящих работников, прибывших из Южной Кореи» (иначе говоря, готовит чистку — А. Л.).²⁰⁴ Впоследствии Пак Чхан Ок постоянно информировал советское посольство о том, как развиваются события вокруг дела Пак Хон Ена — Ли Сын Епа, и каждый раз, когда следствию удавалось выбить из арестованных очередные абсурдные признания, сообщал о них советским дипломатам.

3 августа 1953 г., всего через неделю после подписания перемирия, которое положило конец Корейской войне, в Пхеньяне открылся первый в истории КНДР крупный

²⁰³ Запись беседы Васюкевича В. А. (первый секретарь Посольства СССР в КНДР) с Пак Чхан Оком (секретарь ЦК ТПК) 15 января 1953 года. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44.

²⁰⁴ Запись беседы Васюкевича В. А. (первый секретарь Посольства СССР в КНДР) с Пак Чхан Оком (секретарь ЦК ТПК) 15 января 1953 года. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44.

политический процесс. Впрочем, ему суждено было стать и последним таким процессом, так как суд над Пак Хон Еном носил полужакрывтый характер, а впоследствии северокорейский режим вообще отказался от организации пышных судебных спектаклей.

Процесс продолжался 4 дня. Перед Верховным судом КНДР предстали 12 человек во главе с Ли Сын Епом, бывшим секретарем ЦК ТПК. Все обвиняемые были ветеранами коммунистического движения, после Освобождения входили в высшее руководство Трудовой Партии Южной Кореи, а к моменту ареста находились на весьма заметных постах в КНДР, занимаясь главным образом руководством деятельностью подполья и партизанских отрядов на юге страны. Кроме Ли Сын Епа, среди обвиняемых выделялись Пэ Чхоль, бывший заведующий так называемым «отделом связи» ЦК ТПК — специальным подразделением, которое занималось организацией нелегальной деятельности в Южной Корее, его заместители Пак Сын Вон и Юн Сун Даль, заместитель министра пропаганды Чо Иль Мен. Против них было выдвинуто четыре основных обвинения: подготовка государственного переворота; подрыв коммунистического движения на юге страны; сотрудничество с японской полицией в годы оккупации; шпионаж в пользу США.²⁰⁵

Кроме того, инкриминировалась подсудимым и подготовка прямых подрывных акций. Так, обвиняемый No. 1 — Ли Сын Еп заявил, что еще в июле 1950 г. Нобл сообщил ему, что американцы намечают на конец сентября 1950 г. высадку крупного десанта в Корее и последующее наступление до корейско-китайской границы. По словам Ли Сын Епа, Нобл потребовал организовать в Пхеньяне восстание в поддержку наступающих американо-южнокорейских войск.²⁰⁶ Пожалуй, вот тут чувство меры определенно изменило организаторам процесса. Даже если отвлечься от того обстоятельства, что, как нам сейчас хорошо известно, само планирование Инчхонской операции началось только в конце июля²⁰⁷, и что само решение пересечь 38-ю параллель было принято уже в ходе боевых действий, весьма странной выглядит мысль о том, что американцы сообщили своему агенту столь секретную информацию как конкретную дату высадки, да еще за 2 месяца до самой операции!

Однако главным из выдвинутых было обвинение в подготовке военного переворота. Как было заявлено на суде и послушно подтверждено подсудимыми, подготовка этого переворота началась еще в сентябре 1951 г., причем дата его неоднократно переносилась и в конце концов он был, дескать, намечен на первый выходной сентября 1952 г.²⁰⁸ Заговорщики якобы собирались сместить Ким Ир Сена и людей из его ближайшего окружения и сформировать новое правительство. На суде был даже сообщен его примерный состав: премьер-министр Пак Хон Ен, его заместители — Чан Си У и Чу Ен Ха, первый секретарь ЦК ТПК — Ли Сын Еп.²⁰⁹ Переворот должен был, как утверждалось, произведен силами подчинявшихся обвиняемым отрядов Кымгансанского училища — центра по подготовке партизанских и разведывательно-диверсионных формирований для действий на Юге. Разумеется, прозвучала (хотя как-то робко, неохотно и малодетализировано) также и неизбежная тема планировавшейся американской поддержки: дескать, в случае переворота американцы собирались высадить десант в Вонсане и Анчжу.

²⁰⁵ Подробный отчет о процессе, в частности, был опубликован Ким Нам Сиком в его исследовании по истории Трудовой партии Южной Кореи. См.: Ким Нам Сик. Намнодан (Трудовая партия Южной Кореи). Сеул, Толь пегэ, 1984. С. 480–506. Именно его текстом мы пользуемся в настоящей статье.

²⁰⁶ Там же, с. 489.

²⁰⁷ Stokesbury J. A Short Story of the Korean War. New York, William Morrow & Co., 1988. С. 68.

²⁰⁸ Ким Нам Сик. Указ. соч. С. 483.

²⁰⁹ Ким Нам Сик. Указ. соч. С. 575.

Обвинение это было достаточно фантастичным, так как подчинявшиеся «заговорщикам» военные силы состояли лишь из нескольких рот, вооруженных только легким оружием. В то же время в стране находились китайские войска, которые едва ли бы смирились с подобной попыткой, да и советское влияние оставалось еще огромным.²¹⁰ Еще более далеки от реальности были заявления о том, что некоторые обвиняемые с давнего времени были агентами японской полиции, а потом перешли на службу к американцам, что они систематически предавали южнокорейское подполье, участвовали в диверсионно-вредительской деятельности против КНДР.

Надо сказать, что у обвинения не сходились концы с концами. Американскими исследователями (в первую очередь Со Дэ Суком) в обвинительных документах был обнаружен целый ряд убийственных противоречий. Так, один из обвиняемых показал, что летом 1950 г. получал инструкции о ведении подрывной деятельности от американского дипломата А. Нобла, которого в действительности в это время вообще не было в Корее.²¹¹

Обвиняемые, как уже говорилось, охотно каялись и подтверждали показания друг друга. Ничего подобного известному выступлению Райчо Костова, который на аналогичном процессе в Софии в последний момент отказался от всех предъявленных ему обвинений и фактически сорвал столь хорошо задуманный спектакль, или даже уклончиво-неопределенному поведению Бухарина (впоследствии, как мы увидим, повторенному Пак Хон Еном), на процессе Ли Сын Епа не произошло. Все обвиняемые приняли активное участие в этом спектакле. Конечно, можно гадать на тему того, как организаторам процесса удалось добиться такого пассивно-покорного поведения от обвиняемых, некоторые из которых ранее не раз имели случаи проявить немалое мужество. Разнообразных предположений на этот счет как в связи с московскими процессами, так и в связи с их позднейшими копиями пятидесятых годов в странах Восточной Европы, высказывалось, как известно, немало. Как бы то ни было, обвиняемые играли свои роли без запинок. Например, Ли Кан Гук (к моменту ареста — высокопоставленный сотрудник Минвнешторга) начал свое выступление с заявления: «Я — добровольный цепной пес американского империализма!» и впоследствии не раз повторял эту самохарактеристику.

Особенно ярко выразился весь характер процесса в его последний день (6 августа 1953 г.), когда перед вынесением приговора слово было предоставлено адвокатам, а потом — и самим подсудимым. Симптоматично, что защитники даже не попытались поставить под сомнение ни один из эпизодов обвинения (это могло бы нарушить стройный замысел процесса), а, наоборот, все как один начинали свои речи с признания безусловной доказанности всех обвинений. Впрочем, во многих случаях речь защитников по своему тону не слишком отличалась от прокурорской. Так, адвокат Ли Сын Епа заявил: «Если говорить о Ли Сын Епе, то он, хотя и называл себя коммунистом, был носителем мелкобуржуазной идеологии, человеком, который так и не смог преодолеть влияния отсталого и реакционного буржуазного национализма».²¹² В таком же духе высказались и остальные защитники, речи которых были построены по одному стандартному шаблону: признание бесспорной и полной доказанности обвинения, рассуждения о социальном происхождении и биографии, которая делала подзащитных носителями реакционной идеологии как бы помимо их воли и, наконец,

²¹⁰ Когда 3 годами позже яньаньская группировка действительно попыталась добиться отстранения Ким Ир Сена, первое, что сделали заговорщики — установили контакт с советским (а, возможно, и китайским) посольством и попытались заручиться хотя бы пассивной поддержкой Москвы. Было ясно, что без такой поддержки любая акция против Кима будет обречена на неудачу. В еще большей степени это было справедливо в 1952 г., и понятно, что в условиях продолжающейся войны ни советское, ни китайское правительство не допустили бы насильственной смены режима.

²¹¹ Suh Dae-suk. Kim Il Song. P. 132.

²¹² Ким Нам Сик. Указ. соч. С. 600.

просьба о снисхождении. Ходатайствуя о смягчении приговора, адвокаты обычно призывали суд учесть непролетарское происхождение подсудимых, вызванную этим склонность к «мелкобуржуазному национализму», и искреннее раскаяние, выразившееся, в частности, в активном сотрудничестве с судом и следствием.

Когда подсудимым было предоставлено последнее слово, все они каялись и говорили о готовности принять любое наказание. Вообще по стандартности своей структуры последние слова всех подсудимых не уступали речам адвокатов. Создается впечатление, что кто-то из высших организаторов процесса (шеф тайной полиции Пан Хак Се? сам Ким Ир Сен? кто-нибудь еще, но весьма заметного ранга?) сначала указал, о чем должны примерно говорить подсудимые в своем последнем слове, а уж потом их речи были составлены в соответствии с этой схемой. Сам Ли Сын Еп сказал: «Я благодарен за то, что мне предоставили защитника и возможность свободно высказываться в течение 4 дней этого суда. Какое бы суровое наказание мне не определил суд, я приму его с радостью. Если бы у меня было две жизни, то отнять их обе — и то мало было бы!» Ли Кан Гук заявил: «Я глубоко благодарен Родине и народу за то, что мне предоставлена возможность умереть порядочным человеком, который открытым покаянием в совершенных преступлениях очистился перед народом!» Чо Ен Бок попросил у суда разрешения обратиться к детям со следующим предсмертным призывом: «Изо всех сил боритесь с американским империализмом, который сделал Вашего отца злым врагом Родины!». В таком духе высказались и все остальные. Пытавшийся покончить с собой в тюрьме писатель Лим Хва выразил свое раскаяние и по этому поводу, сказав, что «желание умереть в страхе перед судом народа делает преступления еще гнуснее и отвратительнее», и затем, как и многие подсудимые, поблагодарил за предоставленную ему возможность умереть после покаяния на суде. Судебный фарс заканчивался трагикомедией.

213

После этого суд удалился на совещание. Продолжалось оно около часа (надо было соблюсти проформу!). По его окончании был, наконец, объявлен и приговор. Все подсудимые были признаны виновными по всем предъявленным им обвинениям. Приговор практически точно соответствовал тому, на котором настаивал в своей речи прокурор: 10 человек были приговорены к смертной казни, а двое — к продолжительным срокам тюремного заключения.

214

Произошедшее в Пхеньяне в 1953 г. не было чем-то уникальным. Как известно, начало 50-х гг. почти во всех социалистических странах было ознаменовано процессами против ряда крупных деятелей коммунистического движения, которые по сути копировали московские процессы 30-х гг. (процесс Ласло Райка в Венгрии, процесс Трайчо Костова в Болгарии, процесс Рудольфа Сланского в Чехословакии). По-видимому, целью организаторов этих пышных судебных спектаклей было устранение потенциально ненадежных элементов и устрашение недовольных. Как и в Корее, жертвами процессов в большинстве случаев были бывшие активные участники нелегальной борьбы, люди, в свое время тесно связанные с Коминтерном.²¹⁵

²¹³ Ким Нам Сик. Указ. соч. С. 600–603.

²¹⁴ Ли И Хва. Хангук кындэ хендэ са сачжон (Словарь по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 1990. С. 305–306.

²¹⁵ В связи с этим встает деликатный вопрос о степени непосредственного участия советских представителей в подготовке и проведении процесса 1953 г. Как явствует из опубликованных в последнее время материалов, в подготовке почти всех восточноевропейских процессов начала 50-х гг. участвовали советские советники, работавшие в службах безопасности этих стран. Относится ли это к Корее? Имеющиеся у меня материалы (в частности записи бесед с проживающим ныне в Петербурге бывшим заместителем министра внутренних дел КНДР Кан Сан Хо) заставляют в этом сомневаться. По его словам, хотя в корейском МВД и было несколько советников из СССР, но они, видимо, непосредственного участия в подготовке процесса над Ли Сын Епом и другими не принимали. Впрочем, не исключено, что со временем будут обнаружены факты и свидетельства, которые заставят исследователей придти и к иному, прямо противоположному, выводу. Ведь Кан

Образцом, на который явно ориентировались организаторы суда над Ли Сын Епом и другими бывшими руководителями Трудовой партии Южной Кореи послужили, безусловно, московские процессы 1930-х гг. К ним восходит и основная идея — посадить на скамью подсудимых все бывшее руководство правящей партии, обвинив его в шпионско-диверсионной деятельности и заговоре, и конкретные формы ее осуществления. Как и на московских процессах середины тридцатых годов, заседания суда проходили в Военной коллегии Верховного суда, но проводились открыто, с формальным соблюдением основных юридических норм: на суде происходил опрос свидетелей (13 человек), у всех подсудимых были адвокаты, в зал допускались корреспонденты, а отчеты с процесса печатались в газетах. Так же как и Москве 1937 г., следствию удалось полностью сломить обвиняемых и сделать их активными участниками спектакля. Надо сказать, что в целом организация подобных театрализованных процессов впоследствии была отнюдь не типична для северокорейской юстиции, которая предпочитала келейные, тайные методы расправы с врагами. По-видимому, эта показная открытость и попытки соблюсти какие-то внешние юридические нормы, проявившиеся на процессе Ли Сын Епа, было результатом советского влияния, которое тогда было еще очень сильным.

Во время процесса над Ли Сын Епом, лидер «внутренней» группировки Пак Хо Ен еще не был формально арестован, но, как ясно из материалов советского посольства, к тому времени (по меньшей мере, с конца июля) он уже находился под домашним арестом.²¹⁶ В ходе процесса его имя упоминалось многократно, в соответствии с «показаниями» подсудимых он должен был стать главой нового правительства страны в случае успеха якобы планировавшегося переворота. VI расширенный пленум ЦК ТПК, который проходил в Пхеньяне с 5 по 9 августа, то есть сразу после окончания процесса Ли Сын Епа, постановил исключить Пак Хон Ена из партии и предать его суду. Этим же пленумом Министерству внутренних дел поручено провести тщательное расследование всей деятельности Пак Хон Ена.²¹⁷

Однако суд над Пак Хон Еном, состоявшийся 15 декабря 1955 г., проводился уже по другому сценарию. Подготовка этого процесса затянулась на два с половиной года. Несмотря на все усилия властей, попытки устроить еще один крупный процесс закончились неудачей: хотя под давлением следствия Пак Хон Ен и признался в шпионаже и других преступлениях, никого из других деятелей «местной» группировки он не оговорил. К концу 1955 г., когда суд над Пак Хон Еном все-таки состоялся, ситуация в мире и, в особенности, в коммунистическом лагере изменилась, организация нового крупного гласного процесса стала уже нежелательной и, с точки зрения северокорейского руководства, излишней, поэтому суд над бывшим руководителем корейской компартии проводился в полужакрытом порядке. Показательно и то, что суд шел всего 8 часов. Были и другие признаки отхода от декоративной псевдозаконности, столь характерной для сталинских «показательных процессов» у подсудимого не было адвоката, а в качестве председателя на суде выступал Чхве Ен-гон, бывший партизанский командир и личный друг Ким Ир Сена, который, однако,

Сан Хо во время подготовки процесса еще в МВД не работал, а сходство пхеньянского процесса с московскими столь велико, что заставляет задуматься о том, не обошлось ли дело и тут без прямых наставников. В любом случае, сама концепция процесса явно советская по своему происхождению.

Из доступных на настоящий момент материалов не ясно, какова была советская позиция по отношению к процессу. В известных документах посольства он упоминается мимоходом, чуть ли не как второстепенное событие. Создается впечатление, что советские дипломаты не очень верили официальной версии, но, в то же самое время, не горели и желанием ее опровергать. Однако это не исключает того, что, скажем, советники МВД могли принимать участие в подготовке процесса, получая указания из Москвы исключительно или преимущественно по своим каналам.

²¹⁶ Дневник поверенного в делах С. П. Суздалева. 27 июля 1953 г. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44.

²¹⁷ Дневник поверенного в делах С. П. Суздалева. 10 августа 1953 г. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44.

не имел никакого формального отношения к судебной системе.²¹⁸

Обвиняли Пак Хон Ена в том, что он уже с 1939 г. был американским агентом, в первые месяцы после Освобождения по заданию американцев вел подрывную работу в Компартии и вообще среди левых сил, организовывал убийства подпольщиков, а в конце концов вместе с Ли Сын Епом и другими бывшими руководителями внутренней группировки попытался произвести государственный переворот и захватить власть в КНДР.

Формально и этот процесс считался открытым, но в зал были допущены лишь тщательно отобранные зрители. Присутствовавший на процессе Кан Сан Хо говорит, что Пак Хон Ен держался мужественно, обвинение в шпионаже признал, но заявил, что единственной его «шпионской задачей» был захват власти в стране и поэтому никакой конкретной шпионской деятельностью не занимался, никаких сведений американцам не передавал, никаких сообщников не имел. Выдвинутые против Пак Хон Ена обвинения звучали весьма фантастически, и по словам Кан Сан Хо, многие в северокорейской элите им не поверили, хотя, конечно, эти скептики были достаточно осторожны и предпочитали свои сомнения держать при себе.

Трибунал приговорил его к смертной казни. Однако, по сообщению Кан Сан Хо, который в те годы был заместителем министра внутренних дел КНДР, приговор не был тогда приведен в исполнение, так как от Пак Хон Ена пытались-таки добиться дополнительных показаний, которые потом можно было бы использовать во внутренней борьбе. Убили Пак Хон Ена, по его словам, только осенью 1956 года, в ходе бурных событий, последовавших за августовским (1956 г.) пленумом ЦК ТПК.²¹⁹

Вслед за пхеньянским процессом 1953 г. по всей Северной Корее прошли аресты бывших активистов Трудовой Партии Южной Кореи, которых обвиняли в шпионаже и фракционной деятельности. Это не следует понимать в том смысле, что «внутренняя» фракция была ликвидирована в одночасье — многие не столь заметные выходцы с Юга на первых порах избежали репрессий. Тем не менее, после процессов Ли Сын Епа и Пак Хон Ена «местная» группировка лишилась практически всех своих руководителей, и поэтому те ее члены, что уцелели в 1953–1956 гг., стали легкими жертвами репрессий в последующие годы. Практически во второй половине 1950-х гг. «местная» группировка прекратила свое существование. Уничтожение ее было проведено в основном силами бывших партизан, но при активном или пассивном участии многих представителей «советской» и «яньаньской» фракций, которые с недоверием относились к бывшим подпольщикам и рассчитывали участием в расправе с ними укрепить свое положение. Ставка Ким Ир Сена на разногласия между группировками оказалась верной.

После расправы с «местной» группировкой следующими жертвами чисток логически становились две оставшиеся фракции — «советская» и «яньаньская», тем более, что изменившаяся к середине 1950-х гг. ситуация в мире делала возможным такой поворот внутренней политики Ким Ир Сена. Начало критики Сталина в СССР привело к осложнению советско-китайских отношений, а это дало северокорейскому руководству такие возможности для маневра и проведения более независимой политической линии, о которых оно раньше не могло и мечтать. Кроме того, развернувшаяся в СССР в середине 1950-х гг. острая внутрисоветская борьба во многом ослабила активность внешней политики СССР,

²¹⁸ Материалы процесса Пак Хон-ена см.:

Ким Нам Сик. Намнодан (Трудовая партия Южной Кореи). Сеул, Толь пегэ, 1984. С. 506–511.

²¹⁹ Запись беседы с Кан Сан Хо. Ленинград, 30 ноября 1989 г.

Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.

Большинство южнокорейских специалистов считает, что приговор Пак Ха Ену был приведен в исполнение почти сразу после вынесения. Однако к мнению Кан Сан Хо стоит прислушаться, особенно если учесть, что на процессе Пак Хон Ена в качестве свидетелей появлялись Ли Сун Гым и Чо Иль Мен, которые были приговорены к смерти на процессе Ли Сын Епа двумя годами ранее.

снизила риск прямого советского вмешательства. В то же самое время в критике Сталина Ким Ир Сен не мог не видеть определенной угрозы и для себя.

В декабре 1955 г. Ким Ир Сен организовал короткую атаку на ряд ведущих деятелей советской группировки, которые были обвинены в том, что «проводили неправильную политику в области литературы». Ряд видных советских корейцев, в том числе и их лидер Пак Чхан Ок потеряли свои посты. Однако вскоре события приняли совсем другой оборот: против Ким Ир Сена открыто выступило несколько заметных деятелей «яньаньской» группировки. Произошло это на августовском (1956 г.) пленуме ЦК ТПК.

Недовольные политикой Ким Ир Сена «яньаньцы» решили воспользоваться той обстановкой, которая сложилась в мире после XX съезда КПСС. Оппозиционеры, во главе которых стали министр торговли КНДР «яньанец» Юн Гон Хым и реальный лидер яньаньской группировки Чхве Чхан Ик задумали выступить с критикой Ким Ир Сена на одном из пленумов ЦК партии и обвинить его в насаждении культа своей личности, диктаторских методах управления страной, разнообразных просчетах и ошибках. Им удалось привлечь на свою сторону и нескольких советских корейцев, в том числе и Пак Чхан Ока, который был ущемлен своей недавней опалой. В то же время участие советских корейцев в заговоре было в целом весьма ограниченным, и он оставался по сути актом яньаньской группировки (подробнее об августовских событиях речь идти в другой главе).²²⁰

Однако, о их планах заговорщиков стало известно и к моменту созыва пленума у Ким Ир Сена и его сторонников уже было все готово к отпору. Во время августовского (1956 г.) пленума ЦК ТПК оппозиционеры стали критиковать Ким Ир Сена за нарушение социалистической законности, насаждение культа личности. Однако дальнейшие события стали развиваться в соответствии с планами Ким Ир Сена: большинство членов ЦК не поддержало заговорщиков, которые были исключены из партии и посажены под домашний арест. Юн Гон Хыму и некоторым другим участникам заговора удалось бежать в Китай. Однако большинство осталось в Корее, где уже в сентябре развернулись чистка партийного аппарата, из которого удаляли сторонников заговорщиков.

Когда в Москве и Пекине узнали о происшедшем, было решено отправить в Пхеньян совместную советско-китайскую делегацию для того, чтобы разобраться в происходящем и «поправить» руководство ТПК. Во главе делегации были поставлены А. И. Микоян и Пэн Дэ-хуай. Делегация добилась от Ким Ир Сена созыва нового, сентябрьского (1956 г.) пленума ЦК ТПК. На этом пленуме было принято решение об официальной реабилитации участников августовского выступления. Однако Ким Ир Сен отнюдь не был расположен выполнять эти решения, принятые под столь явным нажимом. Люди, о формальной реабилитации которых было объявлено на сентябрьском пленуме, на свои посты так и не вернулись. Более того, на рубеже 1956-57 гг. «борьба за разоблачение фракционеров» развернулась с невиданной силой.

С конца 1956 г. в северокорейскую политическую практику вошли массовые проверки на благонадежность — т. н. «идеологические проверки». «Идеологическая проверка» представляла из себя целую серию допросов, которым подвергали заподозренного. Зачастую эти допросы длились сутками и сопровождались обязательными публичными покаяниями перед сослуживцами на специальных собраниях. В большинстве случаев «идеологическая проверка» была лишь прелюдией к аресту. Первыми жертвами «идеологических проверок» были «яньаньцы», но уже в 1958 г. ими все чаще становились и некоторые выходцы из СССР. Кстати, именно в те дни в практику деятельности северокорейских карательных органов вошли публичные расстрелы на стадионах, практикующиеся и по сей день. В результате массовых чисток и жестких репрессий, продолжавшихся в течение примерно двух лет, «яньаньская» группировка была полностью разгромлена и прекратила свое существование. Среди жертв этой волны террора был и авторитетнейший руководитель «яньаньцев»,

²²⁰ Более подробная информация о событиях 1956 г. содержится в специальной статье, также вошедшей в настоящую книгу.

крупный ученый-лингвист и революционер Ким Ду Бон, который был первым Председателем Трудовой партии Северной Кореи. Некоторые представители «яньаньской» группировки еще оставались на тех или иных постах, но влияние их было незначительным и продолжало быстро сокращаться, а уж об их действиях в качестве какой-то единой силы больше не могло быть и речи.

После устранения «яньаньской» группировки последней ненадежной с точки зрения Ким Ир Сена фракцией в корейском руководстве стали бывшие советские корейцы. К концу пятидесятых годов они уже не были неприкосновенными, как десятилетием раньше. Советское влияние на Северную Корею вообще существенно снизилось во время Корейской войны, а советско-китайский конфликт и постоянные столкновения в советском руководстве делал прямое советское вмешательство в защиту советских корейцев практически невозможным.

Первые аресты членов «советской» группировки произошли осенью и зимой 1958 г., а к следующему году они приняли массовый характер. Осенью и зимой 1958 г. были арестованы Ким Чхиль Сон (бывший начальник штаба флота), Пак И Ван (бывший заместитель председателя Совета министров) и ряд других советских корейцев, занимавших заметные посты.²²¹ К 1959 г. аресты стали массовыми. Члены советской группировки исчезали один за другим. Хотя в условиях установившегося тогда в северокорейском обществе произвола узнать что-либо о судьбе арестованных и предъявленных им обвинениях обычно было невозможно, стало известно, что как правило советских корейцев обвиняли в проведении «фракционной антипартийной деятельности». Таким образом, кампания по борьбе с «фракционерами», первоначально направленная против «яньаньской» группировки, плавно и незаметно перешла в кампанию по уничтожению и изгнанию советских корейцев. Порою поводы для репрессий были совсем ничтожны. Так, несколько человек пострадали из-за того, что употребили русское слово «партизанщина». За это их обвинили в антипартизанских настроениях, нападках на «Великого Вождя». Впрочем, во многих случаях не было нужды даже и в таких формальных поводах: люди просто исчезали, не оставляя никаких следов.

Охлаждение советско-корейских отношений и усиление репрессий привело к тому, что связи с Советским Союзом превратилась для бывших советских корейцев в из источника привилегий в источник угрозы. Некоторые из представителей «советской» группировки попытались приспособиться к новой ситуации и даже принимали участие в расправах с другими советскими корейцами, рассчитывая таким образом заслужить благосклонность Ким Ир Сена. Так, например, повели себя Пан Хак Се, Нам Ир, Пак Ден Ай. Однако подавляющее большинство стало думать лишь об одном: как бы поскорее вернуться на Родину. С 1958 г., сразу же после первых арестов, начался массовый выезд членов «советской» группировки в СССР, завершившийся к концу 1960 г.²²²

К сожалению, советское посольство ничего не делало для того, чтобы предотвратить расправу или как-то спасти арестованных, большинство которых вплоть до того времени оставалось советскими гражданами. Опасаясь, что попытки защитить кого-либо будут восприняты как «вмешательство во внутренние дела», посольство воздерживалось от них, так как хотело любой ценой предотвратить дальнейшее ухудшение советско-северокорейских отношений. По крайней мере, поверенный в делах СССР А. М. Петров еще 10 февраля

²²¹ Интервью с Пак З. П., 1 февраля 1991 г.

²²² Некоторым удавалось выехать и позднее. Например, в 1961 г. в СССР смог вернуться Сон Вон Сик (бывший зав. с/х отделом ЦК) со своей семьей.

Следует также отметить, что не всегда эмиграция в СССР означала, что совершивший этот шаг человек принадлежал к «советской группировке». Так, посол КНДР в СССР Ли Сан Чжо, хотя и эмигрировал в СССР (точнее, просто отказался вернуться в Пхеньян из Москвы после своего отзыва, написав предварительно Ким Ир Сэну письмо, созвучное знаменитому письму Раскольникова Сталину), был заметным членом «яньаньской группировки». Вместе с ним в России оказались еще несколько второстепенных «яньаньцев». Среди не вернувшихся из СССР в Корею аспирантов и стажеров также были и люди из «внутренней группировки».

1956 г. сказал Ким Ир Сену (цитируется официальный дневник): «Я ответил, что, по мнению Советского правительства, лица, из числа советских корейцев, допустившие проступки, не могут их укрывать путем выезда в Советский Союз. Следовательно, каждый, допустивший проступок, должен отвечать за него на месте и может быть использован на меньшей работе, чем это было до свершения проступка».²²³

Фактически советские корейцы оказались преданы и брошены советским руководством на произвол судьбы. В этом, увы, проявилось достаточно типичное для советской политики пренебрежительное отношение к своим гражданам и склонность жертвовать ими во имя того, что правительство считает «высшими интересами».

Впрочем, осторожность это в целом может быть еще как-то объяснена понятным опасением непродуманными действиями обострить и без того быстро запутывавшуюся ситуацию в советско-корейских отношениях. Хуже другое: даже в том случае, если корейская сторона разрешала тому или иному члену советской группировки выехать из Кореи, советские власти рассматривали вопрос о выдаче разрешений на въезд в СССР обычным порядком, в течение нескольких месяцев. Некоторым это ожидание стоило жизни.²²⁴ Впрочем, было бы несправедливо не сказать и о том, что некоторые из сотрудников консульства сделали все возможное для того, чтобы помочь многим членам советской группировки, желающим вернуться в СССР (например, можно упомянуть действия В. П. Ткаченко, впоследствии — заведующего корейским сектором ЦК КПСС²²⁵). Однако в целом советское посольство действовало очень пассивно.

Едва ли не единственным исключением стало дело Николая Пака (Пак Киль Нама), бывшего начальника Инженерного управления КНА. В 1958 или 1959 г. Н. Пак был арестован и провел 40 дней в тюрьме, подвергаясь «идеологической проверке». После своего освобождения он сразу же укрылся в советском посольстве, на квартире советского военного атташе генерала Мальчевского. После долгих переговоров советское посольство получило согласие корейских властей на выезд Пак Киль Нама. Под охраной советских офицеров он был доставлен в аэропорт и самолетом вылетел в СССР. Столь решительные действия посольства были вызваны тем, что жена Пак Киль Нама еще с юности имела неплохие связи в высшем эшелоне советского руководства (по слухам, она хорошо знала Ворошилова и некоторых других высших руководителей). Используя эти связи, она смогла добиться того, что Советское правительство потребовало от посольства организовать выезд Пак Киль Нама в СССР. Однако, повторяю, этот случай никак нельзя назвать типичным.²²⁶

Главной целью действий северокорейского руководства было отнюдь не физическое, а политическое уничтожение советской группировки, наиболее же надежным путем решения этой задачи было вытеснение их с политической арены и вообще из страны. И «идеологические проверки», и аресты некоторых заметных советских корейцев скорее были в первую очередь частью кампании запугивания. Если кто-либо из советских корейцев заявлял о своем желании уехать, то в конце 1950-х гг. ему еще, как правило, не препятствовали. Наоборот, во многих случаях корейские власти сами предлагали тем или иным советским корейцам уезжать. В 1959 г., например, начальник Генерального штаба специально собрал всех служивших на высших армейских постах советских корейцев и сказал, что все, кто

²²³ Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова за 9-15 февраля 1956 г. АВП, ф. 0102, оп. 12, д. 6, п. 68.

²²⁴ Интервью с Кан Сан Хо, 30 ноября 1990 г., Ленинград.

²²⁵ Интервью с Ю Сон Гором, 22 января 1991 г.

²²⁶ Интервью с Кан Сан Хо, 7 марта 1990 г.
Интервью с Г. К. Плотниковым, 1 февраля 1990 г.

хочет, могут спокойно уезжать к себе домой.²²⁷ Часто такие предложения делались в индивидуальном порядке. Например, Ю Сон Хуну, бывшему ректору Университета имени Ким Ир Сена, было предложено уехать в СССР «отдохнуть и полечиться».²²⁸

Таким образом, к концу 1950-х гг. борьба фракций в корейском руководстве закончилась полной победой Ким Ир Сена и его «партизанской» группировки. Ким Ир Сен сумел использовать раздиравшие северокорейскую правящую элиту серьезные противоречия и уничтожить своих противников поодиночке, а в некоторых случаях — и натравить их друг на друга. Закреплена победы Ким Ир Сена была на IV съезде ТПК, который прошел под знаком безудержного прославления «Великого Вождя». Отразилось это, конечно, и на персональном составе высшего органа партии.

Табл. Состав ЦК ТПК, избранного на IV съезде (1961 г.). В скобках для сравнения приводятся данные по составу ЦК, избранного предыдущим III съездом (1956 г.).

	Советская фракция	Яньаньская фракция	Внутренняя фракция	Партизанск фракция	Проч., неизв
Пост. ком-т	2(2)	1(2)	1(1)	6(5)	1(1)
ЦК в целом	2(10)	3(18)	3(9)	37(11)	40(23)

Таблица составлена по данным Вада Харуки, но с изменениями: Вада Харуки. Ким Иль Сон-гва манчжу ханиль чончжэн. Сеул: Чханчжак-ква пипхенса, 1992. С. 310–312.²²⁹

Как видно из таблицы, в составе ЦК 1961 г., которое можно назвать «первым кимирсеновским», полное преобладание получили бывшие партизаны, хотя там еще сохранялось некоторое количество представителей других фракций. Нельзя не заметить и того, что перемены в значительно меньшей степени затронули высший эшелон руководства, чем все ЦК в целом. Как ни парадоксально, именно на самом высшем уровне — в составе Постоянного Комитета (Политбюро) ЦК ТПК на тот момент сохранилось наибольшее количество представителей уничтожаемых группировок. Видимо, на этом уровне, когда речь уже шла о совершенно конкретных и лично ему известных личностях, Ким Ир Сен мог себе позволить отобрать нескольких человек, которым, по его мнению, можно было бы доверять. Так, от советской группировки в ЦК вошли Пак Чжон Э и Нам Ир — люди, чья личная преданность Ким Ир Сэну была к тому времени неоднократно проверена (оба были не только членами ЦК, но и членами Постоянного Комитета).

Впрочем, и судьба многих из этих специально отобранных людей в итоге сложилась достаточно печально. Летом 1968 г. Пак Чжон Э неожиданно исчезла с северокорейской политической сцены, чтобы через два десятилетия вновь появиться на самых второстепенных ролях, а Нам Ир погиб в автокатастрофе при таинственных обстоятельствах в 1976 г.

²²⁷ Интервью с Сим Су Чхолом, 17 января 1991 г.

²²⁸ Интервью с С. П. Югаем, январь 1990 г.

²²⁹ Внесенные нами в таблицу изменения связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, Пак Чжон Э отнесена не к «внутренней», а к «советской» группировке. Во-вторых, мы не согласны с решением Вада Харуки отнести всех тех членов ЦК, которые до 1945 г. находились на территории Северной Кореи, к «внутренней» группировке. Большинство этих людей (а их в составе ЦК насчитывалось 15), до 1945 г. не имели никаких контактов с нелегальным коммунистическим движением, и их путь к власти начался уже после Освобождения. Некоторые из них были первыми северокорейскими технократами, другие представляли из себя партийных работников более традиционного типа. Однако, они вступили в партию они уже после Освобождения, и единственной партией, которую они знали, была для них именно партия Ким Ир Сена, которому они, подобно партизанам, были обязаны своей карьерой. И по жизненному опыту, и по мировоззрению они не имели с «внутренней» группировкой ничего общего.

Жертвой чисток стал и Ким Чхан Ман, выходец из яньаньской группировки, который тоже очень рано перешел на сторону Ким Ир Сена и стал одним из самых активных пропагандистов Великого Вождя. Ким Чхан Ман исчез с политической арены в мае 1966 г. и, по слухам, вскоре умер в ссылке, работая в одном из сельскохозяйственных кооперативов.²³⁰

При рассмотрении состава сформированного в 1961 г. руководства следует обратить внимание также на то, что в нем по сравнению с 1956 г. существенно (с 23 до 40) увеличилось количество тех членов ЦК, которые в нашей таблице отнесены к графе «Прочие, неизвестно». Многие из этих «других» были молодыми или сравнительно молодыми технократами, выдвинувшимися в период послевоенного восстановления северокорейской экономики, обязанными своим возвышением именно Ким Ир Сenu и преданными лично ему.

***

Установление режима личной власти Ким Ир Сена в Северной Корее заняло немногим менее 15 лет. Первоначально сам Ким Ир Сен по влиянию существенно уступал многим коммунистическим лидерам, а возглавляемая им партизанская группировка была самой слабой. Однако то обстоятельство, что именно он был избран советскими властями на роль северокорейского лидера, определило его успех.

На первом этапе борьбы консолидации режима (от создания Северокорейского бюро Компартии Кореи в октябре 1945 г. и до слияния Трудовых партий Севера и Юга в июне 1949 г.) основные решения принимались советскими военными властями, а Ким Ир Сен был их достаточно послушным орудием. Главной целью довольно сложных маневров, предпринимавшихся в тот период, было создание единой общекорейской коммунистической партии, которая контролировалась бы Ким Ир Сеном и, через него, советскими властями. С этой целью советская администрация постаралась ограничить влияние как яньаньских коммунистов, так и местных подпольщиков. В результате к концу 1940-х гг. в Северной Корее возникло примерное равновесие сил между четырьмя основными фракциями ТПК, а сам Ким Ир Сен превратился в бесспорного лидера режима.

На втором этапе (от начала Корейской войны в июне 1950 г. и до завершения чисток в 1960–1961 гг.), Ким Ир Сен — сначала робко, а потом все решительнее и решительнее — стал дистанцироваться от советской политики и советских интересов, и вести свою собственную политическую игру. В борьбе за консолидацию режима он опирался на бывших маньчжурских партизан, которые были связаны с ним как узами личной преданности, так и политическими интересами.

В 1950–1953 гг. Ким Ир Сен осторожно устранил нескольких наиболее опасных представителей советской и яньаньской фракций. Однако основные его усилия были направлены на подготовку удара против третьей — внутренней — фракции, которая не имела зарубежных покровителей, и в силу этого была особо уязвима. В 1953–1955 гг. внутренняя фракция была разгромлена: ее лидеры были убиты, а большинство их сторонников оказалось в тюрьмах или потеряло всякое влияние. При этом Ким Ир Сен и его окружение, ловко используя фракционные распри, добились поддержки или благожелательного нейтралитета со стороны как яньаньской, так и советской фракций.

Параллельно Ким Ир Сен начал выходить из под советского влияния, что в условиях развертывающейся десталинизации было понятно и (с его точки зрения) вполне разумно. В 1955 г. Ким Ир Сен предпринял краткую атаку на советских корейцев, которых он, повидимому, считал следующей жертвой. Однако вскоре Ким Ир Сenu самому пришлось обороняться: в 1956 г. яньаньская фракция попыталась добиться его устранения. Выступление яньаньцев (и некоторых лидеров советских корейцев), известное как «августовский инцидент», окончилось их сокрушительным поражением и стало сигналом к началу наступления на яньаньскую фракцию, в целом ликвидированную в 1957–1959 гг. За

²³⁰ Пукхан инмен сачжон. Сеул: Чунъан ильбо са, 1990. С. 119.

этим последовала и окончательная ликвидация советской фракции, большинство деятелей которой было вынуждено вернуться в СССР.

Таким образом, к началу шестидесятых годов процесс консолидации власти был завершен. К тому времени не только окончательно утвердилась система единоличной власти Ким Ир Сена, но и произошли серьезные изменения во внутренней и внешней политике страны. В культуре, экономике, государственном управлении произошел отход от рабского копирования советских образцов, началось проведение линии «чучхе» (да и само это слово впервые стало активно использоваться именно тогда), постоянное подчеркивание превосходства всего корейского над всем иностранным. Заметно более независимой стала и внешняя политика: из бывшего послушного советского сателлита Северная Корея превратилась в страну, более или менее ловко лавирующую между СССР и Китаем и старающуюся использовать себе на благо противоречия этих двух гигантов. Одновременно произошло существенное ужесточение режима, урезание и без того почти символических свобод, которыми пользовались северокорейцы в пятидесятые годы. Все эти перемены стали возможными только после уничтожения фракций и во многом были результатом этого процесса.

7. ХО ГА И: ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как известно, огромную роль в создании северокорейского государства и в его истории в 40-50-е годы сыграли многочисленные советские корейцы, которые были направлены в Северную Корею после Освобождения советскими властями. Среди этих людей в первые послевоенные годы совершенно особое место занимал Хо Га И (Хегай Алексей Иванович), которого по праву считали наиболее влиятельным среди всех находившихся в Северной Корее советских корейцев. Хо Га И до своего прибытия в Корею занимал в Советском Союзе довольно крупные посты и в силу этого обладал большим опытом административной деятельности, особенно в области партийной работы. Этот опыт выделял его как среди советских корейцев, подавляющее большинство которых в Советском Союзе работало школьными учителями, так и среди представителей других фракций — партизанской, яньаньской и внутренней, которые в большинстве своем тоже не имели никакого опыта государственного строительства. Это позволило ему стать «главным архитектором» Трудовой Партии Кореи, фактическим создателем ее аппарата. Излишне говорить, что после гибели А. И. Хегая все его заслуги северокорейская пропаганда приписала Ким Ир Сэну.

В ходе своих работ по изучению истории Северной Кореи в 40-50-е годы автор данной статьи собрал довольно много материалов о тех советских корейцах, кто в свое время работал в Северной Корее, в том числе и о Хо Га И. В основном это записи интервью с живущими ныне в Советском Союзе активными участниками тех событий или их родственниками. Человеческая память, увы, не надежна, поэтому те или иные неточности в этих интервью неизбежны. Большой удачей для автора стала возможность использовать некоторые документы из личного архива Хо Га И, сохранившиеся в семье его сына Игоря Хегая. Однако со временем, когда документы, хранящиеся ныне в архивах Москвы и Пхеньяна, станут доступны историкам, многие из данных удастся уточнить. В то же самое время я надеюсь, что в собранных материалах есть немало интересных деталей, многие из которых не нашли своего отражения в официальных документах.

Здесь мне хотелось бы остановиться в первую очередь не на политической деятельности А. И. Хегая, а на его личной биографии, которая недостаточно хорошо известна историкам. По понятным причинам, особое внимание в настоящей статье уделяется жизни Хо Га И до его отъезда в Северную Корею.

Автор выражает свою благодарность всем тем, кто согласился побеседовать с ним,

поделиться воспоминаниями или предоставить необходимые материалы. В первую очередь хотелось бы поблагодарить семью Хо Га И (дочерей Маю и Лиру и сына Игоря), а также Кан Сан Хо.²³¹

***

Алексей Иванович Хегай родился в Хабаровске 18 марта 1908 года. В отличие от большинства российских корейцев, которые имели два имени: православное русское и традиционное корейское, у А. И. Хегая, видимо, не было корейского имени. Имя Хо Га И, под которым он вошел в историю, явно является ничем иным как транскрипцией руссифицированного варианта его фамилии. Когда на рубеже веков на земли российского Дальнего Востока устремился поток корейских иммигрантов, российские чиновники, в обязанности которых входила регистрация новоприбывших, часто «удлиняли» односложные корейские фамилии. Такие, обычные в Корее, фамилии как Хо, Чо, Ю, О казались им «слишком короткими», так что чиновники добавляли к этим фамилиям суффикс «-гай» (возможно, от корейского «га» — «семья»?). Так появились «русско-корейские фамилии» типа Хегай, Тягай, Югай, Огай, которые и поныне носит немалая часть корейцев бывшего СССР.

Отец А. И. Хегая работал учителем в одной из корейских школ Хабаровска. Мальчик рано осиротел: в 1911 г. умерла его мать, а через несколько месяцев покончил с собой и отец, поэтому воспитанием А. И. Хегая и его брата занялся их дядя. Семья нуждалась, и А. И. Хегай был вынужден рано пойти работать. Он продавал газеты, работал в парикмахерской, был поденщиком. Вдобавок ко всему, детство Хегая прошло в обстановке гражданской войны, которая на советском Дальнем Востоке была особо продолжительной и затянулась до 1922 года. Тем не менее, А. И. Хегай, несмотря на все трудности, сумел получить школьное образование.²³² По-видимому, уже в эти годы мальчик пристрастился к книгам. Впоследствии у А. И. Хегая всегда была большая библиотека, его начитанность отмечается многими из работавших с ним людей.

Большинство российских корейцев отнеслось к новой, большевистской власти с немалой симпатией. В годы гражданской войны корейцы создали многочисленные партизанские отряды, выступавшие на стороне Красной Армии. Массовая поддержка коммунистической революции российскими корейцами объяснялась рядом причин: ее интернационализмом, подчеркнутым уважением к малым народам и решительным осуждением любых форм национальной дискриминации; ее антияпонской направленностью (на Дальнем Востоке); ее стремлением обеспечить лучшую жизнь социальным низам, к которым относилось большинство корейцев. Нет ничего удивительного, что Хегай, как и многие другие молодые корейцы, активно занялся общественной работой и в 1924 г. вступил в ВЛКСМ.²³³ Примерно с 1926 года молодой А. И. Хегай становится все более заметной фигурой среди комсомольских активистов, участвует в ряде конференций, пленумов и

²³¹ Надо отметить, что та информация о «советском периоде» жизни Хо Га И, которую можно найти в большинстве южнокорейских справочников, весьма ненадежна. Например, такой в целом хороший и надежный справочник как «Биографический словарь Северной Кореи» (Pukhan inmyong sajon. Seoul: Chungang ilbo sa, 1990) сообщает: «Родился в 1900 году в провинции Северная Хамген. Окончил Московский университет». Как мы увидим, А. И. Хегай родился не в 1900 г., не в провинции Северная Хамген, и не оканчивал Московского Университета. Подобные ошибки неизбежны, хотя бы и потому, что в Северной Корее по понятным причинам всегда избегали афишировать советское прошлое многих руководителей КНДР, поэтому мы на удивление мало знаем о том, чем занимались эти люди до их приезда в КНДР.

²³² Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

²³³ Членский билет ВЛКСМ #1651660, выданный А. И. Хегаю Хабаровским крайкомом ВЛКСМ 20 марта 1935 года.

совещаний. В декабре 1930 года он вступил в партию.²³⁴ Одну из трех необходимых для вступления рекомендаций дал ему Афанасий Ким — человек, очень известный на Дальнем Востоке, в годы гражданской войны командовавший одним из корейских партизанских отрядов, а другую — секретарь Дальневосточного крайкома комсомола Листовский.²³⁵ Вскоре А. И. Хегай стал профессиональным комсомольским работником. Большую роль в его выдвижении сыграл Постышев — впоследствии один из крупнейших советских политических деятелей тридцатых годов. Рассказывают, что Постышев присутствовал на одном из комсомольских собраний, резолюцию которого составил А. И. Хегай. Резолюция чрезвычайно понравилась Постышеву и он захотел познакомиться с ее автором. После этой встречи и началось быстрое продвижение А. И. Хегай.²³⁶

Карьера А. И. Хегай была очень успешной. То, что он не был славянином, не только не мешало, но даже отчасти способствовало его политическому продвижению. В 20-е годы политика советской власти была подчеркнута интернационалистичной и представители национальных меньшинств, сыгравшие очень большую роль в победе коммунистов в революции и гражданской войне, имели даже больше шансов в продвижении по служебной лестнице, чем русские. Это положение начало постепенно меняться лишь к середине 30-х годов, когда советский режим стал принимать все более национальный и националистический характер. На молодого корейца, выделяющегося своей волей, умом и незаурядными организаторскими способностями, обратили внимание, и в начале тридцатых годов А. И. Хегай уже был заметным на всем Дальнем Востоке комсомольским работником, секретарем Дальневосточного крайкома комсомола.²³⁷

Весной 1933 г. А. И. Хегай уезжает с Дальнего Востока в Подмоскowie. Не ясно, сделал ли он это по своей воле или же таково было решение ЦК ВЛКСМ, но как бы то ни было, в мае 1933 г. А. И. Хегай был направлен ЦК ВЛКСМ в город Кинешму (районный центр в Ивановской области, в нескольких сотнях километров от Москвы)²³⁸, где до сентября 1934 г. работал вторым секретарем районного комитета комсомола. В сентябре 1934 г. А. И. Хегай уехал в Москву учиться в Всесоюзном коммунистическом сельскохозяйственном университете имени Свердлова. А. И. Хегай всегда мечтал о высшем образовании, и учился он, судя по сохранившимся документам, блестяще, но долго оставаться в университете он не смог. 10 июля 1935 года он был отчислен из университета «по семейным обстоятельствам».²³⁹ Обстоятельства эти были, действительно, достаточно тяжелыми. Еще на Дальнем Востоке, осенью 1927 г. А. И. Хегай, которому было тогда всего лишь 19 лет, женился на Анне Иннокентьевне Ли (Ли Сун И, 1908–1947)²⁴⁰, от брака с которой у него было четверо детей: 3 дочери и сын (к 1935 году у супругов Хегай уже было 2 дочери).²⁴¹

²³⁴ Регистрационная карточка члена ВКП (б) № 1780202.

²³⁵ Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

²³⁶ Интервью с Ю Сон Гором, Ташкент, 22 января 1991 г.

²³⁷ Удостоверение #139/2 секретаря крайкома комсомола, выданное А. И. Хегаю 3 сентября 1932 г.

²³⁸ Выписка из протокола заседания Совета ЦК ВЛКСМ #72 от 19 мая 1933 года.

²³⁹ Приказ ректора Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета #106 от 10 июля 1935 г.

²⁴⁰ Не совсем ясно, как писалось имя жены Хо Га И по-корейски. За русской транскрипцией «Ли Сун И» могут скрываться три возможных написания: Ли Сун, Ли Сун Ый, Ли Сун И.

²⁴¹ Интервью с Майей Хегай, 19 марта 1991 г., по телефону

Прокормить такую, довольно большую, семью на скудную стипендию оказалось невозможно, так что А. И. Хегай был вынужден оставить учебу и вернуться на Дальний Восток, где он вновь стал крупным комсомольским работником.

После возвращения в родные места А. И. Хегай некоторое время с февраля 1936 года работал заведующим организационным отделом Амурского областного комитета ВЛКСМ, занимал ряд других заметных должностей. В конце 1936 или начале 1937 года его перевели в Посьетский район, где он стал сначала 1-м секретарем райкома комсомола. Это выглядело как понижение, но в действительности такое назначение было весьма ответственным: в результате массовых чисток и репрессий государственное и партийное руководство Посьетского района, заселенного по преимуществу корейцами, было сильно ослаблено, многие руководящие работники оказались арестованы (так как они были корейцами, а дело происходило в приграничном районе, то обычно их клеветнически обвиняли в «шпионаже в пользу Японии»). А. И. Хегай должен был восстановить нормальную работу комсомольской организации в районе. С этой задачей он, видимо, справился успешно, так как всего через полгода был назначен на новый пост — стал вторым секретарем райкома партии в Посьетском районе, который в те годы был заселен по преимуществу корейцами.²⁴² Это, в общем, отражало уже сложившийся к тому времени вариант типичной карьеры профессионального партийного работника: работа в комсомольском аппарате, которая рассматривалась как возможность набраться необходимого опыта, а уж потом, после 30, переход на «настоящую» партийную работу.

Итак, в середине 1937 года А. И. Хегай стал вторым секретарем Посьетского районного комитета партии. Это было очень ответственное назначение, А. И. Хегай оказался одним из руководителей района, в котором тогда жила большая часть советских корейцев и который был важнейшим центром корейской культурной и общественной жизни в Советском Союзе. Именно из комсомольских и партийных активистов Посьетского района вышли многие из тех, кто впоследствии, уже в сороковые годы, занимал заметные посты в Северной Корее — Кан Сан Хо, Пан Хак Се, Михаил Кан и ряд других. А. И. Хегай был человеком весьма заметным, вторым лицом в Посьетском районе, поэтому уже тогда он хорошо знал почти всех этих людей. Именно там, в коридорах и кабинетах посьетского райкома, завязались многие связи и знакомства, которые 10 или 15 лет спустя продолжились в Северной Корее.

Хегай оказался одним из руководителей Посьетского района в 1937 году, в период самой кровавой чистки государственного и партийного аппарата за всю советскую историю. Основной удар репрессий обрушился в тот год на партийных работников среднего и высшего звена, выдвинувшихся еще в двадцатые годы (в их излишней самостоятельности Сталин видел потенциальную угрозу своей власти). Другим объектом гонений стали представители некоторых национальных меньшинств, в особенности тех, которые по большей части проживали за пределами СССР (китайцы, поляки, венгры, корейцы).

А. И. Хегай, таким образом, оказался под двойной угрозой: и как кореец, и как партийный деятель среднего звена. Действительно, уцелел он только чудом. Осенью 1937 г. был арестован первый секретарь райкома Сенько, «врагами народа» объявлены Афанасий Ким и Листовский — то есть те, кто рекомендовал А. И. Хегаю в партию. Вслед за этим за «связь с врагами народа» был исключен из партии и сам А. И. Хегай. В 1937 г. для партийного работника исключение с подобной формулировкой в 9 случаях из 10 предшествовало аресту и, вероятнее всего, расстрелу. Как человек умный и здравомыслящий, А. И. Хегай великолепно это понимал. Как вспоминает его дочь, в конце 1937 года А. И. Хегай не только ждал ареста, но и сделал все необходимые приготовления на этот случай. В доме всегда стоял чемоданчик со сменой белья и самыми необходимыми вещами, которые могут понадобиться в тюрьме (такие чемоданчики были тогда наготове в десятках тысяч советских домов). А. И. Хегай не раз обсуждал с женой, что она должна будет делать после

²⁴² Интервью с Кан Сан Хо, Ленинград, 31 октября 1989 г.

его ареста, как ей следует позаботиться о детях и по возможности обезопасить себя: в 1937 г. зачастую вслед за мужем арестовывали и жену.²⁴³

Тем не менее, арестован Хегай не был. Похоже, что его спасло то, что стало большой трагедией советских корейцев — насильственное переселение в Среднюю Азию. Как показывает опыт 1937 года, очень многим советским гражданам тогда удавалось избежать ареста, внезапно переехав на новое место жительства. Исчезнувших, как правило, власти не искали и таким образом порою удавалось скрыться и весьма высокопоставленным лицам, которые при других обстоятельствах и лучшей организации полицейского аппарата, скорее всего, не имели бы ни малейшей надежды на спасение. Когда А. И. Хегай вместе со своей семьей и тысячами других корейских семей был отправлен в Среднюю Азию, «компетентные органы» потеряли его след в хаосе переселения и, похоже, просто забыли о нем.

По прибытии в Среднюю Азию А. И. Хегай вместе со своей семьей оказался в Янгиюле, близ Ташкента, где он смог устроиться бухгалтером в заготовительную контору, которая занималась закупкой фруктов и овощей у местных крестьян. В 1939 г. волна террора пошла на убыль, и новое руководство НКВД во главе с Берией официально признало, что в 1937 г. были допущены «отдельные перегибы и ошибки». В ходе начатой новым руководством кампании, некоторые из тех, кто пострадал в 1937 году, были реабилитированы. Среди них оказался и А. И. Хегай. В 1939 г. по решению комиссии, которая прибыла в Узбекистан для пересмотра решений об исключении из партии, А. И. Хегай был восстановлен в ВКП(б) и смог снова вернуться к руководящей партийной работе, хотя прошло некоторое время, прежде чем он вновь достиг того уровня, на котором находился до 1937 года. После восстановления в партии Хегай работал в Янгиюле сначала — помощником секретаря райкома, потом — инструктором райкома, заведующим организационным отделом, а с лета 1941 г. — вторым секретарем райкома. В конце 1941 г. А. И. Хегай был переведен в соседний Нижнечирчикский район, где тоже был вторым секретарем райкома ВКП(б). Первым секретарем Янгиюльского райкома в то время был Расулов, человек, весьма авторитетный в партийных кругах Узбекистана, впоследствии, уже в годы войны — комиссар 1-й узбекской кавалерийской бригады. Расулов высоко ценил А. И. Хегай и сыграл немалую роль в его судьбе. Именно по предложению Расулова А. И. Хегай получил в 1943 г. новое назначение — заместителем секретаря парткома на Фархадстрой — строительстве крупной ГЭС недалеко от Ташкента. Работал там А. И. Хегай почти до самого конца войны. Зимой 1944/45 гг. он уехал оттуда и в течение года руководил строительством малых гидроэлектростанций в корейских деревнях под Ташкентом.²⁴⁴

Осенью 1945 г. советские власти начали активно подбирать среди советских корейцев людей, которые могли бы быть отправлены на работу в Корею. Первые группы советских корейцев были отобраны через военкоматы (специальные учреждения, занимающиеся организацией призыва в армию) в сентябре-октябре 1945 года. Их призвали в армию и как военнослужащих отправили в Корею в распоряжение штаба 25-й армии. Лишь очень немногие из них имели офицерские звания — большинство было рядовыми или сержантами. При отборе людей особое внимание уделяли тем корейцам, которые имели образование и считались убежденными коммунистами — учителям, немногочисленным партийным и государственным руководителям среднего и низшего звена. Разумеется, выбор пал и на А. И. Хегай, который осенью 1945 г. был призван в армию. 29 октября группа из 12 советских корейцев, среди которых был и А. И. Хегай, выехала из Ташкента на Дальний Восток, в штаб 25-й армии, где им предстояло служить переводчиками. Это была, видимо, вторая большая группа советских корейцев, направленная в Пхеньян после Освобождения. Группа поездом доехала до станции Краскино, на советско-корейской границе и неподалеку от тех мест, где за десятилетие до этого работал А. И. Хегай, а дальше двинулась на машинах в Пхеньян, куда и

²⁴³ Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

²⁴⁴ Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

прибыла в начале ноября.²⁴⁵

Большинство приехавших в Пхеньян советских корейцев первое время работало переводчиками в Советской гражданской администрации и местных комендатурах. Впоследствии большинство их перешло на работу в учреждения формирующегося северокорейского режима, где они играли двоякую роль: с одной стороны они, обладая немалыми знаниями и практическим опытом, играли роль консультантов и советников, а с другой — обеспечивали надежный советский контроль над северокорейским государственным, партийным и военным аппаратом. Массовый переход советских корейцев из органов советской военной администрации в северокорейский партийно-государственный аппарат начался летом 1946 г. Однако А. И. Хегай был исключением: почти с самого начала он перешел на руководящую работу и уже к концу 1945 г. играл большую роль в формирующейся Компартии Кореи.

Не исключено, что такая роль А. И. Хегай было предусмотрено советскими властями заранее, еще до его отъезда в Корею. Его дочь Майя вспоминает, что для работы в Корее отца рекомендовал все тот же Расулов.²⁴⁶ Если бы Хегай посылали в Корею как обычного переводчика, то такая высокая рекомендация едва ли понадобилась бы. Впрочем, это только предположение. Даже если на первых порах А. И. Хегай и прибыл в Корею на общих основаниях, как простой переводчик, то вскоре на его большой политический опыт и заметное положение, которое он занимал в СССР, обратили внимание советские власти и уже в конце 1945 года А. И. Хегай перешел на работу в формирующуюся Компартию Кореи. Возможно, что А. И. Хегай стал первым советским корейцем, перешедшим из оккупационной администрации на работу непосредственно в создающийся государственный аппарат северокорейского коммунистического режима. К концу 1945 года Хо Га И, оставаясь гражданином СССР, был уже не только членом Компартии Кореи, но и одним из ее высших руководителей. Показательно, когда 17–18 декабря 1945 г. состоялся Третий расширенный пленум Исполкома Северокорейского бюро Компартии Кореи, Хо Га И, который лишь за месяц до этого прибыл в Корею, не только был в числе его участников, но даже вошел в президиум и был автором принятой пленумом резолюции.²⁴⁷ На этом пленуме он был избран заместителем заведующего орготделом.²⁴⁸

Именно тогда Алексей Иванович Хегай превратился в Хо Га И. Существует мнение, это имя для А. И. Хегай выдумал выдающийся Ким Ду Бон, лингвист и революционер, лидер «яньаньской группировки» в руководстве ТПК. Ким Ду Бон якобы который переделал на корейский лад обычное для фамилий советских корейцев окончание «-гай». Об этом в ходе интервью говорили многие советские корейцы, работавшие вместе с Хо Га И в КНДР. Однако, это мнение, по-видимому, ошибочно. Дело в том, что в сохранившемся мандате делегата Первой конференции женщин-кореенок Посьетского района (17 февраля 1937 г.), на которой выступал А. И. Хегай, его имя покорейски уже записано как Хо Га И.²⁴⁹ По-видимому, А. И. Хегай уже и раньше транскрибировал свое имя таким образом, а Ким Ду Бон только предложил как можно записать это имя китайскими иероглифами.

²⁴⁵ Интервью с Ю Сон Гором, Ташкент, 22 января 1991 г.

В литературе иногда встречаются утверждения, что А. И. Хегай прибыл в Корею в декабре. По-видимому, это ошибка, так как мы опираемся на воспоминания Ю Сон Гора, который сам входил в ту же группу советских корейцев, что и А. И. Хегай.

²⁴⁶ Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

²⁴⁷ Ми рок Чосон минчжучжуй инмин конхвагук. Сеул, Чунан ильбо са, 1995. С. 174.

²⁴⁸ Там же, с. 191.

²⁴⁹ Поссиечы кук че иль чха кореин чхоннен нечжа тэхве тэпхйо чын #13.

С первых же дней главной заботой Хо Га И стало создание Коммунистической партии Кореи. Поскольку эта партия, как и большинство коммунистических партий в оказавшихся под советским контролем странах Восточной Европы, создавалась по образу и подобию ВКП(б), то большой опыт, накопленный Хо Га И за время работы в Советском Союзе, пригодился. Надо отметить, что из всех четырех основных фракций Коммунистической партии, участвовавших в создании северокорейского государства — партизанской, советской, китайской и внутренней — только советская фракция обладала опытом и знаниями, необходимыми для налаживания деятельности государственного аппарата и создания массовой правящей партии. В свою очередь, среди советских корейцев наибольшим опытом в этой области обладал именно Хо Га И. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он сыграл решающую роль в создании партийных организаций в Северной Корее, в налаживании всей их практической деятельности. По-видимому, Хо Га И являлся одним из главных авторов Устава Трудовой Партии Кореи. Когда в августе 1946 г. в результате слияния Коммунистической Партии Северной Кореи и Новой Народной Партии Северной Кореи была создана Трудовая партия Северной Кореи, Хо Га И вошел в состав ее Политбюро и стал заведующим Организационным отделом ЦК. Это означало, что он курировал всю практическую деятельность по созданию партийных организаций, а также оказывал немалое влияние на назначения и перемещения партийных кадров (последнее становится особенно важным, если учесть хронически фракционный характер корейской политической культуры).

Ким Ир Сен и Хо Га И в горах Кымгансан. 1947 г.

В сентябре 1948 г. Хо Га И стал первым заместителем председателя Трудовой Партии Северной Кореи, заняв таким образом третье место в северокорейской партийно-правительственной иерархии (после Ким Ир Сена и Ким Ду Бона). Это было признано и формально: в официальном списке членов ЦК, который всегда публиковался в порядке весомости упоминаемых лиц, Ким Ир Сен вплоть до начала Корейской войны шел третьим. Одновременно Хо Га И вошел в состав Оргкомитета партии и возглавил Контрольную комиссию. В 1949 г. произошло слияние Трудовых партий Северной и Южной Кореи. Во вновь созданной ТПК 1949 г. Ким Ир Сен сменил Ким Ду Бона на посту Председателя партии, в то время как Хо Га И занял пост первого секретаря ЦК. Наличие в партии двух высших постов — председателя и первого секретаря — не было совсем уж уникальной

корейской особенностью. Такая система существовала в те времена и в некоторых других коммунистических партиях (например, в болгарской). Председатель партии занимался общей стратегией, в то время как Генеральный секретарь отвечал за организационную работу. Став первым секретарем, Хо Га И на некоторое время превратился в «фигуру No. 2» во всем партийно-государственном аппарате страны. Это был пик его политической карьеры.²⁵⁰

Среди всех этих бурных событий произошли и изменения в личной жизни Хо Га И. Его семья — жена, сын и трое дочерей — приехали к нему в Пхеньян осенью 1946 г. Однако жена Хо Га И Анна Ли к тому времени была уже тяжело больна — переселение и военные годы подорвали ее здоровье и вскоре после прибытия в Пхеньян, в 1947 г. она умерла от туберкулеза. 1 января 1949 г. в доме Хо Га И отпраздновали свадьбу. Его новой женой стала Нина Цой, дочь Петра Ивановича Цоя (Чхве Пхе Дока), который приехал в Пхеньян в августе 1948 г. как военный советник. П. И. Цой был одним из очень немногих корейцев-офицеров Красной Армии, которые уцелели в годы массового террора (1937–1939). В 1938 г. он был арестован и провел 11 месяцев в тюрьме, подвергался пыткам, но так и не признался в том, что является «агентом японской разведки». П. И. Цой отличился во время Второй Мировой войны, к концу которой он был начальником Училища бронетанковых войск в Саратове. В Корею он прибыл уже полковником советской армии, и в этом качестве был советским советником в бронетанковых войсках.²⁵¹ Его дочь Нина — будущая жена Хо Га И (1922–1972) окончила филологический факультет Харьковского государственного университета и приехала в Корею вместе с отцом. Хо Га И знал Петра Цоя с очень давних времен, с начала двадцатых годов. По настояниям Хо Га И Петр Цой, который первоначально приехал в Корею как военный советник, советский офицер и не собирался служить в северокорейской армии, согласился перейти на службу в «Корейскую Народную Армию» и принять командование бронетанковыми войсками (сделал это Петр Цой, по словам его дочери Людмилы, с большой неохотой, так как он предпочитал продолжать службу в Советской Армии).²⁵² Впоследствии П. И. Цой сыграл большую роль в разработке и осуществлении блестящей операции по молниеносному захвату Сеула в июне 1950 г.

В круг обязанностей А. И. Хегая входило не только руководство деятельностью партийных организаций Трудовой партии Кореи на Севере. Вместе с Пак Хон Еном и другими ушедшими на Север южнокорейскими коммунистами он руководил и действиями коммунистического подполья и его организаций на Юге. После того, как в 1949 г. он стал первым секретарем ТПК, он отвечал за партийную работу как к северу, так и к югу от 38-й параллели. Как вспоминает Пак Пен Юль, который вперед началом Корейской войны руководил Кандонским военно-политическим училищем — главным центром подготовки партизан и подпольщиков — из высших корейских руководителей в этом училище чаще всего появлялись Пак Хон Ен, Ли Сын Еп и Хо Га И. Хо Га И с большим уважением относился к Пак Хон Ену и другим руководителям южнокорейского подполья, поддерживал с ними очень хорошие отношения²⁵³ (возможно, это впоследствии послужило причиной слухов, которые связывали самоубийство (?) Хо Га И с падением Пак Хон Ена).

По сообщения бывшего начальника оперативного управления Генерального штаба северокорейской армии Ю Сон Чхоля, подготовка к нападению на юг была начата еще осенью 1948 года, а окончательное решение было принято после встречи Ким Ир Сена и

250 Suh Dae-sook. Kim Il Sung. The North Korean leader. New York, 1988. P. 92.

Пукхан инмен сачжоню Сеул, Чуанан ильбо са, 1990. С. 424.

251 Интервью с Кан Сан Хо, Ленинград, 7 марта 1990 г.

Чан Хак Пон. Чхве Пхедок-ыль хвигохае. — «Ленин кичхи», 28 ноября 1990 г.

252 Интервью с Людмилой Цой, Москва, 26 января 1990 г.

253 Интервью с Пак Пен Юлем, Москва, 25 января 1990 г.

Сталина весной 1950 г. По рассказам Ю Сон Чхоля, Хо Га И был одним из тех немногих людей, кто знал о планируемом ударе по Югу и принимал активное участие в подготовке Севера к надвигающейся войне.²⁵⁴ Едва ли сам этот план вызывал у Хо Га И какие-либо протесты. Воспитанный в духе традиционного коммунистического мировоззрения, Хо Га И едва ли считал саму идею вооруженного вторжения с целью насаждения коммунистической системы чем-то предосудительным, тем более, что в тот период, как сообщали мне многие информированные очевидцы, северокорейское руководство было уверено, что достаточно одного удара, чтобы на Юге началось всеобщее восстание против Ли Сын Мана.²⁵⁵

Однако главной областью деятельности Хо Га И было все-таки партийное строительство. Именно Хо Га И подписывал большинство документов, касающихся партийной жизни Северной Кореи. В кругах высшего северокорейского руководства Хо Га И часто уважительно называли «профессор партийных дел».²⁵⁶ Как заместитель председателя партии (а в 1949–1951 гг. ее первый секретарь) и глава Контрольной комиссии Хо Га И оказывал большое влияние на все назначения на государственные посты, на формирование партийного и чиновничьего аппарата.

Улица в Пхеньяне. Сентябрь 1950 г.

С началом Корейской войны ситуация на Севере существенно изменилась. Как известно, война привела к заметному усилению китайского влияния и ослаблению советского. В этой обстановке у Ким Ир Сена, который стремился использовать войну для укрепления своей власти, появилась возможность отделаться от тех советских корейцев, кого он считал своими наиболее опасными соперниками в будущем. Естественно, что среди таких людей оказался Хо Га И. Пока Хо Га И находился в высшем северокорейском руководстве, Ким Ир Сен не мог считать себя полновластным хозяином в партийных делах. Вдобавок, можно предположить, что для Ким Ир Сена Хо Га И во многом был символом того самого советского контроля, которым Ким Ир Сен все более тяготился.

Отстранение Хо Га И от руководства внутрипартийной жизнью ТПК произошло в конце 1951 г. В декабре 1950 г. на Третьем пленуме ЦК ТПК Ким Ир Сен распорядился провести

²⁵⁴ Интервью с Ю Сон Чхолом, Ташкент, 18 января 1991 г.

²⁵⁵ Интервью с Ю Сон Чхолом, Ташкент, 18 января 1991 г.

Интервью с Пак Пен Юлем, Москва, 25 января 1990 г.

Интервью с Людмилой Цой, Москва, 26 января 1990 г.

²⁵⁶ Интервью с Кан Сан Хо, Ленинград, 31 октября 1989 г.

проверку всех тех членов партии, которые в период отступления северокорейской армии оказались на территории, контролировавшейся американскими войсками. Задача эта была возложена на Контрольную комиссию, которую возглавлял Хо Га И. Проверка проводилась жестко, большинство членов партии, оказавшихся в оккупации, утративших партийные билеты и не принявших непосредственного участия в деятельности подполья и партизанских отрядов, были исключены. Так, из 164 членов партийной организации уезда Сунчхон провинции Пхеньан-пукто было исключено 154.²⁵⁷ Одновременно Хо Га И резко ужесточил условия приема в партию.

Эта линия Хо Га И вызвала серьезную критику со стороны Ким Ир Сена на IV пленуме ЦК ТПК Второго созыва, который состоялся 1–4 ноября 1951 г. По инициативе Ким Ир Сена на этом пленуме Хо Га И был обвинен в «ликвидаторстве» и снят со своего поста. Надо сказать, что термин этот был выбран Ким Ир Сеном (или кем-нибудь из его окружения) не слишком грамотно: ведь в коммунистической традиции термином «ликвидаторство» обозначается стремление умеренного крыла подполья к отказу от нелегальных организаций и нелегальной деятельности. Таким образом, этот термин не может быть применен к партии, действующей в легальных условиях, а уж тем более к правящей, каковой в то период являлась ТПК.

Профессор Со Дэ Сук — автор авторитетного исследования по истории Северной Кореи, считает, что спор Хо Га И и Ким Ир Сена носил принципиальный характер и был связан с определением стратегии партийного строительства. По его мнению, Хо Га И был сторонником элитарной партии, в то время как Ким Ир Сен стремился к превращению ТПК в массовую организацию.²⁵⁸ Проф. Со Дэ Сук — ведущий специалист в области северокорейской истории, но в этом вопросе с ним трудно согласиться. Представляется, что Ким Ир Сен во время своего конфликта с Хо Га И не был столь уже озабочен теоретическими вопросами. Куда вероятней, что происшедшее было не более чем удобным предлогом для устранения Хо Га И. Если бы не произошло инцидента с делом об исключении из партии, то Ким Ир Сен нашел бы какой-нибудь другой повод расправиться с ним. В этой связи следует учесть и замечание Кан Сан Хо, который, основываясь на циркулировавших среди северокорейской верхушки слухах, считает, что Хо Га И в действительности стал жертвой примитивной ловушки, подстроенной Ким Ир Сеном, который сначала посоветовал ему быть жестким, а потом использовал эту жесткость, чтобы разделаться с ним.²⁵⁹

Тем не менее снятие Хо Га И с партийных постов еще отнюдь не означало его полного отстранения от активной политической деятельности. Ким Ир Сен в 1951 г. был еще слишком слаб для того, чтобы позволить себе напрямую расправиться со столь влиятельным человеком. Хо Га И был назначен заместителем Председателя кабинета министров. Новое назначение было, конечно, существенным понижением, но тем не менее Хо Га И оставался довольно заметной политической фигурой на Севере. В его обязанности входило руководство сельским хозяйством Северной Кореи и, в частности, контроль за состоянием Сунанского водохранилища.

Вскоре стало известно о том, что водохранилище серьезно пострадало от налетов американской авиации, а восстановительные работы на нем идут недостаточно быстро. Это обстоятельство и было использовано Ким Ир Сеном для решительной атаки на Хо Га И. Хо Га И был обвинен в плохой организации обороны водохранилища, халатности. Ким Ир Сен явно стремился использовать ситуацию на водохранилище как предлог для окончательного устранения Хо Га И. В начале июля должно было состояться заседание Политбюро ЦК ТПК, на котором предполагалось рассмотреть вопрос об ответственности Хо Га И и наложить на

257 Suh Dae-sook. Kim Il Sung. The North Korean leader. New York, 1988. P. 124.

258 Там же, pp. 124–125.

259 ?????????????

него взыскание.

30 июня 1953 г. Хо Га И побывал в советском посольстве и встретился с поверенным в делах С. П. Суздацевым. Эта встреча описана в недавно рассекреченных документах советского посольства. В ходе беседы с С. П. Суздацевым Хо Га И рассказал о том, что на состоявшемся в тот день заседании Совета министров ему были предъявлены обвинения в бюрократизме, волоките, неправильном руководстве восстановительными работами. С наибольшей активностью на Хо Га И нападали сам Ким Ир Сен и Пак Чхан Ок, который после падения Хо Га И в 1951 г. стал претендовать на положение неформального лидера советской группировки. После этого Ким Ир Сен предложил снять Хо Га И с поста заместителя премьера и назначить Министром внешней торговли. Как считал сам Хо Га И, «большинство из этих обвинений необъективны, натянуты и продиктованы личной неприязнью к нему Ким Ир Сена и в известной степени Пак Чан Ока, а также объясняются его несогласием с рядом действий Кима и руководства ЦК по расстановке кадров, налоговой системы, чрезмерному восхвалению Ким Ир Сена и другим вопросам». Хо Га И сказал С. П. Суздацеву, что ему предоставлено два дня для подготовки ответа на предъявленные ему обвинения.

Суздацев посоветовал Хо Га И «серьезно и спокойно продумать свое выступление на Политсовете, честно признать свои ошибки и упущения и взять обязательство исправить их в дальнейшей работе. Что же касается тех обвинений, с которыми он не согласен, открыто заявить об этом на Политсовете». ²⁶⁰ Выслушав советы С. П. Суздацева, Хо Га И покинул посольство, в котором ему более не было суждено побывать.

Через несколько дней стало известно о гибели А. И. Хегая. В соответствии с официальным сообщением, которое предназначалось исключительно для высших партийных кадров и было сделано Пак Чон Э, А. И. Хегай покончил с собой в своей резиденции в ночь накануне заседания Политбюро, которое должно было обсудить его ошибки в деле охраны и восстановления Сунанского водохранилища. Из материалов посольства видно, что убийство (или самоубийство?) Хо Га И произошло 2 июля 1953 г. около 9:15. О его гибели Поверенному в делах сообщил Пак Чхан Ок — старый недоброжелатель Хо Га И (Пак Чхан Ок претендовал на роль лидера советских корейцев и относился к Хо Га И как к сопернику).

²⁶¹

Главным вопросом, связанным с гибелью Хо Га И, является следующий: действительно ли он покончил с собой или же был тайно убит людьми Ким Ир Сена, которые потом постарались создать впечатление того, что произошло самоубийство. Я боюсь, что с полной уверенностью ответить на этот вопрос уже никому не удастся, ибо даже после Объединения Кореи едва ли будут найдены материалы, которые позволят дать однозначный ответ. Тем не менее, на основании той информации, которой располагает автор, предположение об убийстве представляется более вероятным.

Во-первых, ряд фактов заставляет сомневаться в правильности официальной версии о самоубийстве. Так, вечером накануне самоубийства в гостях у Хо Га И был его тесть Петр Цой. Они просидели вместе целый вечер. Хо Га И много говорил о своем маленьком сыне — внуке Петра Цоя, о том, что после окончания войны очень хотел бы увидеться с ним. В ходе этого разговора Хо Га И (уже не в первый раз) сказал, что в создавшейся обстановке оставаться в Корее он не хочет и не исключает того, что через некоторое время после окончания боевых действий вернется в Советский Союз. Расстались они поздно, Хо Га И уговаривал Петра Цоя остаться переночевать, но тот заторопился к себе, в штаб бронетанковых войск, и отказался. Когда поздно вечером они расстались, никакого уныния или обеспокоенности у Хо Га И не было. О намеченном на следующий день заседании Политбюро Хо Га И говорил достаточно спокойно и особо по этому поводу не волновался. Не

²⁶⁰ Дневник поверенного в делах С. П. Суздацева. г. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44. 30 июня 1953 г.

²⁶¹ Там же, 2 июля 1953 г.

было ни малейших признаков того, что он думает о самоубийстве.²⁶² Можно, конечно, возразить, что решение о самоубийстве Хо Га И принял внезапно, но все, кто знал его, в один голос отмечают, что Хо Га И был на редкость выдержанным и уравновешенным человеком, всегда сохранявшим самообладание и тщательно обдумывающим каждый свой шаг.

По крайней мере, у Петра Цоя никаких сомнений на этот счет не оставалось. На следующий день, когда стало известно о «самоубийстве» Хо Га И, Петр Цой в ярости позвонил Ким Ир Сену по телефону и обвинил высшего северокорейского лидера в организации убийства. После этого Петр Цой подал в отставку и срочно выехал из Кореи в СССР.²⁶³

Заметим кстати, что северокорейские руководители, в том числе и сам Ким Ир Сен, в первые же дни после гибели А. И. Хегая неоднократно ставили перед советскими дипломатами вопрос об отзыве П. И. Цоя. Об этом Ким Ир Сен говорил поверенному в делах С. П. Суздалеву 6 июля. 7 июля Пак Чхан Ок объяснил причины этой спешки. Он сказал, что «Цоя было бы желательно отозвать в Советский Союз, поскольку он после самоубийства его зятя не сможет поддерживать нормальные взаимоотношения с Ким Ир Сенем. Уже сейчас, сказал Пак Чан Ок, Цой не проявляет лояльности по отношению к Ким Ир Сену, делает необоснованные заявления о причинах самоубийства Хегая (весьма прозрачный намек на то, что П. И. Цой обвиняет Ким Ир Сена в организации убийства — А. Л.)». ²⁶⁴ Году в 1956 или 1957 г., когда Ким Ир Сен стал полновластным хозяином положения у себя в стране, судьба Петра Ивановича и Нины Петровны Цой была бы самой печальной, но в 1953 г. Ким Ир Сен еще слишком зависел от Москвы, чтобы позволить себе расправиться с высокопоставленным офицером Советской Армии, поэтому П. И. Цоя просто постарались поскорее отправить из Кореи. За ним последовала его дочь (остальные дети А. И. Хегая тоже со временем вернулись в СССР).

Есть и еще одно обстоятельство, которое подкрепляет подозрения в убийстве. Когда жена Хо Га И Нина прибыла в его резиденцию из Харбина (там, в Харбине, в эвакуации находились семьи большинства высших северокорейских руководителей), она обнаружила, что ее муж уже похоронен. Ни с кем из тех, кто был в доме в то утро, когда погиб муж, ей встретиться не дали: и адъютанты, и шофера, и обслуга были уже переведены куда-то, никого из них в доме не было. Единственное, что смогла сделать молодая вдова — это сходить на могилу мужа, но даже и этого удалось добиться с трудом: только помощь Чон Чхоль У — старого друга Хо Га И — Нина Цой получила возможность увидеть могилу. Вся эта странная поспешность слишком похожа на стремление замести следы совершенного преступления.²⁶⁵

Тем не менее, впоследствии стало известно, что обстоятельства, при которых Хо Га И был обнаружен мертвым, вызвали у многих подозрения. Его нашли лежащим в детской кровати его сына, в руках у него было охотничье ружье, к спусковому крючку которого был привязан пояс от платья жены. Однако некоторым из тех, кто смог побывать там в первые минуты и часы, показалось, что в действительности Хо Га И был убит, а самоубийство лишь инсценировано.

Во-вторых, в ходе сбора материалов по истории Северной Кореи мне довелось

²⁶² Интервью с Лирой Хегай, Ташкент, 26 января 1991 г.

Интервью с Людмилой Цой, Москва, 26 января 1990 г.

²⁶³ Интервью с Людмилой Цой, Москва, 26 января 1990 г.

Все изложенные материалы о гибели Хо Га И автор собрал самостоятельно, но они почти полностью совпадают с тем, что говорится в известной работе Лим Ына.

²⁶⁴ Дневник поверенного в делах С. П. Суздалева. г. АВП, ф. 0102, оп. 9, д. 9, п. 44. 2 июля 1953 г.

²⁶⁵ Интервью с Майей Хегай, Ташкент, 15 января 1991 г.

Интервью с Лирой Хегай, Ташкент, 26 января 1991 г.

встретиться с многими людьми, которые хорошо знали Хо Га И. Почти все они (не исключая и тех, кто в целом стоит на прокимирсеновских позициях!) достаточно единодушно высказались в поддержку предположения о тайном убийстве. Большинство людей, хорошо лично знавших Хо Га И, отвергает мысль о самоубийстве как несовместимую с его спокойным, уравновешенным характером.

Если Хо Га И действительно стал жертвой организованного Ким Ир Сеном убийства, то невольно напрашивается вопрос: почему Ким Ир Сен совершил это преступление? Чем ему был опасен Хо Га И, который после 1952 г. уже был отстранен от власти и не оказывал особого влияния на развитие политической ситуации? Представляется, что существовали три основные причины, по которым Ким Ир Сен мог принять решение убить Хо Га И. Во-первых, он опасался, что Хо Га И станет руководителем какого-либо антикимирсеновского движения, какого-нибудь заговора, который могли бы попытаться отстранить от власти самого Ким Ир Сена (причем в той обстановке Ким Ир Сен мог опасаться и прямой советской поддержки такого заговора). Умный, влиятельный и авторитетный Хо Га И был опасен даже в опале. Во-вторых, не следует сбрасывать со счета и чисто психологическую сторону вопроса: в первые годы после Освобождения Ким Ир Сен, находившийся под полным контролем советских властей, видел в Хо Га И — одном из самых влиятельных советских корейцев — важное орудие этого контроля. В немалой степени Ким Ир Сен мог просто завидовать авторитету Хо Га И в партийных кругах. В-третьих, Ким Ир Сен наверняка знал о намерении Хо Га И вернуться в Советский Союз и опасался, что, оказавшись вне его досягаемости, Хо Га И сможет нанести ему немало вреда (например, сообщив советскому руководству свои критические оценки ситуации в Корее и деятельности Ким Ир Сена). Поэтому для Ким Ир Сена желательно было не выпускать Хо Га И живым.

Как уже говорилось выше, в этой статье автор не ставил перед собой задачи давать историческую и моральную оценку той роли, которую сыграл в корейской истории Хо Га И. Однако, несколько слов в заключение все-таки хотелось бы сказать.

Безусловно, роль Хо Га И достаточно двойственная. С одной стороны, не вызывает никаких сомнений его субъективная честность. Подобно многим другим корейским коммунистам — как выросшим в самой Корее, так и приехавшим из-за границы — Хо Га И искренне верил в коммунистические идеи, считал, что работает во имя осуществления великой цели — установления идеального общественного строя. Все, кто знал Хо Га И, отмечают его скромность, непритязательность в быту, бескорыстие. Во время второй мировой войны, когда Хо Га И занимал весьма заметные посты в Советском Союзе, его семья жила также, как и тысячи советских семей: нуждаясь, а то и голодая. Бесспорен также большой талант Хо Га И, его незаурядные организаторские способности.

С другой стороны, объективные результаты деятельности Хо Га И в Северной Корее весьма печальны. Весь свой талант и ум он отдал делу создания на корейской земле копии сталинского Советского Союза (причем копии ухудшенной). Хо Га И и другие советские корейцы расчистили путь к власти Ким Ир Сenu и его группировке. Советские корейцы были орудием советской внешней политики, которая была направлена тогда на коммунизацию Корейского полуострова. Авторы этой политики в своем подавляющем большинстве не были циничными карьеристами и прагматиками. Наоборот, они честно и искренне верили в то, что несут корейскому народу счастье. Тем не менее, их деятельность привела к трагическим последствиям, Корея в течение нескольких десятилетий перенесла немало страданий и по их вине. Однако ни Хо Га И, ни кто-либо другой тогда не мог еще этого предвидеть.

8. РЕПРЕССИВНЫЙ АППАРАТ И КОНТРОЛЬ НАД НАСЕЛЕНИЕМ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Одной из характерных черт северокорейского общества является всеобъемлющий государственный контроль, который касается всех сторон жизни корейца. По-видимому, не будет особым преувеличением сказать, что Северная Корея — наиболее контролируемое общество современного мира. В этой статье хотелось бы остановиться как на истории, так и на современных методах административно-полицейского контроля над населением в Северной Корее. Границы этой темы довольно расплывчаты, тем более, что понятие «политический контроль» очень широко и, вдобавок, трудно провести четкую грань между, скажем, административно-полицейским и экономическим контролем (лишение карточек, например, по решению местной администрации — к какой области это относится?). Тем не менее мы постараемся остановиться на тех методах контроля, которые в той или иной степени носят репрессивный характер и связаны с деятельностью полицейского аппарата. Главными источниками послужили сведения, собранные автором за время бесед с северокорейцами как в самой КНДР, так и за ее пределами, и южнокорейские публикации, также по большей части опирающиеся на сообщения перебежчиков.

К сожалению, сведения эти неполны и зачастую противоречивы (и, зачастую, даже сознательно фальсифицированы), но, тем не менее, тема представляется настолько интересной, что ее имеет смысл предварительно рассмотреть ее даже на основании этих заведомо скудных и, порою, не очень надежных источников. Вообще говоря, изучение репрессивного аппарата в недемократических обществах неизбежно сталкивается с одной парадоксальной закономерностью: чем эффективнее и жестче контроль над населением, тем меньше внешний мир знает о происходящих там репрессиях. Порою это ведет к неожиданным результатам: когда какой-либо режим начинает смягчать полицейский контроль, то есть, иначе говоря, относиться к своим подданным мягче, у недовольных появляется не только возможность сказать что-то, но и быть услышанным за пределами страны. Поэтому с точки зрения стороннего наблюдателя это смягчение часто сопровождается волной критических публикаций в зарубежной прессе, и может даже восприниматься как «ухудшение», а не улучшение ситуации. Хорошим примером тому является Китай. Когда в начале семидесятых маоцзедуновский террор достиг своего пика, информация о пытках, расстрелах, тюрьмах почти никогда не проникала в западную печать. Когда режим неизмеримо смягчился, и когда вполне реальные (а не сфабрикованные политической полицией) диссиденты получили возможность общаться с иностранными журналистами, западная печать вдруг оказалась заполненной публикациями о «правах человека в Китае». Нечто подобное происходило и в СССР двумя-тремя десятилетиями ранее, когда реформы Хрущева сделали оппозиционную деятельность возможной (в обоих случаях немалую роль играл и элемент сознательной политической манипуляции, использования «проблемы прав человека» для достижения определенных политических целей, но это уже другая сторона медали).

КНДР, к несчастью большинства ее жителей, все еще находится на стадии тотального политического и информационного контроля, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе — и нехваткой объективной информации о том, как же там осуществляется контроль над населением.

***

На первых порах структура северокорейского репрессивно-полицейского аппарата складывалась под сильным советским влиянием, при прямом участии выходцев из СССР и направленных Москвой советников, которые работали в аппарате корейского МВД вплоть до конца 1950-х гг.²⁶⁶ По-настоящему специфические методы административно-полицейского

²⁶⁶ Интервью с Кан Сан Хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.

Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.

контроля над населением, характерные именно для КНДР, появились только в конце 1950-х гг., когда период безоговорочного следования в фарватере советской политики остался позади, и во многом были связаны с влиянием политической культуры маоистского Китая.

Резкое ужесточение контроля над населением началось в Северной Корее с конца 1950-х гг., то есть с того времени, когда фракция Ким Ир Сена, расправившись со своими реальными и потенциальными соперниками, захватила всю полноту власти в стране. Именно с тех пор Северная Корея, которая и раньше отнюдь не являла собой цветущую демократию, начинает превращаться в тотально контролируемое общество, в котором власти стремятся вмешиваться абсолютно во все стороны жизни своих подданных. 30 мая 1957 г. Постоянный комитет (Политбюро) ЦК ТПК принял решение под длинным названием: «О превращении борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение» (т. н. «решение от 30 мая»). Этим решением было положено начало одной из первых крупных кампаний по выявлению врагов режима. На первых порах кампания по «превращению борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение» шла вяло и резко активизировалась лишь в 1959 г., когда при ЦК ТПК был создан специальный орган для руководства ею. Во главе этого органа встал младший брат Ким Ир Сена — Ким Ен Чжу, который в то время был одним из высших партийных функционеров. Аналогичные органы, в состав которых входило до 7000 человек, были созданы и при партийных комитетах более низкого уровня.²⁶⁷

В ходе этой кампании все население Северной Кореи было впервые разделено на 3 группы: «враждебные силы», «нейтральные силы» и «дружественные силы». Это трехчленное деление сохраняется и поныне. К «враждебным силам» были отнесены: 1) семьи перебежчиков на Юг; 2) бывшие помещики, предприниматели, торговцы и служители культа, а также их семьи; 3) не вернувшиеся на Север пленные и члены их семей; 4) бывшие сотрудники японской колониальной администрации и их семьи; 5) семьи лиц, отбывающих тюремное заключение, а также сами бывшие заключенные; 6) «фракционеры» (то есть те члены партии, что выступали против действий Ким Ир Сена), и их семьи. К «дружественным силам» были отнесены: 1) семьи погибших революционеров; 2) семьи погибших военнослужащих; 3) кадровые работники и их семьи. Остальное население попало, естественно, в разряд «нейтральных сил».

Так была заложена основа жесткого, по сути — сословного деления населения на неравноправные и наследственные категории, которое стало характерной чертой политической организации северокорейского общества. Система эта сложилась под явным влиянием маоистского Китая, где с конца 50-х гг. тоже существовали похожие квазисословные группы населения, однако в Корее это деление, во-первых, было куда более дробным, и, во-вторых, просуществовало в течение куда более долгого времени.

В ходе кампании 1957–1960 гг. было выявлено немалое количество «злостных контрреволюционеров», которые предстали перед судом. Около 2500 человек было казнено, причем именно в это время казни стали осуществляться публично, многие подверглись более мягким наказаниям. Частью кампании стало Постановление Совета министров No. 149, принятое на основании уже упоминавшегося «решения 30 мая». В соответствии с этим постановлением, лица, отнесенные к «враждебным силам», лишались права жить в приграничных и приморских районах (на расстоянии менее 20 км от границы или береговой линии), а также на расстоянии менее 50 км от Пхеньяна и Кэсона, и менее 20 км — от любого другого крупного города. Если учесть, что Северная Корея — не слишком большая страна, то это постановление фактически означало выселение «враждебных элементов» в малолюдные горные северные провинции, где для их размещения были созданы специальные районы. Всего же за время действия постановления No. 149, которое остается в силе и поныне (по крайней мере, в конце 80-х гг. оно еще действовало) в горные районы было, по

²⁶⁷ Пукхан чхонъям (Северокорейское обозрение). Сеул, «Пукхан енгусо», 1985. С. 310.

южнокорейским данным, выселено на постоянное проживание около 70 тысяч человек.²⁶⁸ Надо сказать, что в этом случае мы, возможно, имеем дело с прямым советским влиянием, так как вся эта система весьма напоминает пресловутый «101 км» (существовавшую в то время в СССР систему, в соответствии с которой освобожденные из заключения лица и иные неблагонадежные элементы имели право жить не ближе 101 км от Москвы, Ленинграда и иных крупных городов).

Пхеньянская улица. Конец 1950-х годов.

К началу 1961 г. кампания по выявлению и выселению «контрреволюционных элементов» успешно завершилась. Однако резкая активизация военных приготовлений в начале 1960-х гг. и продолжающееся ужесточение внутренней политики кимирсеновского режима потребовали проведения новой, более тщательной, проверки населения на лояльность. Проверка эта началась в 1964 г. в соответствии с постановлением «О дальнейшем усилении работы с различными слоями и группами населения» принятым восьмым пленумом ЦК ТПК четвертого созыва в конце февраля. Постановление предписывало провести новое перераспределение населения по категориям, причем новым (не таким, как в 1957–1960 гг.) и существенно более дробным. Работа эта проводилась в 1964–1969 гг. силами так называемых «групп 620», специально сформированных для этой цели. Как и в 1957–1960 гг., эта деятельность сопровождалась высылками, арестами и казнями врагов режима (как реальных, так и потенциальных или просто выдуманных). Завершилась кампания установлением новой системы разделения всего населения Северной Кореи на группы. Система эта с некоторыми изменениями действует и до настоящего времени, поэтому на ней следует остановиться поподробнее.

Все население КНДР в зависимости от своего происхождения подразделяется на 51 группу, которые образуют три слоя: «основной», «колеблющийся» и «враждебный».

К «основному слою» относятся следующие 12 групп:

1) Рабочие, выходцы из рабочих семей; 2) Выходцы из крестьян-батраков; 3) Выходцы из бедных крестьян; 4) Служащие государственных учреждений; 5) Члены ТПК; 6) Члены семей погибших в боях участников революционной борьбы; 7) Члены семей покойных участников революционного и национально-освободительного движения; 8) Революционные интеллигенты (то есть такие интеллигенты, которые получили образование уже после Освобождения); 9) Семьи убитых в годы войны мирных жителей; 10) Семьи солдат, погибших на Корейской войне; 11) Семьи военнослужащих; 12) Герои войны.

К «колеблющемуся слою» относится 9 групп: 13) Бывшие мелкие торговцы-разносчики; 14) Бывшие средние торговцы; 15) Бывшие ремесленники; 16) Бывшие

²⁶⁸ Там же, с. 312.

владельцы мелких предприятий; 17) Бывшие владельцы мелких предприятий сферы обслуживания; 18) Бывшие владельцы средних предприятий сферы обслуживания; 19) Семьи лиц, ушедших на Юг во время Корейской войны, но при этом не совершивших никаких действий, направленных против северокорейского политического и государственного строя; 20) Бывшие крестьяне-середняки; 21) Выходцы с Юга, не принимавшие участия в так называемой «фракционной деятельности» (то есть, попросту, не связанные с коммунистическим движением в Южной Корее).

Как и следует ожидать, наиболее дробная классификация существует для людей, которых нынешний северокорейский режим относит к «враждебному слою». Существует ни много ни мало 30 видов врагов:

22) Рабочие со сложным социальным происхождением, то есть те люди, которые хотя и стали рабочими после Освобождения, до этого были предпринимателями или чиновниками; 23) Бывшие кулаки, то есть крестьяне, использовавшие в своих хозяйствах наемный труд; 24) Бывшие торговцы, представлявшие национальный мелкий и средний капитал; 25) Бывшие помещики, то есть лица, владевшие до земельной реформы 1946 г. более чем 5 чонбо (1 чонбо = 0,99 га) земли; 26) Лица, занимавшиеся прояпонской или проамериканской деятельностью; 27) Бывшие реакционные чиновники, служившие в японской колониальной администрации; 28) Семьи лиц с хорошим социальным происхождением, совершивших преступные действия и бежавших на Юг во время войны; 29) Семьи лиц с чуждым социальным происхождением, бежавших на Юг во время войны; 30) Вернувшиеся в 1950-е гг. из Китая в Корею китайские корейцы; 31) Вернувшиеся в 1960-е гг. из Японии в Корею японские корейцы; 32) Перебежчики с Юга, не относящиеся к категории No. 21; 33) Старая интеллигенция, получившая образование еще до Освобождения; 34) Лица, исповедующие протестантизм и исполняющие протестантские обряды; 35) Лица, исповедующие буддизм и исполняющие буддистские обряды; 36) Лица, исповедующие католицизм и исполняющие католические обряды; 37) Местные конфуцианцы; 38) Лица, исключенные из ТПК; 39) Бывшие кадровые работники, снятые с постов; 40) Лица, служившие во время оккупации Северной Кореи американо-южнокорейскими войсками в полиции и государственном аппарате Юга; 41) Семьи лиц, отбывающих тюремное заключение; 42) Лица, связанные со шпионскими организациями и члены их семей; 43) Антипартийные, контрреволюционные, фракционные элементы; 44) Семьи лиц, наказанных за политические преступления; 45) Лица, освободившиеся после отбытия срока наказания за политические преступления; 46) Лица, склонные к хулиганским поступкам; 47) «Подозрительные женщины» — бывшие шаманки, куртизанки-кисэн и их ближайшие родственницы; 48) Лица, освободившиеся после отбытия срока наказания за хищения, растраты и иные экономические преступления; 49) Бывшие члены Партии молодых друзей небесного пути; 50) Бывшие члены Демократической партии; 51) Бывшие капиталисты, собственность которых была национализирована в 1946 г.

Остальные жители страны относятся, как можно легко догадаться, к «колеблющемуся» слою. То, к какому слою и даже к какой конкретно из этих многочисленных групп принадлежит тот или иной человек, оказывает огромное, а порой — и определяющее влияние на его судьбу. От этого зависит поступление на работу или учебу, а, значит, и уровень жизни, возможность жить в Пхеньяне и других престижных городах, тяжесть приговора в случае суда, и многое другое. Например, у представителей «враждебного слоя» обычно нет никаких шансов ни поступить в столичный вуз, ни жить в Пхеньяне и Кэсоне. Представители наиболее дискриминируемых группировок, как правило, могут найти себя супруга только среди товарищей по несчастью (ситуация, известная по маоцзедуновскому Китаю), что окончательно превращает такие группировки в замкнутые наследственные касты неприкасаемых.

Разумеется, нет никакой возможности даже приблизительно определить численность этих групп. Разнобой в данных по этому вопросу редкостный. Так, в 1986 г. в одной южнокорейской коллективной монографии со ссылкой на издание Министерства объединения (эти издания весьма богаты фактами, но, увы, не ссылками, и, похоже, часто

опираются на разведывательную информацию) было заявлено, что численность «основного», «колеблющегося» и «враждебного» слоев составляет 28 %, 45 % и 27 % соответственно.²⁶⁹ Цифры эти, по крайней мере, правдоподобны, и все бы ничего, если бы в другом разделе той же самой коллективной монографии не содержались, со ссылкой на американскую публикацию, совсем другие цифры: 25 %, 24 %, 51 %.²⁷⁰ Такой разброс еще раз подчеркивает то обстоятельство, что серьезной информации пока ни у кого нет.

Р. Каган, соавтор известной работы о правах человека в Северной Корее, сказал на проводившихся в мае 1992 г. в США специальных слушаниях Heritage Foundation по северокорейскому вопросу, что к первому, «основному» слою относится около 2 млн. чел., ко второму — «колеблющемуся» — около 15 млн. и к третьему — «враждебному» — около 3 млн.²⁷¹ К сожалению, Р. Каган не дал при этом никаких ссылок. Нам, однако, представляется, что численность «основного» слоя у Р. Кагана существенно занижена, а «колеблющегося» — наоборот, завышена.

При рассмотрении оценок Р. Кагана следует помнить, что только численность ТПК, все члены которой по определению относятся к основному слою, в 1980 г. составляла, как была сообщено на VI съезде, «2–3 миллиона человек» и с тех пор, бесспорно, увеличилась. Кроме того, к основному слою следует отнести и практически всех жителей Пхеньяна и Кэсона, а это еще около двух миллионов человек, частично беспартийных и, таким образом, лишь частично входящих в упомянутые выше «2–3 миллиона». Кроме того, в состав «основного слоя» входят и семьи военнослужащих — немалочисленная группа, если учесть, что в северокорейской насчитывается более миллиона солдат и офицеров. Так что даже по самым приблизительным минимальным оценкам численность «основного слоя» едва ли может быть меньше 4–5 миллионов человек. Скорее же всего, она существенно выше.

Имеет смысл сказать несколько слов о корейских местах лишения свободы, без которых эффективный контроль режима над населением был бы невыносим. Все корейские тюрьмы и лагеря можно разделить на две группы: лагеря, в которые направляются политически неблагонадежные элементы и политические преступники; и «обычные» лагеря и тюрьмы, в которых содержатся лица, осужденные судом за уголовные преступления. Из известной на настоящий момент информации создается впечатление, что «сегрегация» между уголовными и политическими преступниками соблюдается в КНДР достаточно строго.

К первому типу лагерей относятся так называемые «районы действия постановления No. 149» и «особые районы объектов диктатуры». «Районы действия Постановления No. 149» (149 хо тэсань чиек) были созданы в конце пятидесятых годов в северных малонаселенных провинциях после принятия уже упоминавшегося постановления Совета министров за No. 149, которое предусматривало выселение нежелательных элементов в отдаленные горные местности. Высланные туда люди не являются заключенными в точном смысле слова. Скорее, они находятся на положении, напоминающем статус советских «спецпереселенцев» 30-50-х гг. (возможно, что здесь существовало прямое влияние): в удостоверениях личности у них ставится соответствующая отметка, они обязаны периодически отмечаться в местном управлении общественной безопасности, без разрешения «органов» они не могут покинуть своего поселка или пригласить кого-либо к себе. Высланные в эти районы люди занимаются преимущественно тяжелой физической работой, хотя бы по той причине, что никакой другой работы там нет. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, если наши предположения о влиянии сталинской системы

²⁶⁹ Пукнам-ый сэнххвальсань (Образ жизни Севера и Юга). Сеул, 1986. С. 45.

²⁷⁰ Там же, с. 105.

²⁷¹ Orwell's Nightmare: Human Rights in North Korea. The Heritage Lectures, #394. Washington, Heritage Foundation, 1992.

«спецпереселенцев» на «Постановление No. 149» верны, то его авторам не надо было тратить много времени на изучение советского опыта: «спецпереселенцами» в 1937–1945 гг. было большинство советских корейцев, в том числе и те, кто в конце 1950-х гг. занимал заметные посты в КНДР.

«Особые районы объектов диктатуры» были созданы в конце 1950-х гг. и предназначались для выселения туда лиц, связанных с теми или иными политическими преступлениями. Это институт (как, кстати, и сам странноватый для нашего слуха термин «объекты диктатуры») — китайского происхождения. Режим, действующий в этих районах, значительно строже того, что существует в «районах действия Постановления No. 149», ибо в них преимущественно находятся не потенциальные враги режима, а лица, совершившие те или иные «политические ошибки», а также члены семей более серьезных политических преступников. По южнокорейским данным, в конце восьмидесятых годов в КНДР насчитывалось двенадцать таких районов, площадью от 50 до 250 кв. км каждый. Количество проживающих там «объектов диктатуры» оценивается примерно в 150 тыс. человек.²⁷²

В последнее время появились первые достоверные сведения о жизни в «особых районах объектов диктатуры». Это связано с тем, что нескольким бывшим заключенным удалось через некоторое время после освобождения из заключения бежать в Южную Корею. На основании их рассказов можно представить уклад жизни, существующий в лагерях этого типа.

В целом режим в «особых районах» близок к тюремному. Территория района обнесена колючей проволокой и охраняется, находящиеся там люди в обязательном порядке должны работать по 12 часов в день, получая скудный паек. Они, как правило живут в отдельных домах или землянках вместе со своими семьями, могут без конвоя передвигаться по территории района, им разрешается заниматься земледелием.

В одном отношении северокорейский режим далеко превосходит свои прототипы: сталинский Советский Союз и маоцедуновский Китай. Хотя слова Сталина «Сын за отца не отвечает» и были, во многом, лицемерием, и судьба членов семей репрессированных в Советском Союзе была незавидной, несовершеннолетних детей там в лагеря все-таки не отправляли. В Корее же в «особый район» часто попадают целые семьями, причем несовершеннолетних детей отправляют туда вместе с родителями. Так, живущий ныне в Южной Корее Кан Чхоль Хван был отправлен в «особый район объектов диктатуры» вместе со своей семьей в 1977 г., когда ему было только 7 лет, и находился там до февраля 1987 г. Причиной его ареста стал конфликт между его проживавшей в Японии бабушкой — активисткой Чхонрена, пропхеньянской организации японских корейцев, и лидером этой организации Хан Док Су. После репатриации эта семья, которая, помимо всего прочего, внесла немалые деньги на строительство исполинской статуи Ким Ир Сена на холме Мансудэ, в полном составе попала в лагерь. Дети в лагерях — это явление столь обычное, что для них там даже действуют школы, где преподают сотрудники политической полиции (такую школу окончил, в частности, Кан Чхоль Хван).²⁷³ Внутри самих «особых районов» имеются зоны, различающиеся по своему режиму. Известно о существовании более мягких «зон революционизации» и более жестких «зон абсолютного контроля». В последних заключенные, в частности, лишены права жить с семьями и не имеют шансов на освобождение.²⁷⁴

Все эти типы лагерей интересны тем, что они не являются в строгом смысле слова

²⁷² Кан Син Ги. Пукхан-ый пан чхечже серек-е тэхан кочхаль (Исследование антиправительственных сил в Северной Корее). — Пукхан, 1990, #9.

²⁷³ Тхыкбель токчжэ тэсанъ куек суенъчжадыль ирокхе сальго иттио (Так живут заключенные в «особых районах объектов диктатуры»). — «Пукхан», 1992, #12.

²⁷⁴ Там же, с. 66.

местами отбывания наказания, потому что заключенные часто (а, возможно, и просто всегда) направляются в них во внесудебном порядке, по одному лишь административному решению властей. По-видимому, срок пребывания в заключении никак не лимитирован и освобождение зависит исключительно от произвола властей.

Осужденные по суду как за уголовные преступления отбывают наказание в тюрьмах, которые бывают двух видов — исправительные лагеря (кехвасо) и исправительно-трудовые лагеря (нодонъ кехвасо).

Жизнь тюрем и лагерей — одна из самых закрытых страниц в любом тоталитарном государстве. Особенно это относится к такому сверхтоталитарному государству, каким является современная Северная Корея. За время своего пребывания в этой стране я обратил внимание на то, что корейская пропаганда и официальное искусство (а другого искусства там просто не существует) почти никогда не говорят ни о суде, ни о тюрьмах. Фильмы про шпионов и «фракционеров» кончаются тем, что разоблаченных злодеев куда-то увозят. Сцена суда, столь популярная в советском киноискусстве сталинских времен, — редкость, о тюрьмах же и вовсе не говорится ничего.

В своем большинстве суды проходят (если проходят вообще) в закрытом порядке. Открытые процессы — явление редкое, и обычно они носят показательный характер. Ан Хек, сам бывший заключенный, заявил категорически: «Те, кто совершил политические или идеологические преступления, [наказываются] без суда». ²⁷⁵ По его словам, судебный процесс — привилегия уголовных преступников. Это, возможно, и некоторое преувеличение, не исключено, что какая-то упрощенная псевдосудебная процедура все-таки проводится (как в случае с арестованным в 1967 г. венесуэльским поэтом Али Ламедой, который тогда работал в Северной Корее), но ясно, что на настоящий суд она совершенно непохожа. С другой стороны, в случае с Ли Сун Ок, обвиненной в уголовном преступлении, некое подобие суда действительно имело место (хотя показания были даны под пытками) ²⁷⁶, что может подтверждать заявление Ан Хека о том, что в Северной Корее судят за уголовные преступления, в то время как политические преступления наказываются в административном порядке. Впрочем, во многом этот разговор непредметен, так как очевидно, что суд, даже если он иногда и происходит, занимает буквально минуты и просто формально утверждает заранее подготовленный властями приговор.

Северная Корея — одна из немногих стран на земле, которая продолжает широко применять публичные казни. До 70-х годов публичные расстрелы, проводившиеся при большом стечении народа, были обычным зрелищем на стадионах Пхеньяна, но в настоящее время подобные шоу проводятся только в провинции. Осужденного привязывают к врытому в землю в центре спортивной арены столбу и на глазах собравшейся публики, зачитав приговор, расстреливают. Среди зрителей в обязательном порядке должны присутствовать сослуживцы осужденного. Иногда в воспитательных целях на казнь водят и студентов вузов, а то и старшеклассников (один из знакомых автора ходил на публичный расстрел в 1984 г. вместе со всем классом).

Характерной особенностью системы политического террора в Северной Корее является отсутствие пристрастия к пышным судебным спектаклям, на которых лидеры оппозиции должны каяться в разнообразных реальных или, чаще, вымышленных грехах. Это пристрастие, распространившееся по Европе, по-видимому, из позднесредневековой Англии, которая сочетала произвол верховной власти с весьма почтительным отношением к формальным правовым нормам, было характерно и для Французской революции, попало оно и в во многом ориентировавшуюся на ее традицию послереволюционную Россию. В то же время история Северной Кореи знает только один открытый политический процесс — суд 1953 г. над рядом бывших руководителей южнокорейского подполья, которых обвинили в

²⁷⁵ Там же, с. 65.

²⁷⁶ Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисанъ наквон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1997, #11.

шпионаже в пользу США и Японии, подготовке военного переворота и ряде других, столь же фантастических преступлений. Однако эта судебная инсценировка произошла еще в период, когда корейское руководство во всех областях жизни, в том числе и столь деликатных, однозначно ориентировалось на советский опыт. Выработавшийся же с конца 50-гг. собственно северокорейский стиль ликвидации неугодных, не исключая и самых высокопоставленных, стал предусматривать их внезапное исчезновение, после которого зачастую даже родные не могли узнать об судьбе жертв абсолютно ничего. Впрочем, обычно узнавать было некому: члены семей репрессированных в большинстве случаев сами отправлялись в ссылку, в уже упоминавшиеся «особые районы объектов диктатуры».

В этой методике бесследного исчезновения тоже, конечно, нет ничего нового — ею пользовались многие диктаторские режимы. Однако корейская специфика заключается в том, что такое исчезновение отнюдь не всегда оказывается вечным. В сталинской России внезапное исчезновение видного политика или крупного чиновника почти всегда означало его арест и гибель, но в Северной Корее дела обстоят несколько иначе. Часты случаи, когда люди, которых все наблюдатели единодушно считали давно погибшими, вновь появлялись на северокорейской политической арене и даже опять начинали играть там немалую роль. Особенно участились подобные «воскрешения из небытия» во второй половине 80-х гг. Показательна в этом смысле судьба Пак Чжон Э (Пак Ден Ай) — советской кореянки, заброшенной в Корею для нелегальной работы еще в 30-е гг. и впоследствии переметнувшейся на сторону кимирсеновской фракции. Пак Чжон Э приняла самое деятельное участие в уничтожении потенциальных противников Ким Ир Сена, но после лета 1968 г. она внезапно исчезла и, казалось, сама разделила их судьбу. Однако спустя 20 лет, в 1986 г., она вновь появилась на корейской политической сцене. Впрочем, после своего политического «воскресения» Пак Чжон Э все-таки стала, что называется, «свадебным генералом» и не играла активной политической или административной роли, чего никак нельзя сказать о другом человеке с похожей судьбой — Чхве Гване. В молодости он принимал участие в партизанском движении, сделал большую карьеру после Освобождения, стал начальником Генерального Штаба, но в феврале 1969 г. был обвинен в «подрыве авторитета партии», снят со своего поста и исчез. Однако больше чем через десятилетие он вдруг появился на второстепенном посту, потом снова сделал карьеру и в 1988 г. вернулся на ту самую должность, с которой за 20 лет до этого был изгнан, снова став начальником Генерального Штаба (и в таковом качестве прославился особо грозными заявлениями по адресу Южной Кореи). Еще одним примером такого воскрешения из политического небытия стала судьба Ким Ен Чжу, брата Ким Ир Сена, который в свое время даже рассматривался как его возможный наследник. Именно он, кстати, был одним из руководителей упоминавшейся выше кампании против контрреволюционных элементов, происходившей в 1957–1959 гг. В 1975 г. он бесследно исчез с политической арены (по слухам, из-за того, что недостаточно поддерживал начинающееся возвышение Ким Чжон Ира), однако в 1993 г. он опять появился в северокорейском правительстве, причем на очень заметных ролях. Можно привести еще целый ряд других примеров такого же рода.

До начала девяностых годов внешний мир практически не знал ничего о том, что происходит в северокорейских тюрьмах. Единственным источником информации была небольшая брошюра венесуэльского поэта Али Ламеды, которому удалось, побывав в северокорейской тюрьме, вырваться оттуда на свободу. В середине 60-х годов он работал в Пхеньяне корректором выходящей там на испанском языке литературы и в сентябре 1967 года был арестован вместе с еще одним иностранцем, своим сослуживцем. Им было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу США, судя по всему, абсолютно ложное. В чем заключалась действительная причина ареста Али Ламеды — сказать достаточно сложно, возможно, в этом со временем разберутся корейские исследователи, но возможно и то, что это так навсегда и останется тайной: в таких делах письменных свидетельств обычно не оставляют, а с течением времени будет все меньше шансов найти живых участников этих событий.

После года пребывания в тюрьме, кратковременного освобождения и нового ареста Али Ламеда предстал перед судом. Как и на предшествовавших суду допросах, от Али Ламеды потребовали признать свою вину и покаяться. Он отказался и потребовал защиты и открытого процесса, но судья популярно разъяснил ему, что подобные требования являются буржуазными, и, разумеется, отклонил их. После пятиминутного совещания суд приговорил Али Ламеду к 20 годам тюремного заключения как агента ЦРУ. В тюрьме, однако, он провел только 7 лет и в 1974 году был освобожден в результате активных хлопот самых разных деятелей — от «Международной амнистии» до румынского диктатора Николае Чаушеску.

Однако, ситуация стала меняться в начале девяностых годов, когда на Юг перешло несколько человек, имевших самое прямое отношение к северокорейской карательной системе. Среди них можно назвать нескольких бывших заключенных: Ан Хек (находился в лагере в 1987–1989 гг., бежал на юг в 1992), Кан Чхоль Хван (попал в лагерь ребенком, по принципу семейной ответственности, в 1977–1987 гг., бежал на Юг в 1992), Ли Сун Ок (отбывала наказание в 1986–1992 г. в женской тюрьме в Кэчхоне, перешла на юг в 1995). Среди перебежчиков был и бывший охранник, Ан Мен Чхоль, который в 1987–1994 гг. служил в охране концлагерей для политических заключенных. Их рассказы позволяют составить достаточно полное представление о том, как же протекает жизнь северокорейской тюрьмы.

Картина, которая возникает из их воспоминаний, достаточно однозначна. Лагерь — это царство голода и непосильного труда.

Все заключенные обязаны работать. В Кэчхонском женском лагере, например, заключенные шили военную форму и предметы армейского обмундирования: ватники, планшеты, обувь, кожаные портупеи. С 1990 г. в лагере работал и вязальбный цех, продукция которого отправлялась на экспорт в Японию. Рабочий день в лагере продолжался 18 часов, а в последние недели перед новым годом, когда было необходимо выполнить план любой ценой к концу года, рабочий день становился вообще 20-часовым.²⁷⁷

Хотя все свидетели покинули лагерь до начала продовольственного кризиса, который поразил Северную Корею в начале девяностых, постоянный голод уже тогда был частью повседневной жизни заключенных. Голод использовался и как средство контроля: еда была главной формой поощрения, а лишение ее — главной формой наказания.

Как свидетельствует Ли Сун Ок, которая отбывала наказание в женском лагере в Кэчхоне, там около 1990 г. существовала следующая система. Если заключенная не выполняла норму, на следующий день ее 300-граммовый паек снижался до 240 грамм. Если невыполнение продолжалось более 4 дней подряд, то паек сокращался еще больше, до 210 грамм.²⁷⁸

Разумеется, официального пайка недостаточно, чтобы выжить, так что голод и связанные с ним болезни (в первую очередь — пеллагра) косили заключенных даже в сравнительно благополучные восьмидесятые годы. Чтобы уцелеть, люди вынуждены собирать коренья, траву, охотиться на крыс и мышей. О мышах и крысах как о главном источнике животного белка в питании заключенных упоминают почти все, кому пришлось побывать в северокорейском лагере. Кан Чхоль Хван говорит: «Если бы я тогда вместе с ними не ловил и не ел мышей, лягушек, то я был бы уже в лучшем мире».²⁷⁹ Ему вторит Ан Мен Чхоль: «Хотя политзаключенные тяжело работают, мяса они не видят, и крысиное мясо для них — это важное профилактическое лекарство, средство борьбы с голодом».²⁸⁰

²⁷⁷ Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисанъ наkvон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, #12, с. 140, 144; 1997, #1, с. 103.

²⁷⁸ Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисанъ наkvон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, #12. С. 138.

²⁷⁹ Кан Чхоль Хван. Оны Пуксон чэиль кепхо-ый сирен. — «Хин кос-до комда». Сеул, «Тана», 1996. С. 26.

²⁸⁰ Ан Мен Чхоль. Чви коги-га юильхан пояк. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С. 178.

Режим изнурительного труда поддерживается террором. Наказания разнообразны. Открытое сопротивление или побег наказываются смертью, причем казнь производится публично, в присутствии других заключенных.²⁸¹ Большинство более мягких наказаний связано с сокращением и без того мизерного пайка. В Кэчхонском лагере за нарушения режима полагалось заключение в карцере на срок до 10 дней, в течение которых заключенные получали только 90 грамм зерна в день. Как пишет Ли Сун Ок, «заключенные боялись карцера больше смерти».²⁸²

Разумеется, никаких точных сведений о масштабах репрессий и числе осужденных нет. Существуют разные оценки, в том числе и основанные на данных аэрофотосъемки лагерей, сообщениях перебежчиков, информации иностранных посольств. Самое любопытное, что разброс цифр в этих оценках не велик, почти все признают, что в настоящее время в корейских лагерях находится где-то от 100 до 150 тысяч человек, большинство которых составляют не уголовные, а политические преступники.²⁸³ Несколько особняком стоит оценка, которую без ссылок на источники высказал Р. Каган, оценивший это количество в 300–400 тысяч, но он, видимо, включил в число заключенных и тех, кто находится в «районах действия постановления No. 149» и в «особых районах объектов диктатуры».

Первая волна террора обрушилась на страну в конце пятидесятых годов, и была связана с наметившимся тогда отходом Ким Ир Сена от ориентации на СССР. Жертвами репрессий тогда часто становились специалисты, получившие подготовку в СССР и в силу этого со скепсисом относившиеся ко многим идеям Ким Ир Сена, да и вообще, как говорили тогда в Корее, «зараженных ревизионистской идеологией». В конце 1950-х годов Ким Ир Сен отозвал всех корейских студентов из Советского Союза. Дальнейшая их судьба оказалась печальной. Как рассказал автору этих строк бывший заместитель министра внутренних дел КНДР Кан Сан Хо, которому впоследствии самому пришлось бежать в СССР, для возвратившихся студентов был заботливо подготовлен специальный лагерь, в котором в течение нескольких месяцев проводилась их тщательная проверка. Выясняли, насколько они подверглись тлетворному влиянию XX съезда КПСС и ревизионистской политики Хрущева. С теми, кто оказался идейно стойким, поступили милостиво: их отправили в деревню на трудовое перевоспитание, по окончании которого позволили работать по специальности. Менее стойких ждала тюрьма, самых же ненадежных попросту расстреляли.

Надо сказать, что кое-кто из студентов предвидел такое развитие событий и отказался возвращаться на родину. По настоянию Ю. В. Андропова, тогда — главы Международного отдела ЦК КПСС, этим невозвращенцам было предоставлено политическое убежище и, со временем, советское гражданство. В ответ на это северокорейские спецслужбы развернули на советской территории настоящую охоту за потенциальными недовольными. В частности, ими была предпринята неудачная попытка похитить Хо Чжина (впоследствии он приобрел заслуженную известность в качестве журналиста и автора одной из первых книг по истории Северной Кореи). Хо Чжину удалось бежать, выпрыгнув из окна посольства. Не всегда, однако, все кончалось так благополучно. По меньшей мере один из диссидентов — студент Московской консерватории — был среди бела дня захвачен корейской спецгруппой в центре Москвы, запихнут в машину и вывезен в Пхеньян, где едва ли остался в живых. Вообще активная деятельность по отлову невозвращенцев, которую тогда развернули корейские спецслужбы на советской территории, приобрела такой размах, что потребовалось личное

²⁸¹ Описание такой казни одним из бывших заключенных см.: Кан Чхоль Хван. Пукухан соенсо инмин чэпхан. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С. 30–41.

²⁸² Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань наквон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, #12. С. 138.

²⁸³ Orwell's Nightmare: Human Rights in North Korea. The Heritage Lectures, #394. Washington, Heritage Foundation, 1992. P. 24.

вмешательство Н. С. Хрущева, чтобы остановить ее. По настоянию Н. С. Хрущева северокорейский посол, при котором произошло упоминавшееся выше похищение, был отозван в Пхеньян.²⁸⁴

Наверное, имеет смысл рассказать здесь о том, за что же человек может оказаться в северокорейской тюрьме. Сейчас информацию такого рода можно легко найти в многочисленных воспоминаниях перебежчиков, опубликованных в Южной Корее. Однако я бы хотел начать свой рассказ с тех случаев, о которых узнал сам во время своего пребывания в Северной Корее, бесед с северокорейцами и работавшими в Пхеньяне советским дипломатами. Надо сказать, что о подобных случаях упоминали не один раз.

Вот один из подобных эпизодов, о котором мне рассказал советский дипломат. На Пукчжинском алюминиевом заводе в 1977 году был один молодой инженер, человек способный и работающий. Он близко сошелся с нашими специалистами, стал брать у них литературу, несколько раз имел неосторожность выразить свою симпатию к СССР и даже как-то при свидетелях сказал, что «у СССР надо учиться». Он был арестован и публично расстрелян, как объяснили рабочим, за «низкопоклонство перед иностранщиной».

Практика публичных расстрелов за излишне теплое отношение к советскому опыту или людям, да и вообще за любые положительные отзывы о научно-технических или культурных достижениях иных стран особо широкое распространение получила в шестидесятые годы, в период борьбы за утверждение «чучхе» — корейской самобытности. Так, по словам одного отставного офицера, служившего в корейской истребительной авиации и впоследствии бежавшего в СССР, в 1960–1961 годах у него в эскадрилье были казнены два человека. Один из них — за то, что во время полета на его самолете вышла из строя система подачи топлива (обвинили во вредительстве), а другой — за излишне одобрительные воспоминания о советских военных советниках и высокую оценку их профессиональных качеств.²⁸⁵

Другой случай, о котором автору стало известно во время пребывания в Пхеньяне в 1984/85 гг., произошел со студентом университета, мать которого работала закройщицей в ателье. Однажды ее арестовали прямо на работе и больше ее никто не видел. Через три дня и студенту, и его братьям и сестрам было приказано выехать в деревню. Несколько месяцев спустя приехавший из дальнего уезда человек привез письмо, в котором этот студент писал о своей жизни в ссылке. Ему и его семье приходится работать по 12–14 часов в день, а в их наспех построенном домишке ночами даже не тает лед. По-видимому, эта семья оказалась в административном порядке выслана в «район действия постановления No. 149» или же «особый район объектов диктатуры».

Немало примеров такого рода можно найти и в воспоминаниях живущих сейчас в Южной Корее перебежчиков из КНДР.

Как вспоминает Ан Мен Чхоль, в лагере, где он служил охранником, находилась 27-летняя Хан Чин Док. Попала она туда в возрасте всего лишь 7 лет, по делу своего отца Хан Бен Су, сельского ветеринара. В начале семидесятых ее отец, который лечил свинью у крестьянки, сказал: «В это мире даже свиньи не могут расти как хотят». Крестьянка, усмотрев в этом выпад против властей, донесла, и на следующий день сотрудник политической полиции пришел к Хан Бен Су. Тут ветеринар совершил вторую ошибку, которая окончательно определила не только его судьбу, но и судьбу его семьи. Он назвал северокорейского руководителя «Ким Ир Сен», не употребив при этом никакого

²⁸⁴ Похищение северокорейского студента вызвало мини-кризис в советско-корейских отношениях. Среди материалов на эту тему можно выделить:

Дневник советского посла в КНДР. Запись от 1 февраля 1960. Архив внешней политики Российской Федерации, фонд 0102, оп. 16, д. 6, п. 85.

Запись телефонного разговора Е. Д. Титоренко (второй секретарь МИДа) с Ким У Чжоном (первый секретарь посольства КНДР). 26 ноября 1959 года. Архив внешней политики Российской Федерации, фонд 0541, оп. 15, д. 8, п. 81.

²⁸⁵ Интервью с А. Соном. Ташкент, 23 января 1991 г.

обязательного титула («Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен», например). Он был арестован, подвергнут пыткам, подписал все необходимые признания в заговорщической и реакционной деятельности, и был расстрелян, в то время как его жена и две дочери попали в концлагерь. Жена его умерла там, да и у дочери судьба сложилась трагически: после того, как один из охранников потерял места по обвинению в связи с ней (связь с заключенными женщинами — идеологическое преступление), друзья «пострадавшего» схватили ее, изнасиловали, искалечили, и добились ее отправки на подземные работы, что в целом равнозначно смертному приговору.²⁸⁶

Кан Чхоль Хван вспоминает о побеге из лагеря, который совершили двое бывших солдат. Причиной их ареста стало то, что они пели южнокорейские песни, которые выучили, пока служили на 38-й параллели. Впоследствии солдатам удалось бежать и скрываться от погони в течение нескольких месяцев. Впрочем, в итоге их побег кончился также, как и большинство побегов: они были схвачены и повешены в присутствии специально собранных для этого заключенных (среди которых был и сам Кан Чхоль Хван).²⁸⁷

Впрочем, подобные примеры можно приводить бесконечно. Ясно, что заметная часть тех людей, которые сейчас находятся в северокорейских тюрьмах, попали туда из-за проступков, которые ни в какой другой стране не были сочтены бы преступлениями. Ясно также и то, что другая, тоже немалая, часть северокорейских заключенных вообще ничего предосудительного (даже по весьма параноидальным меркам пхеньянского режима) не совершила, а оказалась там по принципу семейной ответственности, который проводится в КНДР в жизнь с последовательностью, не имеющей в современном мире аналогов.

Уместно будет, пожалуй, сказать несколько слов и о самих репрессивных органах. Формирование северокорейского репрессивного аппарата началось вскоре после Освобождения страны. Уже в составе созданного осенью 1945 г. Административного комитета 5²⁸⁸ провинций существовало Народное бюро безопасности, руководителем которого стал старый соратник Ким Ир Сена по партизанской борьбе в Маньчжурии Чхве Ен Гон. После провозглашения КНДР политическим сыском занималось Министерство внутренних дел, в котором с 1948 г. существовал «отдел специальной информации», который в июле 1949 г. получил название «отдел политической охраны» (по некоторым данным, этот отдел был создан в феврале 1948 г., то есть даже еще до формального провозглашения КНДР.²⁸⁹.)]

Первым министром внутренних дел КНДР стал блестящий оратор, в прошлом — крупный деятель КПК и доверенное лицо Мао Цзэ-дуна Пак Ир У, но политический сыск с самого начала находился в подчинении Пан Хак Се — в прошлом — советского корейца. Этот человек сыграл в северокорейской истории зловещую роль, став одним из главных организаторов репрессий 50-60-х гг. О том, что Пан Хак Се пользовался и пользуется неограниченным доверием Ким Ир Сена свидетельствует тот факт, что впоследствии он не только не разделил судьбу своих слишком много знавших советских коллег Ежова и Берии, но до самой своей смерти в 1992 году продолжал занимать важнейшие посты в карательной

²⁸⁶ Ан Мен Чхоль. Суреньним мальчом хаменсо сапсида. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.

²⁸⁷ Кан Чхоль Хван. Пукухан соенсо инмин чэпхан. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С. 33.

²⁸⁸ северокорейских

²⁸⁹ Пукхан тэсачжон. Сеул, 1974. С. 706

Это подтверждается и недавно опубликованным в Южной Корее документом северокорейского МВД, который датирован 31 марта 1948 г. и на котором есть, в частности, и подпись Пан Хак Се как «начальника отдела информации» (чонъбочхо чхочжанъ) (текст документа см. Пукхан минчжу тхониль ундонъ са. Пхеньяно пхен («История демократического движения за объединение в Южной Корее. Провинция Пхеньяно»). Сеул, «Пукхан энгусо», 1990. С. 420

системе Северной Кореи.

В марте 1951 г. «отдел политической охраны» и некоторые другие отделы МВД, занимавшиеся как обычным, так и политическим сыском, были выделены в особое Министерство общественной безопасности, во главе которого встал Пан Хак Се. Впрочем, тогда это министерство просуществовало недолго и в октябре 1952 г. вновь было слито с МВД, причем после этого слияния Пан Хак Се занял пост министра внутренних дел, заменив Пак Ир У, которому суждено было вскоре стать жертвой репрессий. Министерство общественной безопасности возродилось в октябре 1962 г. На первых порах оно сосредотачивало в своих руках контроль над деятельностью как обычной полиции, так и органов политического сыска, которые подчинялись специальному «отделу политической охраны». В феврале 1973 г. этот отдел был превращен в самостоятельное Министерство политической охраны государства. В апреле 1982 г. состоялась еще одна реформа, довольно необычная: Министерство политической охраны государства, которое с этого времени стало называться просто Министерством охраны государства (МОГ), стало (равно как и военное ведомство, и Министерство общественной безопасности) партийным органом, подчиняющимся непосредственно ЦК ТПК.

О структуре МОГ надежных сведений в открытой литературе, разумеется, крайне мало. В отличие от СССР, где в годы конфронтации с США выходило великое множество разоблачительных книг о ЦРУ и ФБР, или же самих США, в которых немало, пусть и в самых мрачных тонах, писали о КГБ, южнокорейские власти крайне неохотно делятся с публикой той информацией о северокорейских спецслужбах, которой у них не может не быть. Это вообще характерно для Южной Кореи, в которой исследования по ряду аспектов истории и современной жизни северокорейского общества находятся фактически под негласным запретом. Относится это и к вышедшим в Сеуле запискам перешедших на Юг офицеров северокорейских спецслужб. Речь в этих записках идет о чем угодно, но только не о структуре и деятельности их бывшего ведомства.²⁹⁰ Нет сомнений, что это замалчивание отражает вполне определенную политическую линию Сеула. Известно, что в состав его центрального аппарата входят 16 отделов (кук) и 4 управления (чхо). Свое Управление политической охраны имеет каждая провинция и каждый уезд. Кроме того, в армии существует система, примерно аналогичная советской системе особых отделов, штатные представители службы безопасности есть как в частях, так и в подразделениях вплоть до роты.

Задачи административного контроля над населением МОГ решает не одно, а в тесном контакте с Министерством общественной безопасности (МОБ), которому подчиняется обычная полиция. Большинство простых корейцев имеют дело с МОГ только в тех случаях, когда им особо не повезет, в то время как повседневный контроль над их жизнью поручен органам МОБ. Именно они осуществляют регистрацию населения, выдают разрешения на поездки по стране, именно к ним стекается повседневная информация о поведении, поступках, высказываниях большинства корейцев.

Уникальной, но в то же самое время и имеющей глубокие корни в дальневосточной традиции особенностью системы политического контроля, существующей в современном северокорейском обществе, является институт круговой поруки. Все население Северной Кореи разделено на так называемые народные группы «инминбан», в которые объединяются по месту жительства от двадцати до пятидесяти, а в среднем — около сорока семей. Обычно это либо жители небольшого квартала сельских домов, либо многоэтажного дома, либо даже одного подъезда в таком доме. Во главе каждой группы стоит чиновник, который несет ответственность за все, что происходит с членами его подведомственной «народной группы».

²⁹⁰ Типичны в этом отношении вышедшие в Сеуле в 1976 г. записки Кон Тхак Хо — одного из первых офицеров северокорейской службы безопасности, перешедших на Юг (Кон Тхак Хо. Кукка чонъчхи повигук нэмак (За кулисами Министерства политической охраны государства). Сеул, 1976), а также в целом очень интересные записки Ким Чон Ен (Ким Чон Ен. Пхеньянь ечжа. Сеул, «Коре сочжок», 1995).

Обычно он бдительно следит за благонадежностью и добронравием своих подопечных, ведь любой их крупный проступок может стоить ему неприятностей. Называют этих чиновников — «инминбанчжан», то есть «начальник народной группы». По его разнарядке члены «народной группы» должны участвовать во всяческих хозяйственных работах, убирать территорию. Проходят в «народных группах» и собрания, на которых их неработающие члены — по большей части пожилые тетушки — изучают идеи чучхе или слушают рассказы о величии Ким Ир Сена.

Однако главная задача этих низших чиновников — контроль над вверенным им населением. «Инминбанчжан», в частности, может войти в любую из подопечных ему квартир как днем, так и ночью, каждый кореец, ночующий не у себя дома, обязан связаться с тем «инминбанчжаном», в подчинении которого находится ставшая его ночлегом квартира, предъявить свои документы, объяснить причину своего появления и получить письменное разрешение остаться на ночь (для этого в «народной группе» существует специальный *гроссбух*). Без согласия этого чиновника нельзя уехать в другой город к родственникам, о выездах в командировки тоже следует ставить его в известность. Даже студенты, прибыв на каникулы, обязаны доложить об этом «инминбанчжану». Власть «инминбанчжанов» достаточно велика, в некоторых случаях они могут даже выслать неугодных из Пхеньяна. В случае, если кто-то из членов «народной группы» совершит особо тяжелое политическое преступление, то тем или иным наказаниям могут подвергнуться все ее члены. Система эти восходит к древнейшим временам, к эпохе легистских экспериментов в Китае в III в. до н. э.

Роль системы «инминбан» трудно переоценить, ибо она обеспечивает возможность осуществлять непрерывный контроль над всеми областями жизни северокорейцев. Во многих отношениях эта система более эффективна, чем даже самая разветвленная сеть полицейских осведомителей, ведь то обстоятельство, что тайным агентам приходится действовать, по определению, тайно, и находить какие-то объяснения тем или иным своим поступкам или вопросам, во многом затрудняет их деятельность. «Инминбанчжан», напротив, имеет официальное право контролировать и задавать вопросы, в том числе и такие, какие полицейский осведомитель не смог бы задать, не рискуя быть раскрытым. Разумеется, это не означает, что осведомителей в Корее нет — из, скорее всего, не мало, да и «добровольные» доносы власти, как мы видели из приведенных выше примеров, поощряют.

Контроль над населением очень облегчает то обстоятельство, что передвижение по стране крайне ограничено. Без специального разрешения органов безопасности никто не имеет права выезжать за пределы своего уезда. Билет можно купить, лишь предъявив это разрешение. Перроны железнодорожных станций тщательно огорожены и часто охраняются солдатами внутренних войск, пройти на перрон можно только через контрольный пункт, предъявив вооруженным часовым (а если дело происходит на мелких станциях, где их нет, — то девушке-контролеру) свои документы, билет и разрешение на поездку. Мне самому довелось видеть это разрешение — небольшой голубоватый листочек с именем, указанием учреждения, цели и продолжительности поездки. За попытку проникнуть без этого документа в соседний уезд полагается 15 суток принудительных работ и, разумеется, водворение на прежнее место жительства. Естественно, возникает вопрос: а как же быть тем, кто хочет встретиться с родственниками или же друзьями, живущими в соседнем уезде? Для них существует система вызовов, органы безопасности выдают разрешение на поездку, если есть официально заверенное приглашение от родственников.

Конечно, вся эта система преследует, в первую очередь, внутрисполитические задачи. Отчасти направлена она и против действий южнокорейских и иных разведслужб, но главная ее цель — не допустить недовольства режимом и пресечь в зародыше саму возможность протеста. Делает она невозможным и побег из мест заключения или дезертирство. Те трое бывших заключенных, которые сейчас находятся в Южной Корее, бежали за границу уже после того, как были освобождены из мест заключения, и утверждают, что им неизвестен ни один случай удачного побега из северокорейской тюрьмы.²⁹¹

²⁹¹ Тхыкбель токчжэ тэсанъ кук сунъчжадыль ирокхе сальго иттио (Так живут заключенные в «особых

Однако, «нет худа без добра», и у этой уникальной, не имеющей себе равных в мире системы тотального контроля есть один хороший побочный результат: она заметно снижает уровень преступности. Дело в том, что в Северной Корее ныне практически невозможно скрыться от властей. Во-первых, нельзя купить билет и уехать в «неизвестном направлении», во-вторых, появление любого подозрительного будет тут же замечено «инминбанчжаном». Если добавить к этому карточную систему фактически на все виды товаров, которая превращает «свободные» деньги в бумажки, и суровость наказаний, то ясно, почему Северная Корея — страна с низким уровнем преступности (хотя, в девяностые годы эта ситуация стала меняться к худшему). Стоит, впрочем, учесть и то, что корейцы вообще, как показал исторический опыт, в том числе и в Южной Корее — народ, малосклонный к преступной деятельности. В той же Южной Корее, например, уровень преступности во много раз меньше, чем, скажем в США, хотя бедности и даже нищеты там несравненно больше, да и структура преступности совсем иная: если мошенничества, взяточничество, должностные и финансовые преступления, равно как и всякие драки на бытовой почве встречаются довольно часто, то убийства с целью ограбления или разбойные нападения — крайняя редкость.

Одной из важнейших задач, которую преследует система административно-полицейского контроля в Корее, является обеспечение «герметичности» корейского общества, организация жесткого контроля над информацией. В Корее запрещена продажа приемников со свободной настройкой: все продающиеся (точнее — выдающиеся по ордерам и талонам, а также в качестве «подарков Великого Вождя») приемники имеют фиксированную настройку на волну пхеньянского радио, причем представители МОБ систематически проводят внезапные рейды на дома владельцев приемников с целью их проверки. Даже в том случае, если кореец покупает приемник в валютном магазине или привозит его из-за границы, он обязан немедленно сдать его в Управление общественной безопасности для переделки, после которой с помощью приемника можно слушать только идейно проверенное пхеньянское вещание. Наличие у кого-либо непереработанного приемника уже само по себе считается преступлением. Другим средством информационного контроля над населением является чрезвычайно развитая система спецхранов в библиотеках. В отделы специального хранения попадает вся иностранная литература и (вполне в духе Оруэлла) все корейские издания более чем 10- или 15-летней давности, за исключением чисто технических, так что северокаорейцы лишены возможности проследить за колебаниями линии властей по старым изданиям.

Разумеется, полностью изолированы корейцы и от тех немногих иностранцев, что находятся в стране. Опасность быть обвиненным в «шпионских связях» столь велика, что от группы иностранцев на улице буквально отшатываются как от прокаженных. Надо сказать, что для такого поведения есть основания, ведь любые несанкционированные контакты с иностранцами смертельно опасны. Так, живущий ныне в Южной Корее Ан Хек был в 1986 г. арестован за встречу с иностранцем и провел сначала полтора года в тюрьме Министерства политической охраны государства, а потом еще 2 года — в «особом районе объектов диктатуры». ²⁹² Обеспечение жесткой информационной изоляции, которую нынешнее северокаорейское руководство не без основания считает залогом сохранения своего режима (а, возможно, и собственного физического выживания), тоже возлагается на репрессивно-полицейские органы.

***

В результате многодесятилетней деятельности северокаорейских властей в стране (районах объектов диктатуры). — «Пукхан», 1992, #12. С. 67

²⁹² Там же.

удалось создать стройную систему тотального контроля и, пожалуй, реализовать старую мечту иных утопистов (и кошмар антиутопистов) — построить общество, в котором все стороны жизни индивида если и не управляются властями, то по крайней мере им известны и отчасти контролируются. Насколько эффективна эта система? Северокорейское государство существует уже полвека, за которые в мире произошли немалые изменения. Уже само это обстоятельство показывает, что эффективность северокорейской системы политического контроля (равно как и тесно связанной с ней системы идеологической обработки населения) достаточна велика. Сколько бы лет ни отпустила еще история северокорейскому государству, оно всегда будет привлекать внимание историков и социологов именно как образец тотально контролируемого общества, просуществовавшего в течение достаточно долгого времени.

С другой стороны, эффективная система полицейского контроля и репрессий является важным (хотя и далеко не единственным) фактором, который позволил этому обществу просуществовать так долго. Стабильность обеспечивается не только готовностью режима карать за малейшие проявления недовольства. К главным ее особенностям относится тотальный контроль за всеми сторонами жизни корейцев, осуществляемый через систему групп «инминбан» и во многом носящий взаимный характер. Не только перемена места работы или жительства, но и просто передвижение по стране (а во многих случаях — и просто ночь, проведенная вне дома) невозможны без одобрения властей. Любые виды собраний, даже проводимых на дому, будут немедленно взяты на заметку, а начальник народной группы обычно в общих чертах знает даже круг знакомств всех своих подопечных. Понятно, что в подобной ситуации деятельность даже минимально организованных оппозиционных групп становится невозможной. Вдобавок, широкое применение принципа семейной ответственности заставляет многих недовольных, которые, возможно, и рискнули бы собой, воздерживаться от действий, которые мог привести не только к их гибели, но и к страданиям их семей. Наконец, разделение населения на наследственные группы, одни из которых являются привилегированными, а другие, напротив, дискриминируемыми, позволяет заранее изолировать тех, кого происхождение позволяет считать потенциальными врагами режима. Все эти особенности обеспечивают северокорейскому режиму немалую стабильность, хотя было бы серьезным упрощением считать, что своим политическим выживанием Пхеньян в бурные для коммунистических режимов девяностые годы был обязан только эффективной работе политической полиции.

9. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В КНДР: ИДЕИ И МЕТОДЫ

В современном мире трудно, если не невозможно, найти страну, которая могла бы соперничать с КНДР по интенсивности пропагандистской обработки населения. Пожалуй, в этом отношении Северная Корея, видимо, не имеет себя равных. Неоднократно провозглашавшаяся руководством КНДР ориентация на внеэкономическое (в первую очередь — идеологическое) стимулирование немало способствует такому развитию пропаганды в стране. Почти полностью подчинена пропагандистским задачам не только деятельность средств массовой информации, но и все корейское искусство и литература.

Цель настоящей статьи — вкратце рассмотреть основные тезисы и методы современной северокорейской пропаганды и познакомить с ними российского читателя. Речь здесь пойдет только о нынешнем состоянии пропагандистской работы в КНДР, так как за недостатком места мы не можем касаться таких любопытных тем как эволюция северокорейской пропаганды в последние десятилетия или ее деятельность за пределами страны.

Данная статья несколько необычна по использованному материалу, так как она основывается преимущественно на личных наблюдениях и материалах, собранных автором во время пребывания в КНДР и во время многочисленных бесед с северокорейцами.

Разумеется, при ее подготовке до определенной степени привлекались и сведения северокорейской печати, равно как и южнокорейские публикации, но основой послужили именно личные впечатления. Автору казалось, что при таком подходе к отбору материала статья приобретет несколько большую целостность. Насколько правильно было это решение — судить читателю.

***

Характерная черта корейской пропаганды — это полная монополия официальных правительственных органов на информацию, не нарушаемая не только внутренними (легальная, полулегальная и нелегальная печать), но и внешними (иновещение, зарубежная пропагандистская литература) конкурентами. Для того, чтобы более эффективно вести пропаганду внутри страны и оградить население Северной Кореи от нежелательных воздействий извне, руководство КНДР проводит политику жесткой информационной самоизоляции. Хотя многие авторитарные режимы и пытались ограничить проникновение нежелательной информации из-за рубежа, мало кто может сравниться с Северной Кореей в этом отношении. Население КНДР находится в своего рода информационном вакууме и лишено возможности пользоваться какими-либо иными, кроме официальных, источниками сведений о внешнем мире. В определенном смысле КНДР является уникальным примером «герметичного» в информационном отношении общества. За исключением немногочисленной элиты, северокорейцы знают о внешнем мире только то, что им разрешает знать правительство, и отбор этой разрешенной информации проводится по жестким критериям. Именно благодаря этой информационной герметичности северокорейская пропаганда действует в совершенно особых условиях, она просто не имеет соперников.

В наше время наиболее «естественным» источником нежелательной информации может быть радио — простое, дешевое, портативное, способное к приему программ, передаваемых с очень больших расстояний. Поэтому контролю за радиовещанием северокорейские власти уделяют наибольшее внимание. При этом Пхеньян не стал следовать былому советскому примеру и глушить иностранные радиостанции. Власти Севера нашли более дешевое и, в то же самое время, более надежное решение этой проблемы: они просто запретили продажу радиоприемников со свободной настройкой. Те небольшие ламповые приемники, которые можно купить в корейских магазинах, имеют фиксированную настройку на волну официального пхеньянского радио. Разумеется, разбирающийся в радиотехнике человек мог бы переделать их без особого труда. Чтобы не допустить этого, органы безопасности время от времени проводят инспекторские проверки всех зарегистрированных приемников. Кроме этого, контроль за «правильным» использованием радиоприемников является важной задачей, которую выполняют главы так называемых «народных групп».²⁹³ По некоторым рассказам, руководитель «народной группы» временами может ворваться в ту или иную квартиру среди ночи чтобы проверить, нет ли там незарегистрированного приемника. Правда, по меньшей мере один из моих северокорейских знакомых имел доступ к нормальному радио, однако такой доступ был, безусловно, связан с немалым риском.

В КНДР полностью запрещено распространение любых иностранных газет и журналов. Конечно, они поступают в спецхраны крупнейших библиотек, но и там доступ к ним чрезвычайно ограничен, ими, как правило, не могут пользоваться даже специалисты-филологи. Из зарубежных книг в открытых отделах библиотек находятся только технические справочники и издания по естественным наукам, художественная же и общественно-политическая литература вся поступает в спецхран. Не являлись исключением и издания

²⁹³ Группы эти состоят из нескольких десятков живущих по соседству семей. Во главе каждой группы стоит чиновник, который обязан контролировать поведение всех находящихся в его подчинении людей, за политическую благонадежность которых он несет и персональную ответственность.

других социалистических стран, так как даже в 1970-е гг. официальная советская (а уж, тем более, польская или, скажем, венгерская) печать подвергалась куда меньшей цензуре, чем печать корейская.

Возможности получения какой-либо нежелательной информации через посредство личных контактов с иностранцами у северокорейцев тоже отсутствуют, так как несанкционированное общение с иностранцами категорически запрещено, а нарушение этого запрета может закончиться крупными неприятностями. Те немногочисленные иностранные граждане, которые живут в Пхеньяне, могут иметь дело только лишь со специально обученными и тщательно проверенными людьми, которые, как можно предположить, в своем большинстве являются либо кадровыми сотрудниками, либо агентами спецслужб.

Разумеется, практически не ездят корейцы и за границу. Некоторое количество северокорейских студентов, правда, обучалось в разное время в СССР, Китае, некоторых других странах, но, конечно, ни о каком туристском обмене не может быть и речи. За границу имеют возможность ездить только некоторые представители элиты, да и то не слишком часто. Исключением, правда, являются северокорейские лесорубы, которые с конца шестидесятых годов работают на российском Дальнем Востоке. Однако и там их контакты с местным населением всячески ограничиваются властями. Лесорубы живут в специальных поселках, которые скорее напоминают лагеря, под неусыпным наблюдением сотрудников северокорейских спецслужб. Правда, ситуация несколько изменилась в 1997–2000 гг., когда десятки (или даже сотни) тысяч северокорейских беженцев пересекли китайскую границу и нашли убежище в китайской Манчжурии. После того, как стало ясно, что южнокорейские власти не только не стремятся использовать этих беженцев, но и всячески препятствуют их въезду в Южную Корею, власти КНДР также стали смотреть на подобные переходы границы сквозь пальцы.

Все это изоляция, так сказать, пространственная. Но ведь противоречащие официальным установкам идеи, как и факты, ставящие под сомнение эти установки, могут проникать в умы не только из-за границы, но и из старой литературы, из изданий прошлых лет. Человек может в какой-нибудь старой книге или журнале прочесть что-нибудь лишнее или о деятельности партизан, или о советской помощи, или еще о чем-нибудь. Чтобы не допустить этого был найден простой (и вполне в духе Оруэлла) выход: вся литература, вышедшая более чем 10 или 15 лет назад, находится в спецхране и выдается только специалистам с особого разрешения «компетентных органов». Это не распространяется лишь на техническую и справочную литературу.²⁹⁴

В результате всех этих мер деятельность северокорейского пропагандистского аппарата протекает в весьма своеобразных условиях. Монополия на информацию в КНДР носит абсолютный характер, официальной пропаганде не приходится иметь дело не только с внутренними, но и внешними соперниками. Нет никакой необходимости в ведении контрпропагандистской деятельности. Рядовые граждане страны получают лишь ту информацию, которую считают необходимым довести до них официальные органы. Таким образом, создаются практически идеальные условия для формирования в умах северокорейцев того образа мира, который выгоден правящему слою.

Другой характерной чертой корейской пропагандистской системы является то, что она без каких-либо принципиальных изменений существует уже около пяти десятилетий. Нынешний северокорейский режим в общем и целом сформировался уже к середине 1950-х годов. Конечно, не следует думать, что он был неизменен все эти десятилетия: перемены происходили, и порою достаточно существенные, но тем не менее, они не носили

²⁹⁴ Впрочем. Ко Ен Хван (известный северокорейский дипломат, впоследствии перешедший на Юг) вспоминает, как в августе 1967 г., во время очередной кампании по борьбе с чуждыми влияниями, всех студентов Пхеньянского революционного училища иностранных языков, где он тогда учился, заставили сдать все имевшиеся у них иностранные книги, в том числе и словари, а потом провели торжественное сожжение этой «буржуазной и ревизионистской» литературы. См.: Ко Ен Хван. Пхеньянь-ый 25 сиган (25 часов Пхеньяна). Сеул, «Коревон», 1992. с. 293–294.

принципиального характера. Касается это и северокорейской пропаганды. Основные ее положения (величие Ким Ир Сена и его семьи, чучхейский национализм, атаки на США и, особенно, на Южную Корею) оставались неизменными. В результате в Корее уже два-три поколения людей выросли под интенсивнейшим воздействием одних и тех же пропагандистских постулатов.

Стенд с антиамериканскими плакатами, 1952 г.

Сочетание этих трех факторов: чрезвычайной интенсивности пропаганды, стабильности ее основных тезисов на протяжении десятилетий и информационно-пропагандистской изоляции страны — делает корейскую пропаганду, да и вообще идеологическую жизнь в КНДР явлением в своем роде исключительным и в силу этого достаточно интересным.

***

Главная тема северокорейской пропаганды — это, конечно, Ким Ир Сен, его жизнь и заслуги перед страной. «Воспитание любви к Вождю» (или, иначе говоря, насаждение культа личности Ким Ир Сена) во всех официальных документах рассматривается как важнейшая задача пропаганды. Методы этого воспитания были некогда заимствованы из СССР, но нынешняя северокорейская пропаганда оставила далеко позади сталинские образцы. О масштабах, которые приняло «воспитание любви к Вождю» можно судить и по печати, в том числе и по тем материалам, которые попадает за границу, но в полной мере размах деятельности по «воспитанию любви к Вождю» тем, кому не довелось побывать в КНДР, трудно даже представить. С конца 1970-х годов большое внимание уделяется и пропаганде личности Ким Чжон Ир — сына Ким Ир Сена, который официально провозглашен его преемником и «продолжателем великого чучхейского революционного дела». Не только средства массовой информации, но и кинематограф, театр, литература неустанно подчеркивают, что уже с ранней юности Ким Ир Сен стал Великим Вождем корейского народа, который обязан ему всем. Как поется в одной из наиболее часто исполняемых в КНДР песен:

Кто дал нам счастье сегодняшнего дня?
Его дала нам партия, его дал Вождь.
По пути, указанному Великим Вождем Маршалом Ким Ир Сеном,

Мы будем идти, не щадя своей жизни!

И у Ким Ир Сена, и у Ким Чжон Ира есть четкая титулатура, список почетных прозваний. Например, у самого Ким Ир Сена есть, среди прочих, следующие титулы: «Великий Вождь нашей партии и народа, Маршал могучей республики, Солнце нации, Железный всепобеждающий полководец, Выдающийся руководитель международного коммунистического и революционного движения, Впервые появившийся в пяти тысячелетней истории нашей страны легендарный герой». С 1970-х гг. к большинству этих титулов часто добавляется и слово «отец». Вообще, патерналистские идеи о «правителе — отце народа», столь популярные в конфуцианстве, обычны и в северокорейской пропаганде. Ким Ир Сен обычно изображается как мудрый и заботливый отец, не оставляющий своим вниманием всех своих подданных. В одной истории он останавливается, чтобы подвести в своем лимузине встреченную на дороге старушку, в другой — лично руководит лечением раненого во время аварии на заводе молодого рабочего, в третьей — лично интересуется состоянием быта ветеранов-инвалидов. Некоторые из историй не просто являются откровенно конфуцианскими по своей идеологии, но и просто представляют из себя перелицовку известных сюжетов корейской и китайской конфуцианской мифологии. Например, всем жителям Северной Кореи хорошо известна история о том, как в 1945 г. Великий Вождь, занятый государственными делами, дважды проезжал мимо родной деревни, но так и не заехал туда, ибо не хотел тратить ни одной минуты своего драгоценного времени на что-либо, не связанное с заботой о народе. Только в третий раз он, после настойчивых уговоров, наконец согласился посетить Мангендэ. Любому человеку, знакомому с дальневосточной традицией, этот сюжет известен более чем хорошо. Точно такое же предание рассказывалось о знаменитом корейском полководце Ким Ю Сине (VII в.), однако первоначальным источником, скорее всего, является притча о китайском мудром императоре Юе.

Ким Чжон Ира же в свое время, когда его возвышение только еще начиналось, именовали странноватым на наш слух термином «Центр Партии», но в конце концов за ним закрепился титул «Любимый руководитель». Даже если само имя Ким Ир Сена или Ким Чжон Ира не упоминаются в статье или радиопередаче, каждый кореец отлично знает, к кому только приложимы те или иные титулы, и никогда не спутает, например, «Великого Вождя» (то есть Ким Ир Сена) с «Любимым Руководителем» (то есть Ким Чжон Иром).²⁹⁵ Установлены специальные слова и даже грамматические формы, которые могут употребляться только по отношению к Ким Ир Сену или Ким Чжон Иру. Их имена всегда набираются в северокорейских печатных изданиях специальным жирным шрифтом. Более того, северокорейцев уже в начальной школе учат «правильному» построению фраз с упоминанием имени вождя и его сына. Эта, так сказать, «придворная грамматика» предписывает следить за тем, чтобы ни одно из этих двух священных имен не оказалось, упаси господи, в середине и конце фразы, а обязательно бы находилось в ее начале.

Разумеется, биография Ким Ир Сена (точнее, ее официальный, весьма далекий от истины вариант) — это один из важнейших предметов, изучающихся в северокорейской школе. С 1980-х гг. к ней добавилась и биография Ким Чжон Ира. Школьники должны не только заучивать бесчисленные истории о реальных или (чаще) вымышленных подвигах Ким Ир Сена, но и знать наизусть всю его родословную. С цитаты из произведений Ким Ир Сена должна начинаться не только любая статья или книга, но и лекция в институте или университете. Порою эти цитаты имеют отдаленное отношение к содержанию статьи. Например, сборник по фармакопее начинается такой цитатой из Великого Вождя: «В биологии самое важное — добиться эффективного использования существующих ресурсов». Статья (вполне научная) о структуре корейских гласных открывается следующим

²⁹⁵ Впрочем, в 1998 г., то есть через 4 года после смерти своего отца, он стал также именоваться «Великим Вождем» то есть пользоваться титулом, который до того мог применяться только к Ким Ир Сену.

откровением: «И в языкознании необходимо установить чужие и систематически развивать наш язык, чтобы люди, используя его, испытывали чувства национальной гордости и достоинства».²⁹⁶

С начала 1970-х гг. все взрослые корейцы обязаны носить значки с изображением Ким Ир Сена, а его портреты расположены над входом и выходом любой, даже самой маленькой железнодорожной станции, у многих учреждений, проходных заводов. Часто сверху над портретами есть даже небольшие козырьки, защищающие их от дождя (подобные козырьки можно было увидеть над иконами в средневековых монастырях). Портреты Ким Ир Сена висят в каждой комнате любого учреждения, в каждом цехе, классе или аудитории, наконец, даже в вагонах метро и поездах. В жилых комнатах частных домов портрет Ким Ир Сена с начала 1980-х годов неизменно соседствует с портретом его сына-преемника Ким Чжон Ира.

Естественно, что эти портреты являются в Корее объектами почти религиозного культа. Когда автор учился в университете Ким Ир Сена и жил в общежитии, то там запрещалось вешать на ту стену комнаты, на которой находился портрет, какие-либо посторонние изображения. Каждое утро портреты чистятся специальной щеткой. Для хранения щеток и иных принадлежностей по уходу за портретами существуют специальные ящики, отношение к которым самое трепетное. Повреждение портрета, даже неумышленное, может кончиться очень печально. Один из наиболее известных северокорейских перебежчиков 70-х годов — бывший начальник 9-го отдела Управления политической охраны государства по г. Кэсону (северокорейская служба безопасности) Кон Тхак Хо бежал в Южную Корею после того как случайно испортил портрет Ким Ир Сена и был застигнут коллегами на месте преступления. По-видимому, он по своему опыту хорошо знал, чем грозит такой поступок.²⁹⁷

По всей стране разбросано великое множество памятников Ким Ир Сenu. Фактически Ким Ир Сен и члены его семьи — это единственные люди, памятники которым можно увидеть в КНДР. 16 апреля, в день рождения северокорейского руководителя (а этот день является главным праздником КНДР) эти памятники становятся местом обязательного паломничества местного населения. Все корейцы обязаны в этот день прийти к той статуе Ким Ир Сена, что расположена поблизости от их дома и, совершив перед ней несколько поясных поклонов, возложить к ее подножию букет цветов.

Еще одна своеобразная форма памятников Ким Ир Сenu и Ким Чжон Иру — это массивные каменные стелы, количество которых огромно, ведь они устанавливаются едва ли не на любом месте, где хоть раз побывал Великий Вождь или его наследник. Заботливо сохраняются даже скамейки и камешки, на которых отдыхал Ким Ир Сен во время своих поездок по стране. Помнится, как-то гуляя по парку Моранбон хорошим осенним днем, я увидел небольшую деревянную скамью. Своей явной старомодностью она была очень непохожа на те маленькие каменные скамейки, что иногда встречались в парке, и, вдобавок, сияла ослепительно новой голубой краской. Впрочем, ее особенности этим не ограничивались. Вокруг скамейки была натянута никелированная (или хромированная?) цепь, а рядом красовался небольшой обелиск с надписью: «Такого-то числа такого-то месяца такого-то (кажется, 1956 — А. Л.) года Великий Вождь присел отдохнуть на эту скамейку». Часто на этих стелах выбиваются оды в честь Великого Вождя, но иногда на них можно прочесть высказывания, которые Ким Ир Сен сделал, побывав в данном месте. Так, на одной из обзорных площадок в знаменитых своей живописностью горах Кымгансан можно увидеть весьма солидный монумент с надписью: «О, какие красивые горы! Ким Ир Сен». Только в

²⁹⁶ Чосон пхочжа сикмуль. Пхеньян, «Квахак пэкквва чхульпханса», 1990. С. 1.

Ким Пэк-рен. Чосоно моым чхегье мундже. — «Онохак ронмун чип». Пхеньян, «Квахак пэкквва чхульпханса», 1987. С. 1.

²⁹⁷ Кон Тхак Хо. Кукка чонъчхи повигук нэмак (За кулисами Управления политической охраны государства). Сеул, 1976.

Кымгансане установлено 22 подобных монумента.²⁹⁸ В Корею любят сообщать о весе этих грандиозных сооружений из монолитного камня. Так, стела у входа в подземные бункеры, где во время войны размещался Генеральный Штаб северокорейской армии, весит 400 тонн. Впрочем, ей далеко до других грандиозных сооружений, построенных в честь Ким Ир Сена в Пхеньяне: его статуи высотой 22 м, 170-метрового Монумента идей чучхе²⁹⁹ и грандиозных Триумфальных ворот. Всего же на территории КНДР находится 35 тысяч разнообразных памятников Ким Ир Сёну.³⁰⁰

Официальной идеологией КНДР являются так называемые «идеи чучхе». Выдвижение этих идей в качестве противовеса «импортному» марксизму началось в середине 1950-х гг., когда Ким Ир Сен стремился освободиться от советского влияния. Подробное рассмотрение этой эклектической политико-философской доктрины далеко выходит за рамки нашей статьи, но надо подчеркнуть, что самими корейцами идеи чучхе воспринимаются как простая совокупность трудов Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира. Эти труды издаются огромными тиражами, неустанно комментируются и изучаются всем населением страны от мала до велика на обязательных собраниях по «изучению идей Вождя». Главная форма изучения этих произведений — заучивание их наизусть. По моим наблюдениям, у студентов Пхеньянского Университета имени Ким Ир Сена на это зазубривание уходит примерно треть всего учебного времени. Для лучшего изучения идей Ким Ир Сена в большинстве учреждений и предприятий существуют специальные «комнаты изучения идей Вождя» (явное влияние советских «ленинских комнат» в их первоначальном, сложившемся еще в 1930-е годы, виде). Большое распространение имеют цитатники, традиция составления которых попала в Корею из Китая времен «культурной революции». Однако если в Китае в те приснопамятные времена был лишь одна общая для всех «маленькая красная книжечка», то в Корею выпущено много таких книжечек (всегда маленьких, но не всегда красных), каждая из которых предназначена для той или иной группы населения. Мне удалось увидеть два таких цитатника (оба — Ким Чжон Ира): для молодых рабочих и для студентов университета, причем на последнем красовался гриф: «Для внутреннего пользования». Студенты периодически сдают зачеты по знанию этих цитатников.

Изучение биографии Ким Ир Сена начинается уже в детском саду. Мне несколько раз приходилось бывать в «образцово-показательных» детских учреждениях и видеть, как на практике осуществляется постижение этой науки. Зрелище это, надо сказать, достаточно впечатляющее. В каждом детском саду есть специальная комната, в самом центре которой — большой макет Мангендэ (родной деревни Ким Ир Сена), на стене — картинки о детстве «Вождя-Отца» и его традиционный портрет. Все дети и воспитательница перед началом занятий трижды в пояс кланяются портрету, повторяя при этом нараспев: «Спасибо, Маршал-Отец!». После совершения этого обряда начинается сам урок. Воспитательница по очереди вызывает детей и те, показывая на макете указкой, тонюсенькими детскими голосами, но забавно пытаясь подражать «взрослой» интонации и жестам, начинают рассказывать: «Вот здесь Отец-Маршал играл в войну, готовясь к борьбе с японскими империалистами» или же «Вот здесь Отец-Маршал вместе с господином Ким Хен Чжиком (отец Ким Ир Сена) закалял себя, занимаясь спортом». Малыши пытаются говорить тем же патетическим тоном, какой они обычно слышат по радио и телевидению, так же угрожающе или восторженно размахивать руками, но у них ничего не получается: язычок заплетается, жесты же странно напоминают движения заводных игрушек, так что без улыбки смотреть на них невозможно. После еды все малыши также должны хором благодарить Ким Ир Сена за заботу о них.

²⁹⁸ Кымганьсан-ый рекса-ва мунхва (История и культура Кымгансана). Пхеньян, 1984, с. 47.

²⁹⁹ Монумент этот сложен из 25550 камней, что символизирует количество дней, прожитых Ким Ир Сеном к моменту открытия этого сооружения. (См.: Корея. Краткие сведения. Пхеньян, 1987, с. 216.)

³⁰⁰ Пукхан-ый чонъчхи (Северокорейская политика). Сеул, «Ырю мунхва са», 1990, с. 288.

Когда малыш переходит из детского сада в начальную школу, он снова начинает изучать «историю Великого Вождя», по следующему кругу он проходит ее в средней школе и, наконец, четыре семестра читается все та же «революционная история Великого Вождя» в институте. С восьмидесятых годов к «революционной истории Великого Вождя» добавилась и «революционная история Любимого руководителя».

Решению пропагандистских задач подчинено все школьное образование, причем не остаются в стороне даже такие, казалось бы, заведомо аполитичные предметы как арифметика. Чтобы показать, как это делается, процитирую лишь пару задач из соответствующего северокорейского учебника: «3 бойца Корейской Народной Армии уничтожили 30 американских солдат. По сколько солдат уничтожил каждый из них?» После того, как ребенок может подсчитать количество умерщвленных империалистов, ему может быть предложена и такая задача: «Великий Вождь-Отец Ким Ир Сен в детстве получил 9 яблок. 3 он отдал деду, 2 — бабушке, 1 — отцу, 1 — матери. Сколько всего яблок он отдал и сколько у него осталось?».³⁰¹

Следует отметить, что произведения Маркса, Энгельса, Ленина в КНДР не только не изучаются, но и, по большей части, фактически запрещены. Их произведения, равно как и иностранные работы по марксистской (не чучхейской) философии хранятся в специальных отделах библиотек и доступны только специалистам (по особым разрешениям). Для студентов издан, правда, небольшой сборник отрывков из работ Маркса, Энгельса, Ленина, который, больше всего напоминает обычный цитатник. Нет нужды говорить, что цитаты подобраны только такие, которые не противоречат идеям чучхе и нынешней «линии партии». Учитывая роль, которую неисправленный Маркс сыграл в формировании советской диссидентуры в 1960-е гг., нельзя не признать, что действия корейских властей, которые приравнивали Маркса к подрывной литературе, нельзя не считать мудрыми.

Любопытно организовывалось пропагандистское обеспечение возвышения Ким Чжон Ира, который еще в 1980 г. был официально провозглашен преемником своего отца. Оно проводилось так, чтобы этот процесс выглядел стихийным, идущим снизу, неофициальным и как бы чуть ли не противоречащим желаниям самого Ким Чжон Ира. Не случайно портреты Ким Чжон Ира первоначально, до конца 1980-х гг., вывешивались только в частных домах, его произведения и его «революционная история» поначалу изучались в вузах «неофициально» (якобы потому, что такова было стихийное желание студенчества, которое и организовывало занятия в — формально — неучебное время).

Часто упоминают Ким Чжон Ира даже тогда, когда речь идет об антияпонском партизанском движении — несмотря на то, что во времена этого самого движения Младшему Вождю было, от силы, три года. В связи с этим с начала восьмидесятых годов северокорейская пропаганда, которая до середины девяностых не признавала того факта, что Ким Ир Сен во время войны служил в Советской Армии, стала утверждать, что Ким Ир Сен в 1941–1945 гг. находился в тайном партизанском лагере на у китайской границы. Там, в этом лагере, и был, дескать, рожден Ким Чжон Ир. Разумеется, лагерь тут же был «реставрирован» (то есть, конечно же, построен) и открыт для обязательного организованного паломничества. Подтекст всей версии о Пэктусане ясен: лидер националистического режима по определению не мог быть рожден на иностранной земле.

³⁰¹ Пукнам-ый сэнхвальсань (Образ жизни Севера и Юга). Сеул, 1986, с. 83.

В задаче о яблоках стоит обратить внимание и на то, как четко в ней проявилась традиционная конфуцианская иерархия (старший — выше младшего, мужчина — выше женщины).

Обязательное паломничество в «лагерь на Пэктусане» не прекращается в любую погоду (зимы на плоскогорье Пэктусан вполне сибирские, среднеянварская температура -15)

Корейская пропаганда иногда даже утверждает, что двух или трехлетний Ким Чжон Ир каким-то образом ухитрился участвовать в боях с японцами. В этой связи стоит напомнить, что он родился в 1942 году, то есть к концу войны ему было три годика. В этой связи мне запомнилась картина, которую я видел в Музее железных дорог: на ней изображена Ким Чжон Сук — жена Ким Ир Сена, которая в окружении еще нескольких партизан, сжимая в одной руке пистолет, а в другой — будущего «Любимого Руководителя», отстреливается от японцев. При этом стоит заметить, что славная героиня в изображении художника держит сына так, как будто она собирается использовать его в качестве живого щита от японских пуль. Гид объяснила нам, что здесь изображено «боевое детство Ким Чжон Ира».

От пропаганды заслуг Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира неотделима и другая тема — прославление экономических и политических успехов КНДР: ведь корейская печать неустанно подчеркивает, что все эти успехи стали возможными только благодаря мудрому руководству Великого Вождя и его преемника. Как указывается в одной из множества теоретических статей на эту тему, выходящих в КНДР: «Главное — при любых условиях и в любой обстановке безоговорочно выполнять указания вождя, безусловно осознавая, что он является величайшим человеком, играющим решающую роль в руководстве массами и революцией».³⁰²

Корейцам постоянно внушается, что Корея — «страна образцового социализма», «страна чучхе и Чхоллима» является одной из самых развитых и богатых стран современного мира, а счастливая и изобильная жизнь ее граждан вызывает повсюду зависть. Любопытно, что инструментом этой пропаганды стали даже корейские деньги. На купюре достоинством в 1 вону написан один из самых распространенных корейских лозунгов «Не завидуем никому на свете!».

Широко используются в пропаганде националистические (и шовинистические) мотивы, причем после распада социалистического лагеря, их значение заметно возросло. События давней истории активно используются в пропаганде, причем изображаются они очень модернизаторски, дела давно минувших дней, подвиги средневековых полководцев и древних царей описываются в совершенно газетных выражениях. Разумеется, на страницах корейских учебников истории во время войн Корея всегда обороняется и всегда успешно, ну а если все-таки терпит неудачу, то лишь по вине бездарных правителей. Если же корейские войска действуют за пределами страны, то это либо «борьба за возвращение исконных земель», либо же «удары по базам агрессии». Особое внимание уделяется княжеству Когуре, существовавшему в северной части Корейского полуострова в первые века нашей эры. Эпохе Когуре посвящена заметная часть тех немногих исторических исследований, которые

³⁰² Ли Дон Чхун. Чучхенъ-ый конъсанчжуи-ый хекменьчжок суренъгван (Чучхейское, коммунистическое учение о революционном вожде) — «Кынлочжа», 1987, No. 8.

выходят в современной Северной Корее. Это подчеркнутое внимание становится понятным, если вспомнить, что столицей Когуре был Пхеньян. Именно эта идея «Пхеньян — традиционный центр страны» звучит во всех книгах по истории, Сеул же упоминается там по возможности мимоходом.

В газетах и книгах постоянно цитируются указания Ким Ир Сена о том, что в первую очередь необходимо изучать свою историю и культуру. В школах не преподается история и литература других стран, в период с середины 1960-х до начала 1980-х годов иностранная литература не издавалась вовсе. В последние полтора десятилетия, правда, на прилавках стали изредка появляться (и тут же расходиться) переводы западной литературы, но в целом картина особо не изменилась: корейцы почти ничего не знают не только о современном положении в других странах, но и об их истории и культуре. Так, проведенный мной импровизированный опрос показал, что примерно 3/4 студентов столичного университета никогда не слышали о Великой французской революции и не могут назвать ни одного имени зарубежного западного писателя.

Вторая по значению тема пропаганды — это «объединение Кореи». В газетах и по радио нищета и страдания южан постоянно противопоставляются изобильной и счастливой жизни их северных сограждан. Когда речь заходит о Южной Корее, пропаганда постоянно формирует образ бедной и угнетенной страны, а южнокорейское правительство изображается в буквальном смысле слова кликой маньяков, подверженных всем мыслимым порокам. Если верить корейским газетам, подавляющее большинство южан питается отбросами на помойках, ходит в лохмотьях, подвергается жутким пыткам в полицейских участках и при этом горячо завидует счастливой и богатой жизни северян. Противопоставление «ада» — Юга «раю» — Северу стало постоянным мотивом пропаганды КНДР. Не случайно одна из недавно вышедших в Пхеньяне книг, рассказывающая о перебежчиках с Юга, названа «Из ада — в рай».

Часто идут в Корее фильмы об ужасах жизни на Юге, о стремлении южан жить также, как северяне. Типичный фильм этого рода — «Судьба Кым Хи и Ын Хи», вышедший еще в 70-е годы, но популярный и поныне. Его сюжет прост и прямолинеен. В 1945 году родились две девочки-близнецы. Вскоре они осиротели и одна из них волею обстоятельств попала на Север, где стала знаменитой певицей, а другая — на Юг. Несчастливая южанка голодала, ходила в рваном тряпье, потом пела в дешевом кабаке джазовые песни (джаз — это, конечно, символ разложения и разврата), чуть не попала в публичный дом и, в конце концов, стала инвалидом. Ее же сестра тем временем счастливо жила на Севере, пела и танцевала в ансамбле «народной музыки чучхейского типа» (гибрид традиционной корейской музыки с советской эстрадой тридцатых-сороковых, эпохи Дунаевского), жила в прекрасной квартире, носила изысканные наряды. Фильм завершается тем, что героиня плачет от счастья у подножия статуи Ким Ир Сена на холме Мансудэ.

Не осталось в стороне от этой кампании даже такое, казалось бы, вполне аполитичное искусство как мультипликация. Часто идет в Корее многосерийный мультфильм «Лисичка и Ежик», в котором говорится о борьбе между добрым «лесным народцем» и злыми волками. Лисичка и Ежик — бравые разведчики армии «лесного народца», блестяще владеющие приемами тэквондо и всеми видами оружия. Им удается проникнуть в штаб врага и похитить план готовящегося нападения. Армия «лесного народца» наносит сокрушающий ответный удар и уничтожает коварного врага. Чтобы намеки были еще более понятны, армия «лесного народца» одета в форму, похожую на ту, что носят в северокорейских вооруженных силах и использует обращение «товарищ», а коварные волки щеголяют в мундирах южнокорейского образца и называют своих офицеров «Ваше превосходительство». Дело не ограничивается мультфильмами, для детей выпускают и книжки с картинками, выдержанные в том же духе детского милитаризма.

Очень большое внимание уделяют пропаганде и другого корейского лозунга — «Опора на собственные силы!». Лозунг этот, попавший в Корею из Китая начала 1960-х годов, и поныне играет там важную роль, будучи (по крайней мере, официально) главным постулатом

северокорейской экономической политики. Любопытно, что о китайском происхождении лозунга, который заимствован буквально до иероглифа, сейчас на Севере не говорят и подавляющее большинство северных корейцев об этом и не подозревает. Фраза о «революционном духе опоры на собственные силы» стала просто дежурной в любом материале на экономические темы, будь то газетная статья или радиопередача. Всячески пропагандируется деятельность тех предприятий, которые особо успешно претворяют этот лозунг в жизнь. Так, несколько лет назад северокорейская печать сообщила о том, что рабочие пхеньянского элеватора сами изготовили необходимый им тепловоз. Часто приводятся примеры и из прошлого, в первую очередь — из времен антияпонского партизанского движения, которое, вообще говоря, очень часто упоминается в корейской пропаганде. Основная мысль всюду проста: партизанское движение могло возникнуть и существовать (по официальной версии — даже победить) только потому, что им руководил Ким Ир Сен, что все его участники были «пламенно верны» ему и всюду проводили лозунг «опоры на собственные силы». В одной из своих статей «Нодон синмун», например, рассказывает о том, как партизаны, проникнувшись «революционным духом опоры на собственные силы» в полевых условиях проводили ремонт оружия, сваривая поврежденные стальные детали на костре (!). Другая статья сообщает о триумфе рабочих пхеньянского элеватора, которые сами изготовили необходимый им тепловоз. С пропагандой лозунга «опоры на собственные силы» связано и характерное для северокорейских средств массовой информации стремление замалчивать экономическое сотрудничество КНДР с зарубежными странами. Начиная с шестидесятых годов корейцы часто просто снимают с полученного из-за рубежа оборудования таблички, которые бы могли указать на его иностранное происхождение. Разумеется, не упоминается обычно в печати и участие иностранных специалистов в тех или иных проектах. В этом отношении исключения не делалось даже для самых дружественных государств.

***

Хотелось бы сказать несколько слов и о средствах и методах пропагандистской работы. Основными орудиями пропаганды в Корее, как и повсюду, являются средства массовой информации — печать, радио и телевидение.

Структуру корейских газет легко может представить тот, кто видел советские газеты первых послевоенных лет, которые в свое время и послужили образцом для зарождающейся северокорейской журналистики. Основной газетой КНДР является «Нодон синмун» — орган ЦК ТПК, занимающий совершенно особое положение среди всей северокорейской печати, так что ее структура вполне показательна. На первой и второй страницах этой газеты обычно помещаются послания Ким Ир Сёну из-за границы и его собственные официальные телеграммы, статьи об экономических успехах Кореи. Там же можно прочесть сообщения о визитах иностранных делегаций, статьи о величии Ким Ир Сёна и Ким Чжон Ира. По преимуществу экономический характер носит третья страница, а четвертая заполнена хроникальными заметками и очерками на разные темы. Последние страницы — это международный раздел. Практически все заметки на международные темы либо говорят о достижениях экономики развивающихся стран, либо критикуют внешнюю политику США. Специальный раздел, который обычно занимает пятую страницу, посвящен Южной Корее. Интонация статей газеты по разным вопросам, конечно, та же, что и у всей северокорейской пропаганды: восхваление Ким Ир Сёна и Ким Чжон Ира, резкая, почти истерическая критика США и Южной Кореи, прославление экономических достижений КНДР (в подавляющем большинстве случаев — мнимых), пропаганда идей чучхе и рассказы об их огромной популярности во всем мире.

Надо сказать, что в Корее (как, впрочем, и во многих других странах), существуют и иные средства массовой информации, простому человеку недоступные, но предназначенные для чиновников. Для высших ганьбу издается специальная газета, которая, как говорили мне

сами корейцы, дает много больше информации о внешнем мире, чем «Нодон синмун». Честно говоря, до недавнего времени я был уверен, что хотя бы в этих закрытых изданиях содержатся более или менее правдивые сведения о положении в стране и мире. Каково же было мое разочарование, когда мне после долгих усилий удалось окольными путями получить несколько экземпляров такого закрытого информационного издания, предназначенного для высшего чиновничества. Я обнаружил, что по своей тональности оно практически не отличается от обычных корейских газет и что газета «Правда» брежневских времен по сравнению с ним — образец жесткой и правдивой журналистики. Так, сведения о южнокорейских делах там сводятся к сообщению о том, что движение автобусов по одной из скоростных дорог сильно мешает окрестным крестьянам и вызывает их протесты. По-видимому, подрывной характер этого сообщения был вызван тем, что оно косвенно признавало, что в Южной Корее есть скоростные дороги и автобусы. Как бы то ни было, но даже северокорейская номенклатура (за исключением, скорее всего, ее высшего звена), похоже, не имеет возможности получать правдивую информацию о внешнем мире.

Программы пхеньянского радио выглядят довольно своеобразно. В его программах музыкальные передачи чередуются с краткими информационно-пропагандистскими выпусками. Каждый час передач начинается выпуском новостей, по своей тематике как две капли воды похожем на сообщения «Нодон синмун». После этого в течение нескольких минут звучит маршевая музыка или одна-две песни о Ким Ир Сене, Ким Чжон Ире или партии. Репертуар очень невелик, одна и та же песня повторяется по несколько раз в день. За песнями обычно следует короткая, 5-10 минут, передача. Как правило, это какой-либо комментарий по вопросам внутрисполитического положения, ситуации в Южной Корее, чучхейской философии. По своему содержанию и тону эти передачи соответствуют «Нодон синмун» (часто это как раз и есть статьи «Нодон синмун», передаваемые по радио). После этого опять гремят песни и марши, а потом снова передается следующая, тоже пяти или десятиминутная, короткая программа. Любопытна очень интонация дикторов пхеньянского радио, которые даже достаточно нейтральные тексты (скажем, о ходе посевной) зачитывают тоном комиссара, поднимающего роту в штыковую атаку.

Надо сказать, что большинство жителей Кореи вынуждены слушать радио почти постоянно. Радиоточки — репродукторы есть почти в каждом доме, кроме того, радио постоянно и на полную громкость работает во всех вагонах метро, на заводах, а иногда — даже на полях во время страды. Таким образом создается постоянная звуковая среда, в условиях которого корейцы проводят значительную часть дня. Среда эта состоит из воинственных маршей и патетических лозунгов, которые в буквальном слова выкрикивают дикторы радио. Естественно, что небольшой набор постоянно повторяющихся пропагандистских формул может довольно глубоко проникать в сознание тех, кто десятилетиями выслушивает его изо дня в день.

Вообще для северокорейской пропаганды характерно стремление создать некий постоянный и чрезвычайно насыщенный идеологический фон всей повседневной жизни. Она стремится к тому, чтобы основные лозунги всегда звучали в ушах людей и всегда были перед их глазами. Это, как представляется, должно обеспечивать автоматическое, на полубессознательном уровне восприятие важнейших постулатов. Отсюда — не только вездесущее радио, но и широкое применение наглядной агитации. На улицах корейских городов неисчислимое множество всяческих лозунгов и плакатов: от простых красных полотнищ на стенах домов до огромных бетонных стел с изображениями эпизодов из жизни Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, которые установлены на каждом крупном перекрестке.

Стела с портретом Вождя — обычная часть северокорейского городского пейзажа

Совершенно особым средством пропаганды стали высекаемые на скалах надписи. Обычно они содержат здравицы в честь Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, но иногда встречаются и надписи иного содержания. Это воистину «монументальная пропаганда», ибо многие из таких лозунгов высечены многометровыми буквами на отвесных скалах в самых живописных местах Кореи. В прославленных своей удивительной красотой горах Кымгансан и Мехянсан невозможно, наверное, уже найти и одного пика, на котором бы не красовалась какая-нибудь вдохновенная поэтическая надпись типа «Да здравствует Великий Вождь Маршал Ким Ир Сен!» или «Выше темпы 80-х годов!». Эти исполинские надписи, глубоко выбитые в скалах и выкрашенные ярко-красной краской, как легко можно догадаться, весьма украшают пейзажи, будто сошедшие с картин средневековых корейских или китайских художников. Вся эта деятельность развернута по прямому указанию Ким Ир Сена, который как-то заметил: «А неплохо было бы высечь на скалах какие-нибудь хорошие лозунги на память последующим поколениям».³⁰³

Кампания по высеканию лозунгов на скалах развернулась в полную силу с 1970-х годов. Вот как описывает ее один современный северокорейский краевед (прошу извинения за длинную цитату, но она стоит того, ибо дает неплохое представление о стиле современной корейской литературы):

«Всем сердцем восприняв мудрые указания Великого Вождя и Любимого Руководителя, члены партии и трудящиеся все как один поднялись на борьбу за создание надписей, которые сохранятся для десяти тысяч поколений потомков. С этой целью из комсомольцев и молодежи был сформирован отряд скоростного боя (отряд скоростного боя — военизированная строительная организация, что-то вроде советского стройбата — А. Л.), которому помогали добровольческие отряды трудящихся. Члены отряда скоростного боя и помогающие им местные жители, воодушевляемые чувством пламенной верности Великому Вождю, за период до февраля 1982 г. создали в Кымгансане 61 надпись (3690 знаков). Как по глубине своего идейного содержания, так и по масштабам, эти надписи не имеют аналогов нигде в мире. Так надпись «чучхе» на скале Чхонен имеет высоту 27 м, ширину — 8 м, глубину букв — 1, 2 м.»³⁰⁴

Широко применяется и устная агитация, которая как бы дополняет постоянное воздействие радиопередач. На улицах городов часто можно увидеть специальные микроавтобусы с громкоговорителем и, иногда, с небольшим балкончиком сзади, предназначенными для выступающего агитатора. Обычно такие агитмашины действуют на больших стройплощадках. Через громкоговорители транслируется музыка, прерываемая

³⁰³ Ким Иль Сон чочжак чип (Собр. соч. Ким Ир Сена), т. 3, с. 448.

³⁰⁴ Кымганъсан-ый рекса-ва мунхва (История и культура Кымгансана). Пхеньян, «Квахак пэкква чхульпханса», 1984. С. 118.

лозунгами, которые время от времени выкрикивает сидящая в машине девушка. Строители работают под этот аккомпанемент, который, как считается, должен благотворно воздействовать на них. Вообще образ девушки с огромным мегафоном под мышкой стала символом пропагандистской деятельности, воодушевляющей массы на трудовые подвиги. Образ этот очень популярен в современном корейском искусстве, он кочует из книги в книгу, из фильма в фильм, из картины в картину.

Другим и, надо признать, довольно специфическим видом устной агитации считается так называемая «салонная агитация» в транспорте. Заключается она в том, что кондуктор во время движения громко, на весь салон, выкрикивает те или иные лозунги, в меру своих сил и способностей подражая при этом обычным патетическим интонациям дикторов пхеньянского радио. Впечатление на свежего человека это производит довольно диковатое, но надо сказать, что пассажиры никак не реагируют на эти пропагандистские упражнения, да и сами кондукторы проделывают эту операцию нечасто.

Характерной чертой существующей в Корее системы идеологической работы является чрезвычайно широкое, можно сказать, массированное, применение собраний. В Северной Корее часто цитируется высказывание Ким Ир Сена о том, что каждый кореец должен восемь часов трудиться, восемь часов учиться, восемь часов отдыхать (интересно, что же до времени, которое уходит на поездки на работу или домашние дела?). При этом, однако, следует иметь в виду, что под «учебой» в данном случае имеется в виду в первую очередь «политическая учеба», то есть тщательное изучение речений Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира. Конечно, мечта о том, что каждый кореец будет читать священные тексты восемь часов в день так и осталась мечтой. Тем не менее, успехи корейских властей на данном поприще довольно значительные. Едва ли в мире есть еще одна страна, каждый житель которой вынужден проводить на обязательных собраниях в среднем около 2 часов ежедневно. Собрания в Корее — часть повседневного обихода, они обычны, как обед или сон. Рабочий день в стране начинается собранием, им же он и заканчивается (излишне говорить, что время собраний не включается в общую продолжительность рабочего дня). Кроме того, собраниям целиком отдана вся вторая половина субботнего дня.

От собраний не избавлены даже отдыхающие. Находясь в санаториях и домах отдыха, корейцы все равно обязаны посещать проходящие там собрания и проводить на них в среднем 2–3 часа в день (суббота, как и повсюду, озаглавлена особо активными и продолжительными политзанятиями).

Корейская политико-пропагандистская практика выработала довольно многочисленные формы собраний, которые периодически проводятся на предприятиях и в организациях. Едва ли имеет смысл рассказывать обо всех, тем более, что рассказ не будет полным, поэтому мы ограничимся лишь довольно перечислением основных видов собраний, их, так сказать, жанровых разновидностей.

1. «Собрания читки газет», которыми начинается каждый рабочий день большинство корейцев. На этих собраниях в течение примерно получаса специально назначенные ответственные читают «Нодон синмун» или, изредка, «Воспоминания антияпонских партизан». Это как бы идеологическая утренняя зарядка, обязательная для всех жителей КНДР.

2. «Собрания учебы у Великого Вождя и Любимого Руководителя», на которых рассказывают истории о Ким Ир Сене и Ким Чжон Ире (главным образом из специально подготовленных и активно применяющихся в корейской пропаганде сборников серии «Рассказы о любви к народу»). Подобными историями заполнены страницы корейских книг, они в обязательном порядке изучаются в школах и детских садах, а пхеньянская пропаганда распространяет их переводы на самые разные языки по всему миру. Речь в них идет о тех или иных случаях, в которых Ким Ир Сен и Ким Чжон Ир проявили свою гуманность, мудрость, любовь к подданным.

3. «Собрания толкования лозунгов», как видно из самого их названия, посвящены разъяснению содержания официальных лозунгов.

4. «Собрания мести», на которых рассказывают истории о «кровавых преступлениях вечных врагов корейского народа — американского империализма, японского колониализма и их южнокорейских марионеток».

5. «Собрания идеологической борьбы», по-видимому, позаимствованы в свое время из Китая. На них подвергаются критике те, кто совершил те или иные «идеологические ошибки» и «уступки ревизионизму», каковыми считаются даже ношение длинных волос или излишняя приверженность моде. Все должны выступить с обвинениями и разоблачениями провинившегося, который в заключение сам обязан произнести покаянную речь. В наше время такие собрания проходят сравнительно мирно, но в СССР среди эмигрантов из Северной Кореи мне приходилось встречать людей, которых в шестидесятые годы на подобных собраниях жесточайшим образом избивали.

6. «Собрания подведения итогов жизни» завершают рабочую неделю, их проводят обычно по субботам. На них все члены коллектива по очереди должны рассказать о своих проступках и прегрешениях за прошедшую неделю, закончив это рассказ обязательным покаянием. Эта своего рода политическая публичная исповедь — очень важный эпизод в повседневной жизни современной Кореи. После того, как все члены коллектива выступят с покаянными речами, которые должны в обязательном порядке сопровождаться цитатами из Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, наступает очередь так называемой «взаимной критики», в ходе которой каждый должен осудить тот или иной поступок своих товарищей.

7. «Собрания разучивания песен» связаны с тем, что появление новой песни в Корее — событие редкое, и каждая очередная песня утверждается свыше. Песен, как и фильмов, в КНДР появляется мало, но каждая из них должна быть «шедевром чучхейской музыки» и поэтому подлежит обязательному разучиванию всем населением страны. Это и понятно: ведь Ким Ир Сен и Ким Чжон Ир упоминаются в любом из песенных текстов.

Своеобразной особенностью Кореи является система «подарков Великого Вождя». Время от времени передовым рабочим, инженерам или, иногда, всему коллективу какого-нибудь предприятия вручаются какие-либо ценные, дефицитные вещи. Им объясняют, что это «Великий Вождь» лично позаботился о них и послал им подарки. Подарки могут быть разные, но чаще всего это либо то, чего в магазинах не купишь ни по каким карточкам: сахар, мясо, фрукты (даже апельсины), либо вещи очень дорогие и в то же время дефицитные: часы, телевизоры, проигрыватели. Понятны ощущения корейца, который получает такое к празднику, причем бесплатно, да еще и от имени Ким Ир Сена. «Подарки Великого Вождя» могут получать не только отдельные лица, но и целые организации, учебные заведения. Это, как правило, мебель, наглядные пособия, аппаратура (в особенности медицинская) и тому подобное. Над каждой такой вещью укрепляется небольшая красная табличка, где указывается, что это — «подарок Великого Вождя».

Задачам пропаганды полностью подчинена не только деятельность средств массовой информации, не только литература и искусство, но и даже музейное дело. Все корейские музеи можно разделить на две категории: музеи в точном смысле этого слова и так называемые «музеи заслуг» — «сачжоккван». Первых немного, в Пхеньяне — не более полудюжины, а вот вторых — огромное количество, они есть едва ли не в каждом крупном городе, при некоторых предприятиях и учреждениях. Полное название этих музеев — «Музей революционных заслуг Великого Вождя». Мне лично довелось посетить три из них — университетский, железнодорожный и метрополитеновский, а также «сачжоккваны» в Вонсане и Чхонсанли. По сути, это музеи Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, но с некоторым специальным (в данном случае — университетским, железнодорожным, метрополитеновским, краеведческим) уклоном, так сказать, музеи «Ким Ир Сен, Ким Чжон Ир и железная дорога» или «Ким Ир Сен, Ким Чжон Ир и метрополитен». Например, в музее метрополитена в первых залах рассказывается о детстве Ким Ир Сена, дальше — о его деятельности в Маньчжурии, о Корейской войне и лишь потом начинаются материалы, как-то связанные с метрополитеном. Это фотографии строительства метро и его строителей, газеты и журналы, в которых идет об этом речь. Но все-таки большинство составляют экспонаты

другого рода: ручка, которой Ким Ир Сен подписал распоряжение о начале строительства, стул, на котором сидел Ким Ир Сен во время «руководства на месте» работой метростроя, микрофон, в который Ким Ир Сен сказал несколько фраз о метро и даже целая дрезина, на которой Ким Ир Сен проехал по линии между строящимися станциями. Стены многих залов увешаны фотографиями и картинами на тему «Ким Ир Сен и строители метро». Этому же посвящена большая диорама со всяческими звуко- и светотехническими эффектами, на которые корейцы большие мастера.

По такому же принципу построена экспозиция во всех «музеях заслуг». После того, как в 1980 г. Ким Чжон Ир был официально провозглашен наследником своего отца, во многих из них появились, вдобавок, и специальные разделы, посвященные младшему Киму. Особое впечатление произвел на меня зал «Ким Чжон Ир на военных сборах» в «музее заслуг» пхеньянского университета имени Ким Ир Сена. Там, среди всего прочего, помещены: винтовка, саперная лопатка и, кажется, противогаз, которые были у Ким Чжон Ира на сборах, а также ложка-половник, которой молодой Ким разливал похлебку во время своих дежурств по кухне. Этому же важному историческому событию — дежурству Ким Чжон Ира по кухне во время военных сборов — посвящена и огромная картина на одной из стен зала. На ней юный Ким в белом халате поверх формы, с ложкой в руках о чем-то говорит с внимательно и восторженно слушающими его студентами. В конце 80-х гг. на том месте, где Ким Чжон Ир провел несколько недель на сборах, был создан мемориальный комплекс. Специально огражден там даже камешек, на котором отдыхал и пил воду уставший после кросса Ким Чжон Ир.

Вместе с тем нельзя не отметить то изящество, с которым оформлены эти музеи. Многочисленные шкафы, стенды, панно — все это просто шедевры ручной работы, тончайшей резьбы по дереву, инкрустации и даже вышивки. С редкой тщательностью сделаны макеты, на которых проработаны мельчайшие, в доли миллиметра, детали.

Одним из главных пропагандистским центром страны является «Выставка дружбы между народами», расположенная в прекрасных горах Мехянсан. Этот «шедевр архитектуры — грандиозное здание площадью 23 тысячи квадратных метров, национальное по форму и социалистическое по содержанию» представляет из себя выставку подарков Ким Ир Сenu, Кстати, здесь ощущается и явное советское влияние, ведь в СССР существовала и играла немалую символическую роль выставка подарков Сталину. Об этой выставке много пишут и говорят в КНДР, она должна служить доказательством того, что Ким Ир Сен — самый популярный политический деятель современного мира, и посещение ее является обязательной частью программы пребывания в Корее большинства иностранцев.

***

Одним из важнейших вопросов при оценке деятельности любой пропагандистской системы является ее эффективность. До какой степени эффективна северокорейская пропаганда? Насколько северокорейским пропагандистским органам удастся убедить население страны в правильности своих постулатов и крепки ли эти убеждения? Понятно, что с уверенностью ответить на этот вопрос невозможно, ведь ни о каких полевых социологических исследованиях в КНДР не может быть и речи. Тем не менее автор на основе своих наблюдений и бесед считает возможным сделать на этот счет некоторые выводы и поделиться ими с читателями.

Во-первых, кажется, что в целом северокорейская пропаганда довольно эффективна, в первую очередь — из-за отсутствия конкурирующих с официальными источниками информации. Основная масса жителей КНДР считает, что уровень жизни в их стране достаточно высок, с большим уважением относится к Ким Ир Сenu (но не к его сыну, куда менее популярному в народе). Что же до националистических убеждений, то они в данное время просто органичны для подавляющего большинства корейцев как на Севере, так и на Юге.

Во-вторых, создается впечатление, что в последнее десятилетие эффективность северокорейской пропагандистской деятельности снижается. Причина этого — определенное ослабление изоляции страны, на которое северокорейское руководство идет, стремясь за счет связей с внешним миром решить свои экономические проблемы. Это приводит к распространению в КНДР, особенно среди элитарной молодежи и студенчества определенного скептицизма по отношению к официальным установкам.

В-третьих, успехи, достигнутые северокорейским пропагандистскими службами в формировании нужного им мирозерцания в значительной степени являются результатом жесткого административно-полицейского контроля за населением и полной информационной изоляции от внешнего мира, а отнюдь не правильной организации пропагандистской работы как таковой. Из этого следует, что даже слабый отход от политики информационной самоизоляции и минимальное расширение контактов с внешним миром приведет к быстрому разрушению официального мировоззрения (хотя какие-то его элементы могут просуществовать еще очень долго). Иначе говоря, позиции официального мировоззрения в корейском обществе не представляются особо прочными.

10. ПХЕНЬЯН И ПХЕНЬЯНЦЫ: 1984 (Заметки советского стажера)

В 1984–1985 гг. мне довелось провести год на стажировке в Корейской Народно-Демократической Республике, в Университете имени Ким Ир Сена (Пхеньян). Во время пребывания в Пхеньяне мне довелось увидеть много интересного, кое-что из виденного я описал по возвращении домой в кратких заметках для памяти, на основании которых и составлена данная статья. Конечно, за прошедшие 15 лет северокорейская столица изменилась, хотя, возможно, и не в такой степени, как другие города Восточной Азии. Тем не менее, записки эти о прошлом, хотя и недавнем.

***

Пхеньян — столица КНДР и крупнейший город республики. В середине 1980-х годов его население превышало полтора миллиона человек, в то время как не один другой город страны не достиг еще и полумиллионного рубежа. В Пхеньяне расположены не только основные правительственные учреждения, но и большинство научных и культурных центров страны, в том числе и единственный северокорейский университет.

Пхеньян не только крупнейший город Северной Кореи. Это — город особый, витрина северокорейского социализма. На протяжении всей истории КНДР правительство поддерживало в столице куда более высокий уровень жизни, чем в остальных частях страны. Хотя практически все продукты и потребительские товары в Северной Корее и распределяются по карточкам, нормы снабжения, действующие в Пхеньяне, во многом отличаются от тех, что существуют в других городах страны. Жить в Пхеньяне — привилегия, и только те северокорейцы, кого режим считает благонадежными, имеют на это право.

Хотя Пхеньян (или, точнее, его заметная часть) и представляет из себя гигантскую пропагандистскую операцию, город-витрину, функции его отнюдь не исчерпываются пропагандой. Это, все-таки, город, в котором живут и работают люди. Надо сказать, что настоящий Пхеньян мало имеет общего с Пхеньяном пропагандистским — тем великолепным сверхсовременным городом, фотографии которого заполняют глянцевые страницы официальных северокорейских изданий.

Что же такое представляет собой реальный Пхеньян (или, точнее, что он представлял собой в середине восьмидесятых)? Широкая, но мелкая река Тэдонган делит

северокорейскую столицу на две половины. Через реку перекинута только два моста (один довоенный, а другой — построенный в начале шестидесятых), но это не создает особых проблем, так как движение в городе небольшое. Традиционно город располагался на западном берегу, застройка же восточного началась только в шестидесятые и семидесятые годы. Однако, центр города по-прежнему находится на западном берегу реки. Несмотря на почти полторы тысячи лет истории, в архитектурном отношении Пхеньян — город новый, ведь в 1950–1953 годах северокорейская столица была буквально стерта с лица земли американской авиацией. Даже то, что северокорейцы объявляют «памятниками старины», в действительности является новоделами, часто — весьма далекими от оригинала.

Центральные кварталы столицы — это действительно широкие улицы, дома современной архитектуры, монументальные здания учреждений. Это — парадный центр, где сосредоточены основные правительственные учреждения, где живет правящая элита. Эта часть города, которую и можно считать Пхеньяном пропагандистским, Пхеньяном-витриной, невелика: в середине восьмидесятых из конца в конец ее можно было пройти от силы за полчаса. В первые послевоенные годы центр города располагался на протянувшемся вдоль берега Тэдонгана проспекте Сынни (то есть «Проспекте Победы», который назывался проспектом Сталина до середины семидесятых — еще один символ северокорейского неприятия «критики культа личности»). Проспект Сынни и поныне застроен массивными, помпезными и тяжеловесными домами, по стилю очень похожими на советские постройки первых послевоенных лет. В середине восьмидесятых, однако, наиболее парадной частью города были районы, которые располагались немного западнее, на проспектах Чхангван и Чхоллима. Именно эта часть столицы и стала любимым объектом съемок для официальных фотографов.

Однако на глянцевах официальных снимках не слишком заметна одна маленькая деталь: большая часть этого района отгорожена металлическим забором, проходы в котором охраняются часовыми (в основном — коренастыми круглолицыми девицами с автоматами на перевес). Там жила элита правящей бюрократии Северной Кореи. Для ее членов были сооружены эти дома с великолепными многокомнатными квартирами, их ждали по утрам роскошные «мерседесы», для их детей была построена образцовая 1-ая средняя школа, образцовый детский сад и ясли. В закрытом районе есть и специальные магазины и многое другое, что необходимо чиновникам для безбедной жизни. На территорию самого района мне, как иностранцу, попасть было невозможно, но вокруг него часто встречались фланирующие по проспекту Чхангван группы подростков — чиновничьих детей. Это упитанные юнцы щеголяли в импортных костюмах и куртках либо, чаще, во френчах а la Ким Чжон Ир. На их надменно-высокомерных физиономиях было прямо-таки написано презрение к мельтешащей вокруг нищей и голодной черни. Даже обязательные для любого корейца значки с портретом Ким Ир Сена — символ своей «пламенной верности» Великому Вождю — стали для номенклатурных отпрысков средством «fashion statement». Носили они их необычным образом, так, как это было модно тогда у молодежи: на самом краешке лацкана, так что значок висел буквально «на отлете».

Там же, совсем рядом с престижными кварталами высшего чиновничества, расположились и те сооружения, что стали архитектурными символами современной Кореи: театр Мансудэ, Народный дворец учебы, Дворец съездов Мансудэ, Дворец пионеров и школьников, Первый универмаг. Все это сосредоточено на маленьком пяталке, маленьком даже по сравнению с престижным центром, который тоже невелик по площади. Любопытно, что на издаваемых для иностранцев схематических планах Пхеньяна этот центр показывают непропорционально большим, раз в пять больше, чем он должен был бы быть, исходя из примерного масштаба карты.

В нескольких сотнях метров от проспекта Чхангван, близ советского посольства, возвышается громада театра Мансудэ, в котором мне довелось побывать, что, надо сказать, довольно редкая удача. Этот роскошный театр, изображение которого попало даже на северокорейские денежные купюры, работает далеко не каждый день и очень немногим из

иностранцев-недипломатов, не говоря уж о самих корейцах, удалось посетить его. Строго говоря, он вообще не предназначен для нормальной театральной деятельности, для массового посещения: его зрительный зал невелик, вмещает от силы 300 человек. Обычно зрителями являются иностранцы и те немногие корейцы, которые тем или иным путем смогли добыть пригласительные билеты. Я, конечно, не специалист по архитектуре, но интерьеры Мансудэ действительно впечатляют. В наше время, когда из-за отсутствия заказчиков во всем мире практически прервалась традиция дворцового строительства, Мансудэ, пожалуй, одно из последних сооружений, на которые не жалели ни денег, ни труда. В отделке помещений сочетаются традиционное умение корейских мастеров и достижения современной техники. Пол фойе покрыт огромными коврами ручной работы, на стенах — мозаики и фрески в стиле традиционной корейской живописи, мебель украшена тончайшей резьбой. И рядом с этим — блеск никеля и стекла, потолок, переливающийся всеми цветами радуги, двери на фотоэлементах, причудливые фонтаны с цветной подсветкой, что разместились не только на площади напротив театра, но и в самом его холле. Именно эти фонтаны каждый вечер придают площади у театра, центральной в Пхеньяне (на нее выходят также Дворец учебы и Первый универмаг), вид совершенно феерический. Вода в подсвечиваемых разноцветными фонарями фонтанах сама начинает светиться то красным, то синим, то голубым цветом. Из бассейнов на площади встают огромные сияющие столбы или водяные разноцветные костры. Каждый вечер десятки и сотни жителей столицы приходят сюда полюбоваться этой красотой, так контрастирующей с их повседневным бытом, нищим и серым.

Другой частью парадного центра является Первый универмаг. Назвать это шестизэтажное сооружение «Храмом потребления» довольно трудно, так как те товары, что красуются в его витринах, для реального потребления, строго говоря, не предназначены. Поскольку все продукты и потребительские товары в стране распределяются по карточкам, рядовой кореец не может и мечтать о покупке какой-нибудь красующейся в этих витринах высокотехнологической экзотики, типа стиральной машины. Первый универмаг — это сооружение, скорее, пропагандистское, призванное изобилием своих витрин (увы, относительным даже по тогдашним советским меркам) демонстрировать изобилие, якобы царящее в стране. Впрочем, официально Северная Корея в восьмидесятые годы не признавала существования карточной системы, точнее, о ней не полагалось говорить иностранцам. Поэтому в Первом Универмаге действовало правило, согласно которому иностранцы могли покупать там товары совершенно свободно. Карточек у них никто не спрашивал. Один из наших северокорейских соседей по общежитию для иностранцев использовал эту особенность для своего мелкого бизнеса. Он договорился со своим «подконтрольным» иностранцем, что тот будет покупать в Первом универмаге продукты и вино на полученные от корейского студента деньги. После этого предприниматель отправлялся в провинцию, в свой родной город, и там на рынках сбывал вино с немалой прибылью.

В центральной же части города, естественно, расположено и большинство правительственных учреждений. Любопытно, что, как правило, в КНДР организации не имеют вывесок, по крайней мере, так обстояли дела в 1984 г. Тот, кому это нужно, и так знал, где расположено то или иное министерство или ведомство, ну, а прочим, как считают в Северной Корее, этого знать и не полагается. Вывесок не было даже на столь безобидных организациях, как министерство здравоохранения или просвещения. Другая особенность — наличие охраны (часто вооруженной) у всех мало-мальски значительных учреждений. Даже в школах и университетах у ворот обычно стояли «часовые», в роли которых выступали сами учащиеся (на посты заступают по очереди).

За пределами небольшой парадной центральной зоны начинался другой Пхеньян. На первый взгляд, застройка этих районов отличалась от центральной только большей скромностью и некоторой монотонностью. Вдоль обсаженных деревьями дорог тянулись многоэтажные дома довольно современного, хотя и «коробчатого», вида, так что если ехать по улице на машине или комфортабельном интуристовском автобусе (а именно так

передвигается по улицам северокорейской столицы подавляющее большинство иностранцев), да еще не особо оглядываться по сторонам, то создавалась полная иллюзия того, что машина идет по современному многоэтажному городу. Дело, однако, в том, что современные дома лишь протянулись лентами вдоль дорог, они как ширмы закрывают внутренность кварталов, которые сплошь застроены маленькими традиционными лачугами, и представляют собой настоящие трущобы. Эти трущобы были закрыты от взгляда с улицы не только современными домами, но и высокими бетонными заборами, которые окружали любой квартал.

Еще дальше от центра города, в местах, куда не забредали иностранные и иные «гости столицы», трущобы располагались открыто, уже безо всяких ширм и прикрытий. Особенно много традиционных лачуг было в Восточном Пхеньяне, то есть в новой, левобережной части города. Там современная застройка, если не считать обширного района Мунсу, протянулась лишь узкой полосой вдоль нескольких улиц, параллельных левому берегу Тэдонгана, и еще двух уходящих к восточной окраине проспектов: Сэсаллим и Тэдонвон. Весь остальной Восточный Пхеньян — это море плотно прижавшихся друг к другу маленьких кирпичных и глинобитных домишек, которые тянутся на многие километры. Там нет даже улиц в точном смысле этого слова, а лишь извилистые неасфальтированные проходы и проезды между домами.

Улица на дальней окраине Пхеньяна, 1985 г. (фотография С. О. Курбанова)

Типичный пхеньянский одноэтажный дом представляет из себя невысокое сооружение с черепичной или шиферной крышей, оштукатуренными и выбеленными кирпичными стенами. Все окна и двери обращены в одну сторону и выходили в маленький двор-огородик. По моим приблизительным подсчетам, площадь этих домов (вместе с подсобными помещениями) колеблется от 15 до 30 квадратных метров, в среднем составляя примерно двадцать квадратных метров. Обычно такой дом состоит из двух смежных комнат и кухни с топкой ондоля (система отопления в Корее, аналогичная китайскому кану, которая существует там с незапамятных времен и предусматривает, что теплый воздух проходит под полом жилых помещений, отапливая их). Обстановка бедная, как правило, самодельная, часто в комнате есть только низенький столик и небольшой шкаф. К дому может быть пристроена кладовка. Теснота в таком жилище страшная, по ночам едва ли не весь пол в комнате превращается в кровать, но днем дом обычно пустует: старшие — на работе, а дети в школе или же бегают на улице.

Отапливают дома традиционным способом, с помощью ондоля, топливом которому служат угольные брикеты в виде цилиндров. Изготавливают их из угольного порошка и пыли на специальных небольших ручных прессах. Кстати, точно такие же угольные цилиндры и почти такое же примитивное оборудование для их изготовления до недавнего времени часто попадались на глаза и в Сеуле (сейчас, впрочем, в южнокорейской столице они почти

полностью вытеснены газовым и нефтяным отоплением). Своеобразная деталь внешнего облика корейских домов — это их трубы. Как правило, это просто куски водопроводных железных труб, часто даже кривые и грубо обрезанные, которые, вдобавок, и установлены не вертикально, а как-то наискосок. Эти кустарно-причудливые трубы, по крайней мере на советский глаз, придают всем домам какой-то неустроенный, временный вид. В большинстве домов дымоход ондоля выходит, по дальневосточной традиции, под стеной дома, но порою труба может торчать и из самой крыши.

Тесно не только в доме, но и вокруг него. Плотность застройки в трущобах очень велика, до 30 % всей земли занято самими постройками, место остается лишь для крохотных огородиков и узких тропинок, петляющих между домами. Ни эти тропинки, ни более широкие проезды не асфальтированы, так что только скалистая почва Пхеньяна спасает их во время дождей от превращения в потоки грязи. Пешеходные тропинки, впрочем, иногда выкладывают бетонными плитками, но делается это редко.

Во всем городе вообще, а в трущобах — особенно, очень много детей. Десятки их бегают по дворам, копаются в земле, играют, так что порою приходилось буквально не отрываясь смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить ручонку какого-нибудь карапуза, который с открытым от изумления ртом смотрит на «дядю-иностранца». Надо сказать, что иностранец — зрелище редкое, многие видели их только в кино.

В связи с этим вспоминается конфуз, который произошел с одним моим знакомым — молодым советским дипломатом. Однажды он зашел в небольшой магазин при общежитии для студентов-иностранцев, где работала продавщица — женщина лет 35. В тот раз на работу она пришла со своей пятилетней дочкой, которая, похожа, впервые увидела живого иностранца. Впрочем, вскоре стало ясно, что она их до этого все-таки видела — в кино. Поскольку появляющиеся в северокорейских фильмах носатые иностранцы — это почти всегда коварные и злобные янки, «американские империалисты», то вежливая девочка поздоровалась с моим знакомым, назвав его так, как подобных ему людей называют в виденных ей фильмах: «Здравствуйте, дяденька американская империалистическая сволочь!»

Но вернемся к жизни пхеньянских кварталов. В трущобах есть водопровод, но не канализация, так что жителям приходится пользоваться одним общим туалетом на 5-10 домов. Разумеется, ни о каком смывном туалете речи не идет, и те из наших соседей-студентов, кто приехал из провинции, говорили, что такое устройство как унитаз они впервые увидели в Пхеньяне. Впрочем, и в Пхеньяне современные туалеты были тогда (как, впрочем, и сейчас) только в многоэтажных домах. В индивидуальных домах часто нет и водопроводных кранов, поэтому среди однообразных крыш домов то тут, то там мелькает причудливая крыша беседки. Это не просто беседка, а водопроводная колонка — центр жизни целого квартала. Рядом с колонкой есть небольшая площадка, где возятся дети, в самой беседке набирают воду и стирают женщины.

Время от времени попадались в трущобных районах и, так сказать, здания общественного назначения — видимо, помещения для собраний и работы низовых административных органов. Это были те же лачуги, но только расписанные лозунгами и увешанные плакатами. Впрочем, лозунги висели и на стенах многих обычных домов. Как нам объяснили, все жители обязаны время от времени писать и вывешивать для всеобщего обозрения всякие призывы типа: «Да здравствует Любимый Руководитель Ким Чжон Ир!» или «Все на достижение «темпов 80-х годов»!». Надо сказать, что особого рвения в этом вопросе население как-то не проявляло и лозунг, мелко и кое-как написанный корявыми буквами на узком листочке, выглядел отнюдь не впечатляюще.

В октябре-ноябре по всему городу в массовом порядке шла заготовка традиционной корейской острой маринованной капусты — кимчхи. Каждый взрослый кореец (или, по другим источникам, каждая семья) имеет право купить по карточкам 80 кг капусты. В солнечные и еще не очень холодные ноябрьские дни весь город занят изготовлением кимчхи. Женщины режут капусту и возятся с приправами. Хорошо приготовить кимчхи — дело чести каждой кореянки, ведь если это блюдо вкусно, то оно может заметно скрасить однообразие

обычного корейского питания. Мужчины тоже не сидят без дела: они копают ямы под огромные глиняные кувшины, в которые женщины засыпают изготовленную ими смесь. Сверху эти ямы перекрывают досками так, чтобы остался небольшой люк, закрываемый сверху деревянной крышкой. Получается своеобразный мини-погреб, который служит, правда, всего один сезон. У каждой семьи есть свой такой погребок, поэтому корейской зимой, обычно почти бесснежной, дворы домов выглядят довольно оригинально: там и сям из земли торчат деревянные крышки, которые закрывают доступ к кувшинам с кимчхи. Обычно, как мне говорили корейцы, хватает этого кушанья до весны, примерно до середины апреля. Поэтому к концу зимы крышки начинают исчезать со дворов, зато у заборов и в укромных уголках выстраиваются целые шеренги огромных кувшинов, теперь уже пустых.

Любопытная деталь — обилие проводов полевых телефонов, протянутых между деревьями в парках, на улицах, во дворах. Порою эти провода опутывали деревья прямо как паутина. Связано это, видимо, как с обилием всяческих армейских частей и организаций, так и со слабым развитием «гражданской» телефонной сети: частных телефонов почти нет, во всем городе я видел только две или три кабины телефонов-автоматов. Телефон в квартире — большая привилегия, доступная лишь немногим. За пределами же Пхеньяна состояние телефонной сети вообще первобытное: мой сосед по комнате, который был родом из Хамхына — одного из крупнейших промышленных центров страны, рассказывал мне, что у них в городе вообще нет автоматической телефонной связи и все разговоры ведутся только через коммутатор с доисторическими «телефонными барышнями».

С конца семидесятых годов в Пхеньяне шло довольно интенсивное строительство, хотя, видимо, по меньшей мере половина населения корейской столицы жила еще в традиционных лачугах (да и квартиры в новых домах заселены в основном для представителями элиты). Кроме района проспекта Чхангван, в роскошных домах которого живет преимущественно высшее чиновничество, крупные жилые районы строились на левом, восточном берегу Тэдонгана.

На первый взгляд большинство новых домов в Пхеньяне производили впечатление панельных, но это была иллюзия. Крупнопанельного строительства в Корее не было и нет, дома возводят из нестандартных бетонных блоков, по размеру больше похожих на очень большие кирпичи. Прием этот не нов: в свое время в петровском Петербурге тоже разрисовывали под кирпич стены рубленых деревянных домов. Советские специалисты-строители, с которыми мне приходилось общаться, отмечали высокую прочность корейских сооружений. Низкий уровень технологии, по их словам, в целом компенсировался добросовестностью рабочих и высоким качеством цемента.

Действительно, технология на северокорейских строительных площадках оставляла желать лучшего и в 1985 г. (не улучшилась она и поныне). Примитивные подъемные краны с забавной, грубо сколоченной из досок кабиной в самом низу, да бетономешалки — вот и вся механизация на стройплощадках. Толпы людей с кирками и лопатами вполне заменяли отбойные молотки. Не раз мне приходилось видеть, как рабочие вручную, с помощью блоков и даже без помощи ручных лебедок, поднимали люльки с малярами на высоту третьего и четвертого этажей. Удивительна слаженность, с которой работали корейские строители: четкие команды, быстрое их выполнение. Как-то у меня на глазах группа рабочих ставила огромное, метра четыре в высоту, витринное стекло. Вся процедура заняла несколько минут, проходила безо всяких приспособлений (кроме палок и веревок), и не могла не поразить своей организованностью и быстротой.

На строительстве часто работали военные, а еще чаще — члены специальной военизированной строительной организации, так называемых «молодежных ударных отрядов», штатских же строителей было сравнительно немного. Изредка тут же, рядом со стройплощадкой, располагаются и наспех построенные казармы-временки, в которых живут солдаты-строители.

С самого начала в посольстве нам не раз говорили о постоянных и не всегда объяснимых перестройках в Пхеньяне. Вскоре я увидел это и своими глазами. Напротив

посольства стоял только что построенный жилой дом. Вдруг вновь появились строители и сначала разломали ему верхний этаж, а потом надстроили еще два или три. Немного спустя пришла очередь невысокого здания по соседству, которое сначала разобрали почти до фундамента, а потом достроили ему еще этаж. Подобные случаи, говорят, достаточно обычны в центре Пхеньяна.

Уже в 1984 году с освещением в городе было сложно, сказывалась характерная для Северной Кореи и постоянно обостряющаяся нехватка электроэнергии, так что освещены были лишь центральные улицы. Однако, при всем режиме экономии электроэнергии, на освещение памятников Ким Ир Сену энергии, однако, не жалели, Триумфальную арку, например, подсвечивали так, что даже в парке Моранбон, едва ли не в километре от Арки, становилось довольно светло. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и эта подсветка выключалась около полуночи.

Триумфальная арка, сооруженная в честь Великого Вождя

Надо сказать, что новые дома тоже не особенно комфортабельны по нашим понятиям, более того, в них, как мне говорили корейцы, зачастую даже еще теснее, чем в старых «чибах». Тем не менее, но большинство хочет, безусловно, жить в них, а не в жилищах традиционного типа, ведь в многоэтажном доме есть и вода, и освещение, и канализация, а то и лифт, который, правда, и в те, сравнительно благополучные, времена обычно включался (если включался) лишь утром и вечером, когда люди идут на работу. Об интерьере этих домов мне судить сложно, ведь это не традиционный домишко, в окно которого не так уж сложно заглянуть вечером, а тогда, как, по-видимому, и сейчас, у иностранца практически не было возможности посетить частный дом. Заглядывая в окно нового дома с улицы, можно было увидеть обычно только потолок, оклеенный, как и стены, обоями, неизменные портреты Великого Вождя и Любимого Руководителя, да лампу дневного света или (в провинции) обычную лампочку накаливания без абажура.

Характерно, что асфальтированных улиц и дорог в КНДР мало. Нефть импортная, ее

постоянно не хватало даже в лучшие времена, когда ее можно было закупать в СССР по льготным ценам. В столице, правда, асфальтом покрыта проезжая часть всех главных улиц, но вот тротуары вымощены бетонными плитками или забетонированы. В тех же провинциальных городах, которые мне удалось посетить, бетон — главное покрытие улиц. С этой вымосткой тротуаров небольшими, обычно шестиугольными бетонными плитками связаны и некоторые особенности в облике корейской столицы. Речь идет... о заборах, которые в любой стране окружают строительные площадки. Есть в Корее и привычные нам ограды, грубо сколоченные из досок. Но строительного леса в стране мало, его приходится беречь и, значит, искать ему замену. Такой заменой и стали плитки для мощения улиц. Когда в городе начинаются строительные работы, то мостовую на стройплощадке, само собой, приходится разбирать. Из освободившейся плитки, используя ее как своего рода кирпич, и выкладывают (разумеется, без раствора) невысокие заборы. Когда строительство заканчивается, их быстро разбирают, а плитки возвращают на прежнее место.

Иногда во время прогулок по Пхеньяну я встречал и рынки — новую для того времени деталь городской жизни. Говорят, что в начале шестидесятых, после полного запрета любой частной торговли и ликвидации приусадебных участков, рынки как таковые полностью исчезли из городов Северной Кореи. Но жизнь, экономические реальности еще раз доказали, что они сильнее идеологических построений и административных запретов: рынки, правда, полулегальные, вновь начали появляться в стране вскоре после их искоренения. Около 1980 г., то есть незадолго до моего приезда в Корею, их существование было официально признано, и с тех пор рынки действуют вполне законно.

Большинство рынков ютилось тогда в укромных местах, во дворах или маленьких переулочках, а главный из них расположился под большим виадуком на самой восточной окраине города. Сколько всего рынков было в те времена в Пхеньяне — точно не знаю, но полагаю, что около десятка. Почти все они были не очень-то велики и представляли отгороженные высокими заборами площадки, на которых расположились торговые ряды. Вокруг рынка всегда крутилось множество народу. Местами собирались кучки тревожно озирающихся по сторонам людей, которые мгновенно распадались при приближении любого подозрительного: там продавали товары из-под полы. Часто эти кучки состояли из одних мужчин и оттуда доносился характерный звон стекла: самогон гонят и в Корее. Вообще на рынке продавали абсолютно все, но сравнительно с советскими рынками социалистических времен, бросалась в глаза бедность ассортимента продаваемых товаров и небольшая доля среди них собственно продовольствия. На прилавках можно было увидеть яблоки, мясо, уток или куриц, пророщенную сою, самодельные сладости, изредка — рыбу или картофель. Однако, большинство продавцов, (думаю, две трети их) торговало не продуктами, а самыми разнообразными вещами: одеждой, заграничными лекарствами и фотопленкой, всякими ремесленными поделками. Товары подороже, вроде магнитофонов или фотоаппаратов, тоже, как говорили мне корейцы, иногда продавались на рынках, но из-под полы и с некоторыми мерами предосторожности.

Мелочная торговля шла не только на рынках. По вечерам торговли появлялись у многих станций метро. Обычно это были пожилые женщины, которые продавали всякие ремесленные поделки. Они сидят по-корейски, на корточках, а перед ними, на расстеленных прямо на земле кусках ткани, разложены самодельные заколки, гребешки, шпильки. Нельзя сказать, что у этих бабушек не было отбоя от покупателей, но, видимо, какую-то выгоду подобная торговля давала, иначе бы ею и не занимались.

Для меня было вначале странным, что за время своих первых прогулок по городу я не видел ничего, что можно было бы назвать заводом, лишь вдалеке, на юго-западе, виднелось несколько высоченных труб ТЭЦ. Впоследствии заводы все-таки обнаружились: они узкими полосами протянулись вдоль железнодорожных веток. Впрочем, и это обычно были не заводы в нынешнем советском понимании этого слова, а что-то вроде крупных мастерских: небольшие по площади, с наспех построенными цехами, с низенькими трубами.

О технологии, существующей на этих предприятиях, можно было судить по их

продукции, хотя бы по тем же троллейбусам или автомашинам. Видимо, на Пхеньянском троллейбусном заводе не было или почти не было прессового оборудования, так как кузова производимых там троллейбусов и автобусов не штамповались, а были сделаны вручную. Нужную форму им, похоже, придавали с помощью кувалд, так что все они были покрыты вмятинами и выбоинами, проводка к лампам протянута прямо по потолку, фанерные плиты которого часто отставали и болтались над головами пассажиров.

Надо, однако, признать, что несовершенство техники в Корее отчасти компенсировалось трудолюбием народа, его упорной работой в тяжелейших условиях. Эти несовершенные троллейбусы содержались в образцовом порядке и чистоте. Касается это не только автобусов и троллейбусов, но и грузовиков (я, разумеется, сравниваю их с технически куда более совершенными, но довольно неряшливыми автобусами и троллейбусами в советских городах). Степень изношенности северокорейского автомобильного парка уже тогда превосходила все, что только можно себе представить. Фактически КНДР представляла из себя огромный музей истории автотранспорта под открытым небом. На улицах Пхеньяна не редкостью были машины тридцати или даже сорокалетнего возраста, борта которых буквально покрыты красными звездочками, каждая из которых означает 50000 км пробега. На некоторых машинах красовалось по два десятка этих значков. Можно представить, сколько сил, сколько труда понадобилось корейским шоферам, чтобы заставить какой-нибудь советский ЗИС-150 выпуска пятидесятых годов более или менее резво бегать и даже возить грузы.

Основным видом общественного транспорта в городе был троллейбус. Всего в Пхеньяне, как говорили мне корейцы, что-то около полутора десятков разных троллейбусных маршрутов. Их нумерация отсутствует, маршрут указывается названиями конечных пунктов, а цифры (1, 2 или 3) показывают не то, по какому направлению идет троллейбус, а то, на каких остановках он останавливается. Например, от Первого универмага до района Садон идут троллейбусы под номерами 1, 2, 3. Маршрут у них одинаковый, но вот остановки — разные. Система эта довольно неудобна, но она установлена по личному распоряжению Ким Ир Сена и, следовательно, едва ли может быть как-то изменена (если, конечно, сам Великий Вождь не отдаст нового Мудрого Указания по этому поводу).

Проезд в троллейбусе, как и в автобусе, — по талончикам стоимостью 10 чон каждый, которые продавались в кассах большинства магазинов. Когда троллейбус подходил к остановке, кондуктор выходил и, встав снаружи у задней двери, начинал собирать у входящих пассажиров талончики (вход — только через заднюю дверь). Как только салон наполняется, кондуктор входил внутрь, двери закрывались и троллейбус отправлялся дальше. Люди в ожидании троллейбуса обычно заранее выстраивались в очередь и садились очень быстро, организованно, безо всякой толкотни.

Кондукторами в троллейбусах и автобусах работали, как правило, женщины. Они всегда носили форменную полувоенную одежду цвета хаки и кепку с большой красной звездой. Такая же форма и у водителей. Среди водителей троллейбусов женщины составляли большинство, в за рулем же автобусов видеть их мне не приходилось.

Автобусов в Пхеньяне было мало, причем весь день ходили они только в будни, а по выходным и праздникам — лишь утром и вечером. Причина проста — нехватка бензина, которая ощущалась уже тогда. Большую часть пхеньянского автопарка составляли старые чешские «Шкоды» выпуска пятидесятых годов, но встречались иногда и венгерские «Икарусы-260», количество которых к концу 80-х существенно выросло.

Кроме советских грузовиков, в большинстве своем старых, встречалось в Пхеньяне и немало японских машин, однако около половины всех грузовых автомобилей — корейского производства. Это построенные по советским лицензиям «Сынни» (ГАЗ-51) и «Чачжухо» (КраЗ-256), а также их более поздние модификации. Разумеется, о том, что эти машины построены по советским проектам, корейцы в своем большинстве ничего не знают: официальная идеология «опоры на собственные силы» не очень-то одобряет распространение подобной информации. Из легковых машин на глаза часто попадались

«вольво» и «мерседесы» разных, обычно весьма дорогих, марок, в которых разъезжали местные чиновники. Много «газиков», в КНДР гордо именуемых «Чарек кэнсэн» — «опора на собственные силы» (официально в Корее никогда не говорится об использовании иностранных лицензий и проектов). Изредка встречались в потоке движения и советские легковые автомобили, но их было немного, корейские чиновники, похоже, считали, что ездить на «Волге» или «Москвиче» — ниже их достоинства и предпочитали тратить государственные деньги на закупку «Мерседесов» и «Вольво».

Картина, типичная для Пхеньяна-1984, равно как и для Пхеньяна-2000: широкая и совершенно пустая улица

Особое значение для Пхеньяна с начала восьмидесятых годов играет метрополитен, две ветки которого действовали в западной, правобережной части города. Бросались в глаза чисто военные особенности метро: невероятно большое заглубление, множество герметичных дверей, длинные и обязательно извилистые переходы от собственно станции до туннелей эскалаторов. Оформлены станции пхеньянского метро с той же дворцовой роскошью, которая ассоциируется с Московским метро сталинских времен: мрамор, мозаика, витражи, огромные бронзовые люстры. Внешний вид станций несколько портит очень плохое освещение, так как из соображений экономии обычно включают не более половины всех ламп. Поезда из трех вагонов ходили довольно редко, через 5-10 минут, но пассажиров тоже было не так уж много, так что особых проблем это не создавало. Пхеньянцы ложатся спать очень рано, поэтому с 1 января 1985 года метро, которое и раньше закрывалось в 23.00, стало работать вообще до 22.30.

Хотя я и сказал, что народу в метро обычно было не так уж много, это не относится к «часам пик». Удивительно, но в это время посадка в метро являло собой прямую противоположность организованной и четкой посадке в автобус или в троллейбус. Дело в том, что в метро не было принято выпускать выходящих, так что, как только поезд останавливался, у каждой двери образовывался людской водоворот: толпа выходящих неслась наружу, а ей навстречу, так же молча и сосредоточенно орудуя локтями и плечами, рвались входящие. Никто никому не уступал и, в конце концов, когда напор выходящих слабеет, встречный поток буквально вбрасывал в вагон наименее расторопных, оказавшихся в самом хвосте. Впрочем, в автобусах и троллейбусах тоже не было принято перед остановкой заранее проталкиваться к выходу, но там это не вызывало особых проблем: ведь всех выходящих там организовано выпускали.

Все работники метро носили не только темно-синюю форму, но и знаки различия, имели звания, примерно аналогичные армейским. Часть их, по словам корейцев, не поступало на эту работу в обычном порядке, а набиралось туда на службу примерно так же, как и в армию. В течение нескольких лет службы они находились на казарменном положении. К этим работникам, в частности, относятся девушки-дежурные по станциям и эскалаторам — крепкие, коренастые и круглолицые молодые крестьянки. Вообще-то мне говорили, что служба в метро почетна и в какой-то степени престижна, но работы там

хватало. Особенно много хлопот причиняла уборка: с механизацией дела обстояли неважно, никаких уборочных машин не было, так что все станции приходилось драить вручную огромными швабрами.

Существовало в Пхеньяне и такси, но обслуживало оно лишь иностранцев, небольшие таксопарки были у нескольких интуристовских гостиниц. Как вспоминали некоторые дипломаты старшего поколения, в пятидесятые годы была предпринята попытка создать и «настоящие» такси, которые предназначались бы и для корейцев. Однако в шестидесятые, в эпоху затягивания гаек, от этой буржуазно-декадентской затеи отказались. Интересна система оплаты: таксометров не было, и цена никак не зависела от расстояния, проезд из любой точки города в любую другую обходится иностранцу в определенную, четко фиксированную сумму. В 1985 году она составляла 5 вон, но впоследствии, после многократных увеличений, существенно поднялась. Видимо, эта система облегчает учет и контроль: валюта все-таки.

Если уж речь пошла о транспорте, то надо сказать несколько слов о таком его виде, как велосипед. Велосипед обычно ассоциируется с Дальним Востоком — страны которого, самые, наверное, «велосипедные» в мире. Это действительно так, если говорить о Вьетнаме или Китае, но в Корее дела обстояли иначе. Велосипедистам въезд в Пхеньян был попросту запрещен. В других городах и на селе, правда, велосипеды видеть доводилось, но и там их сравнительно немного: таких толп велосипедистов, как в Шанхае или Ханое, в Северной Корее увидеть было нельзя (эта ситуация, изменилась впоследствии, но речь у нас идет о Пхеньяне 1984 г.).

Пхеньянская улица. 1984 г.

Заканчивая рассказ о транспорте, хотелось бы сказать немного и о междугородном сообщении, о связи столицы с другими городами страны. В 1984–1985 гг. внутреннего воздушного сообщения в КНДР не было (хотя некоторые иностранные справочники утверждали обратное), и полеты внутри страны осуществлялись либо чартерными рейсами, либо по специальному решению властей. В первом случае пассажирами были иностранцы, готовые оплатить проезд валютой (обычно группы японских туристов), а во втором — местные боссы.

Поэтому основным видом транспорта в КНДР был железнодорожный, хотя на небольшие расстояния ходили и междугородные автобусы. Столичный вокзал расположен в центре Западного Пхеньяна, это довольно большое и довольно неуклюжее серое здание в стиле сталинского неоклассицизма, явно построенное в пятидесятые годы советскими архитекторами. Как и на всех вокзалах страны, прямого выхода на перрон из зала ожидания нет, сам перрон тщательно огорожен, а у единственного выхода стоит не только девушка-железнодорожница, но и двое военных в форме с зелеными лычками внутренних войск и с автоматами за плечами. Пройти на перрон можно, лишь предъявив билет, документы и оформленное по всем правилам разрешение на поездку, выданное органами безопасности. Примерно такой же контроль существует и на всех иных станциях. С времен Корейской

войны в Северной Корее действует запрет на свободное передвижение по стране, и поэтому для поездки в соседний уезд или провинцию северокорейцам требуется получить разрешение полиции. Пускать пассажиров начинают совсем незадолго до отхода поезда, минут за 10–15, и вот тут-то начинается происходить нечто странное. Прошедшие контроль пассажиры, навьюченные рюкзаками и чемоданами, сломя голову несутся к поезду, пыhtят, толкаются, изо всех сил стремясь обогнать друг друга. Последние несколько минут перед отходом поезда все будущие пассажиры заняты этим кроссом, смысла которого я так и не узнал. Корейцы, которых я спрашивал об этом, отмалчивались, но дело, видимо, в том, что места в вагонах не нумерованы и каждый стремится занять место получше.

Вагоны в поездах смотрятся весьма печально: грязные, обшарпанные, часто с выбитыми стеклами. Ночью они почти не освещаются, лишь пара тусклых лампочек горит у самых дверей. Нет поэтому ничего удивительного в том, что при поездках по стране сопровождавшие нас чиновники немедленно пресекали любые попытки заглянуть в эти вагоны и тем более сколько-нибудь внимательно их осмотреть. Тем не менее, мне удалось составить о них некоторое представление. В целом они похожи на вагоны российских пригородных поездов: жесткие деревянные сиденья, плотно забитые людьми. Впрочем, мест сплошь и рядом не хватает и многие вынуждены устраиваться прямо на полу. Есть и вагоны с мягкими сиденьями, но их довольно мало, и предназначены они для начальства. Третий, высший класс — это купейные (или, как их называют в Корее, спальные) вагоны. Купейных вагонов в стране почти нет и простые люди в них не ездят — то ли потому, что дорого, то ли, что более вероятно, просто потому, что им туда не продают билетов. Вагоны со спальными местами предназначены только для иностранцев или больших начальников. Выглядят они точно так же, как привычные нам советские вагоны — в купе 4 полки и небольшой столик с лампой.

Большинство путешественников, однако, проводит поездку на жестких скамьях общих вагонов. Если учесть, что Корея — страна небольшая, то это может показаться и не такой уж серьезной проблемой, но ведь скорость корейских поездов мизерная, 20–30 км /ч, поэтому поездка даже на относительно близкое расстояние может занять всю ночь, которую приходится проводить, сидя на деревянной лавке, а то и прямо на полу.

Поражало в Пхеньяне обилие подземных переходов, которые встречались на каждом крупном перекрестке, хотя движение в городе было довольно слабым даже по тогдашним советским меркам. Из-за этого новые районы Пхеньяна порою производили какое-то нереальное впечатление: широкие, но абсолютно пустые улицы, и подземные переходы на каждом перекрестке. Полиция тщательно следила за тем, чтобы там, где есть подземный переход, люди обязательно пользовались им. На всех значительных перекрестках гордо стояли регулировщики: с жезлами, летом — в белой, а весной и осенью — в синей форме. Светофоров в Пхеньяне тогда не было совсем, ни одного. В связи с этим вспоминается забавная история. Как-то в советской газете появился репортаж из КНДР. Там, кроме всего прочего, говорится, как на скорой везли в Пхеньяне советского специалиста, раненого при аварии на комбинате имени Ким Чхэка. Повествуется об этом так: «Столица ждала машину, везде горел зеленый». Надо ли говорить, что это «везде горел зеленый» надолго стало темой шуток среди советской колонии в Пхеньяне.

Но город — это не только дома, не только машины и дороги, но и люди. Жаль, что об обычной, повседневной жизни простых корейцев мне удалось узнать очень мало, ведь власти делали все, чтобы не допустить каких-либо серьезных контактов между иностранцами и населением страны.

Пхеньян просыпается рано. Рабочие большинства предприятий должны быть на месте к семи, а служащие — к восьми часам утра. В восемь начинаются также занятия в школах и вузах, так что уже в седьмом часу вся улица заполнена людьми. Среди них немало школьников, которые идут в школу строем, с песнями. По заведенному в Северной Корее порядку дети не могут идти в школу сами по себе. Все ученики одной школы, живущие по соседству, в назначенное время должны собраться на специальном «сборном пункте» и уже

оттуда под командой назначенного из числа самих школьников командира, строем и, обязательно, с песней, они идут к школе. Не нужно объяснять, что в песнях, разумеется, поется о Великом Вожде (Ким Ир Сене) и о Любимом Руководителе (Ким Чжон Ире). Считается, что подобные строевые упражнения «воспитывают в детях социалистический дух коллективизма». Надо сказать, что непрерывные тренировки приводят к тому, что выправке группы пхеньянских школьниц может позавидовать рота Советской Армии.

Одеты жители Пхеньяна в середине восьмидесятых были весьма скромно, хотя откровенную нищету увидеть было трудно. Летом большинство женщин носило простую белую блузку и юбку, хотя некоторые пхеньянки помоложе, однако, предпочитали довольно замысловатые платица европейского покроя, с окантовками и оборочками, чем-то похожие на те, что носили наши матери в середине пятидесятих годов. Традиционную же национальную одежду корейки носили редко: только в особо торжественных случаях, да во время беременности, да еще на фотографиях в журнале «Корея». Надевали женщины и брюки, но эта одежда была сугубо рабочей: в брюках корейки убирают дворы, возятся вокруг домов, ходят на завод, сажают рис и работают на полях, но вот представить женщину в брюках в театре или просто в парке воскресным днем — невозможно.

Мужчины летом ходили чаще всего в белых рубашках и брюках. «Джентльменский набор» северокорейского франта состоял из трех предметов: часов, зонтика и японских цветных очков. Каждая из этих вещей стоила своему владельцу не только немалых денег, но и трудов, ведь ничего из этого списка, кроме часов, в магазинах нельзя было купить даже по ордерам и карточкам. В более холодную погоду мужчины одевались в костюмы и френчи. В 1985 г. френчи еще преобладали, но уже все более сдавали позиции «заморской одежде», как именуется по-корейски костюм европейского покроя. Особенно заметным наступление костюма на френч стало тогда, когда в 1984 г., после почти четвертьвекового перерыва, к этой одежде вернулся сам Ким Ир Сен. После того, как одежду сменил Ким Ир Сен, началось великое переодевание чиновничества, свидетелем которому я был в то время.

Вообще чиновники, «кадры» резко выделялись своей одеждой и поведением. Они носили френчи хорошего сукна, из кармана торчала авторучка, в руках — кожаная папка, на ногах — кожаные полуботинки вместо обычных матерчатых тапочек. Если добавить к этому упитанность и на редкость нагло-самодовольный вид, то можно представить себе типичного северокорейского номенклатурщика.

Зимой одежда, конечно, меняется, но не так сильно, как можно было бы ожидать. Дело в том, что для одних корейцев зимняя куртка или пальто — мечта просто недостижимая, а другие, хотя у них и есть зимняя одежда, очень берегут ее и надевают только в сильные морозы. Почти совсем нет пальто у школьников, иногда — и у некоторых студентов и студенток. Зимы в Корее морозные, так что порою бывало зябко даже смотреть на то, как в пятнадцатиградусный мороз по улице идут девушки в тоненьких синтетических костюмчиках и обычной корейской обуви — матерчатых тапочках на резиновой подошве. Даже в самые сильные морозы эту обувь носило около трети корейцев. Поэтому-то в самые холодные дни многим приходится передвигаться от метро до работы полубегом.

Кстати сказать, среди молодежи (студенческой, по крайней мере) был даже и своеобразный шик: не надевать пальто или куртки и в самый сильный мороз. В связи с этими вспоминается такой случай, произошедший зимой около нашего общежития. Как-то там собралась группа корейских студентов. Одним из них был новый начальник живущих вместе с иностранцами и присматривающих за ними студентов и студенток, а остальными — сами эти студентки. На улице было градусов пять мороза, но все девушки оделись в одни легкие форменные костюмчики, и лишь их шеф явился в тонком пальто, вроде нашего демисезонного. Что тут поднялось! Девушки начали издеваться над своим начальником:

- Холодно, а?
- Замерз наш начальник, простыть боится.
- Мне вот жарко, а мужчины мерзнут.
- Ай-ай-ай, ты же наш руководитель, пример нам должен показывать!

И так далее, и так далее. Не прошло и двух минут, как бедолага, покраснев, обратился в бегство и снова появился (спустя несколько минут) уже без пальто.

У многих женщин к спине был прикреплен ребенок. Как ни странно, но то, что корейки носят детей на спине, почему-то возведено в КНДР в ранг самой настоящей государственной тайны. Женщину с ребенком на спине, равно как и с грузом на голове нельзя увидеть ни в одном северокорейском фильме, ни в одной книге или газете. То есть, когда речь идет о темном колониальном прошлом или об ужасах южнокорейской действительности, то в фильмах показывают женщин с детьми на спине, но вот если фильм посвящен КНДР и современности, то об этом не может быть и речи: малышей на экране возят в колясках (хотя за все время пребывания в Северной Корее я, так сказать, «живьем» видел только одну коляску) или носят на руках. У одной студентки из ГДР при мне сопровождающие нас корейцы даже засветили пленку именно потому, что она сняла малыша, уютно устроившегося на спине мамы. В чем причина этих строгостей — не совсем понятно, хотя, скорее всего, кто-то в северокорейском руководстве решил, что вид женщины с ребенком за спиной или с грузом на голове у западной аудитории вызывает ассоциации с «ориентальной» экзотичностью/отсталостью (хотя северокорейские боссы, скорее всего, и не читали Саида, эта точка зрения, отчасти, обоснована).

Школьники в Пхеньяне не могут идти в школу самостоятельно. В школу полагается идти организованно, строем, распевая бодрые, духоподъемные песни

Надо сказать, что корейцам свойственна удивительная любовь к детям, которая проявляется буквально во всем. На фоне всеобщей бедности дети, особенно маленькие, были довольно прилично одеты, и даже в трущобах детские сады были заботливо ухожены и оборудованы. Забавно видеть, какая суeta начиналась в метро всякий раз, когда в вагон входила женщина с маленьким ребенком. Ей тут же уступали место, а малыш становится центром всеобщего восторженного внимания. Все соседи усаживали его, поправляли одежку, разговаривали с ним или угощали чем-то вкусненьким. Дети — любимая тема разговоров, и самый неприступный или недоброжелательный кореец буквально тает, когда задаешь ему вопрос о его детях или внуках.

Много было в городе студентов в традиционной зеленоватой форме: девушки — в сарафанах и кофтах, юноши — в костюмах и кепках. Ношение формы на занятия — обязательно. В те времена в корейской столице располагалось полтора десятка высших учебных заведений: университет Ким Ир Сена, политехнический институт имени Ким Чхэка, педагогический институт, агрономический институт, строительный институт, институт легкой промышленности, железнодорожный институт, медицинский институт, институт иностранных языков, институт международных отношений, институт искусств, институт театра и кинематографии, консерватория (список, возможно, неполон).

Вообще в системе высшего образования КНДР столичные вузы занимают особое место. Даже право попытаться счастья на экзаменах в пхеньянский вуз предоставляется далеко не каждому выпускнику средней школы. Кореец ведь не может сам, по своему желанию, уехать за пределы родного уезда, для этого необходимо специальное разрешение властей. Только

лучшие выпускники провинциальных школ могут получить необходимое направление, разрешающее прибыть в Пхеньян и сдавать там экзамены, в то время как худшие должны довольствоваться провинциальными вузами или техникумами, а большинство — производством. Только несколько процентов выпускников получают право на то, чтобы поехать сдавать экзамены в Пхеньян (разумеется, только небольшая их часть поступает в какой-либо пхеньянский вуз). При выдаче разрешения обращали внимание не только на академические достижения, но и на «чистоту социального происхождения». Играли роль и связи родителей (двое знакомых студентов откровенно сказали мне, что они попали в Университет Ким Ир Сена благодаря тому, что их отцы — высокопоставленные чиновники — «могут все»). Впрочем, большинство студентов составляют те, кто попал в вуз, уже пройдя через многолетнюю службу в армии, в весьма солидном возрасте.

Среди прохожих было очень много военных, часто по улицам проходили строем целые подразделения, порою в полевой форме и при оружии. Военные работали на многих стройках в городе, казармы их часто встречались на окраинах города. Вообще армия в Пхеньяне чувствовалась всюду. На улицах постоянно встречались патрули, вооруженные автоматами. На окраинах города едва ли не на каждой сопке располагались локаторы, зенитные батареи (кстати, их расчеты часто состояли из студентов, проходивших таким образом практику как будущие офицеры запаса). Как ни странно, но никаких заборов у военных частей не было, так что во время прогулок по городу я раза два даже забредал на их территории и буквально гулял под стволами орудий. Разумеется, чувствовал я себя достаточно напряженно, ожидая, что меня вот-вот заарестуют и мне придется пускаться в тяжелые и неприятные объяснения, но, к моему удивлению, все обошлось благополучно. Сказать, что на меня не обратили внимания, я не могу, так как на любого иностранца в Пхеньяне обращают внимание, однако мое присутствие практически в расположении воинской части ни у кого никаких эмоций не вызвало. Более того, как-то, заблудившись на восточной окраине города, я оказался в расположении зенитной батареи, ничем не огороженной, и попросил первого встречного сержанта объяснить, как же мне вернуться в центр. Он ничуть не удивился и очень вежливо и толково помог мне добраться до ближайшей троллейбусной остановки.

Среди людей в военной форме заметную часть составляли женщины, которых среди военнотружущих, кажется, процентов 20. Считается, что они служат в армии добровольно, однако фактически они тоже призываются на службу, но выборочно, по решению военкоматов. Формально срок службы в армии составлял 3 года 6 месяцев, но на деле демобилизацию всегда откладывают на несколько лет. Сколько в действительности служат в корейской армии — не знаю, судя по всему продолжительность службы зависит от многих обстоятельств, но в любом случае она весьма велика. По крайней мере, те из живших с нами северокорейских студентов, кто служил в армии, провели там 5–7 лет. В то же самое время служба в армии в Корее рассматривается как достаточно престижное занятие: и кормежка хорошая, и одежда, и учат кое-чему, и легко вступить в партию, так что после армии деревенский парень имеет некоторые шансы попасть в город или же, вернувшись в родное село, выбиться в мелкие начальники.

Впечатление некой «военизированности» жизни и быта города усиливают учебные воздушные тревоги, которых до конца 1980-гг. устраивались 5–6 раз в год. Зрелище это для непривычного человека, действительно, выглядело впечатляющее. Вечером, в восьмом часу раздавался вой сирен и за несколько минут весь город погружался в полную темноту. На окна опускались плотные светонепроницаемые шторы, и без того скудное уличное освещение выключалось, движение — останавливалось, и лишь немногие автомобили со светомаскировочными щитками на фарах медленно ползли по темным улицам. Однако все это, скорее, было просто спектаклем: о тревоге корейцы предупреждались заранее, никаких проблем она не вызывала, и никто ее, кажется, даже особо не принимал всерьез. Ясно, что в век ракет и локаторов вся эта мишура не имела никакого реального военного значения и устраивалась лишь для еще большего нагнетания обстановки, создания ощущения некоторой нервозности. По-видимому, военная бесполезность тревог была столь очевидной, что

впоследствии, после 1990 года, от них отказались.

На улицах Пхеньяна вообще часто встречались люди в форме, и не обязательно это были военные. Кроме солдат и офицеров, форму носили студенты и школьники, работники метро и общественного транспорта, бойцы военизированной охраны, железнодорожники и, конечно, полицейские. В КНДР все они имели знаки различия и звания, часто — аналогичные армейским (даже шахтеры в Северной Корее разбиты на роты и взводы и имеют воинские звания).

Особенно часто попадались на глаза люди в зеленой форменной одежде военного образца, со знаками различия, идентичными армейским. Впрочем, знаки различия носили они весьма своеобразно — не в виде погон, и не в петлицах, а на груди, в виде довольно больших прямоугольных брошек, на которых и изображены все необходимые звездочки и просветы. Все это члены специальной военизированной организации — «молодежных ударных отрядов». На улицах их было едва ли не больше, чем собственно военных. Они в основном работали на стройках, выполняли неквалифицированные работы на заводах. Набирали в эту организацию молодежь так же, как и в армию, служащие там юноши и девушки находились на казарменном положении, подчинялись почти армейской, строгой дисциплине и получали довольно основательную военную подготовку. В то же самое время это не военно-строительные части, «стройбат», которые тоже существуют в КНДР, а самостоятельная организация, непосредственно с самой армией не связанная, хотя и полностью милитаризованная.

Часто на глаза попадалась вывеска парикмахерской. Корейцы носят короткие прически, обычно с пробором, причем мужчины часто смазывают волосы для блеска специальной помадкой. Студентам, кстати, было запрещено носить не только длинные, но и даже, по советским понятиям, и средние волосы (им также категорически запрещалось появляться на занятиях без формы). Женщины все стриглись и завивались. Прическа эта шла далеко не каждой кореянке, но на сей счет, как мне объяснили, существовало специальное указание Ким Ир Сена, который как-то заметил, что корейским женщинам идет стрижка и завивка. Разумеется, местные чиновники тут же обеспечили поголовное (в буквальном смысле слова) выполнение этого указания и теперь только у старушек можно иногда увидеть прическу из длинных волос, собранных в косу и уложенных на затылке.

Рабочий день в Корее начинался в семь или восемь часов утра и длился, вместе с обязательными ежедневными собраниями, около 10 часов. Продолжительность рабочей недели — шесть дней, так что на долю простого человека выпадало не слишком много свободного времени, особенно если учесть практически полное отсутствие бытовой техники в северокорейских домах. Тем, наверное, ценнее были редкие свободные часы и дни.

Об одном из самых популярных способов проведения свободного времени можно было составить представление, разок прогулявшись по какому-нибудь пхеньянскому парку. Воскресенье — время пикников, очень популярных в Корее (кстати, не только в Северной, но и в Южной). В свободные дни пхеньянцы большими, человек по 10, компаниями отправлялись в обширные городские парки или в пригородный парк Тэсонсан. Там, облюбовав местечко, такая компания располагалась надолго, часто на весь день. На траве раскладывалась еда и, иногда, немного выпивки. Все участники пикника по очереди пели песни, потом часто затевались игры, какие-нибудь шуточные полуспортивные соревнования. За соревнованиями следовали танцы, за ними — опять песни. Изредка в компаниях можно было увидеть и магнитофон, но чаще музыку заменяли хлопки в ладоши. Иногда рядом с особенно большой компанией можно было увидеть автобус или машину: это выехали на отдых работники какого-нибудь предприятия вместе со своими семьями.

Время от времени на глаза попадались группки картежников. Кстати сказать, в отличие от Южной Кореи, где в ходу японские игральные карты хватку (сами они — вариация на тему португальских игровых карт XVI столетия), на Севере получили распространение в основном попавшие туда из Советского Союза карты западного образца. Говорят, что еще в конце семидесятых увидеть в Пхеньяне группу людей, открыто играющих в карты, было

почти невозможно — это было категорически запрещено.

Корейцы вообще очень музыкальны, очень любят петь (обстоятельство, широко используемое и официальной пропагандой). По вечерам в выходные дни часто можно было увидеть кружки людей, которые поют, усевшись по-корейски, на корточках, вокруг гитариста (вообще, самый распространенный ныне в народе музыкальный инструмент — гитара). Мурлыкают под нос песенки прохожие на улицах, особенно часто — молодые девушки. Репертуар этого пения заметно отличается от того, который каждодневно звучит по радио: в народе, разумеется, популярны не марши, а лирические мелодичные песни в духе советской эстрады тридцатых годов, времен Дунаевского. Впрочем, Ким Ир Сен упоминается в большинстве из них, ведь других-то текстов в КНДР ныне нет.

По главным праздникам на площади Ким Ир Сена (у Народного дворца учебы) — главной площади корейской столицы — устраивались танцы, в которых по традиции участвовали и живущие в Пхеньяне иностранцы. Танцы начинались около 19.00 и продолжались примерно час, их снимало и телевидение. Надо сказать, что зрелище это достаточно эффектное и впечатляющее. Мужчины приходили в своих лучших костюмах, женщины — в ярких, разноцветных платьях традиционного покроя. Необычная нарядность одежд, музыка, яркий свет прожекторов создавали ощущение большого, всеобщего праздника.

Часто в самых красивых местах города можно было увидеть свадьбы. Молодожены фотографировались на фоне театра Мансудэ, на берегу Потхонгана. Минимальный возраст вступления в брак до начала восьмидесятых был очень велик: 27 лет для мужчин и 25 лет для женщин. Потом его несколько снизили, и в 1985 г. он составлял соответственно 24 и 22 года (между прочим, об этих нормах официально нигде не сообщается). На наши вопросы о причинах таких ограничений корейские чиновники и преподаватели часто отвечали, что «молодость должна вся без остатка быть посвящена служению Великому Вождю, делу строительства социализма и коммунизма». Категорически запрещалось жениться (и выходить замуж) студентам, даже если они уже в весьма солидных годах. Если такой великовозрастный студент все-таки вступал в брак, то он автоматически отчисляется из университета. Такое же наказание теоретически полагалось за сексуальные отношения, хотя на практике на это часто смотрели сквозь пальцы.

Одно из впечатлений, оставшихся у меня от общения с северокорейскими студентами — это чрезвычайно низкий уровень их знаний об окружающем мире. При это надо учесть, что жили с нами особо отобранные студенты, в массе своей неплохо занимающиеся. Впрочем, винить их самих в этом никак нельзя, ибо кимирсеновским правительством сделано буквально все, чтобы они знали как можно меньше. Иностранная литература, история зарубежных стран в школе не изучаются, на полках магазинов нет почти никакой иностранной литературы, так что от мировой культуры корейцы ограждены надежно. Изучение всего некорейского постоянно шельмуется, объявляется «низкопоклонством перед иностранщиной», которая бичуется северокорейской пропагандой денно и нощно. Но ведь и «корейское» в КНДР обычно означает «кимирсеновское» или «чучхейское». Поэтому и своя традиционная культура замалчивается как «феодалная» и «реакционная», оставаясь по большей части неизвестной современным корейцам. Все это — и мировую культуру, и национальные традиции пытаются заменить некоей искусственной «чучхейской культурой».

Поэтому в книжных магазинах, примерно четверть всех книг составляли труды Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, еще примерно столько же — комментарии к ним и литература по «идеям чучхе», остальное — специальная, техническая и детская литература, а также художественные произведения, тоже обычно рассказывавшие о деятельности Ким Ир Сена или, реже о боевых и трудовых подвигах «пламенно преданных» своему Вождю корейцев (впрочем, даже и таких произведений в магазинах было очень немного). Большую часть Музея изобразительных искусств занимал раздел современного корейского искусства, в котором почти все картины были либо прямо посвящены Ким Ир Сenu, либо являлись иллюстрациями основных корейских лозунгов, выполненными в духе самого казенного

соцреализма.

Такая политика в области культуры, не могла не дать своих результатов. Ни один из 5–6 наших соседей по общежитию (студентов университета!) вообще ничего не слышал ни о Великой французской революции, ни о Гражданской войне в США. Только один из них назвал двух европейских писателей (это были Шекспир и Дюма), остальные же знали только корейские и русские литературные имена. Впрочем, и советская литература для них кончалась на середине пятидесятих годов, с концом сталинского периода. Последними по времени из изучаемых ими (на филологическом факультете) произведений были некоторые рассказы военных лет («Русский характер» А. Толстого), а самыми современными советскими писателями — Александр Островский и Михаил Шолохов. Полностью неведомой для корейских студентов оказалась литература соседей — Китая и Японии. Весьма скромные познания проявили они и в истории своей страны. Более или менее знали опрошенные период Когуре, но вот события других эпох корейской истории известны им очень слабо и приблизительно, да и то, что они знают, сводится в основном к списку реальных или мнимых побед корейского оружия над внешними врагами. Правда, в вопросах родословной Ким Ир Сена все студенты проявляли потрясающую осведомленность и весьма квалифицированно могли рассказать о том, кем был прадед или двоюродный дядюшка Великого Вождя. А речь идет ведь здесь о студентах лучшего вуза страны, многие из которых стремились читать, буквально проглатывали все те немногие содержательные книги, какие только можно было достать в стране. Беда только в том, что книг таких было очень немного, и картина окружающего мира, которая в них содержалась, была весьма далека от действительности.

Теперь — о пхеньянских музеях. Всех их можно было разделить на две категории: музеи в точном смысле этого слова и так называемые «музеи заслуг» — «сачжоккван». Первых было немного — исторический музей, музей корейского искусства, этнографический музей, музей истории революции и мемориал победы в Отечественной войне, а вот вторых в Пхеньяне, как и в провинции имелось невероятное количество, они были едва ли не в каждом крупном городе, при некоторых предприятиях и учреждениях. Полное название этих музеев — «Музей революционных заслуг Великого Вождя».

Но оформлены так только «кимирсеновские» музеи, о других же (историческом, например) этого сказать нельзя. В музее изобразительного искусства мы были шокированы, увидев, что картины XVII–XIX веков висят на простых беленых стенах прямо над батареями отопления, а экскурсовод, показывая их, преспокойно водит по картине указкой. Водит именно по картине, по самому ее полотну, так что даже раздается иногда характерный шелест трущей о старую бумагу указки, а вся картина буквально ходит ходуном и качается из стороны в сторону. Увидев это впервые, мы, советские экскурсанты, буквально замерли с открытыми ртами. Пораженные таким хранением произведений искусства, мы спросили, не копии ли это. «Нет, подлинники», — спокойно ответила экскурсовод и повернулась к соседней картине — великолепному позднесредневековому пейзажу с видом Пхеньяна. «А вот здесь, — сказала она с приличествующей случаю патетической интонацией, — мы можем увидеть место, на котором ныне величественно высится статуя родного Великого Вождя!» — и вновь ткнула указкой в картину, в то ее место, где был изображен холм Мансудэ. В то же время посвященные всякой официальной тематике картины второго раздела хранятся вполне прилично и уж никто, разумеется, не помышляет о том, чтобы тыкать указкой в физиономию Ким Ир Сена, который изображен на большинстве картин раздела современной корейской живописи.

Говоря о корейцах, нельзя не подчеркнуть их невероятного, фантастического трудолюбия. Оно проявлялось во всем, повсюду. Да, положение северокорейской экономики было непростым, но если она все-таки существовала и как-то функционировала, то это — заслуга миллионов людей, которые, трудясь в тяжелых, порою невыносимо тяжелых условиях, ухитрялись почти без помощи каких-либо машин и механизмов выполнять сложные операции, изготавливать довольно совершенные станки и оборудование.

Порядок и чистота в Пхеньяне поддерживались образцовые, несмотря на полное отсутствие любых уборочных машин. Все подметалось и выскребывалось, поребрики тротуаров белились, все деревья аккуратно обкладывались камешками, стволы их тоже белились. Но самое поразительное — это газоны. Никаких газонокосилок не было и в помине, так что газоны вручную... нет, не выстригались — выщипывались! Часто, идя по улице, можно было увидеть группу женщин, которые, сидя по-корейски, на корточках, руками или специальными пинцетиками выщипывали траву на газоне. Как-то мне пришлось увидеть и вообще грандиозную в своем роде картину: на центральной площади Пхеньяна — площади Ким Ир Сена, сидели на корточках два или три десятка корейцев и выщипывали траву, проросшую между бетонными плитами.

Как же живут сами пхеньянцы? Говоря об этом, нельзя забывать, что Пхеньян — это привилегированный город, право жить в котором дается далеко не всем и жители которого имеют куда больше возможностей для удовлетворения своих материальных потребностей чем те, кто живет за его пределами. Тем не менее, назвать большинство пхеньянцев богачами никак нельзя.

С начала шестидесятых годов все снабжение в КНДР основывалось на карточной системе, носящей всеохватывающий характер. Нормируется абсолютно все: от телевизоров до риса, от холодильников до ботинок, ассортимент товаров свободной продажи исчезающе мал. Без карточек в магазине можно, пожалуй, купить только книги да канцелярские товары. Фактически торговли как таковой в КНДР не существовало несколько десятилетий: с начала 60-х годов и до середины девяностых годов в стране ничего не продавалось, но все распределялось. Цены на продукты, отпускаемые по карточкам, были, однако, низкими и носили скорее символический характер. Однако нормировалось абсолютно все, поэтому-то на руках у населения, несмотря на низкий уровень заработной платы, скапливались деньги: ведь тратить их было некуда.

В середине 1980-х гг. средняя зарплата в Корее, по оценкам иностранных наблюдателей, составляла 60–70 вон в месяц, но сами корейцы в откровенных беседах часто называли мне еще меньшую цифру: 50–60 вон в месяц. Зарплаты рабочих колебались от 45 до 100 вон (при средней — около 70 вон) и значительно уступали зарплатам чиновников и ИТР. Молодой инженер по окончании вуза, имея низший из четырех инженерных разрядов, получал около 100–110 вон, а инженер высшего разряда — не менее 150 вон.

Даже в те, относительно благополучные, времена, до начала катастрофического обвала корейской экономики в 1991–1993 годах, меню пхеньянцев, по нашим понятиям, нельзя было назвать разнообразным. Повседневная еда состояла из чашки риса с кимчи и чашки жиденького постного супа. Диета, разумеется, была сугубо вегетарианской, мясо большинству населения было практически недоступно. Запивали подобную пищу корейцы горячей водой или рисовым отваром, такие напитки, как чай или, тем более, кофе, были известны им более по книгам и фильмам. Жившие с нами в общежитии студенты — корейцы, за исключением детей крупных чиновников-ганьбу, чая никогда не пили и, когда мы угощали их, пробовали этот напиток впервые в жизни. Один из них даже, выпив чай, поинтересовался, нужно ли съесть оставшиеся на дне чашки чаинки.

В сравнительно благополучном 1985 году каждый взрослый работающий пхеньянец получал по карточкам в среднем примерно полкилограмма риса и/или иных зерновых в день. Для разных групп населения размер пайка неодинаков и может колебаться довольно существенно. Так, дети дошкольного возраста получали 300 г, школьники — 400 г, иждивенцы 300–400 г, работающие взрослые — 700 г, работники тяжелых профессий (шахтеры, металлурги, машинисты и т. п.) — до 900 г. Впрочем, реальные нормы были ниже, так как 15 % пайка, как официально объясняли, «направлялась в стратегические запасы».

Вдобавок, часть этого количества выдавалась не собственно рисом, а кукурузой, ячменем или иными злаками. В Пхеньяне, как в привилегированном городе, доля риса в пайке тогда составляла примерно 50 %, в то время как в провинции даже в лучшие времена три четверти зерновой нормы выдавалось ячменем или кукурузой. Кроме того, каждый месяц

на человека полагалось 1–1, 5 литра растительного масла и около десятка яиц. Раз в год, перед приготовлением кимчи — знаменитой корейской острой маринованной капусты — проводилась распродажа по карточкам капусты и, в небольших количествах, перца для заготовки на зиму.

Кроме того, корейцам в небольших количествах выдавали или, точнее, продают по карточкам рыбу (обычно минтай), пророщенную сою, картофель, раз в год они получают яблоки, соевый соус канчжан и соевый соус твенчжан. Хотя мне не удалось выяснить точные нормы снабжения этими продуктами, но ясно, что они, эти нормы, были очень малы: все это (кроме, может быть, рыбы) появлялось на столе только по праздникам в виде лакомств.

По праздникам же (день рождения Ким Ир Сена, день рождения Ким Чжон Ира, день основания ТПК, Новый год) всем корейцам выдавались праздничные пайки, которые именовались «подарками Великого Вождя» или «подарками Любимого Руководителя». Обычно такой «подарок» представлял из себя полкило сахара и конфет, или кулек с фруктами. Детям в школах и детских садах давали к праздникам кулечки с печеньем, фрукты, при этом им объясняли, что это — выражение беспредельной заботы Великого Вождя, на которую они должны отвечать «пламенной верностью». Кроме того, в Пхеньяне (и только в Пхеньяне) школьники младших классов получали бесплатно по стакану молока в день. К праздникам по карточкам продавали мясо, из расчета килограмм на человека.

Таким образом, мясо и сахар — продукты для простого человека необычные, редкие праздничные деликатесы. Однако в питании, как и в уровне жизни в целом, существует заметный разрыв между народом и номенклатурой. Даже внешне чиновник отличается от простого человека и дело не только в том, что он лучше одет и из кармана френча у него торчит неизменная авторучка. Нет, все гораздо проще: большинство чиновников толстые, с округлыми животиками, которые рельефно вырисовываются под их традиционными френчами. Им есть с чего отрастить жирок: по всему Пхеньяну раскиданы небольшие магазинчики без вывесок, часто с закрашенными, дабы не вводить народ во искушение, окнами. Это — закрытые распределители, в которых получают свои пайки чиновники. В отличие от старого Советского Союза, эта система привилегированного распределения существовала в КНДР почти что открыто. Вдобавок, чиновники высшего ранга часть своей зарплаты получали в валюте, что давало им возможность отовариваться в валютных магазинах (действительно, корейского начальства в таких магазинах было куда больше, чем иностранцев, а машины с номерами ЦК занимали всю автостоянку перед валютным универсамом «Раквон»). Мясо, яйца, молоко и прочие редкие деликатесы на столах чиновниках были каждый день.

Как уже говорилось, с начала восьмидесятых в КНДР вполне официально действовали рынки, до этого находившиеся на нелегальном или, как минимум, полулегальном положении. Купить на этих рынках можно многое, в том числе продукты. Сначала я хотел написать не «купить», а «свободно купить», но не сделал этого. Да, на рынках, само собой, продукты можно было купить без карточек, но зато по невероятным ценам. Килограмм свинины стоил там 20 вон, то есть примерно треть средней зарплаты, а курица — от 30 до 40 вон. Понятно, что при таких ценах на рынке могли покупать продукты немногие и в исключительных случаях. Не лучше обстояли дела и с промтоварами. Цены на рынках во много (часто — в десятки) раз превосходили официальные — символические — цены, которые существовали на такие же товары в государственной торговле.

Если говорить об обеспеченности пхеньянцев потребительскими товарами, то начинать, надо, безусловно, с часов, так как в нынешней Северной Корее часы — предмет очень престижный, в значительной степени это показатель респектабельности человека. Дело в том, что часы стоили дорого: обычные советские часы, в те времена доступные любому ленинградскому старшекласснику, в КНДР в магазине продавались ни много ни мало за 300 вон, то есть сумму, равную почти полугодовой средней зарплате корейского рабочего. Покупка часов — событие. Я хорошо помню молодую пару (видимо, мужа и жену), которые ехали в троллейбусе и везли с собой только что купленные в Первом универсаме часы. Они

сияющими глазами смотрели то на часы, которые держал в руках муж, то друг на друга, поминутно переглядывались и радостно улыбались. У них был праздник, они купили часы!

Кроме советских часов, у некоторых есть японские или швейцарские, которые, разумеется, котируются куда выше. Забавно, что на швейцарских часах рядом с традиционным «Омега» красными буквами по-корейски написано «Ким Ир Сен». Разумеется, делают подобные изделия по специальному заказу Северной Кореи. Такие часы в магазине не купишь, их вручают в качестве награды или, как говорят в КНДР, «подарка Великого Вождя» передовикам производства и чиновникам.

В середине восьмидесятых большинство семей в Пхеньяне уже имело телевизоры. Телевизоры есть японского, советского, китайского или корейского производства (последние сделаны по японской или румынской лицензии). Импортные телевизоры зачастую украшены корейской надписью, так что, видимо, изготавливают их по специальному заказу КНДР. В магазине черно-белый телевизор стоил 700–900 вон, но только одних денег для покупки недостаточно, кроме них требовался еще и специальный ордер. Получить его можно на месте работы, но для этого сначала нужно провести несколько лет в ожидании своей очереди.

У самых обеспеченных были и магнитофоны, либо купленные в валютных магазинах или с рук на черном рынке, либо привезенные из-за границы. Даже в университете, где учились в основном дети элиты разных рангов, магнитофоны имели немногие, как говорили мне сами студенты — лишь около 10 % всех учащихся. Еще менее доступны населению холодильники, которые были только у высших чиновников, да и то далеко не у всех. Конечно, холодильники красовались на витринах Первого универмага, но вот купить их можно только по ордерам, а получить ордер на покупку холодильника — дело чрезвычайно сложное. Кроме того, они довольно-таки дороги, простейший холодильник корейского производства стоил 300 вон, так что даже в Пхеньяне они были только у очень небольшой части населения, в лучшем случае — у каждой сотой семьи. Любопытно, что в 1980 г. делегаты VI съезда ТПК после съезда получили в «подарок от Великого Вождя» огромные, ультрасовременные холодильники, на которых крупными буквами по-корейски было написано «Пэктусан». Правда, более зоркие и наблюдательные увидели в укромном месте другую надпись — «made in Japan», но ценность подарка от этого только увеличилась.

Вообще-то в Северной Корее постоянно приходится сталкиваться с подобными мистификациями, когда на иностранное изделие наклеивается корейская этикетка. Часто это явно делается изготовителем (может, за определенную мзду от заказчика, то есть Кореи), но иногда возникало подозрение, что подобная подмена — результат корейской самодеятельности. Как бы то ни было, но весьма забавно было увидеть в Мехянсане в гостинице, сверхсовременный по виду телефон с корейской надписью «Тэдонган», а, перевернув его, прочесть «Hitachi». Однажды знакомые болгаре жаловались мне, что с компьютеров, которые Северная Корея закупила в Болгарии, немедленно по получении сняли все таблички, которые указывали на то, где они были сделаны. С этим несколько поспешили, так как компьютеры с отодранными табличками увидели болгарские инженеры, которые приехали в Корею их налаживать.

И, наконец, немного о жизни тех немногочисленных иностранцев, которые волею судьбы или начальства оказались в самом закрытом обществе мира. Эта жизнь представляет собой некоторый интерес, и, наверное, заслуживает того, чтобы уделить ей десяток-другой строк.

Иностранцев в Пхеньяне немного, так что они привлекали всеобщее внимание, а в окраинных районах города прямо-таки производили сенсацию. Взрослые оглядывались на них, дети помладше бежали за ними целыми толпами, радостно вопя: «Дядя-иностранец, дядя-иностранец!», а дети постарше почти никогда не забывали снять шапку и, поклонившись, поздороваться. Постоянно уступали иностранцам место в метро, в транспорте. Вместе с тем, корейцы избегали разговаривать с иностранцами, в особенности днем и в общественных местах — видимо, это небезопасно. Вплоть до начала 80-х гг. прохожие часто даже не отвечали на вопросы иностранцев и порою одно обращение

иностранца к корейцу на улице вынуждало последнего, пробормотав: «Извините», обратиться в бегство. Впоследствии положение изменилось к лучшему. По вечерам и в малолюдных местах пхеньянцы стали даже сами заговаривать с иностранцами.

Сколько всего иностранцев было в Пхеньяне в 1984–1985 гг.? Не берусь оценивать их число, но думаю, что вряд ли в этой стране с ее двадцатимиллионным населением жило или находилось более полутора тысяч иностранных граждан (включая туристов). Действительно, в Корее около 20 посольств, по большей части с небольшим штатом в 5–10 человек (с женами и детьми — человек по 20–30 в каждом), кроме того — около сотни иностранных специалистов и членов их семей, да пара сотен студентов. Кроме того, летом в стране обычно находилось 2–3 группы советских туристов, группы японских корейцев и представителей всяческих обществ по изучению идей чучхе, а также несколько мелких делегаций.

Большинство постоянно живущих в Корее иностранцев — это дипломаты и сотрудники различных посольств и представительств. Надо сказать, что посольств в Пхеньяне было немного, ибо большинство стран, у которых есть дипломатические отношения с КНДР, обычно назначало по совместительству послами в Корею своих послов в КНР. Около 1980 г. в Восточном Пхеньяне был построен посольский квартал, где разместились большинство посольств и представительств. На западном берегу Тэдонгана осталось лишь несколько самых больших посольств, персоналу которых не хотелось расставаться с обжитыми местами. Там, вдоль проспекта Сынни (в недавнем прошлом — проспекта Сталина) расположились два крупнейших посольства: китайское — у перекрестка с улицей Пипха и советское — у театра Мансудэ, а также посольства поменьше — чешское и румынское.

Вообще, говоря о положении иностранца в Корее, надо учесть беспрецедентную отрезанность его от нормальной корейской жизни. Мне не раз приходилось убеждаться, что даже те, кто, казалось бы, имеет некоторое представление о северокорейских делах, все-таки серьезно недооценивают степень этой изоляции. Иностранец в КНДР ныне не имел права без сопровождающего-корейца и специального разрешения посещать многие учреждения, порою даже самые безобидные, вроде кинотеатров и большинства музеев, ему никогда не удавалось спокойно поговорить с корейцем, если тот не входил в число людей, работающих с иностранцами и должным образом проверенных и проинструктированных «компетентными органами», на улице он мог, самое большее, спросить дорогу и, изредка, переброситься парой слов о погоде. Ни о каких неформальных контактах, неофициальных встречах с корейцами не могло идти и речи. Откровенный разговор с иностранцем может стоить жизни, и это хорошо знал каждый житель Пхеньяна.

Студенты-иностранцы (в университете имени Ким Ир Сена их было около 20) жили в отдельном общежитии, и их контакты с корейскими студентами тоже были сведены к минимуму. В частности, иностранцы занимались в своих группах, сформированных строго по национальному принципу. Студенты из одной страны учились вместе даже в том случае, если уровень их подготовки был разным. Совместное с северокорейскими студентами посещение лекций было запрещено. Как ни парадоксально, но не могли мы даже пользоваться библиотечным каталогом (иностранцев просто не пускали в помещение, где он находился), а книги по указанной нами тематике подбирались самими корейцами. Правда, в общежитии в каждой комнате студент-иностранец жил вместе со студентом-корейцем (разумеется, отобранным и тщательно проверенным). С точки зрения языковой практики это было весьма полезно, хотя в действительности северокорейские власти преследовали совсем иные цели. Теоретически наши соседи должны были, во-первых, вести среди нас пропаганду идей чучхе (этого не делал никто), а, во-вторых, доносить о наших словах и делах по начальству. Каждый вечер в 18:30 специально прикрепленный к общежитию сотрудник службы безопасности собирал всех студентов для отчета. Впрочем, несмотря на то обстоятельство, что наши соседи должны были шпионить за нами, многие из них оказались умными и интересными людьми, вдобавок, часто относящимися к режиму с неожиданным критицизмом.

Однако, иностранные студенты — это сравнительно небольшая часть иностранной

колонии в Пхеньяне. Большинство постоянно живущих в Пхеньяне иностранцев — это сотрудники посольств и их семьи. Расположившийся в Восточном Пхеньяне посольский квартал застроен небольшими особняками современной архитектуры. В этих зданиях дипломаты обычно и работали, и жили вместе со своими семьями. Как мне объяснили, это было связано не столько с соображениями удобства и безопасности, сколько с тем, что в течение долгого времени у иностранцев в Пхеньяне отсутствовала возможность снимать в городе более или менее благоустроенные квартиры. Разумеется, не следует понимать это так, что дипломаты могли снимать квартиры в тех же домах, где живут и корейцы, пусть даже и привилегированные. Для иностранцев существовали специальные дома, где они, разумеется, находятся под постоянным наблюдением корейских спецслужб.

Совсем рядом с мостом Тэдонге, на восточном берегу Тэдонгана располагалось небольшое двухэтажное здание дипломатического клуба. На первом этаже его был ресторан и кинозал, в котором по вечерам показывали иностранные фильмы (разумеется, не голливудские боевики, а фильмы социалистических стран), а наверху — танцевальный зал с баром, бильярдная и кабинеты для бесед и игры в карты. Открылся клуб весной 1984 года и быстро стал любимым местом встреч иностранцев, в том числе и неофициальных деловых свиданий дипломатов. Само собой, ни у кого не вызывает сомнения, что корейские спецслужбы предусмотрительно оборудовали клуб всем необходимым, поэтому-то серьезные разговоры велись в полумраке танцевального зала, где оглушительный вой дискотечной музыки делал бессильной подслушивающую аппаратуру.

Центрами бытового обслуживания иностранцев стали гостиницы. При них расположены магазины и киоски, в том числе и книжные, парикмахерские, прачечные и другие подобные учреждения. Только для иностранцев работает единственная в городе химчистка при гостинице «Пхеньян». Недалеко от главных гостиниц находится и валютный универмаг «Раквон» («Рай»), в котором для иностранцев и высокопоставленных чиновников продавались разнообразные потребительские товары.

Весной 1985 года при гостинице «Чхангвансан» открылось большое кафе-мороженое, одно из первых в Северной Корее совместных предприятий, партнером в создании которого стали японские корейцы. Японцы обучили весь персонал, оформили зал в хотя бы относительно соответствии с требованиями мирового дизайна, оборудовали кухню. Это заведение, действительно, какое-то не совсем севернокорейское не только по оформлению, но и по духу. Даже официантки там носили не обычную в КНДР, самим Ким Ир Сеном предписанную прическу с завивкой, а все, как одна, коротко стригут волосы на японский манер, не завивая их (по-моему, эта прическа действительно больше идет кореянкам). Более того: у официанток в этом кафе не было даже обязательных для всех корейцев значков с изображением Вождя! Как им удалось добиться этой неслыханной привилегии — не берусь сказать, но факт остается фактом: когда сидишь в этом кафе, в котором нет даже вездесущего портрета Ким Ир Сена, то ничто, в общем, не напоминает о том, что ты — в Северной Корее. Ходят в это кафе иностранцы и представители «золотой молодежи», сынки чиновников из соседнего правительственного района.

Для очень немногочисленных западных туристов и иных визитеров зарезервирована небольшая, но комфортабельная гостиница «Потхонган», рядом с которой прилепилось низкое строение «Ансан-клаба», где проводят свой досуг граждане капиталистических стран. В этом учреждении к услугам дорогих иностранных гостей в начале 80-х гг. была не только изысканная кухня, но и проститутки, которых севернокорейские власти приглашали по контракту из стран Юго-Восточной Азии. Помню, как один индонезиец, с которым я в силу обстоятельств вынужден был довольно часто разговаривать, все время жаловался зимой 1985 г., что у тайландских проституток кончился срок контракта и они уехали, а их филиппинские коллеги должны будут приехать только в апреле, так что этому индонезийцу оставалось лишь маяться и ругать местные власти за проявленную нерасторопность. Однако судьба этого заведения оказалась печальной: в конце концов этот публичный дом (быть может, единственный публичный дом в современном мире, чьим владельцем являлось

государство) прогорел из-за нехватки клиентов.

Из иностранцев в Пхеньяне чаще всего встречались японцы, точнее, японские корейцы, представители Чхонрена, пропхеньянской организации японцев корейского происхождения. Корейское правительство в своей японской политике делает ставку на широкое использование живущих в Японии корейцев. Делегации и группы Чхонрена постоянно встречаешь в Корее, ими буквально забиты гостиницы и курорты для иностранцев. Особенно много среди них студентов. Путешествуют они обычно группами, все в одинаковой форме, аккуратные, подтянутые и очень японские, очень непохожие по своему виду на северокорейцев. Единственное, пожалуй, что объединяет их с корейскими студентами — это постоянные построения, переключки и поверки, которые проводятся даже в вестибюлях гостиниц. Выглядит это довольно странно: из кучи одинаково, но очень элегантно одетых парней и девушек вдруг выскакивают двое или трое и начинают хорошо поставленным строевым голосом отдавать приказы: «Становись! Равняйся! Смирно!». В несколько секунд толпа преобразается в нечто, более похожее на роту пехоты, чем на группу туристов.

Впрочем, туристов не очень много, особенно зимой, так что обычно в это время пхеньянские гостиницы пустуют. Впрочем не слишком переполнены они и летом, так что странно, что в конце восьмидесятых в северокорейской столице при французском участии была построена огромная гостиница «Коре»

***

Такой увидел я северокорейскую столицу 15 лет назад.

Что же изменилось за это время? Как сейчас ясно, в 1985 г. Северная Корея доживала последние спокойные годы. Еще существовал социалистический лагерь, который предоставлял Корее рынок сбыта для ее товаров. Советская помощь, пусть и небольшая, продолжала поступать в страну и поддерживать ее экономику на плаву. Еще в конце восьмидесятых годов Северная Корея позволяла себе организовывать дорогостоящие престижные мероприятия. В 1989 г. с большой помпой был проведен Международный фестиваль молодежи и студентов, традиционное молодежное мероприятие левых сил. Он должен был стать пхеньянским ответом на успех Олимпийских Игр 1988 г., проходивших в Сеуле (кстати, он, похоже, оказался последним фестивалем такого рода). К фестивалю был построен новый престижный район в Западном Пхеньяне и начато строительство грандиозного 105-этажного отеля. Впрочем, последнее строительство носило откровенно престижный характер: по слухам, Ким Ир Сен никак не мог смириться с тем, что в Сеуле — столице конкурентов — выситя 65-этажный небоскреб, самый высокий во всей материковой Восточной Азии. Лихорадочное строительство совершенно ненужного монстра должно было быть завершено к лету 1989 года, но сил на это не хватило. Вскоре положение северокорейской экономики резко ухудшилось, так что о завершении работ уже не могло идти и речи. В результате исполинская пирамида с недостроенными последними этажами так и выситя над северокорейской столицей.

Недостроенная 105-этажная громада вот уже 10 лет висится над Пхеньяном, постепенно приходя в негодность и разваливаясь...

Топливный кризис привел к тому, что машин в Пхеньяне стало еще меньше, чем раньше. С другой стороны, появился трамвай. Люди одеваются разнообразнее, времена френчей давно прошли, но на лацканах пиджаков по-прежнему висят значки с портретами Ким Ир Сена (с недавнего времени к нему добавили и изображение Ким Чжон Ира). Начавшийся после 1995 года голод вынудил власти ослабить контроль над передвижением по стране, а также терпимее относиться к частной торговле. Однако портреты Кимов, как и раньше, висят на всех площадях, а их громкоговорителей гремят безостановочные военные марши...